

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Из истории мировой культуры

З. В. Удальцова

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Из истории мировой культуры

З. В. Удальцова

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Е. В. ГУТНОВА

Москва «Наука»
1988

Рецензенты:

доктор исторических наук
С. П. КАРПОВ,
кандидат исторических наук
В. И. УКОЛОВА

Удальцова З. В.

У 28 Византийская культура. Отв. ред. Е. В. Гутнова.— М.: Наука, 1988.—288 с., ил.— (Серия «Из истории мировой культуры»)
ISBN 5-02-008917-6

Эта книга о развитии византийской культуры на протяжении всего существования Византийской империи (IV — середина XV в.). Автор характеризует важнейшие особенности византийской культуры, в частности синтез восточных и греко-римских традиций, роль античного наследия, влияние государственной власти. Особое внимание уделяется деятельности выдающихся мыслителей, ученых, писателей, художников.

У 0504000000-352
054(02)-88 КБ—3—49—1987

ББК 63.3(0)4

Удальцова Зинаида Владимировна
ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Т. Ю. Бородай. Редактор издательства Н. Ф. Лейн
Художник А. И. Драговой. Художественный редактор В. С. Филатович
Технические редакторы М. Н. Комарова, Е. Ф. Альберт
Корректоры Л. А. Лебедева, Е. В. Шевченко

ИБ № 36139

Сдано в набор 12.08.87. Подписано к печати 17.11.87. А-04813. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр. отт. 16,4. Уч.-изд. л. 17,9. Тираж 50.000 экз. Тип. зак. 790. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-008917-6

© Издательство «Наука», 1988 г.

Введение

В истории мировой культуры византийской цивилизации принадлежит особое и, бесспорно, выдающееся место. Византия дала средневековому миру высокие образцы литературы и искусства, которые отличало не только благородное изящество форм, но и глубина философско-религиозной мысли, образное видение мира, утонченность эстетического мышления. По уровню развития образованности, по напряженности духовной жизни, по силе выразительности и глубокой одухотворенности изобразительного искусства Византия многие века опережала страны средневековой Европы. Более 500 лет прошло с той поры, как Византийская империя — в прошлом могущественное средневековое государство — ушла с исторической арены. Но след, оставленный Византией в истории человечества, столь глубок, что и по сей день память о ней живет не только на страницах исторических сочинений, но и в произведениях ее материальной и духовной культуры.

До сих пор ученые многих стран пристально вглядываются в произведения византийских художников и мозаичистов, ищут и открывают новые шедевры во дворцах и храмах, с трепетом склоняются над изысканными творениями византийских ювелиров и эмальеров, над извлеченными из земли византийскими золотыми монетами, углубляются в чтение греческих манускриптов. Они неустанно собирают все, что может воскресить перед современным человечеством этот вечно живой мир византийской цивилизации.

Автор данной книги ставит задачей проследить основные этапы развития византийской культуры на всем протяжении тысячелетнего существования Византийской империи. В известной степени в книге подводится итог многолетним исследованиям автора в области византиноведения как комплексной науки. Монография основана как на личных изысканиях автора, так и на обобщении значительного материала, накопленного в советской и зарубежной историографии.

В работе находят свое отражение некоторые теоретические положения, выдвинутые автором несколько лет назад¹. Без теоретического осмысления важнейших общих проблем культуры невозможно создание подобного обобщающего труда.

По теории культуры создано немало ценных работ в советской и зарубежной науке². Не затухают, а, наоборот, разгораются с новой силой дискуссии по такому фундаментальному вопросу, как само понятие «культура». В настоящее время можно наметить три основные концепции толкования термина «культура».

Первая концепция трактует культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком³. Эта концепция противостояла «узкому» толкованию культуры как только духовной жизни общества. Слабость этой концепции в том, что из понятия «культура» фактически исключается деятельное начало, мысль концентрируется не на самой деятельности человека как движущей силе развития культуры, а на конечных, ценностных результатах этой деятельности. Важную роль при этом играет определение тех или иных культурных ценностей, причем зачастую их осмысление несет на себе отпечаток современных представлений о культурных ценностях, быть может очень далеких от оценок людей той эпохи, когда они создавались.

Вторая концепция рассматривает культуру как процесс творческой деятельности человека и выдвигает на первый план в развитии культуры роль творческой личности⁴. Творческая личность как творец культуры, естественно, сама совершенствуется и изменяется в ходе накопления культурного опыта человечества. Эволюция культуры здесь совпадает с развитием человеческой личности. Концепция соединяет два важных начала — творческое и личностное. Эта теория при всей ее бесспорной привлекательности таит в себе серьезную опасность: творчество отдельной личности волей-неволей отрывается от *жизни общества*, а тем самым и от его социальных, классовых корней. Она не решает проблему соотношения культуры, личности и общества.

Третья концепция пытается восполнить этот существенный пробел. Культура здесь трактуется как специфический способ человеческой деятельности, как универсальное свойство общественной жизни людей, как «все сделанное человеком, а не данное природой», как «совокупность надбиологических средств и механизмов адап-

тации общественного человека к окружающей среде». Эти определения культуры представляют высшую ступень абстракции⁵. Но при всей широте и философской значимости этих определений они, на наш взгляд, таят в себе опасность растворить в понятии «культура» всю историю человечества. Между тем культура — лишь часть общеисторического процесса, один из аспектов жизни общества. Значительным же достоинством этой концепции является то, что творческая личность включается в деятельность всего общества. Многие поколения ученых бились над проблемой триады: общество, личность, культура. Здесь эта проблема решается диалектически, учитываются многогранные и сложные связи между личностью и обществом. Человеческая деятельность рассматривается как живая ткань функционирования общества. Личностный метод заменяется групповым, рассматривается деятельность, в том числе и культурная, не только творческих личностей, но и групп, сословий, классов.

Все эти три концепции культуры имеют, на наш взгляд, как положительные, так и отрицательные стороны. Но нам ближе третья концепция, хотя мы и видим ее недостатки. Близка она нам прежде всего рассмотрением деятельности людей, творческих личностей в обществе, а не в отрыве от него. Импонирует и тесная связь культуры, общества, личности. Нет общества без культуры, но нет и культуры без общества. Этот тезис марксистской науки лег в основу нашей книги.

Иногда, хотя и редко, вспыхивают старые споры, включать ли в понятие «культура» материальную деятельность человека или только духовную? Представители отдельных отраслей науки по-разному решают эту проблему. Этнографы полагают, что культура — это все, что сделано руками и разумом человека, в отличие от даров природы; археологи считают, что в это понятие входит прежде всего материальная деятельность людей, по которой можно судить также об их духовной жизни; специалисты по отдельным отраслям культуры отождествляют «культуру» в первую очередь с духовной активностью общества. Мы считаем необходимым комплексное рассмотрение в диалектическом единстве феноменов материальной и духовной культуры⁶. Однако следует воздерживаться от «технологических» теорий культуры, модных ныне на Западе, где огромная роль в культуре отводится технологии, технике, а проблемам идеологии и

социальных отношений уделяется значительно меньшее внимание⁷.

Материальная сфера культуры, по нашему мнению, не тождественна производству, а составляет созидательное, творческое, рациональное начало материальной деятельности человека. Это не само производство, не сами механизмы, машины или технология, а идеи и принципы, знания и творческие импульсы, вложенные человеком в их создание. В то же время понятие «культура» нельзя сводить исключительно к духовной жизни общества. Думается, что в феномене «культура» органически сочетаются, сливаются воедино материальная и духовная сферы созидательной, творческой деятельности людей, направляемые разумом, трудом и талантом человека⁸. Не будучи специалистом по истории материальной культуры Византии, автор этой книги сравнительно редко обращается к ее рассмотрению, опираясь при этом, разумеется, на труды советских и зарубежных ученых, прежде всего археологов, знатоков прикладного искусства.

Одним из главных теоретических принципов, положенных в основу данной книги, стало рассмотрение культуры византийского общества как единого, органично слитного, целостного процесса.

Синтетическое изучение всех сфер культуры наталкивается на весьма большие трудности. Анализ византиноведческой литературы по данной проблематике⁹ показывает, что до недавнего времени в византиноведческой науке единый, взаимосвязанный процесс развития византийской культуры распадался на большое число зачастую изолированных элементов. Отдельно рассматривалась история науки и техники, философии, религии, общественной мысли, письменности и образования, языка и литературы и, наконец, всех видов искусства.

Разумеется, мы отнюдь не хотим умалить заслуги специалистов, изучающих различные аспекты культурной жизни византийского общества. Более того, мы считаем весьма полезным продолжение изысканий в этих областях византиноведения. Однако магистральный путь исследований лежит, на наш взгляд, в рассмотрении эволюции византийской культуры как общего, динамичного процесса рождения, расцвета и упадка культуры Византии. Создание такого синтетического труда, без сомнения, под силу лишь коллективу ученых-специалистов, что и осуществляется в трехтомной «Культуре Византии»,

первый том которой уже вышел в свет в 1984 г. Наша задача несравненно скромнее. Мы хотим в достаточно лапидарной форме изложить *взгляд историка* на некоторые проблемы византийской культуры.

В книге сделана попытка посмотреть глазами историка на все основные сферы культуры и описать комплексно ее эволюцию.

С точки зрения специалистов—литературоведов, искусствоведов, археологов, эпиграфистов, знатоков греческой палеографии, в книге «останутся за кадром» многие вопросы, их волнующие, такие, как художественные особенности произведений искусства и литературы, эволюция языка и стиля и т. п. Но историка, и это вполне естественно, интересуют в первую очередь проблемы идеологии, философии и общественной мысли, борьба политических течений, воздействие социальных, классовых интересов на мировоззрение выдающихся мыслителей Византии.

Автор исходит из фундаментального положения марксистско-ленинской теории о том, что изменения в культуре в конечном счете отражают перемены в социально-экономической структуре общества. Закономерности культурно-исторического процесса вторичны по отношению к законам социально-экономического развития человечества. Но механизм этих связей крайне сложен, зачастую противоречив и недостаточно изучен. Еще Ф. Энгельс писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая»¹⁰.

Культура сохраняет известную самостоятельность в общем процессе исторического развития. Основной функцией культуры является обеспечение рационального и эстетического прогресса в различных областях человеческой деятельности. В длинной цепи связей между экономическим базисом общества и его культурой можно отметить несовпадение ритма, а иногда и направления движения того и другого. В обществе наибольшая подвижность присуща средствам производства, наименьшая — некоторым субстратам культуры. В истории хорошо известны расхождения во времени, иногда значительные, между фазами подъема и упадка способов производства и фазами расцвета и увядания явлений культуры¹¹.

В истории византийской культуры непосредственная связь с важнейшими переменами в социально-экономическом и политическом строе общества прослеживается достаточно четко. Основные этапы эволюции культуры, как правило, совпадают с главными вехами исторического развития Византийской империи. Это дает возможность сочетать периодизацию истории Византии и периодизацию эволюции византийской культуры. Вместе с тем это делает необходимым введение в текст книги материала по социально-экономической и политической истории Византии. Разумеется, было бы наивным упрощением выводить то или иное частное явление культуры непосредственно из экономики или политики, но столь же неправомерно отрывать главные тенденции эволюции культуры от общественных условий, ее породивших¹².

«Для исторической науки существенный интерес представляет именно конкретное исследование сложной, многоцветной ткани исторического процесса, его зигзагообразности и многовариантности, за которыми в конечном счете выступает ведущая тенденция — объективная закономерность»¹³. Для выяснения характера и особенностей византийской культуры необходимо сравнить ее с культурой других регионов средневекового мира. Огромное значение при этом приобретает метод типологизации. Ключом к пониманию как общих закономерностей, так и специфических особенностей того или иного общества и его культуры могут служить, на наш взгляд, именно типологические построения. Выявление общего и особенного в византийской культуре по сравнению с Востоком и Западом, установление синхронности и асинхронности развития культуры этих регионов, их сходства и различия, противоборства и взаимовлияния поможет в конечном счете определить не только тип византийской культуры, ее исторический «образ», но и ее место в культурной жизни средневекового мира¹⁴.

Вместе с тем мы сознаем, что при воссоздании «типа», «образа» культуры Византии как целостной социокультурной системы исследователей подстерегает опасность подмены полнокровного динамического культурно-исторического процесса статичной, порою даже искусственной «моделью» византийской культуры. При построении типологии византийской культуры необходимо, с одной стороны, избежать сухих, абстрактных схем, оторванных от реальной действительности теорий, умозрительных концепций, но и очень важно, с другой стороны, не уто-

пить в мелочах общие закономерности ее исторического развития. В предшествующих исследованиях мы широко пользовались этим методом применительно как к социально-экономической, так и культурной истории Византии¹⁵.

Для выявления специфики византийской культуры по сравнению со странами Запада и Востока большую роль играет освещение традиций в культурной жизни общества. Существует представление, что в докапиталистических формациях господствовал «традиционалистский» способ регуляции социальных, а в известной степени и культурных процессов. Он характеризовался постепенным накоплением и передачей по традиции из поколения в поколение определенного социального и культурного опыта¹⁶.

При определении общего и особенного в культуре разных стран и народов, в частности в византийской культуре, мы встречаемся с важным вопросом — о роли традиций и новаторства в культурно-историческом процессе. Ведь известно, что одно из главных условий поступательного развития культуры — непрерывность передачи опыта, знаний, навыков от поколения к поколению. Сохранение вековых традиций, культурного наследия того или иного народа помогает не только обнаружить различия между культурно-историческими эпохами, социоэтническими общностями, но и выявить преемственные (временные и пространственные) связи между ними. Традиции, стереотипы, повторяющиеся явления в культуре на первый взгляд противоречат индивидуальному, творческому началу, но в конечном счете помогают его саморазвитию. Изучение в культуре традиционных явлений, стереотипности в то же время помогает пониманию причин рождения новых индивидуальных черт в культурной жизни общества.

Для византийской культуры проблема культурного наследия, в частности наследия античности, как известно, играет первостепенную роль. Сила традиций, стереотипов, канона в византийской культуре была очень велика, хотя и менялась в различные периоды византийской истории¹⁷. Эти идеи проходят красной нитью через все наше исследование. При «открытости» византийской культуры, подверженной постоянным влияниям культур Востока и Запада, а также различных народов, населявших полиэтническую империю, важную роль в эволюции культуры Византии играли проблемы культур-

ных влияний и их синтеза на византийской почве. Без учета этих влияний и их синтеза в определенных сферах культуры создание сколько-либо синтетической работы по истории византийской культуры, разумеется, невозможно. Поэтому автор стремился проследить воздействие различных культур на византийскую цивилизацию на поворотах ее истории. Но особенно важно изучение новых, передовых явлений в культуре Византии, постоянно рождавшихся в борьбе старого с новым. В истории культуры, как и в истории общества, доминантой является прогрессивное развитие человечества. Однако поступательное движение общества и его культуры идет не прямолинейно, в нем наблюдаются зигзаги и отступления. Каждый прогрессивный этап в развитии общества имеет начало, кульминацию и упадок, что относится и к явлениям культуры. Но это отнюдь не циклическое развитие, а чаще всего развитие по спирали. Ведь оно состоит из непрерывного ряда фаз или этапов подъема и упадка, один законченный этап сменяется другим, новым, более высоким по своему внутреннему содержанию и уровню. Вместе с тем новое явление в культуре, пока не ясна генеральная тенденция его движения, может показаться даже менее развитым по сравнению с предшествующим культурно-историческим этапом. Это положение вполне применимо к истории византийской культуры. Средневековая византийская культура в целом по своим главным тенденциям была более прогрессивной по сравнению с рабовладельческой культурой позднеантичного времени. Между тем в науке долгое время господствовало представление о том, что византийская культура была шагом назад по сравнению с античной культурой, что в византийское время произошла утрата ряда достижений и ценностей античного мира. Многочисленные и разнообразные исследования византинистов за последние годы полностью опровергли это. На передний план в исследованиях византинистов выдвигаются именно прогрессивные тенденции в развитии византийской культуры, знаменующей поступательное движение как всего византийского общества, так и различных форм его культурной жизни¹⁸.

Процесс развития византийской культуры, разумеется, был отнюдь не прямолинейным. Он знал эпохи подъема и упадка, периоды торжества прогрессивных идей и мрачные годы господства реакции и мракобесия. Однако ростки нового, живого, передового прорастали медленно,

но неуклонно почти во всех сферах идейной жизни византийского общества. Неиссякаемым источником культуры было народное творчество. Под покровом традиций и стереотипов жило, действовало и пробивало себе дорогу новое, творческое начало¹⁹.

Данная книга базируется на разнообразных источниках, преимущественно нарративных. К ним относятся труды византийских историков и хронистов разных эпох, мемуары общественных деятелей, трактаты на политические, богословско-религиозные и этические темы, переписка выдающихся мыслителей Византии, произведения риторического характера — речи, энкомии, экфрасисы и т. п. Привлекаются сочинения византийских писателей и поэтов, житийная литература и византийский роман как специфический жанр литературы. Особый интерес автора вызывают произведения светского характера. Значительное место среди них занимает народная литература (эпос, сказки, легенды, басни). В меньшей степени привлекаются законодательные памятники и данные эпиграфики, археологии и нумизматики. Памятники византийского искусства характеризуются преимущественно на основе наиболее ценных трудов советских и зарубежных искусствоведов, а также по личным впечатлениям и записям, сделанным при осмотре произведений византийского искусства в различных странах.

В истории византийской культуры остается еще немало спорных и малоизученных вопросов, их решение — дело будущего. По некоторым дискуссионным проблемам мы попытаемся высказать свою точку зрения. Многочисленные и разнообразные исследования советских и зарубежных византистов, появившиеся за последние годы, убеждают в поступательном развитии византиноведческой науки, в частности в сфере изучения византийской культуры.

И вряд ли сейчас кто-либо будет возрождать теорию о застойности, неподвижности византийской культуры, ее консерватизме и даже отсталости по сравнению с блестящей культурой античности. Теперь достаточно очевидно, что византийская культура — это закономерный этап поступательного развития мировой культуры, этап, отличавшийся специфическими, неповторимыми типологическими особенностями.

Глава 1. Образование великой империи. Новый Рим на берегу Босфора

Византийское государство возникло на рубеже двух эпох — крушения поздней античности и рождения средневекового общества.

В IV в. единая Римская империя разделилась на Западную и Восточную. Обособление восточной части Римской империи началось еще в III в. и было вызвано как экономическими, так и идейно-политическими причинами. Восточные области Римской империи отличались более высоким уровнем развития экономики, и кризис рабовладельческого хозяйства принял здесь менее резкие формы. Нападения варваров, социальные движения и внутренние междоусобицы на Западе угрожали самому существованию римского государства, это заставило императора Константина I (324—337) перенести политический центр империи на Восток. Принятие Константином христианства также сыграло свою роль в перемещении центра идейной жизни на Восток, ибо именно восточные провинции являлись не только колыбелью, но и идеологической опорой христианской религии.

В 324—330 гг. Константин основал новую столицу империи, названную по его имени Константинополем. На европейском берегу Босфора, на высоких холмах, где некогда была расположена древняя мегарская колония Византий, с поразительной быстротой вырос огромный город, укрепленный с суши и моря неприступными стенами. Его украсили великолепные дворцы и храмы, акведуки и цистерны, широкие улицы с богатыми домами знати. Константинополь господствовал над проливами Босфор и Дарданеллы, контролировал торговые и военно-стратегические пути из Европы в Азию, из Эгейского моря в Черное. Древний Византий позднее дал название всей империи, но сами византийцы называли себя римлянами — по-гречески ромеями, а империю — ромейской. Византийские императоры официально именовали себя василевсами («царями») ромеев, а столица империи долгое время носила гордое название Новый Рим.

Окончательное разделение Римской империи официально произошло в 395 г., после смерти последнего императора единой римской державы Феодосия I (379—395). Императором Восточной (Византийской) империи стал Аркадий (395—408), а Западной — его брат Гонорий (395—423). Географическое положение Византии, раскинувшей свои владения на двух континентах — в Европе и Азии, а порою простиравшей свою власть и на области Африки, делало эту империю как бы связующим звеном между Востоком и Западом. Постоянное раздвоение между восточным и западным миром, скрещение азиатских и европейских влияний с преобладанием в отдельные эпохи то одних, то других стали историческим уделом Византии. Смешение греко-римских и восточных традиций наложило отпечаток на общественную жизнь, государственность, религиозно-философские идеи, культуру и искусство византийского общества. Однако Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб стран как Востока, так и Запада.

Ранний период в истории Византии охватывает первые три с половиной столетия ее существования. В состав Византии в этот период входила вся восточная половина Римской империи. Она включала в себя Балканский полуостров с центром в Греции, острова Эгейского моря, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, Киренаику (в Северной Африке), острова Крит и Кипр, часть Месопотамии и Армении, отдельные области Аравии, владения в Причерноморье, в частности в Крыму (Херсонес) и на Кавказе (Лазика). В V в. к ней отошли на Западе Иллирик и Далмация. Территория Византии, по данным источников, в это время превышала 750 тыс. кв. км. Это были преимущественно области с высокой земледельческой культурой. Здесь издавна выращивали зерновые (пшеницу, овес и ячмень), разводили оливковые рощи и виноградники. Житницами империи в ранний период были Египет и Фракия. Греция, прибрежные области Малой Азии, Сирии и Палестины славились своими садами и виноградниками, Палестина — финиковыми пальмами и фисташковыми деревьями. Основными центрами оливководства служили внутренние районы Сирии и Палестины, Греции и Малой Азии. В Египте и Киликии выращивался лен. Греция, Фессалия, Македония и Эпир поставляли прекрасный мед. С VI в. из Китая в Византию проникло искусство разведения шелковичных червей. Центром шелководства империи стала Финикия.

На степных пространствах Сирии, Палестины, Киренаики, а также на плоскогорьях и высокогорных лугах Малой Азии и Балкан было развито скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, овец, ослов, свиней. В Каппадокии, в степях Месопотамии, Сирии и Киренаики выращивали породистых коней и вьючный скот — мулов и верблюдов. В европейской части империи коневодство процветало в Фессалии, Македонии и Эпире. Античные традиции агрикультуры господствовали в византийском земледелии. Это проявлялось и в характере сельскохозяйственных культур, и в сохранении разнообразных технологических навыков античности в виноградарстве, садоводстве, разведении оливок, в приемах обработки почвы и применения удобрений. От античности Византия унаследовала многие сельскохозяйственные орудия. Малая Азия была одним из основных районов производства кож и кожаных изделий; в Сирии, Палестине и Египте вырабатывались ценные льняные и шерстяные ткани.

Византия была богата и природными ресурсами. Прибрежные воды изобиловали рыбой. В некоторых областях (Далмация, Ливан) имелся превосходный строительный лес, камень и мрамор. Империя располагала значительными залежами полезных ископаемых. Золото, серебро, железо и медь добывались в горных районах Балкан, Малой Азии и Понта. Лишь олово в империю ввозилось из Британии и Испании. Египет снабжал Византию важнейшим материалом для письма — папирусом. У побережья Малой Азии и Финикии добывалась особо ценная раковина — мурена, служившая для изготовления знаменитой пурпурной краски. Пурпурный цвет одежды и обуви, как известно, был привилегией императорской фамилии и сенаторов.

В ранний период этнический состав населения обширной Византийской империи отличался большой пестротой. Наиболее многочисленную часть ее населения составляли греки и эллинизированные местные народности — копты в Египте, сирийцы, иудеи в Сирии и Палестине, фракийцы, иллирийцы и даки на Балканах, туземные племена в Малой Азии, грузины и армяне на Кавказе. Латинское население западных областей Византии было сравнительно немногочисленно. Эллинизация местного населения в различных областях империи проходила с неодинаковой степенью интенсивности. Многие народы, особенно в восточных провинциях, прочно сохраняли свою самобытность, язык, культуру, нравы и обычаи. Однако посте-

ленно в Византии складывалось основное этническое греческое ядро. Греческий язык стал самым распространенным, а греки — фактически господствующей народностью. Но консолидация греческой народности была длительным процессом, завершившимся лишь в последующий период истории Византии. Население огромной Византийской империи в V—VI вв., по подсчетам некоторых исследователей, достигло 50—65 млн человек. В ранней Византии постоянно происходили значительные демографические изменения, массовые миграции племен и народов, вторжения варваров. Все это затрудняло эллинизацию населения империи.

В IV—VI вв. Византия, непосредственная преемница Римской империи, сохраняет еще ореол мировой державы. Экономическая жизнеспособность помогла Византии не только уцелеть в огне варварских нашествий и сохранить самостоятельность, но и перейти в наступление против варварского мира. В то время как Западная Римская империя лежала в развалинах, Византия сумела, пусть временно, покорить ряд варварских королевств, наводивших страх на все цивилизованные страны. Византия избежала судьбы Западной Римской империи, она не знала полного завоевания страны варварами и гибели государства. Поселение на ее территории в V—VII вв. различных народов, в том числе гуннов, готов, славян, армян, герулов, аваров и других племен, хотя и изменило этнический состав населения империи и усилило воздействие общественных отношений варваров на внутреннюю жизнь Византийского государства, тем не менее не привело к образованию на исконных землях Византии самостоятельных варварских королевств.

Процесс разложения рабовладельческой формации и зарождения внутри нее элементов нового, феодального строя отмечен в Византии чертами глубокого своеобразия¹. Прежде всего оно проявилось в аграрном строе Византии и в судьбах византийских городов. В странах Западной Европы, как правило, формирование феодального общества сопровождалось уничтожением рабовладения, гибелью римской государственности и права, упадком городов и античной культуры². Для Византии характерно спонтанное развитие феодальных отношений внутри разлагающегося рабовладельческого общества. Синтез прораставших в империи элементов феодализма с общественными порядками варваров, в частности славян, был менее интенсивным, чем в Западной Европе. Это обус-

ловило и замедленность разложения рабовладельческого строя в Византийском государстве.

В ранний период труд рабов в Византии применялся еще в широких масштабах как в деревне, так и в городе. Рабовладение в Византии, однако, приобрело несколько иные формы, чем в Западной Европе. Византия не знала, как древний Рим, огромных рабовладельческих латифундий или вилл, целиком основанных на рабском труде. Большая часть рабов здесь были помещены на землю, получали земельные участки на правах пекулия*, имели семьи и вели самостоятельное хозяйство. Более многообразные и гибкие, чем на Западе, формы использования рабского труда способствовали его большей рентабельности и более длительному сохранению в Византии. Рабы работали в ремесленных мастерских (эргасториях), в поместьях землевладельцев, в государственных мастерских. Рабство применялось в хозяйстве почти всех категорий земельных собственников. Таким образом, главным типологическим отличием общественного строя Византии от других стран Европы являлось длительное сохранение рабовладения.

В аграрном строе Византийской империи можно обнаружить черты как сходства, так и различия с аграрными порядками стран Запада и Востока. Как и на Западе, на смену рабскому труду и колонату пришла свободная крестьянская община, получившая особенно большое распространение в империи в VIII—IX вв.³ По своей внутренней организации византийская община была не похожа на восточную, подчиненную государству податную общину и ближе стояла к западноевропейской общине — марке. Одним из истоков общинного землевладения были местные общины, издавна существовавшие в Восточном Средиземноморье и восходившие своими традициями к эллинистическим временам. В ранней Византии имелись общины разных типов, представлявшие определенные стадии общинного развития. Наибольшее распространение получили так называемые митрокомии — соседские общины, в которых крестьянин располагал правом частной собственности на земельный участок, ограниченным, однако, в возможности его отчуждения. Роль крестьянского землевладения общинного типа в конце первого периода истории Византии постепенно возрастает. Существенную роль в усилении сельских общин сыграло пересече-

* Форма передачи собственности во временное владение рабу.

ление на территорию Византийской империи варварских народов, в первую очередь славян.

Характерной особенностью аграрного строя Византии было длительное сохранение в империи полной, безусловной частной собственности на землю, охраняемой римским правом. Этот вид собственности кристаллизовался как в крупном землевладении, так и в хозяйстве свободных крестьян. Крупное землевладение восходило еще к Поздней Римской империи и строилось во многом на эксплуатации труда посаженных на землю рабов и зависимых колоннов. В поместьях землевладельцев применялись новые формы ведения хозяйства. Однако крупное землевладение нового типа развивалось в Византии гораздо медленнее, чем в Западной Европе. Его росту в это время препятствовали такие факторы, как устойчивость городского муниципального землевладения, наличие самостоятельных сельских общин и особенно значительные масштабы государственной собственности на землю.

Сохранение централизованного государства в Византийской империи имело первостепенное значение для общественной жизни. Прочной экономической базой центральной власти было наличие значительного фонда государственных земель. Этот фонд состоял преимущественно из владений фиска, а также из императорских доменов. В отличие от стран Востока в Византии государственная власть не имела патримониального характера. Верховное право собственности императора на все земли подданных в источниках не зафиксировано. В ранней Византии владения фиска и домены императора достигали настолько крупных размеров, что не могли полностью обрабатываться жившими на них рабами и колоннами. Обычно они сдавались в аренду и тем не менее из-за нехватки рабочих рук часто пустовали. Все чаще стала практиковаться долгосрочная аренда (эмфитевсис), постепенно превращавшаяся в наследственную. Земли фиска нередко передавались в пользование варварам, селившимся в Византии.

Разумеется, не во всех провинциях огромной Византийской империи разложение рабовладельческого строя и зарождение раннефеодальных отношений шли одинаковыми путями. Естественно, наблюдалась резкая асинхронность этого процесса. В Египте и Сирии в IV—VI вв. более интенсивно, чем в других провинциях, росло крупное землевладение, основанное на труде колоннов,

а не рабов. Малая Азия длительное время была оплотом мелкого свободного землевладения и крестьянской общины. Рабский труд в сельском хозяйстве наиболее широко применялся в Греции, на островах Эгейского моря, в крупных имениях Киренаики, в западных районах Малой Азии. Придунайские провинции, Далмация и Иллирик сохраняли традиции крестьянской собственности, преимущественно военных поселений из числа варваров-федератов и ветеранов. В VI в. во Фракии и Македонии получает преобладание свободная крестьянская община. Домены императора и владения фиска располагались почти во всех провинциях и занимали иногда одну треть, а порою половину их территории. Муниципальная городская собственность в ранней Византии постепенно начинает приходить в упадок. Зато растут земельные владения православных церквей и монастырей.

Итак, своеобразие форм собственности и эксплуатации сельского населения, естественно, оказывало существенное влияние на характер и темпы формирования раннефеодальных отношений в Византии; тем не менее в империи хотя и медленно, но неуклонно росло землевладение раннефеодального типа, основанное на новых, более мягких формах эксплуатации. Отношения нового типа кристаллизовались в поместьях крупных светских и церковных собственников. В отдельных провинциях приобретала все большее влияние феодализирующаяся знать, которая использовала систему патроната, формировала свои военные отряды и даже иногда самолично взимала налоги с зависимого населения. Эти действия провинциальной знати наталкивались на активное сопротивление центральной власти.

По-особому складывались судьбы византийского города⁴. Как это ни парадоксально на первый взгляд, своего наивысшего расцвета города Византийской империи достигли не в конце, а в начале истории Византии. Для раннего периода характерно изобилие крупных городских центров. Природные условия Византийской империи весьма благоприятствовали процветанию городской экономики. Значительные запасы полезных ископаемых, особенно железа, золота, меди, мрамора, стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, изготовление стекла, ювелирных изделий и различных предметов роскоши.

В IV—VI вв. славились своим богатством, красотой дворцов и храмов, блеском изысканной роскоши, утонченностью образа жизни Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса в Северной Месопотамии, Тир и Берит (Бейрут) в Финикии. Переживали эпоху расцвета города Малой Азии — Эфес, Смирна, Никея, Никомидия, а в европейской части постепенно росли и богатели Фессалоника, Филиппополь и Коринф. В ранневизантийский период империя ромеев обгоняла Запад по уровню развития городского ремесла и торговли. В это время произведения византийских мастеров оставались недостижимым эталоном для ремесленников многих стран.

Крупные городские центры ранней Византии еще сохраняли внешний облик античного города. Их отличала четкая планировка прямых улиц с портиками и площадями, украшенными античными статуями. Центром городской жизни по-прежнему оставалась агора (форум) — площадь, окруженная красивыми общественными зданиями. Каждый город имел свой богато отделанный театр, или цирк (ипподром) — место шумных зрелищ и столкновения городских партий. Особым богатством отличалась главная улица города с дворцами богачей и 2—3-этажными домами богатых горожан. Дворцы знати блистали мрамором колонн, красочными мозаиками, утопали в зелени. Акведуки и цистерны обеспечивали снабжение городов водой, всюду строились термы и фонтаны. Языческие храмы еще сохранялись во многих городах, хотя рядом росли и христианские базилики. С богатством центральной части городов контрастировали кварталы ремесленников с их скромными домами и лавками и городские предместья — пристанища бедноты.

Византия была страной, где среди городов постепенно стал доминировать самый могущественный и богатый городской центр, столица государства Константинополь⁵. Возвышение Константинополя началось в ранней Византии и достигло апогея в VI в., в правление Юстиниана. Именно в то время Константинополь украсился великолепными дворцами и храмами, а гавань Золотой Рог стала крупнейшим портом Средиземноморья. Недаром ритор VI в. Фемистий назвал его «огромной мастерской великоления». Столица империи оставалась очагом светской культуры, но приобрела и новые, религиозные функции, став резиденцией Константинопольской патриархии, все более и более претендующей на главенство среди других патриархий православного мира. В ранней

Византии Константинополь представлял собой огромный, хорошо укрепленный город с многочисленным населением (доходившим до 500 тыс. человек).

Особый политический и идеологический престиж столице империи придавало и то, что она всегда оставалась местом пребывания имперского правительства, резиденцией императора и его двора, центром административного управления византийским государством. Здесь сосредоточивались все ведомства центральной администрации с огромным штатом чиновников, притом высших рангов. И, естественно, все это способствовало превращению Константинополя в главный идеологический центр империи, где формировалась политическая доктрина византийской государственности, вынашивались стратегические планы внешней и внутренней политики Византии.

Разумеется, при этих условиях Константинополь не мог не стать, и действительно стал, главным средоточием византийской культуры и образованности, постепенно оттеснив на второй план другие города империи. Однако этот процесс был достаточно длительным, и в ранней Византии с Константинополем соперничали в культурной жизни такие очаги древней цивилизации, как Александрия, Антиохия, Берит, Эфес, Смирна, Никея, Фессалоника, Коринф и Афины. Лишь в последующие столетия культурное превосходство Константинополя стало неоспоримым, что нашло выражение в различных сферах культуры и искусства. Современники прекрасно сознавали выдающуюся роль Константинополя в экономической, политической и культурной жизни Византийской империи. Недаром ранневизантийские риторы Гимерий и Фемистий прославляли этот город, а поэты Павел Силенциарий, Агафий и историк Прокопий воспевали красоту его храмов и дворцов.

В жизни ранневизантийского города можно было наблюдать также черты упадка, явления, связанные с кризисом античного полиса и муниципальной собственности, но в целом экономическое развитие городов все еще шло по восходящей линии. В то время как в Западной Европе многие античные городские центры в IV—VI вв. приходили в упадок (исключение в известной мере составляли лишь отдельные области Италии, Южной Галлии и Восточной Испании), Византия на заре своей истории по праву могла называться страной городов⁶.

Природные условия и географическое положение Византийской империи были благоприятны и для разви-

тия торговли, преимущественно морской. Изрезанность береговой линии, обилие удобных гаваней и островов, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали как нельзя более развитию мореплавания и морской торговли. Все раннее средневековье вплоть до XII в. Византия оставалась великой морской державой. Ее жизненно важные экономические интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей. Византийские купцы, особенно сирийцы и египтяне, проникали в отдаленнейшие уголки ойкумены. На востоке они торговали с такими сказочными в представлении европейцев странами, как Цейлон (Тапробана), Индия и Китай. На юге византийцы вели оживленный обмен с Аравией (государством химьяритов), а в Африке установили торговые связи с изобиловавшей золотом, слоновой костью и благовониями солнечной Эфиопией (Аксум). На севере корабли византийских мореходов достигали туманных островов Британии и суровых берегов Скандинавии. Оживленная торговля велась с Ираном и Средней Азией (Согдиана). С Востока византийские купцы везли шелк-сырец (метаксу), слоновую кость, золото и драгоценные камни, жемчуг, благовония и пряности, а вывозили туда узорчатые ткани, вышитые одежды, ювелирные и стеклянные изделия.

В торговле же с Западом по Средиземному морю, несмотря на опасность нападения пиратских судов, византийцы долго сохраняли свою гегемонию. Фактории византийских купцов появляются в Неаполе, Равенне, Массилии (Марселе), в Барселоне. Возрастает торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа, особую роль при этом играет опорный пункт Византии в Крыму город-порт Херсонес. Византийские золотые солиды с изображением константинопольских василевсов имели хождение во всех странах и играли роль международной валюты. Никогда впоследствии византийская торговля не достигала такого размаха, как в период до арабского завоевания и отторжения от империи ее восточных провинций.

В VI в. Косьма Индикоплевст (Индикоплов), купец и отважный мореплаватель, красочно описал путешествие в Аравию, Восточную Африку и на Цейлон. В своей «Христианской топографии» он нарисовал картину оживленной торговли Византии через Египет с Эфиопией, островом Цейлон, Индией и далеким Китаем. Связи Византии с Китаем подтверждает и другой писатель VI в.— Фео-

фан Византиец, рассказавший о том, как два несторианских монаха вывезли в полых посохах из Китая грену шелковичного червя, чем и положили начало производству шелка в Византии. Ценнейшие описания экзотических стран Востока и Африки оставили для потомков византийские писатели IV—VI вв. — страны гуннов (Приск Панийский), Аравии, Эфиопии и Индии (Филосторгий, Косьма Индикоплевст и Нонн), первого Тюркского каганата на Алтае (Менандр Протиктор), страны серов, т. е. Китая (Феофан Византиец), и др. Знакомство со многими странами мира, оживленная торговля с ними способствовали подъему экономики Византии, расширению научных, в частности географических, знаний, обогащению византийской культуры достижениями древних цивилизаций.

Важным отличием общественного строя Византии по сравнению с другими странами Европы было сохранение централизованного государства и монархической формы правления. В организации государственного управления империей сказалось влияние Востока, а также устойчивость традиций поздней Римской империи. Разумеется, в истории Византии не раз обнаруживались тенденции к политическому разобщению страны. Однако, за исключением последнего этапа своего существования, государство ромеев оставалось централизованным. Наибольшего расцвета государственная централизация достигла в ранней Византии, когда она выступала как единственная законная наследница великого Рима и претендовала на то, чтобы быть повелительницей всего цивилизованного мира.

По политическому и административному устройству Византия принадлежала к числу самодержавных монархий. Во главе государства стоял император, власть которого не была ограничена никакими условиями, никакими общественными договорами. Император юридически обладал всей полнотой исполнительной и законодательной власти. Он мог казнить подданных и конфисковать их имущество, отменять и создавать новые законы, назначать и смещать всех высших чиновников. В руках василевса сосредоточивалась верховная судебная власть, он руководил внешней политикой и командовал армией. Однако юридически абсолютная власть монарха была фактически ограничена целым сонмом высших чиновников, сенатом (синклитом), различными группировками господствующего класса. Ахиллесовой пятой византийской монархии было отсутствие права наследования император-

ской власти. Это открывало путь к всевозможным узурпациям и делало престол шатким. Многие византийские императоры правили недолго и кончали ослеплением, пострижением в монахи или гибелью от руки подосланных убийц.

В ранней Византии постепенно кристаллизуется одна из фундаментальных идей средневековой идеологии — идея союза христианской церкви и «христианской империи» (*Imperium Christianum*). Необходимым условием этого союза для теоретиков христианства была правоверность христианской церкви, правоверие императора. Со времени императора Константина I христианская концепция императорской власти постепенно сливается с римской теорией государства. Именно в ранней Византии были заложены теоретические основы господствовавшей долгое время в империи политической теории симфонии, гармоничных отношений между православной церковью и христианским императором. С Византийской империей теперь связывается идея ее христианской, провиденциальной избранности. Культ императора — правителя всей православной ойкумены и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности, родившись еще в ранней Византии, достигнут апогея в последующие века. Безусловно, имперская миродержавная идеология и прославление императорской власти — характернейшие черты общественной жизни Византии, отличающие ее от стран Западной Европы.

Интенсивно развивается в первые столетия существования Византийской империи и политическая мысль. Такая типологическая особенность общественного строя Византии, как сохранение централизованного государства, определила характер развития политической мысли и политических теорий в империи. Политическая теория Византии той эпохи представляет собой целостную концепцию, сложившуюся в неразрывной связи с социально-политическими отношениями в империи, традициями общественной жизни вошедших в ее состав областей. Оригинальность этой концепции, ее специфика определяются синтезом трех ее основных компонентов — антично-эллинистических традиций, римской государственности и христианства. В учении об автократии важную роль сыграли унаследованное от Римской империи обожествление личности императора, а также философско-политические концепции неограниченной власти монарха, воспринятые

Византией от восточных народов (Сасанидского Ирана и других восточных монархий).

Но под влиянием христианства доктрина абсолютной императорской власти и образ идеального государя постепенно изменяются. От идеального монарха теперь требуются не только сила, храбрость и воинские доблести, как раньше, но и благоразумие, скромность и главное — справедливость. Феофилакт Симокатта (VII в.) пишет, что государь должен сочетать справедливость и доброту с мудростью. Он поучает василевса: «Будучи любителем мудрости, считай, что эта порфира — дешевая тряпка, которой ты обернут, а драгоценные камни твоего венца ничем не отличаются от камешков, лежащих на берегу моря». От идеального государя Феофилакт Симокатта и особенно диакон Агапит, идеолог христианства, требуют христианского благочестия, милосердия, заботы о подданных. Деятельности того или иного правителя теперь дается все чаще этическая оценка. Политическая теория византийцев, их воззрения на государство и власть императора оказали сильное воздействие на формирование концепций верховной власти в странах Юго-Восточной и Восточной Европы.

Однако историческая действительность резко контрастировала с политической теорией того времени, а реальные правители были совсем не похожи на созданные тогда образы идеальных государей. Писатели и историки ранней Византии оставили потомкам целую галерею портретов императоров IV—VI вв. Характеристики Аммиана Марцеллина, Зосима, Прокопия, Агафия, Феофилакты Симокатты и других авторов воссоздают поразительные по своей противоречивой жизненности и многогранности образы этих правителей. В византийской литературе той эпохи беспощадная критика василевсов соединяется с льстивыми панегириками в их честь. На византийском престоле сильные, энергичные и порой талантливые императоры сменялись жалкими, ничтожными, всеми презираемыми правителями.

Император Константин I рисуется современниками то как великий государь, мудрый правитель, защитник христианской религии, то как коварный тиран, запятанный кровью жены и сына, непостоянный и вероломный в политике. Знаменитый язычник и философ на троне Юлиан Отступник (361—363) изображается то в самых черных, то в светлых тонах. Натура высоко одаренная, сильный ум, склонный к философским размышлениям, он впадал

порой в мистику и увлекался тайными мистериями. Юлиан вместе с тем был храбрым полководцем и энергичным реформатором. Однако его попытка восстановить в христианизированной империи языческую религию потерпела полный крах, а сам он погиб в бою во время похода против персов. Согласно рассказу историка-еретика Филосторгия, Юлиан на смертном одре, взяв свою кровь из раны, брызнувши ею в воздух, при последнем вздохе вскричал: «Ты победил, Христос; насыться, галилеянин!» Полон противоречий и образ императора Феодосия I (379—395). Он отбил натиск варваров, укрепил православие, стабилизировал положение империи, но одновременно жестоко подавлял народные движения, беспощадно боролся с ересями, усилил налоговый гнет.

За Феодосием I следует целая вереница слабых императоров, обычно бывших игрушкой в руках всевластных временщиков и придворных клик. Лишь Анастасий I Дикор (491—518) удостоился похвалы современников как рачительный хозяин, заботившийся о пополнении имперской казны и поднятии авторитета империи. Однако его налоговая политика и неудачные войны вызвали недовольство в стране, он не смог справиться с внутренними смутами и бесславно закончил свои дни.

В ранний период наивысшего расцвета Византийская империя достигла в правление императора Юстиниана I (527—565).

Юстиниан — одна из самых ярких, колоритных, сильных, но вместе с тем противоречивых фигур на византийском престоле. Умный, властный и энергичный правитель, неутомимый труженик, инициатор многих реформ, он всю жизнь посвятил осуществлению своей идеи возрождения былого могущества Римской империи. Но под маской великодушия, простоты и внешней доступности скрывалась натура беспощадная, двуличная и глубоко коварная. Юстиниан потопил в крови народные восстания, жестоко преследовал еретиков, расправлялся с непокорной сенаторской аристократией. Верной помощницей Юстиниана была его жена императрица Феодора. В молодости она была актрисой цирка и куртизанкой, но, став благодаря редкой красоте и необычайному обаянию императрицей, проявила недюжинный государственный ум, твердую волю, активно участвовала в управлении страной, принимала иностранных послов, вела дипломатическую переписку. Образы Юстиниана и Феодоры были воплощены в произведениях искусства, их правление

прославляли услужливые панегиристы и хулили враги. В «Тайной истории» Прокопия, желчном обличительном памфлете, были вскрыты все пороки и злодеяния этих правителей.

В первые десятилетия правления Юстиниана империя одержала ряд внушительных побед на международной арене. Она не только отразила натиск внешних врагов, могущественного Сасанидского Ирана на востоке, варварских племен гуннов, готов, славян и аваров на севере, но и осуществила широкую завоевательную политику на западе. Византийскому полководцу Велисарии удалось в 533—534 гг. завоевать государство вандалов в Северной Африке. В Константинополе в честь победы над вандалами был отпразднован пышный триумф — за колесницей победителя шли пленные вандалы и их король Гелимер, который, по рассказу Прокопия, горестно шептал слова Экклесиаста: «Суета сует и всяческая суета». В Северной Африке был основан Карфагенский экзархат под властью Византии.

Более трудной и затяжной была война Византии против королевства остготов в Италии (535—555 гг.). Остготы, особенно при их короле Тотиле, оказали византийским войскам решительное сопротивление. Византийцы нашли в Италии поддержку римской знати и католической церкви, часть широких масс помогала Тотиле. Но победа осталась на стороне империи, и значительная территория Апеннинского полуострова была присоединена к Византии. В состав государства Юстиниана вошли Северная Италия с центром в Равенне, Рим и окружающие его земли, вся Южная Италия и Сицилия. Основанный в Италии Равеннский экзархат надолго стал оплотом византийского влияния в Италии. В 554 г. византийские войска предприняли военную экспедицию против Толедского королевства вестготов в Испании и временно присоединили к Византии земли на юго-востоке Пиренейского полуострова.

В середине 50-х годов VI в. кровопролитные войны на Западе подходили к своему завершению. Территория Византийской империи увеличилась почти вдвое — Далмация, Италия, Северная Африка, юго-восток Испании, острова западного Средиземноморья (Сицилия, Сардиния, Корсика, Балеары) были присоединены к державе Юстиниана. Заветная мечта этого правителя о восстановлении во всем объеме Римской империи, казалось, была близка к осуществлению. Широкие законодательные и админи-

стративные реформы, развитие ремесла и торговли, расцвет науки и культуры — все это знаменовало превращение Византии при Юстиниане вновь в самое могущественное государство Средиземноморья.

В ранней Византии сохранялась централизация административного управления. Империя разделялась на две префектуры — Восток, в состав которого входили восточные области с центром в Константинополе, и Иллирик, включивший балканские земли с главным городом Фессалоникой. Каждая из префектур делилась на диоцезы, а те, в свою очередь, подразделялись на провинции. В IV—V вв. существовало 7 диоцезов и свыше 50 провинций. (Впоследствии число административных единиц империи менялось.) В Византии того времени гражданская власть, как и в поздней Римской империи, была отделена от военной. Во главе префектур стояли два префекта претория. Они пользовались огромной властью. Префекты претория Востока и Иллирика ведали гражданским управлением в своей префектуре, назначали и смещали правителей диоцезов и провинций, распоряжались финансами, сбором налогов и пошлин с купцов, наблюдали за постройкой общественных зданий, за императорской почтой. В их ведении находились содержание и снабжение армии, государственные мастерские и арсеналы. Для населения огромных префектур префекты претория олицетворяли верховную власть, в их руках находился суд и все административные дела. Во главе диоцезов стояли викарии, они подчинялись префектам претория и руководили администрацией в диоцезах и провинциях, отвечали за сбор налогов, вершили суд и чинили расправу.

Константинополь был выделен в самостоятельную административную единицу во главе с префектом города (эпархом). Власть городского эпарха была очень велика. Он руководил всей гражданской администрацией столицы, контролировал деятельность торгово-ремесленных корпораций, следил за порядком, благоустройством и снабжением города. Он ведал охраной императорского дворца, государственной казны и сената. Центральное управление, сосредоточенное в императорском дворце, включало ряд ведомств, во главе которых стояли чиновники высших рангов. Среди них особым влиянием пользовались магистр оффиций и квестор священного дворца. Магистр оффиций руководил внешней политикой византийского государства, заботился об охране императора, был на-

чальником дворцовой гвардии и полиции, ведал оружейными мастерскими, арсеналами Константинополя и государственной почтой. Квестор был главным юристом империи, обладал широкой судебной властью, составлял и рассылал императорские законы и указы. Два коми́та ведали финансами, а препо́зит императорских покоев, обычно евнух, был доверенным лицом василевса и заботился о личных делах императора и императрицы. Шта́т чиновников в империи был очень велик. В Византии сохранилась унаследованная от поздней Римской империи изощренная фискальная система, тяжким бременем лежавшая на всем податном населении византийского государства.

Византийская армия, как и во времена Диоклетиана и Константина I, делилась на пограничные и действующие, мобильные войска и включала рекрутов из местного населения и варваров федератов. Численность ее в V—VI вв. достигала около 550 тыс. человек. В защите Византии от внешних врагов первостепенную роль сыграл военный флот. Строительство военных и торговых кораблей велось в крупных прибрежных городах империи. Боевые галеры византийцев благодаря техническим усовершенствованиям значительно превосходили военные суда многих других средневековых государств.

В Византии на состав и характер господствующего класса оказали решающее влияние основные типологические особенности социально-экономического и политического развития общества. Важнейшей из них, как мы видели, было длительное сохранение в империи рабовладельческих отношений, составлявших материальную базу старой рабовладельческой сенаторской аристократии и городской муниципальной знати. Начавшийся процесс разложения рабовладения и полисной системы, разумеется, подрывал экономическое благополучие этих слоев византийского общества. К тому же в Константинополе жило меньше, чем в Риме, старых сенаторских родов. Однако сенаторы еще пользовались большими привилегиями. Они не могли быть арестованы и заключены в тюрьму без санкции сената или императора; были освобождены от налогов, за исключением поземельной подати. Сенаторы сохраняли также и политическое влияние: сенат, или синклит, был совещательным органом при императоре, он подготавливал законодательные предложения, выполнял функции высшей судебной и апелляционной инстанции, обсуждал вопросы внешней и внутренней политики

византийского государства. Однако высшая законодательная и исполнительная власть оставалась в руках императора.

В состав сената входила старая аристократия, зачастую переселившаяся из Рима в Константинополь. Это были семьи самых богатых землевладельцев, представители военно-чиновной знати. Пополнение сената происходило путем наследования сенаторского достоинства, через исполнение высших государственных должностей и по личной милости императора. В V—VI вв. состав сената систематически расширялся за счет людей незнатного происхождения, но выдвинувшихся на государственной и военной службе. В ранней Византии постепенно завершается процесс слияния старой сенаторской аристократии и новой военно-чиновной знати. Особенно в правление Юстиниана высшие должности занимали незнатные, но талантливые и энергичные чиновники. Наличие сильной государственной власти и гипертрофированная роль столицы империи предопределяли чрезвычайно большое место, которое занимали константинопольская знать и высшее чиновничество в структуре господствующего класса.

Выдающаяся роль в жизни империи городов и товарно-денежных отношений привела к тому, что торгово-ремесленная верхушка византийских городов, в первую очередь Константинополя, постепенно стала важной составной частью господствующего класса Византийской империи. Купцы, владельцы ремесленных мастерских, навклеры (владельцы торговых кораблей), однако, не играли первенствующей роли в управлении и находились в орбите политического влияния сената, высшей аристократии и чиновничества. Характерной особенностью господствующего класса в империи является его нестабильность, отсутствие замкнутости византийской элиты. В ряды константинопольской знати, да и знати других крупных городских центров, нередко вливались выходцы из торгово-ремесленных кругов и средних слоев общества. Разбогатевшие купцы, ростовщики, владельцы кораблей могли приобретать важные государственные должности. Иными словами, в империи не существовало непроходимых сословных перегородок и наблюдалась постоянная динамика в составе господствующего класса.

Незавершенность и замедленные темпы развития раннефеодальных отношений в империи обусловили относительно слабость землевладельческой провинциальной

знати. Юземельная аристократия, владельцы имений, расположенных иногда в отдаленных провинциях империи, распространяли свою власть и влияние, как правило, на местное управление, а от участия в центральных органах государства они пока реально были отстранены.

Серьезные имущественные и социальные различия существовали и в среде византийского духовенства и монашества. Большинство монахов и низший клир по материальному положению приближались к бедным слоям населения. Но среди духовенства имелись и хорошо обеспеченные священники богатых приходов, и высшие церковные иерархи, обладавшие статусом, подобным светским вельможам. Наиболее привилегированное положение занимали епископы городов, которые по мере ослабления муниципальной организации сконцентрировали в своих руках политическую и духовную власть в собственных епархиях. При нестабильности византийской элиты некоторым представителям интеллигенции была открыта дорога к высшим ступеням чиновной иерархической лестницы и церковного клира. Особенно изменчиво и нестабильно было население столицы Константинополя. Для крупных городов Византии, в частности для Константинополя, характерно было наличие многочисленного плебса, весьма пестрого по социальному и этническому составу: свободные мелкие ремесленники, работники частных и государственных ремесленных мастерских, сезонные строительные работники, разношерстный пришлый люд составляли народ (демос) столицы и других крупных городских центров империи. Сохранение в ранней Византии социальных и идейных традиций античного полиса способствовало объединению городского населения в особые организации — димы.

Необычайно большая роль зрелищ, особенно конных ристаний на ипподроме и цирковых представлений, в жизни шумных, многоязычных и многоликих по социальному составу городов империи породила образование цирковых партий — факций, первоначально спортивных организаций, затем превратившихся в политические объединения городских димов. В Константинополе и в других городах ранней Византии существовали четыре цирковые партии — левки (белые), русии (красные), прасины (зеленые) и венеты (голубые), которые различались по цвету одежд возниц конных квадриг, участвовавших в ристаниях на ипподроме. Доминирующая роль среди них постепенно перешла к венетам и прасинам,

оттеснившим на задний план левков и русиев. В V—VI вв. димы приобрели немалое влияние в политической жизни городов империи, организуя вокруг себя свободное городское население. Во главе димов, как правило, стояли представители различных слоев господствующего класса, которые стремились использовать рядовых димотов в своих интересах. Правительство империи принуждено было признать за димами некоторые права: право представлять во время зрелищ в цирке требования к императору и его чиновникам, одобрять или критиковать их политику, участвовать в официальных церемониях и носить оружие. Димы были привлечены к обороне столицы, по димам составлялись отряды городской милиции. Номинально димы приобрели и некоторые «конституционные» функции. Формально они участвовали в провозглашении нового императора. В Византии императорская власть не передавалась по наследству, а император выбирался сенатом, армией и «народом» — димами. Фактически, разумеется, при этом решающей силой были сенат и высшие командиры византийского войска, выдвигавшие нового василевса. Да и в димах руководили выборами вожди димотов, однако некоторая иллюзия возрождения древнеримских обычаев выборности магистратов еще сохранялась.

Внутри партий цирка источники отмечают глубокое социальное неравенство. Партию венетов обычно возглавляли представители сенаторской аристократии и владельцы пригородных имений (проастиев), в партии прасинов большим влиянием пользовались богатые купцы, навклеры, владельцы ремесленных мастерских. Рядовые димоты обеих партий были выходцами из народа: среди венетов было немало клиентов богатых вельмож, работников пригородных имений; среди рядовых прасинов преобладали мелкие ремесленники, подмастерья, моряки. Серьезные социально-политические и религиозные разногласия возникли и между партиями: прасины являлись яркими монофиситами и были связаны с выходцами из восточных провинций, венеты защищали православие и поддерживали ортодоксальных императоров. Сами императоры, опираясь то на одну, то на другую партию, намеренно разжигали их борьбу с целью расколоть народные массы, не дать им сплотиться. Но движение димов и борьба факций все чаще и чаще принимали социальный характер, а низы обеих партий объединялись против притеснений властей и налогового гнета.

Так произошло во время самого грозного народного восстания в Константинополе в 532 г., известного под названием «Ника» («Побеждай!»)⁷. Это стихийное выступление населения Константинополя отличалось сложностью и пестротой социального состава участников. Каждая социальная группировка, каждое сословие имели свои особые причины к восстанию. Для старой сенаторской аристократии восстание «Ника» открывало возможность использовать народное движение в целях свержения с престола ненавистного ей «выскочки» Юстиниана, выходца из средних слоев византийского общества. Недовольство сенаторской знати вызывали ограничение Юстинианом политических прав сената, наступление на сенаторское землевладение, выдвижение на высокие посты в государстве незнатных, но преданных императору лиц. Сенаторы опирались на партию венетов. Партия прасинов была недовольна высокими таможенными пошлинами и различными запретами, стеснявшими торговлю, в первую очередь с Востоком. Народные массы, рядовые димоты обеих партий страдали от налогового гнета и произвола ненавистных чиновников Юстиниана, особенно префекта претория Иоанна Каппадокийца, квестора Трибониана и эпарха города Евдемона. Известную роль в восстании играли и религиозные разногласия, недовольство церковной политикой императора, лавировавшего между православными и монофиситами, которым покровительствовала всеильная императрица Феодора.

Восстание «Ника» началось 11 января 532 г. и длилось восемь дней. Стихийно объединившиеся димоты обеих партий напали на резиденции префекта претория и эпарха города и разгромили их. В Константинополе начались уличные бои, многие из солдат, охранявших правительственные здания, были перебиты. Восставшие сожгли налоговые списки, захватили тюрьму и выпустили на свободу заключенных. Пожары охватили весь город, многие дворцы и храмы погибли в их пламени. Победа склонялась на сторону восставших. Сенатская оппозиция выдвинула нового императора Ипатия, племянника покойного василевса Анастасия. Ипатий был торжественно коронован на ипподроме при ликовании восставшего народа. По словам историка Иоанна Лида, настал критический момент, и «сама империя, казалось, находилась на краю гибели». Во дворце началась паника. Юстиниан в отчаянии решил бежать из столицы на кораблях в Малую Азию.

Однако в эту трагическую для правительства минуту необычайную энергию и решимость проявила императрица Феодора. Эта честолюбивая владычица не могла примириться с потерей престола. Явившись на заседание императорского совета, она горько упрекала своего царственного супруга и его приближенных в позорной трусости и объявила, что предпочитает смерть потере власти, ибо «царская порфира — прекрасный саван». Юстиниан, собравшись с силами, начал наступление на восставших. В это время среди повстанцев произошел раскол: часть аристократии из партии венетов, испугавшись размаха народных выступлений, отошла от восстания. Немалую роль в этом сыграло и золото Юстиниана, розданное венетам через ловкого евнуха Нарсеса. Полководцы Юстиниана Велисарий и Мунд во главе большого отряда наемников-варваров вероломно напали на восставших в цирке и всех перебили. «Толпа была скошена, как трава», — пишет один из хронистов, рассказывая о страшном разгроме восстания «Ника».

Во время этого разгрома было убито около 35 тыс. человек. Ипатий и его брат Помпей были казнены, причастные к восстанию сенаторы сосланы, их имущество конфисковано. Но особенно жестокой была расправа Юстиниана с народными массами. В Константинополе настали мрачные дни. «И был страх большой, и замолчал город, и не проводились игры долгое время», — пишет хронист Феофан. Димы оправались от этого страшного удара лишь к концу VI — началу VII в., когда они вновь, как значительная политическая сила, участвовали в восстании узурпатора Фоки, свергнувшего в 602 г. императора Маврикия. В VII в. димы постепенно потеряли былое политическое значение. Движение димов и цирковых партий как форма социально-политической борьбы не имело исторических аналогий и характерно лишь для ранней Византии, а отчасти Рима IV—V вв. — никакая другая страна Европы и Азии не знала подобных форм социальных движений⁸.

Своеобразие общественного развития Византии не менее ярко проявилось в области правовых отношений. В Византийской империи в сфере как гражданского, так и уголовного права в большей степени и более длительное время, чем на Западе, сказывалось влияние римских юридических традиций. В отличие от других стран средневекового мира Византия, особенно в ранний период своей истории, оставалась государством, где сохранялось

единое кодифицированное и обязательное для всего населения империи действующее право. Среди варварских королевств, где господствовало локально-разобщенное, отражающее различные общественные порядки обычное право «варварских Правд», где римские правовые нормы потеряли силу всеобщего закона, Византия, бесспорно, выделялась упорядоченностью и единообразием законодательства и судопроизводства. В основу законодательства этого времени были положены лучшие достижения римской юридической мысли. В нем была завершена разработка римской теории права, получили окончательное оформление такие теоретические понятия юриспруденции, как право, закон, обычай, уточнено различие между частным и публичным правом, определены нормы уголовного права и процесса, заложены основы регулирования международных отношений.

Создание при Юстиниане свода гражданского права (*Corpus juris civilis*) при известном несовершенстве этого грандиозного творения византийских юристов все же является свидетельством высочайшего взлета юридической мысли в VI в. Его творцы — Трибониан, глава всего предприятия, и его помощники профессора права Феофил и Грациан из Константинополя, Дорофей и Анатолий из Берита — показали себя не только великолепными знатоками римского права и юриспруденции, но и вдумчивыми, порою творчески мыслящими учеными-юристами.

Свод гражданского права — современники называли его «храмом правовой науки» — состоял из четырех частей. Первая часть — Кодекс Юстиниана — содержала переработанные согласно требованиям эпохи основные законодательные установления действующего римского права; вторая часть, самая обширная — Дигесты — представляла собой сборник огромного числа правовых норм, заимствованных у римских юристов; третья часть — Институции — являлась кратким руководством по юриспруденции для византийских юристов; наконец, последняя часть — Новеллы — включала новые законы, изданные самим Юстинианом на протяжении 534/35—565 гг., т. е. после обнародования свода законов, которое было осуществлено в невиданно короткий срок, в течение шести лет — с 528 по 534 г.

Византийские юристы в своем компиляторском труде все же учитывали те существенные изменения, которые произошли в реальной жизни и требовали поправок в законодательстве. И, конечно, большую роль при этом сыг-

рал учет изменений в экономической и социальной жизни империи. Действительно, влияние новых общественных отношений властно проникало даже в такой бастион римской правовой науки, как кодификация права и юридическое образование. В эпоху грандиозных законодательных реформ Юстиниана в законодательстве ощущались новые веяния. Впервые была юридически признана теория естественного права, согласно которой от природы все люди равны и рабство, основанное на подчинении чужому господству, противоречит человеческой природе. Оценить в полной мере значение этого постановления можно, только вспомнив, что даже величайшие философы древности Платон и Аристотель считали деление общества на свободных и рабов присущим самой человеческой природе.

Византийское право той эпохи выработало немало новых частноправовых норм, в известной мере опиравшихся на обычное право этнически пестрого населения империи, что обеспечило ему в будущем большую жизнеспособность. Прогрессивные реформы были проведены в сфере семейного права, улучшено правовое положение женщины. Особенно ярко это проявилось в законодательстве самого Юстиниана. В своих Новеллах Юстиниан законодательно закрепил многочисленные изменения в праве, порожденные реальной действительностью. Всего сохранилось 169 подлинных Новелл Юстиниана. Юридическая мысль в Новеллах меньше скована установлениями римского права, а исходит в первую очередь из насущных потребностей жизни общества. В Новеллах законодатель уже не оглядывается назад, в глубокую, хотя и почитаемую, древность Рима, но больше устремлен вперед, в эпоху средневековья.

Вместе с тем юридическая санкция принципа частной собственности, регулирование торгово-ростовщических операций, прав наследования, семейного права и других институтов римско-византийского законодательства оказали беспорное влияние на развитие юридической мысли в Западной и Восточной Европе и породили рецепцию Юстинианова права спустя столетия в кодексе Наполеона. Именно благодаря Своду гражданского права Юстиниана сокровища римской юридической науки смогли стать достоянием юристов средних веков и нового времени. Недаром в памяти потомков Византия навсегда останется страной, где была осуществлена знаменитая Юстинианова кодификация римского права⁹.

Византийское государство в течение всей своей истории находилось в центре сложной внешнеполитической борьбы. Быть может, именно тяжелая международная обстановка и выковала столь искусную и изощренную византийскую дипломатию. Внешняя политика Византии славилась хитроумными комбинациями тайной дипломатической игры с меткими военными ударами. Особенно преуспели византийские правители в умении разбить сильного врага чужим оружием, хитрыми интригами натравив на него его же союзников. Окруженная опасностями, Византия в ранний период постоянно старалась избежать одновременной борьбы на два фронта и почти всегда выходила победительницей из самых острых коллизий. Препятствуя объединению врагов, византийское правительство не брезговало ради достижения своих целей никакими средствами. Чаще всего в ход пускались подкуп иноземных правителей, интриги при иностранных дворах, натравливание одних народов на другие, разжигание племенной или религиозной розни. Византийская дипломатия являлась своего рода кодексом вероломства: ее девизом оставался испытанный принцип политики римлян «Разделяй и властвуй!». Коварство и изворотливость, умение плести самые хитроумные интриги, разыгрывать дипломатические комбинации как шахматную партию были основным нервом византийской дипломатической системы. Византийские дипломаты по праву слыли великими мастерами склонять к измене самых лучших друзей своих противников, разъединять своих врагов, покупать союзников за золото и высокие имперские титулы. Широко использовались также династические браки иноземных правителей с византийскими принцессами для подчинения соседних государств влиянию Византии. Вместе с тем византийской дипломатии были присущи и некоторые особые черты, отличающие ее от дипломатии других государств Европы. Прежде всего она носила централизованный характер. Деятельность всех византийских дипломатов направлялась из единого центра — императорского дворца — и находилась под неустанным строжайшим контролем государства. В сравнении с неупорядоченной, распыленной, зачастую действующей несоблюдательно дипломатией варварских королевств или княжеств раздробленной на замкнутые мирки раннесредневековой Европы централизованная, твердо направляемая государством византийская дипломатия имела свои бесспорные преимущества.

Используя традиции поздней Римской империи, византийское государство сумело создать необычайно разветвленную дипломатическую систему. Византия обладала огромным штатом высокообразованных дипломатов и массой переводчиков, обученных языкам почти всех народов мира. Заслугой византийской дипломатии является разработка еще в ранний период правил посольского дела: порядка приема и отправления посольств, определения прав и обязанностей послов и других дипломатов. В положении византийского посла при иноземном дворе присутствовала драматическая двойственность: с одной стороны, Византия чрезвычайно заботилась о поддержании высочайшего престижа посла великого государства, с другой — он всегда оставался лишь исполнителем воли императора и мог принимать серьезные решения только с его санкции.

Для охраны своих дипломатов Византия ввела в международное право принцип неприкосновенности личности посла, получивший позднее широкое распространение в странах Западной и Восточной Европы. Византийской дипломатией была установлена процедура заключения и расторжения договоров с иностранными державами, созданы формуляры международных договоров, составляемых обычно на языках обеих договаривающихся сторон, разработан церемониал их подписания. Византийские дипломаты применили систему верительных грамот для послов и определили многие другие формальности дипломатического ритуала. Пышная церемония приема иностранных послов в императорском дворце Константинополя должна была своим блеском ослепить варваров, внушить им представление о силе византийского государства, скрыв от них все его слабости. Задачей византийской дипломатии было очаровать и одновременно запугать чужеземных послов, чтобы тем легче их обмануть.

Византийская дипломатия умело использовала во внешнеполитических интересах византийского правительства торговые, религиозные и культурные связи империи с самыми различными странами и народами. Византийский купец, миссионер и дипломат в большинстве случаев действовали единодушно, способствуя распространению влияния византийского государства далеко за его пределами. Порою же купец и миссионер одновременно выполняли и дипломатические функции, проникая раньше послов в самые отдаленные и неведомые страны. Иногда на основе их наблюдений впоследствии рожда-

лись интереснейшие описания самых экзотических стран, являющиеся превосходным историческим источником.

Особенно крупная роль во внешней политике Византии принадлежала церкви и церковным миссиям. Распространение христианства оставалось важнейшим дипломатическим орудием Византии на протяжении многих столетий. Гибкость и изворотливость византийской дипломатии были в равной степени присущи и миссионерской деятельности православной церкви. Стараясь скрыть истинные политические цели под маской благожелательности, стремясь привлечь на свою сторону симпатии новообращенных народов, в частности проповедью христианства на местных языках, Константинопольская патриархия применяла более тонкие методы миссионерской деятельности, чем папский престол. Такая гибкая политика православной церкви во многом способствовала успеху византийской дипломатии, утверждению византийского политического и идейного влияния в христианизированных странах.

Византийская дипломатия немало позаимствовала от дипломатической системы восточных монархий, в первую очередь Сасанидского Ирана. Их сближало то, что дипломатия Ирана также носила централизованный характер. Византийская дипломатия, в свою очередь, оказала влияние на организацию дипломатического дела в средневековых государствах Юго-Восточной и Восточной Европы. В течение довольно долгого времени она оставалась своего рода эталоном и для многих варварских народов¹⁰.

Военное искусство Византии унаследовала от Поздней Римской империи. В военных трактатах ранней Византии еще многое заимствовано у классиков античной военной мысли: Асклепиодота, Элиана, Арриана и особенно Онусандра и Вегеция. Но военные трактаты VI — первой половины VII в. отразили качественный скачок в развитии военного искусства в Византии. Это проявилось в создании новых теоретических положений, в выработке и уточнении военной доктрины, в систематизации и обобщении практического опыта. В этих трактатах, особенно в Стратегиконе Маврикия (конец VI — начало VII в.), кристаллизуется византийская военная доктрина, приспособленная к новым условиям времени, острие которой направлено на борьбу с варварскими народами. Описание Мавриkiem военной тактики новых врагов империи — восточных кочевых народов, обладавших великолепной конницей, таких, как авары и турки, а также варварских

племен славян, скифов, франков, лангобардов имело большое практическое и теоретическое значение; образ идеального полководца, нарисованный Маврикием, отражает политическую теорию высшей военной власти, созданную тогда в Византии.

В течение веков не раз менялись главные соперники Византии, менялись и ее союзники. В ранний период на Востоке и на Балканах ей сперва пришлось отбивать удары закованных в броню сасанидских воинов и грозных, хотя и беспорядочных, полчищ варваров, гуннов, готов, авар, славян. На Западе она вела неустанную борьбу с варварскими королевствами Европы.

Невиданный взлет могущества Византийской империи в правление Юстиниана оказался, однако, недолговечным. При преемниках этого императора, особенно при Тиверии I (578—582) и Маврикии (582—602), Византия вступила в полосу упадка. Успехи Юстиниана были куплены слишком дорогой ценой истощения экономики государства и разорения народных масс. В последние десятилетия VI в. чрезвычайной силы достиг накал социальной борьбы. Выступления народных низов происходили в Константинополе, волна крестьянских восстаний прокатилась по Египту, не прекращались массовые движения в восточных провинциях — постоянных очагах ересей и сепаратизма. К началу VII в. угрожающий характер приняли волнения в византийской армии. В последующие десятилетия страна оказалась ввергнутой в пучину внутренних смут, вылившихся в подлинную гражданскую войну при императоре Фоке (602—610). Она охватила Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет. Междоусобицы провинциальной знати, рост сепаратизма, религиозные и этнические столкновения ослабили византийское государство. Резко ухудшилось и международное положение страны, империю преследовали военные неудачи.

На рубеже VI—VII вв. Византия быстро потеряла часть своих владений на Западе и Востоке. Тем не менее идея всемирной монархии с центром в Константинополе еще долго бытовала не только в самой Византии, но и в варварских королевствах Запада. Вплоть до создания на Западе империи Карла Великого варварские королевства — пусть номинально — все же признавали верховную власть константинопольского императора; варварские короли почитали за честь получать от него высшие имперские титулы и пышные инсигнии (знаки) своей вла-

сти, латинские хронисты зачастую вели летосчисление по годам правления византийских василевсов, а при дворах западных правителей чеканились монеты, имитирующие византийские солиды. Долгое время многие правители Юго-Восточной и Западной Европы стремились не только подражать обычаям и нравам византийского двора, но и использовать систему византийского государственного управления и дипломатии в качестве образца при создании административного аппарата в своих странах.

Устойчивость и жизнеспособность Византии объясняются во многом теми глубокими внутренними изменениями, которые она пережила в VII в. С этого столетия Византия вступила в новый период своего существования, в период генезиса феодализма.

Глава 2. Рождение новой идеологии. От язычества к христианству

Создание византийской культуры было сложным, порою противоречивым процессом. Византийская цивилизация в отличие от западноевропейской в тревожные времена варварских нашествий во многом осталась последним оплотом греко-римских традиций. Как византийская государственность устояла под натиском варваров, так и византийская культура сумела противостоять волне варварства. Византийская культура, однако, сама впитала художественные традиции, созданные многочисленными народами, населявшими империю. Не только греки, но сирийцы и копты, армяне и грузины, малоазийские племена и славяне, народности Крыма и латинское население Иллирика — в разной, конечно, степени — внесли свою лепту в формирование собственно византийской культуры. Но затем культурное развитие этих народов пошло под знаком нивелирующего господства византийской цивилизации.

Становление византийской культуры происходило в обстановке глубоко противоречивой идейной жизни ранней Византии. Это было время складывания идеологии византийского общества, оформления системы христианского мирозерцания, утверждавшегося в острой борьбе с философскими, этическими, естественнонаучными и эстетическими воззрениями античного мира. Первые столетия существования византийского государства можно рассматривать как важный этап мировоззренческого переворота, когда не только формировались основные тенденции мышления византийского общества, но и складывалась его образная система, опирающаяся на традиции языческого эллинизма и обретшего официальный статус христианства. Христианство противопоставило свой богословско-философский синтез последнему философскому синтезу античности — неоплатонизму, универсальной мировоззренческой структуре, подводившей итог многовековому эллино-римскому идейному развитию и охватившей все области общественной жизни и духовного твор-

чества. На авансцене идейной жизни той поры мы видим страстную полемику языческих философов и христианских богословов, яростные столкновения прославленных риториков и фанатичных монахов. Христианство энергично ведет наступление, но язычество еще не сдает своих позиций и порою даже одерживает временные победы.

В ранней Византии спиритуалистическая философия неоплатонизма переживает новый расцвет. Появляется целая плеяда блистательных философов-неоплатоников: Прокл Диадох, Псевдо-Дионисий Ареопагит¹. Последние защитники язычества — философ на троне император Юлиан Отступник, знаменитые риторы IV в. Фемистий и Ливаний, историки Аммиан Марцеллин и Зосим (IV—V вв.) тщетно пытаются возродить идеи угасающего язычества. Однако элитарный характер неоплатонизма, требовавшего от своих приверженцев глубокой и чрезвычайно сложной философской подготовки, рафинированного мышления, обрекал его на угасание, ибо делал недоступным для народных масс.

Христианство впитало в себя многие философские и религиозные учения той эпохи. Христианская догматика складывалась под сильным воздействием не только ближневосточных религиозных учений, иудаизма, манихейства, но и неоплатонизма. Мистический и теистический характер философской системы неоплатоников, их эстетические воззрения перекликались с христианским аскетизмом, открывали путь к сближению этих учений. Догмат о тринитности божества — один из центральных догматов христианского вероучения — это, по существу, переосмысленная триада неоплатоников. Однако христианство, несмотря на наличие общих с манихейством и неоплатонизмом черт, принципиально отличалось и от манихейского дуализма, и от неоплатоновского монизма.

Само христианство являлось не только синкретическим религиозным учением, но и синтетической философской системой, важным компонентом которой были античные философские учения. На смену ригористической непримиримости раннего христианства, отрицавшего все, на чем стояло клеймо язычества, постепенно приходит известный компромисс между античным и христианским мирозерцанием. В самом неоплатонизме в борьбе двух течений — радикального, враждебного христианству, и более умеренного — постепенно берут верх сторонники компромисса с христианским богословием. Происходит как бы двуединый процесс отталкивания, обособления и одновре-

менно сближения, слияния неоплатонической философии и христианского богословия. Он завершается поглощением неоплатонизма христианством.

В патристической литературе ранневизантийской эпохи, в трудах Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского, в речах Иоанна Златоуста, где закладывался фундамент средневекового христианского богословия, мы видим сочетание идей раннего христианства с неоплатонической философией, парадоксальное переплетение античных риторических форм с новым идейным содержанием. Каппадокийские мыслители Василий Кесарийский, Григорий Нисский и Григорий Назианзин закладывают фундамент византийской философии. Их философские построения уходят глубокими корнями в древнюю историю эллинского мышления. В центре патристической философии находится понимание бытия как блага, что дает своеобразное оправдание космоса, а следовательно, мира и человека. У Григория Нисского эта концепция порою приближается к пантеизму.

В IV—V вв. в империи развернулись ожесточенные философско-богословские споры: христологические — о природе Христа и тринитарные — о месте его в Троице. Суть этих чрезвычайно остро протекавших дискуссий заключалась не только в выработке и систематизации христианской догматики. Философским содержанием их была антропологическая проблема. В теологизированной форме ставился вопрос о смысле человеческого существования, месте человека во вселенной, пределе его возможностей. В этих спорах выразилась идейная борьба между антропологическим максимализмом, считавшим возможным растворение человеческой природы в божественной и тем самым поднимавшим человека до невиданных в античном мире высот, и антропологическим минимализмом, всецело подчинявшим человека божеству и низводящим человечество до крайних степеней самоуничтожения.

В IV в. возникло особое религиозное течение — арианство, получившее название по имени своего основателя — александрийского священника Ария (умер в 336 г.). Арий и его сторонники пытались рационалистически объяснить природу Троицы и место в ней Христа. По их учению Христос — творение Бога-Отца, следовательно, он не единосущен ему и занимает в Троице подчиненное место. По мнению Ария, Христос не человек, а подлинный божественный Логос, но поскольку он Сын Божий,

постольку было время, когда он не существовал. Проповедь Ария первоначально имела успех среди городской интеллигенции и ремесленников Александрии и других городов Востока. Господствующая церковь, опасаясь раскола, резко выступила против Ария, обвинив его в ереси. В 325 г. на I Вселенском соборе в Никее был разработан православный символ веры, а учение ариан осуждено. Арий был отправлен в ссылку, и, несмотря на временную победу его сторонников при императоре Константине I, арианство вновь было предано анафеме на Константинопольском соборе 381 г. и на этот раз окончательно объявлено ересью. Однако в V—VI вв. проповедь ариан нашла отклик среди варваров-германцев и быстро распространилась в варварских королевствах остготов в Италии, вестготов в Южной Франции и Испании, вандалов в Северной Африке. Арианство всегда служило яблоком раздора между римским населением западных провинций, придерживающимся ортодоксального вероисповедания, и варварами-завоевателями, приверженцами арианства.

В христологических спорах V в. принимали участие несториане, монофиситы и халкедониты. Объектом полемики была природа Христа—богочеловека. Несториане отстаивали идею о двух «неслиянных» природах Христа. Божественное и человеческое начала во Христе, по их мнению, находятся лишь в относительном соединении, никогда полностью не сливаясь. В противовес несторианам монофиситы признавали только одну божественную природу Христа. Они трактовали соединение двух природ как поглощение человеческого начала божественным. Несторианство было распространено в Сирии и Месопотамии; преследуемые господствующей церковью многие из несториан позднее переселились в Иран. Монофиситы находили многочисленных приверженцев в Египте, Палестине, Малой Азии и Армении. Халкедониты, защитники православного Никейского символа веры (325 г.), подтвержденного на Халкедонском соборе 451 г., осудившем монофиситов, защищали ставшее ортодоксальным определение единственности первого и второго лиц Троицы (против ариан), «неслиянности» и «нераздельности» двух естеств Христа. Этим было закреплено представление о человеческой сущности, которая якобы, вступая в единение с божественной сущностью, при этом остается сама собой. Такое определение примиряло обе крайности богословско-философского антропологизма, хотя не сни-

мало их внутреннего противоречия. Несколько позднее возникло еще одно компромиссное решение христологической проблемы — монофелитство. Его последователи считали, что в Христе хотя и существовали две природы, но они объединялись единой божественной волей.

Запад, принявший горячее участие в церковной борьбе, стремясь укрепить позиции римского престола, остался практически равнодушным к философской сущности христологических споров. На Западе идейная борьба развернулась в связи с трактовкой свободы воли. Пелагианство — религиозное течение, получившее название по имени его главы диакона Пелагия, — отстаивало независимость человеческой воли от божественного предопределения, свободный выбор человеком своего пути и плодотворность его усилий по восхождению к совершенству; несколько героизировало антропологический идеал в духе античной этики. Оно встретило самое суровое осуждение со стороны западного богослова Аврелия Августина, отводившего определяющую роль в спасении человека провидению, божественной благодати и христианской церкви.

В этих спорах уже очень рано проявились различия в философской направленности Востока и Запада в рамках одной мировоззренческой системы — христианства. С течением времени эти разногласия будут углубляться и приведут к обособлению восточной — православной и западной — католической церквей².

В формирующейся христианской идеологии в этот период можно наметить две струи: аристократическую, связанную с господствующей церковью и императорским двором, и плебейски-народную, выросшую из ересей и корнями уходящую в толщу религиозно-этических представлений народных масс и широких слоев беднейшего монашества. Представители первого направления — придворная аристократия, высшее духовенство, образованная интеллигенция крупных городов — энергично выступают за использование всего лучшего, что было дано человечеству античной культурой. Христианские богословы, писатели, проповедники все чаще и чаще заимствуют из сокровищницы греко-римской цивилизации импонирующую простоту и пластичность философской прозы, филигранные методы неоплатонической диалектики, логику Аристотеля, практический психологизм и искристое красноречие античной риторики. В ранневизантийский период христианская ученая литература достигает высокой сте-

пени утонченности, соединяя изысканное изящество формы с глубоким спиритуализмом содержания.

Вся духовная жизнь общества отличается драматической напряженностью; во всех сферах знания, в литературе, искусстве наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой. Эпоха становления новой, средневековой культуры рождает талантливых, порою отмеченных печатью гениальности мыслителей, писателей, поэтов (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец).

В христианской философии той эпохи возвышается загадочная фигура выдающегося мыслителя, теолога и философа Псевдо-Дионисия Ареопагита. Неизвестный богослов, живший в V—VI в., принял псевдоним Ареопагита, афинянина, якобы обращенного в христианство еще в I в. апостолом Павлом на холме Ареопага. Его настоящее имя остается до сих пор неизвестным, хотя и высказывалась гипотеза о том, что им был монофиситский церковный деятель из Грузии Петр Ивер. Литературное наследие Псевдо-Дионисия Ареопагита поистине огромно, ему принадлежит ряд богословских трактатов — «О божественных именах», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии» и др., а также несколько посланий на теологические темы. Грандиозная религиозно-философская система Псевдо-Дионисия Ареопагита соединяет неоплатонизм с христианством. Его учение о небесной иерархии опирается на неоплатоническую онтологию: божество и существующий благодаря ему космос мыслятся в виде нисходящей иерархической лестницы небесных сил. Его концепция церковной иерархии носит социофилософский характер и строит иерархию земной церкви по образцу небесной. Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, собранные в «ареопагитический» корпус, оказали значительное воздействие на развитие средневековой богословско-философской мысли, а в какой-то мере и на художественные аспекты культуры средних веков.

Григорий Назианзин, друг и соратник Василия Кесарийского, был не только выдающимся богословом, но и талантливым писателем и поэтом³. Человек трудной судьбы, одинокий, чуждавшийся людей аскет, познавший все тяготы жизни, находил утешение в поэзии, проникнутой глубоким лирическим чувством. Он скорбит о жестокости века, сетует на измену друзей, предательство еди-

номышленников, интриги церковников. Поистине криком истомленной души звучат строки одного из его стихотворений:

Друзья врагами стали; плоть недуг язвит;
Каменьями толпа меня приветствует;
Отъята паства, чада же духовные
Одни со мной разлучены, другие же
Спешат предать. Увы, печаль отцовская!
Собратья же по сану, злее недругов,
Забыли и о трапезе таинственной,
Об общей доле в пастырском служении
(О том, что и в презренном подобает чтить);
Не подадут мне утешенья в бедствиях,
Спиною повернувшись к одинокому!

Интимная биографичность, глубочайший самоанализ, смятенность душевных переживаний характерны для некоторых поэтических произведений Григория Назианзина. В автобиографических поэмах Григория «О моей жизни», «О моей судьбе» и «О страданиях моей души» с необычайной силой звучат скорбные мотивы одиночества, душевных страданий, духовных борений в поисках смысла жизни.

Кто я? Отколе пришел? Куда направляюсь? Не знаю.
И не найти никого, кто бы наставил меня.

Безмерное разочарование в жизни и в самом себе, смятенные поиски истины, глубокая душевная усталость характерны для поздней поэзии Григория:

О, что со мною случилось, боже истинный?
О, что со мною случилось? Пустота в душе,
Ушла вся сладость мыслей благодетельных,
И сердце, омертвевшее в беспамятстве,
Готово стать приютом князя мерзости.

(Пер. С. С. Аверинцева)

Психологизм и душевная открытость поэзии Григория Назианзина перекликаются со знаменитой на Западе «Исповедью» Августина.

Третьей яркой звездой в созвездье талантов ранней Византии был поэт Роман Сладкопевец (род. в конце V в.; умер после 555 г.). По силе таланта, самобытности поэтического мышления, искренности и глубине чувств знаменитому гимнографу по праву принадлежит первое место в церковной поэзии VI в. Уроженец Берита, он соединил в своем творчестве сирийские и греческие традиции. В своих произведениях Роман выразил стихию народной поэзии и мироощущение широких масс населения

Византии. Выдающейся заслугой его было создание в церковной гимнографии новой поэтической формы — литургической поэмы, так называемого кондака, вскоре ставшей господствующей в православной литургии. Гуманизм, проникновенность и искренность эмоций в соединении с бескомпромиссностью нравственных оценок, почерпнутых из глубин народного сознания, принесли Роману популярность в широких кругах византийского общества. Поэту не были чужды и социальные, обличительные мотивы, импонирующие его слушателям из народа. Так, в одном из гимнов он пишет:

...Над убогим богат надругается,
Пожирает сирых и немощных;
Земледеельца труд — прибыль господская,
Одним пот, а другим роскошества,
И бедняк в трудах надрывается,
Чтобы все отнялось и развеялось!..

Порою Роман обращается к простым житейским вопросам, волнующим его современников:

...Неженатый в тоске угрызается,
Женатый в суете надрывается;
Бесчадный терзаем печальями,
Многочадный снедаем заботами;
Те во браке трудами снедаемы,
Те в безбрачьи бесчадьем терзаемы...

(Пер. С. С. Аверинцева)

Возвышенная эмоциональность и духовность поэзии Романа сочетаются с бытовыми образами и деталями, увиденными в реальной жизни. Высокоталантливое поэтическое творчество этого знаменитого гимнографа дает яркое представление о духовном мире человека ранней Византии. Церковная поэзия Романа Сладкопевца оказала огромное влияние на всю византийскую гимнографию последующего времени. В музыке к своим гимнам он использовал народные мелодии.

Острейшая социально-политическая и идеологическая борьба в Византии IV — первой половине VII в. как в зеркале отразилась в сочинениях византийских историков как светского, так и церковного направлений⁴. Историческая литература этого периода чрезвычайно богата. Ранняя Византия оставила потомкам труды целой плеяды прославленных светских историков: Аммиана Марцеллина, Евнапия, Олимпиодора, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора и Феофилакта Симокатты. Среди них по

своему таланту, силе ума, творческому горению, яркому темпераменту и широте взглядов, бесспорно, возвышаются двое — Аммиан Марцеллин и Прокопий, за ними следуют Агафий и Феофилакт Симокатта.

Аммиан Марцеллин (около 330 — около 395) — последний римский и первый ранневизантийский историк, суровый солдат, грек-язычник, воспевавший историю Римской империи⁵. О жизни этого выдающегося историка и писателя IV в. известно сравнительно мало. Аммиан родился в столице Сирии Антиохии в интеллигентной языческой семье. Он прожил долгую и яркую жизнь, полную радостей и печалей, успехов и неудач. Молодость он провел в военных походах как солдат римской армии. В 363 г. Аммиан принял участие в походе императора Юлиана против персов. Он искренне любил Юлиана, был сторонником его политики восстановления язычества, гордился победами императора и горько оплакивал его гибель. В годы войны Аммиан много путешествовал, познал мир и людей, опасности битв и тревоги походов. В 80-е годы IV в., видимо попав в опалу, Аммиан покидает Восток и переселяется в Рим. Там начинается второй период его жизни, он становится ученым-историком, пишет свой труд «Деяния, или История», посвященный истории Римской империи до 378 г. Зрелые годы писателя бедны внешними событиями — это был период напряженной работы ума и сердца, нравственного совершенствования, размышлений над судьбами римского государства и народа. В Риме Аммиан познал и горькую судьбу эмигранта, третируемого невежественной знатью, и радость успеха своего труда, получившего признание среди образованной римской публики.

Аммиан Марцеллин — патриот и поклонник идеалов Древнего Рима, всей душой ненавидит тиранию современных ему императоров, историк бескомпромиссен в суждениях, беспощадно разоблачает растленных правителей римского государства, погрязшую в роскоши и пороках римскую знать, распущенный и легко возбудимый римский плебс. В труде Аммиана всегда присутствует морально-этическая оценка лиц и событий. Историк ясно очерчивает грань, пролегающую между добрыми и дурными делами, правдой и ложью. Похвала и порицание — это как бы камертон всего его повествования. Высоко ценя в людях нравственную чистоту и правдивость, Аммиан требует от историка говорить истину, честно выполняя долг перед современниками, самим собой и потомка-

ми. Духовные ценности Аммиан ставит выше, чем роскошь и богатство, а разум неизмеримо выше грубой силы. Сын своего века, Аммиан верит в судьбу, рок, бессмертие души. В бурях современных ему событий историк находит точку опоры в образе идеального государя-императора Юлиана. В панегирике, созданном писателем, Юлиан предстает как личность сильная и обаятельная, натура страстная и решительная, склонная к отвлеченному мышлению и экзальтации, мудрец и воин на троне.

Аммиан был самобытным, высокоодаренным художником слова, создавшим галерею живых и впечатляющих портретов действующих лиц мировой драмы. Художественные приемы Аммиана весьма разнообразны: чаще всего он прибегает к методу контрастирования, добро и зло воплощается в положительных и отрицательных героях, причем он не ограничивается их внешней характеристикой, но дает и психологические портреты. Аммиан — большой мастер массовых сцен. Умение достичь яркой образности жизненных картин борьбы и страданий народа — одна из самых сильных сторон его творческой манеры. Аммиан тяготеет к драматизации событий, порою переходящей в трагедийную патетику. Потрясают воссозданные им батальные сцены: льются потоки крови, раздаются предсмертные стоны, лежат груды мертвых тел. Но основную славу писателю принесли мастерски написанные портреты императоров и других политических деятелей той эпохи. Гражданская позиция писателя, смелость и нелюбезность оценок, жизненная правда образов придают портретной галерее Аммиана непреходящую ценность.

VI век был особенно богат выдающимися историческими сочинениями. Среди историков этого столетия первое место по уму и таланту, глубокой наблюдательности и знанию жизни, бесспорно, принадлежит Прокопию Кесарийскому⁶.

Прокопий (около 500 — после 565 г.) — сирийский грек, уроженец Кесарии Палестинской, блестяще образованный ритор и юрист, посвятил себя придворной и дипломатической карьере. Советник и доверенное лицо полководца Велисария, он совершил со своим патроном многие дальние походы, участвовал в завоевании королевства вандалов в Северной Африке, государства остготов в Италии, воевал против персов и других врагов империи. Он всегда находился в самой гуще политических событий, был знаком со многими выдающимися

государями и полководцами своего времени. Свои огромные знания, жизненный опыт он вложил в созданные им исторические сочинения. В «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», в трактатах «О постройках Юстиниана» и «Тайная история» Прокопий рисует историческое полотно грандиозных масштабов. Перед читателем, как на движущейся сцене, проходят Северная Африка и Италия, Испания и Балканы, Иран и отдаленные страны Юго-Восточной Азии. Стоявшему на высокой ступени общественной лестницы Прокопию мир виделся сквозь призму острейших социально-политических конфликтов, он мыслил масштабами политического деятеля, видел столкновения государств и народов, правителей империи и варварских королей, ему были известны самые мрачные придворные тайны. Он познал и суровые испытания дальних походов, и роскошь придворной жизни, сладость милостей сильных мира сего и горечь опалы. Плодом глубоких раздумий, борения политических и личных страстей явилась «Тайная история» Прокопия — труд поистине единственный в своем роде во всей византийской историографии. Написанная в глубокой тайне, она с предельной откровенностью обнажает все пороки империи и ее правителей, обойденные молчанием в официальных трудах того же автора, в которых Юстиниан изображается добрым гением империи, великодушным правителем, творцом многих великих дел. В «Тайной истории» Юстиниан, наоборот, выведен злодеем на троне, неутомимым тираном, злым демоном Византийского государства, разрушителем империи. В сочинениях Прокопия, особенно в его «Тайной истории», в беспощадном обличении тирании Юстиниана и Феодоры окружающий мир предстает нестабильным, хаотичным, изменчивым, потрясаемым жестокими катастрофами. Резко критическое отношение к живой современности и несколько рассудочное восхваление канонизированного прошлого, уже угасшего величия Рима — вот идеи, которые роднят Аммиана Марцеллина и Прокопия, отделенных друг от друга почти двумя столетиями. Как Аммиан, так и Прокопий в какой-то степени отражают идейные симпатии и антипатии senatorской аристократии, первый — старого Рима на берегах Тибра, второй — нового Рима на берегах Босфора.

Прокопий — апостол идей старой senatorской, порою еще языческой аристократии, в своих разящих инвекти-

вах против правительства Юстиниана не только продолжает традиции Аммиана, но и чем-то близок к громовым проповедям идейного вождя воинствующего христианства Августина Гиппонского, обрушивавшего проклятия на головы владык Рима. И тот, и другой достигают огромной обличительной силы и высокого эмоционального накала в критике правящей верхушки империи. Прокопий — честолюбец, государственный деятель — презирает народ и превозносит аристократию. Печать избранности для него всегда связана с аристократизмом происхождения, знатностью по крови, древностью рода.

Прокопия нередко сравнивают с его младшим современником историком и поэтом Агафием Миринейским (около 536 — около 582). Агафий происходил из знатной семьи города Мирина в Малой Азии. Получив блестящее образование в Константинополе и Александрии, он занялся адвокатурой в столице империи. Юные годы Агафия протекли среди «золотой молодежи» Константинополя, ему не были чужды все радости бытия, он увлекался поэзией и написал немало лирических стихотворений, объединенных в сборники «Дафниака» и «Цикл». После разорения своей семьи Агафий принужден был зарабатывать на жизнь трудом адвоката. Однако душа его тянулась к творчеству, и он очень тяготился своими обязанностями. Перу Агафия принадлежит и историческое сочинение «История войн Юстиниана», которое представляет собой прямое продолжение произведения Прокопия⁷.

Утонченный эрудит, Агафий Миринейский был идеологом византийской интеллигенции, духовной элиты Константинополя. Если Прокопия больше всего привлекает государственная деятельность, если он мечтает о власти и богатстве, то Агафий превыше всего ставит труд ученого, историка, писателя, мастера-творца. Он ценит душевный покой и грустит, когда что-либо мешает его творчеству. По мнению Агафия, императорский двор, обстановка лести, окружающая престолы царей, отнюдь не способствуют занятию науками и ученым надлежит искать покоя и уединения. Агафий в истории больше поэт, чем историк, Прокопий — больше политик, чем писатель. Вместе с тем и Прокопий, и Агафий по своим философским взглядам, характеру и манере повествования, литературному стилю во многом являются продолжателями античной историографии.

Политический и интеллектуальный горизонт Прокопия значительно шире, чем у Агафия. В его трудах присутствует историческая перспектива, глубокий политический и социальный анализ событий, исторических ситуаций, лиц. В сочинениях Прокопия всегда на авансцене — политик, а на втором плане — моралист. Он ищет в истории не пепел ее, а огонь. Морализирование и поучение совсем чужды скептическому уму и желчному темпераменту Прокопия. Философско-этические взгляды Прокопия проникнуты глубоким пессимизмом. Его мировоззрение сумрачно, сурово, проникнуто глубоким скептицизмом. Прокопий — фаталист, верит в безусловную и грозную силу рока; это божество слепо, капризно, действует по неведомому произволу, и намерения его не могут быть разгаданы людьми.

Если сравнить мировоззрение Прокопия и его продолжателя Агафия, то Прокопий более склонен к агностицизму, а более мягкий и оптимистичный Агафий — к философскому рационализму. Идеал государственного и политического правления для Прокопия — это монархия, ограниченная волей сената, выразителя и защитника интересов высшей римской аристократии. Идеальный правитель для Агафия — это мудрец, философ на троне, заботящийся о всеобщем благе. Государство должно управляться достойными людьми, мудрецами. Классической моделью наилучшего государственного устройства, как признает Агафий, служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое». Как в жизни, так и в творчестве Прокопий активнее, энергичнее, злее, чем утонченный, поэтический, нравственно более чистый Агафий.

В вопросах этики, морали, нравственности Агафий значительно мягче, добрее и оптимистичнее своего прославленного предшественника Прокопия. В отличие от последнего Агафий видит в человеческой природе не только одни дурные черты, но и хорошие — доброту, милосердие, честность, мужество, благородство. Агафий прямодушен и искренен в своих этических оценках. Могучий, но скептический ум Прокопия бичует пороки человека. Мудрый, спокойный Агафий скорее скорбит о них. Агафий прославляет возвышенную любовь, целомудрие, радости законного брака. Прокопий же спускается в самые бездны человеческой души, показывает низменные пороки, разврат, прелюбодеяния, ревность, корысть, зависть, моральное растрепывание своих героев. Нравствен-

ные нормы в мире Прокопия уже утратили свою сдерживающую силу.

Как писатель-художник Прокопий, бесспорно, много выше всех других историков того времени. Его рассказ динамичен, красочен, повествование течет свободно, раскованно, связь событий не хронологическая, а логическая. Прокопий как бы владеет временем, свободно меняет время и место действия, вводит в изложение вставные новеллы, экскурсы. Палитра изобразительных средств у Прокопия, как и у Аммиана Марцеллина, очень богата. Здесь мы встречаем и трагедийные сцены, и героику, и гиперболизацию, и ядовитую насмешку, гротеск. Ядовитый, пронизательный, изощренный ум Прокопия тонко подмечает пороки людей и дает им яркие, броские характеристики. Прокопий очень любит портрет. Причем портреты у него в отличие от Аммиана Марцеллина не похожи на эпитафии или панегирики, они органически вплетены в ткань повествования, слиты с ним. Прокопий — личность, бесспорно, сильная, но раздираемая глубочайшими душевными конфликтами и страстями. Под маской холодного царедворца живет великий честолюбец, обуреваемый жаждой власти. Он не склонен к рефлексии и утонченной бездеятельности. Прокопий — всегда дело, порыв, борьба. Он не прощает обид и беспощаден к врагам. Обличая лицемерие, он сам лицемер.

Последний из плеяды выдающихся светских историков Феофилакт Симокатта (конец VI — первая половина VII в.), сохранив многие родственные Прокопию и Агафию черты, уже несколько дальше продвинулся по пути эволюции ранневизантийской историографии от античности к средневековью. И хотя античные приемы и методы создания исторических сочинений, эрудиция, почерпнутая у классических авторов, античные реминисценции и цветистая риторика в духе античных образцов составляют основу произведения Симокатты, все же влияние новой эпохи, и прежде всего христианства, чувствуется у него сильнее, чем у Прокопия и Агафия⁸. В таланте художественного изображения и в силе творческой мысли Феофилакт уступает своим знаменитым предшественникам. Он прежде всего историк-эрудит, не художник, а ритор, у которого риторика преобладает над жизненно правдивым освещением исторических событий. Личная авторская позиция, столь сильно звучащая у Прокопия и даже Агафия, у него зачастую заме-

няется риторическими рассуждениями, античными реминисценциями, общими местами (топосами), взятыми из классической литературы. Его мировоззрение окрашено в тона легитимистской лояльности и преданности сильной и законной императорской власти. В отличие от Аммиана Марцеллина, Прокопия и даже Агафия Теофилакту Симокатте совершенно чужда критика законной правящей династии.

В «Истории» Теофилакта Симокатты четко и последовательно излагается политическая концепция государственной власти, рисуется законченный образ идеального императора. Первой заповедью монарха в его деятельности должно быть благоразумие: «Держи в узде разума произвол своей власти, с помощью философии, как рулем, управляй кораблем своей империи». Вторая заповедь — скромность: «Стремись заслужить не страх, а расположение своих подданных, льстивым речам предпочитай упреки — они лучший наставник в жизни». Третья заповедь — справедливость. Император должен сочетать справедливость и доброту с разумной предусмотрительностью: «Пусть кротость управляет твоим гневом, а страх — благоразумием». Властелин должен познать тщету всего земного, преходящий характер счастья и власти. От идеального правителя Теофилакт, историк-христианин, требует еще христианского благочестия и милосердия. Эти идеи сближают его с церковными писателями. В предисловии к своему труду Теофилакт воспеваает человеческий разум и лучшим творением его считает историю. Но сама история будет бесплодна, если не определит причин того или иного события. Пропев гимн человеческому разуму, умению изменить мир, украсить его, историк все же склоняет голову перед идеей бренности, скоротечности всего земного. «Нет ничего более изменчивого, чем счастье, — пишет историк, — у победы быстрые крылья, и скользят стопы триумфов. Победные трофеи тленны. Сегодня ты видишь день в розовых красках, в шафранного цвета одеждах, светлый, сияющий и смеющийся. Назавтра его же увидишь ты сумрачным, подернутым темной пеленой, закутанным в непроглядный мрак». Философский эклектизм, близкий к агностицизму, свойственный ранневизантийским историкам, видимо, был знаменем переходной эпохи, связанной с поисками единой философско-религиозной концепции.

В произведениях ранневизантийских историков светского направления как бы слились, смешались воедино

элементы античной и новой, нарождающейся средневековой культуры. Мироззрение этих авторов носит на себе родимые пятна идеологии рабовладельческого мира. Это находит выражение в прославлении величия Рима и римской миродержавной исключительности, в социальной позиции писателей. Вместе с тем в трудах ранневизантийских историков уже появляются новые тенденции, сказывающиеся от века к веку со все большей силой и очевидностью. В их мирозерцании проникают элементы христианского вероучения, прежде всего христианской этики и морали; изменяется отношение к варварским народам, становясь все более примирительным и терпимым. Эти новые черты видения мира можно обнаружить у некоторых византийских историков и в напряженных поисках ответа на мучительные философские вопросы о соотношении божества, человека и природы, о месте человеческой личности в истории и вселенной.

Серьезные изменения в идеологической жизни ранней Византии породили новые жанры византийской историографии: появились жанры церковных историй и всемирных хроник. Новой идеологии — христианству — было необходимо создать не только свою богословскую и церковную традицию, но и свою историю. Христианство должно было иметь свое историческое прошлое столь высокого образца, что бы его можно было противопоставить государственному величию Рима и интеллектуальным ценностям Греции. Надо было создать христианское видение мира, новое историческое мышление, иную, чем в античности, форму исторических сочинений, доступную не только образованным слоям общества, но и широким народным массам, для которых сложные теологические труды были непонятны и малодоступны.

Но главное — идеологам христианства необходима была новая историко-философская концепция всемирно-исторического процесса. Естественно, эта новая концепция строилась на фундаменте христианской догматики, Ветхого и Нового завета, трудов христианских богословов. Однако важным компонентом стали и лучшие достижения античности, хотя и далеко не все. Борясь против языческой религии, христианские апологеты вместе с тем не могли полностью отрешиться от классической образованности, освободиться от чарующего воздействия античной культуры. В церковно-исторических трудах апологетов христианства не Геродот, Фукидид и Полибий, а Библия становится основной канвой, по которой цер-

ковные историки расшивают узоры исторического повествования. В осмыслении событий мировой истории разум должен был окончательно уступить место вере. Фундаментальная религиозно-философская идея о вечности христианской религии порождала представление о вечности истории. История человечества продолжалась апологетами христианства назад до акта творения богом человека и вперед фактически до бесконечности. Тем самым в корне менялось философское понятие исторического времени: циклизму античной историографии ныне противопоставлялось линейное время и последовательная смена эпох согласно библейским канонам.

Складывание христианской историко-философской концепции было длительным и сложным процессом. Первыми ее создателями были Евсевий Кесарийский (около 265—340) на Востоке Римской империи и Аврелий Августин (354—430) на Западе. В исторических построениях и того, и другого мы находим еще немало родимых пятен античности, причудливого смешения христианской догматики и неоплатонизма. Однако именно они заложили основы новой трактовки исторического времени, которой суждено было стать господствующей в течение всего средневековья. На историко-философские взгляды отца церковной историографии Евсевия оказали влияние прежде всего ближневосточная библейская традиция, а также в значительной степени Платон и неоплатоники. Евсевий высоко ценит научные и теологические познания христианских теологов и проповедников, но одновременно с глубоким уважением отзывается о языческих философах Платоне, Пифагоре, Плотине, Порфирии и других дохристианских мыслителях. Именно от Платона и неоплатоников Евсевий воспринял философское представление о вечности. Историческая концепция Евсевия весьма оптимистична. Он признает поступательный ход истории человечества, постоянное обновление человека, происходящее, по его мнению, под влиянием христианства.

В отличие от Евсевия историко-философская концепция Аврелия Августина глубоко пессимистична и окрашена в трагические тона. Историческое время у Августина отражает движение по прямой линии, как и у Евсевия, но он не верит в прогресс человечества в земной жизни. От античности Августин воспринял деление истории по аналогии с возрастными периодами человека, истолковав его в христианском духе. Сочинения Аврелия Августина давали отвлеченное, философское видение истории в хри-

стианской интерпретации, труды же Евсевия Кесарийского, и в первую очередь его «Церковная история», создали ее христианскую модель, практически важную для средневековой историографии.

В христианской историко-философской концепции раннего времени постепенно меняется представление не только о временном, но и пространственном континууме. В раннем христианстве наряду с проповедью социального равенства всех людей звучат мотивы равенства всех племен и народов. В отличие от античного полисного сепаратизма или имперской римско-византийской исключительности эта концепция раздвигала рамки локальной истории до всемирно-исторических масштабов, открывала перед историками новые горизонты. На смену истории Римской империи и варваров постепенно приходила история всех стран и народов. Все они независимо от расовой принадлежности, цвета кожи, географического их расселения, этнических и социальных особенностей жизни могли воспринять христианство. Но вот именно только принятие христианства открывало им дорогу в среду избранных христианских народов.

Итак, в церковной историографии ранней Византии — в трудах Евсевия Кесарийского и его последователей: Сократа, Созомена, Феодорита Киррского, Евагрия — создается христианская, основанная на Библии концепция всемирной истории. Изменяются представления об историческом времени и пространстве. На смену античной теории цикличности исторического развития приходит концепция линейного времени, отсчет которого ведется от сотворения мира. Закрытость и гордая исключительность Римской империи, презиравшей варваров, заменяются открытостью христианской ойкумены, включавшей все народы без различия расовой и этнической принадлежности. Всем церковным историкам была свойственна также апология господствующей христианской церкви⁹.

Новые эстетические идеалы в это же время были выдвинуты представителями народного течения в христианской идеологии. Это направление вольно или неволью все больше приближает христианскую литературу к народу и отрывает ее от ученой античности. В художественное творчество все сильнее проникают искренность и эмоциональность, народная наивность и цельность восприятия мира, резкость нравственных оценок, неожиданное соединение мистицизма с жизненностью бытового ко-

лорита, набожной легенды с деловым практицизмом. Эти новые веяния находят отражение в народно-еретической литературе, монашеской повести, агиографии, церковной поэзии. От ранней Византии сохранились поразительные по своей наивной экзальтации и непреклонной преданности религиозной идее сочинения церковных писателей-еретиков: ариана Филосторгия, монофиситов Иоанна Эфесского, Захария Ритора, Бархадбешабы, с необычайной страстностью отстаивавших свои еретические воззрения⁴⁰. Эти труды, пронизанные богословской полемикой, с огромной искренностью, правдивостью и художественной силой отражают лихорадочный темп жизни той эпохи, полной социальных, политических и религиозных катаклизмов, особенно в восточных провинциях империи. Монашеская идеология, нередко питаемая народной средой, активно воздействует на житийную литературу. Наиболее яркие примеры этого — такие сборники житий, как «Лавсаик» Палладия (V в.) и «Луг духовный» Иоанна Мосха (VI—VII в.), пользовавшиеся популярностью у широких слоев населения Византии. Сильная народная струя проникает в литургическую поэзию, где рождается новая метрика и ломаются античные нормы стихосложения. В Византии VI в. появляется такой замечательный поэт, гимнограф и музыкант, как Роман Сладкопевец.

Меняется и сам человек, его видение мира, его отношение к вселенной, природе, обществу. Создается новый по сравнению с античностью «образ мира», воплощенный в особой системе знаков и символов. На смену античному представлению о героической личности, античному пониманию мира как мира смеющихся богов и бесстрашно идущих на смерть героев, где высшее благо — ничего не бояться и ни на что не надеяться, приходит мир страждущего, униженного, раздираемого противоречиями маленького греховного человека. Он бесконечно унижен и слаб, но он и бесконечно велик, ибо безгранично верит в свое спасение в иной жизни и в своей ослепительной надежде сохраняет высокое человеческое достоинство.

Если классическое античное представление о человеке было статуарно-замкнутым, целостно-пластичным, то христианство с небывалой интенсивностью выявляет мучительное раздвоение внутри человеческой личности. Меняются представления человека о космосе, о времени и пространстве, о ходе истории: на смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, обусловленное волей бога поступательное

движение истории ранневизантийских историков и хронистов. Усиливается дидактический, «учительский» элемент во всех сферах культуры; слово и книга, знак и символ, пронизанные религиозными мотивами, занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи.

В ранневизантийской хронографии причудливо соединились христианская историко-философская концепция всемирной истории с античными реминисценциями, языческими мифами и легендами. Византийские хронисты, особенно Иоанн Малала¹¹ (VI в.), испытали воздействие великих историков античности Геродота, Фукидида, Тита Ливия и корифеев античной литературы Эсхила, Еврипида, Вергилия. Изложение хроник строится согласно строгому хронологическому принципу, личное мнение хрониста заменяется компиляцией, мозаикой мнений многих авторов. Если сравнить даже самого талантливого хрониста Иоанна Малалу со светскими историками Аммианом, Прокопием и Агафием, бросается в глаза исчезновение индивидуальных черт сочинения, затемнение авторской личности. В хрониках упрощается язык и стиль, хронисты, особенно в восточных провинциях (Иоанн Антиохийский, Иоанн Епифанийский, Иешу Стиллит и др.), многое черпают из народной культуры. Хронология у них выдвигается на первый план (Пасхальная хроника). В дальнейшем эти характерные признаки хронографии как жанра еще усиливаются и находят полное развитие в летописании средневековой Византии¹².

Византийская риторика той эпохи, игравшая важную роль в общественной жизни, также являлась ареной острых идейных и религиозных битв. В Константинополе при императорском дворе процветал жанр похвальных речей и панегириков в честь василевсов, их семей, произносимых по случаю торжественных праздников или побед над врагами. Даже при христианских императорах эти речи были облечены в античные одежды, риторы изощрялись в классическом ораторском искусстве, их энкомии (похвальные слова) блистали метафорами и образами языческой мифологии и литературы. Языческие риторы Фемистий, Гимерий, Ливаний потрясали слушателей отточенностью классического стиля, необычайной эрудицией, знанием всех тайн ораторского искусства. Самым талантливым из них, бесспорно, был антиохийский ритор Ливаний (314 — около 393), в блистательных речах которого как бы воскресает красочная и напряжен-

ная жизнь столицы Востока — Антиохии. Идеолог муниципальной знати, приверженец языческой религии, Ливаний постоянно грустит по милому его сердцу прошлому римского государства.

Другой талантливый ритор, выдающийся мыслитель и поэт Синесий Киренский (около 370 — около 413), воспитанный в традициях античной культуры, на склоне лет, однако, разочаровался в языческой религии, перешел в христианство и стал епископом Птолемаиды в Северной Африке. Блестящий оратор, знаток античной культуры Синесий выступал с речами по самым животрепещущим вопросам современности. В речи «О царстве», обращенной к императору Аркадию, Синесий призывал императора возродить греческую армию и не принимать в нее наемников-варваров, в лице которых ритор видел самых опасных врагов империи. В своих философских сочинениях и в литургических гимнах Синесий пытался соединить античную культуру с христианством. В духе античной поэзии он прославляет рождение Христа, используя образную топику античности, рисует в одном из своих гимнов появление Христа в сопровождении богов античного Пантеона — Гелиоса, Селены и бога вечности Зона¹³.

Открытую и непримиримую борьбу с язычеством и античной культурой вели в ту эпоху христианские церковные проповедники. Среди них блистал ораторским талантом, неукротимым темпераментом и поразительной силой воздействия на народные массы Иоанн Златоуст (около 350—407), неумолимо обличавший пороки и растленность языческой знати. Пламенные речи Иоанна Златоуста оставались в средневековой Византии непрекращаемым образцом церковного красноречия¹⁴.

В духовной жизни общества наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, мыслей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой. В эпической поэзии Нонна Панополитанского (V в.) и его последователей воскресает эпос во всей силе и многообразии этого жанра. Нонн, родом копт, овладел греческим языком и написал по-гречески грандиозную эпическую поэму о Дионисе. В этой поэме, длинной и порою малопонятной, учено-мифологический сюжет, хотя и интерпретированный слегка в духе новой эпохи. В другом сочинении Нонна сделана попытка переложить гекзаметром Евангелие от Иоанна, здесь господствует уже христианская

мистика. Поэзия Нонна характеризуется захватывающей фантазией, эксцентричностью и поэтическим пафосом. Однако ей недостает высокой простоты и цельности¹⁵.

Среди византийских поэтов рубежа V—VI вв. выделяется александриец Паллад. Горячий приверженец античной культуры, он с грустью осознает неизбежную гибель уходящего, но столь близкого его сердцу античного мира. Не приемля христианства, Паллад оплакивает горькую судьбу античных богов. В стихотворении «На дом Марины» он пишет:

Боги Олимпа теперь христианами стали и в доме
Этом бесечно живут, ибо пламя им здесь не опасно,
Пламя, кормящее тигель, где плавится медь на монету.

(Пер. Ю. Ф. Шульца)

В VI в., в правление Юстиниана, оживляются антикизирующие тенденции в поэзии. Среди лирических поэтов выделяются Агафий Миринейский и Павел Силенциарий.

Поэтическое творчество Агафия, как и его исторический труд, свидетельствует о светлом, жизнеутверждающем мировоззрении поэта. Агафий преклоняется перед земными радостями, воспевает земную красоту, прелести природы, поэзии, чувственной, но чистой любви. Его стихи в античном жанре эпиграммы полны лирического чувства, радости жизни, надежды на счастье. Снисходительный к увлечениям молодости, Агафий вместе с тем высоко ценит целомудрие и добродетель женщин, воспевает прелести законного брака. Агафий всей душой против аскетизма, умерщвления плоти. Какой бесконечной верой в чистоту и красоту земной любви проникнута, например, эта эпиграмма:

И хоть меня целовать запретили красивой Роданфе,
Выход придумала все ж: пояс свой с бедер сняла
И, растянув его между собою и мной, осторожно
Поцеловала конец пояса, я же — другой.
Влагу тянул я любви, я вбирал в себя чистый источник,
И поцелуй ее я ощущал на губах.
Тем же платил ей и я, мы в игре той усладу искали,
Пояс Роданфы моей слил наши крепко уста.

В другой эпиграмме описывается, с каким трепетом и тоской невеста ждет жениха, с какой страстью молит она богов не помешать их свиданию:

Не оплывай, мой ночник, ведь нагар предвещает беду мне, —
Дождь помешает прийти снова ко мне жениху,

К Пафии — зависть твоя. Вспомни быть о Геро и Леандре,
О, позабыть бы конец!.. Больше не думать о том!..
Видно, Гэфеста рабом ты становишься, но, на Киприду
Гневаясь, ревность его только ты вводишь в обман.

С искренней скорбью Агафий оплакивает перед могилой превратившуюся в прах красоту некогда прекрасной гетеры:

«Жалко, — сказал, — мне тебя, никогда хоть я не был с тобою». Тихо скатилась слеза с глаз моих — дань красоте.
Юношей скольких мечты волновала когда-то, а ныне
Леты поток все унес, в прах превратилась краса.
(Пер. Т. М. Соколовой и М. Н. Цетлина)

Поэзия Агафия полна античных реминисценций, античная философия помогает ему преодолеть свойственный человеку страх смерти, но не через христианское учение о бессмертии души, а через наслаждения земной жизнью.

Придворный сановник Юстиниана и автор эротических эпиграмм Павел Силенциарий создал прекрасные образцы лирической поэзии, исполненные глубокой страсти и трепетной нежности. Один из шедевров Павла Силенциария — образец соединения гедонистической страстности и целомудренной чистоты:

Сладко Лавида, друзья, улыбается, сладко и слезы
Льет она из своих тихо опущенных глаз.
Долго вчера у меня она беспричинно рыдала
И головой к моему все принадлежала плечу.
Плакала горько она, а я целовал, и сливались
Слезы в единый поток, нам орошавший уста.
Но на вопрос мой — «О чем же ты плачешь?» — она отвечала:
«Бросишь меня, я боюсь; все ведь обманщики вы»...
(Пер. В. Блауженау)

Любовная лирика Агафия и Павла Силенциария — яркое свидетельство того, что в VI в. в Византии античная культура не потеряла своей жизненной силы и оказывала огромное влияние на поэзию того времени. Почти во всех сферах общественной жизни в эту переходную эпоху античная культура еще не сдает своих позиций, оказывает постоянное сопротивление натиску христианства и очень медленно уступает место христианской идеологии. Борьба античной и рождающейся христианской культуры проходит красной нитью через всю историю Византии IV — первой половины VII в. Она, в частности, отразилась в творчестве Георгия Писиды (конец VI — начало VII в.) — последнего выдающегося поэта

той эпохи. Это был один из крупнейших эпических поэтов Византии. Набожный христианин, он, однако, широко пользуется античным наследием, хотя уже сильно видоизменяя его. Он автор нескольких поэм на актуальные темы современности. В частности, он воспевает походы и триумфы императора Ираклия. Его перу принадлежит также поэтическое сочинение поучительно-го характера «Шестоднев, или О сотворении мира», пользовавшееся известностью в последующие века.

Отличительной особенностью системы образования в ранней Византии было сохранение еще в значительных масштабах античных традиций¹⁶. Византия унаследовала от греко-римского мира классическое образование, в основу которого было положено изучение семи свободных искусств. Программы обучения как в высшей, так и в начальной школе, выработанные в предшествующие столетия, еще не подверглись коренной ломке. В IV — первой половине VII в. в Византийской империи существовали и даже процветали высшие школы. Сохранили свою былую славу школы философии и естественных наук в Александрии и Антиохии, ораторского искусства в Кесарии, Газе, Никомидии, Кизике, Никее и Анкире. Центром античной философии оставались Афины. Философские школы сохранялись в Пергаме, Эфесе, Сардах. В VI в. приобрела большую популярность Магнаврская высшая школа в Константинополе с кафедрами греческой и латинской грамматики, риторики, философии и права. В связи с кодификацией римского права и расцветом юриспруденции при Юстиниане окрепли старые центры юридического образования, подобные Бериту, и возникли новые в Константинополе. Большинство научных центров концентрируется в это время в восточных провинциях империи и в Малой Азии. Исключение составляли лишь Афины и Константинополь.

Православная церковь, разумеется, не могла оставить вне своего влияния образование и воспитание молодежи. Она начала активную борьбу за приспособление классической системы обучения к своим интересам, стремясь воздействовать главным образом на нравственное воспитание юношества. Православному духовенству в это время еще не удалось создать свои церковные школы, но оно использовало для распространения христианского вероучения, этики и морали светские языческие школы. Вместе с тем христианству необходима была систематизация философских знаний, создание образованного и

сведущего в теологии духовенства. Поэтому именно в этот период возникают богословские высшие школы в Александрии, Антиохии, Эфесе, Нисибии, которые иногда именовались богословскими академиями. Они были тесно связаны с православными патриархиями Востока. В богословских академиях наряду с теологией большое внимание уделялось светским наукам.

Иными словами, классическое образование в Византии все более и более подвергается воздействию христианства и становится ареной борьбы античных традиций и христианской идеологии. Библиотеки и скриптории (мастерские, где переписывались книги) в это время концентрировались почти исключительно в крупных городах, они принадлежали как муниципальным властям городов, так и частным лицам. Лишь медленно и постепенно церкви и монастыри стали собирать библиотеки, где хранились рукописи религиозного содержания и богослужебная литература. Все это говорит о необычайно ожесточенной борьбе языческой и христианской идеологии и культуры, ареной которой, как правило, были крупные города Византийской империи. Однако именно здесь античная культура имела наиболее прочную базу и самых горячих поклонников.

Античные традиции долго господствуют в естественных науках. Особое внимание уделялось тем отраслям знания, которые были связаны с практикой, прежде всего с медициной, сельским хозяйством, ремеслом, военным и строительным делом. Именно здесь была проведена огромная работа не только по усвоению всех научных достижений поздней античности, но и по систематизации и комментированию трудов древних авторов. Однако вклад византийских ученых того времени в развитие научной мысли не ограничивался только этим. В ранней Византии происходил процесс постепенного переосмысления и совершенствования позитивных научных знаний, накопленных античностью. Это помогло византийским ученым существенно продвинуться в математике, механике, астрономии, в навигации, строительном и военном деле и во многих других отраслях науки¹⁷.

Однако развитие научной мысли в Византии шло не только по восходящей линии, здесь наблюдались зигзаги, отступления, приводящие порой даже к забвению достижений античности и эмпирических знаний предшествующих веков. Так, например, развитие географических представлений о Вселенной, мире, земле происходило в

оостановке остреешей идейной оорьбы. Для христианской церкви вопрос о строении Вселенной был важнейшим мировоззренческим вопросом. Это было именно то поле битвы, где христианские богословы и философы стремились дать решительный бой античным космогоническим и космографическим теориям. Поэтому немудрено, что в космографии, географии и природоведении той эпохи наблюдается глубокая двойственность. С одной стороны, как мы знаем, развитие мореплавания и торговли, дипломатии и миссионерской деятельности стимулировало заморские путешествия, изучение далеких неведомых европейцам стран. Все это приводило к огромному накоплению в ранней Византии эмпирических знаний по географии, навигационному делу, ботанике, зоологии, картографии. Но, с другой стороны, библейская концепция мироздания начала проникать в византийскую географическую науку. В таких сферах знания, как космография, география, космогония, происходило сложное взаимодействие и взаимное отрицание античных и христианских теорий¹⁸.

В IV—VI вв. оформились две основные школы христианской географической мысли. Первая, антиохийская, отличалась догматическим подходом к истолкованию Священного писания и крайне негативным отношением к античной географии. Основные космогонические принципы этой школы состояли в признании плоской земли, над которой распростерто куполообразное твердое небо; существования двух небес, между которыми заключены небесные воды; единого океана, окружающего сушу со всех сторон. Эти идеи разрабатывались в произведениях Диодора Тарсского, Феодора Мопсуэстийского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и нашли обобщенное выражение в «Гексамероне» Севериана из Габалы. Наиболее последовательно эти идеи были проведены в «Христианской топографии» Космы Индикоплевста (VI в.), получившей значительную известность в последующие века. Энергичный купец, отважный мореплаватель, Косма бесстрашно совершил ряд путешествий в отдаленные и неведомые византийцам страны Аравии, Восточной Африки, на о-в Цейлон. Он был прозван современниками «Плывателем в Индию» за то, что, согласно молве, посетил и эту окутанную легендами страну; знание жизни, огромный опыт, острая наблюдательность помогли ему в «Христианской топографии» правдиво, необычайно красочно, простым народным языком рассказать о природе,

населении, культуре, обычаях и нравах виденных им стран. Но наряду с ценными географическими и этнографическими данными в книге содержатся космогонические и философские представления о мире и Вселенной в духе антиохийской школы космографии. И тут наблюдательный и вдумчивый купец и мореплаватель уступает место фанатичному и ограниченному монаху. Косьма пытается опровергнуть античную греческую космогонию и заменить ее библейскими представлениями о Вселенной. «Христианская топография» имела успех, была переведена позднее на старославянский язык и получила распространение в Древней Руси. Принципы антиохийцев завоевали господствующее положение в средневековой географии и сыграли в ее развитии крайне реакционную роль, ибо заменили созданную античными учеными модель мироздания фантастической картиной мироустройства, не имеющей ничего общего с наукой¹⁹.

Другое направление в развитии географической мысли той эпохи можно назвать каппадокийско-александрийским. Его приверженцами были великие каппадокийцы, прежде всего Василий Великий и Григорий Нисский, александрийский ритор Иоанн Филопон, константинопольский поэт Георгий Писиды. Для этих мыслителей характерно уважительное отношение к языческому наследию, активное использование идей античных философов и географов. Главные отличительные черты этой школы — признание шарообразности Земли, сферичности небес, окружающих Землю со всех сторон, стремление решать географические проблемы, исходя скорее из их внутреннего содержания, чем из библейских построений.

Значительные перемены происходили в ранней Византии и в сфере искусства, и во всей художественной культуре византийского общества. В это время складываются основные принципы византийской эстетики, корнями уходящей в античность, но подвергшейся сильному воздействию христианства. Византийская эстетика развивалась на основе всей духовной культуры Византии. Она во многом опиралась на античные воззрения о сути прекрасного, однако синтезировала и переосмысливала их в духе христианской идеологии. Отличительной чертой византийской эстетики был ее глубокий спиритуализм. Она отдавала предпочтение духу перед телом. Вместе с тем она пыталась снять дуализм небесного и земного, божественного и человеческого, духа и плоти. Не отрицая телесной красоты, византийские мыслители красоту

души, добродетель, нравственное совершенство ставили много выше. Основной эстетической задачей византийского искусства отныне становится стремление художника воплотить в художественном образе трансцендентную идею. Это было закономерным следствием глубокого изменения всех общественных отношений, всей идеологии Византийской империи: сенсуалистическая эстетика античности не отвечала уже запросам господствующего класса и православной церкви Византии и была постепенно вытеснена спиритуалистическими идеалами средневековья. Эллинистический антропоморфизм отныне был наполнен совсем иным идейным содержанием: искусство прониклось философскими представлениями христианской религии, а эстетика византийских мастеров оказалась органически связана с религиозным мирозерцанием²⁰.

В VI — первой половине VII в. византийские художники сумели не только впитать многообразные влияния Востока и античности, но и, преодолев их, создать свой собственный стиль в искусстве. С этого времени Константинополь превращается в прославленный художественный центр средневекового мира. За ним следуют Равенна, Рим, Никея, Фессалоника, также ставшие средоточием византийского художественного стиля. Бурное строительство в городах ранней Византии стало мощным стимулом расцвета архитектуры и искусства. В трактате Прокопия «О постройках Юстиниана» представлена поразительная по широте и многообразию картина строительной деятельности этого императора в городах Византии. Особенно интенсивно шло строительство церквей в Константинополе. Здесь при Юстиниане, кроме знаменитого храма св. Софии, были вновь возведены или реставрированы храмы Ирины, Петра и Павла, Сергия и Вакха, 12 апостолов. Храмы строились во многих других городах страны.

Непревзойденным шедевром византийского зодчества стал построенный в 532—537 гг. храм св. Софии в Константинополе. Плод многогранного синтеза восточной и греко-римской культур, он воплотил с необычайной силой и оригинальностью все лучшее, что имелось в архитектуре Востока и Запада. Никогда гений Рима и Востока не соединялся в более поразительном и гармоничном единстве. Недаром историки той эпохи Прокопий, Агафий, Евагрий и поэт Павел Силенциарий писали о нем с глубочайшим удивлением и восторгом, в один голос

называя его «чудом и славой века». Воздвигнутый на высоком холме, рядом с императорским дворцом и ипподромом, далеко видимый с моря и суши, храм св. Софии стал не только символом могущества Византии, но и главной святыней христианского Востока. Два великих зодчих, оба — выходцы из Малой Азии, Исидор из Милета и Анфимий из Тралл сумели соединить в этом храме впечатляющую монументальность, спокойную пластичность, чистоту и строгость линий античной архитектуры с новейшими достижениями зодчества Востока — Ирана, Сирии и Малой Азии. Впервые здесь была реально воплощена идея грандиозного центрического храма, увенчанного колоссальным куполом. Наконец-то сбылась мечта архитекторов Востока и Запада перекрыть сферическим куполом огромное центрическое пространство. По словам Прокопия, зрителям казалось, что купол покоится не на каменных столбах, а спущен с высоты небес на золотой цепи. Оптический эффект парения в воздухе купола достигался еще и тем, что у подножия он был опоясан 40 окнами, из которых в храм струились потоки света. При Юстиниане весь купол был украшен мозаиками; в вершине купола был изображен огромный крест посреди усеянного звездами неба. Убранство храма поражало торжественной пышностью и изысканным великолепием. Особую прелесть интерьеру придавали мраморные колоннады, расположенные двумя ярусами вдоль центрального пространства храма. Необычайное благородство колорита мраморов колонн с преобладанием темно-зеленого, серого, темно-красного и черного цветов, гармоничность пропорций колоннад, тончайшее кружево резных капителей — все это создавало впечатление огромной художественной силы. Нижняя часть стен и полы храма были покрыты разноцветными мраморами. Прокопий сравнивает его с многоцветным ковром, устланным среди зелени пурпурными цветами и как бы созданным руками великого художника.

Павел Силенциарий в панегирике в честь св. Софии с восторгом описал сияние храма во время ночной иллюминации:

Все здесь дышит красотой, всему подивится немало
Око твое; но поведать, каким светозарным сияньем
Храм по ночам освещен, и слово бессильно. Ты скажешь:
«Некий ночной Фаэтон сей блеск излил на святыню!»

(Пер. В. Блауменау)

Поэт Коринф называет св. Софию чудом света, которое затмевает все великолепие храма Соломона и представляет точное отображение самого неба. Блеск разноцветных мраморов, мерцание золота мозаик и драгоценной утвари, сияние множества лампад, парение блистающего купола — все это действительно создавало иллюзию беспредельности пространства собора, превращало его в подобие космоса, символически приближало к образу Вселенной. В архитектуре и живописи св. Софии были заложены основы нового художественного стиля, которому суждено было стать господствующим во всей дальнейшей истории византийского искусства. Некоторые ученые, находясь под сильным обаянием этого великолепного храма, ставили его выше таких памятников средневековой христианской культуры, как соборы Парижской Богородицы или св. Петра в Риме. Мы не решаемся сравнивать эти великие произведения человеческого гения: каждый из них прекрасен по-своему, но бесспорно одно, храм св. Софии занимает почетное место среди художественных памятников всех времен и народов. В ранней Византии создаются и другие шедевры византийского зодчества — храм 12 Апостолов в Константинополе, церковь св. Виталия (Сан-Витале) в Равенне, храм св. Димитрия в Салониках. Особенно поражает изысканностью архитектурных форм, плавностью и чистотой линий, элегантною декора храм св. Виталия в Равенне.

В живописи VI — первой половины VII в. постепенно кристаллизуется византийский стиль, очищенный от инородных влияний. В основе его лежит опыт мастеров Запада и Востока, пришедших независимо друг от друга к созданию нового искусства, соответствующего спиритуалистическим идеалам средневекового общества. В этом искусстве уже намечаются отдельные направления и школы. В искусстве Константинополя той эпохи сохраняется преимущество классической культуры, благородство нерастраченных эллинистических традиций, преобразованное и трансформированное спиритуалистической одухотворенностью. Для столичной школы характерны великолепное качество исполнения, утонченный артистизм, живописность и красочное разнообразие, трепетность и переливчатость колористической гаммы. Одним из самых совершенных творений столичных мастеров были мозаики в куполе церкви Успения в Никее (VII в.). Нежные, полные чувственной прелести и вместе с тем душевной чистоты лица ангелов, изображенных на

этих мозаиках, созданы под явным влиянием позднеантичного искусства. Вместе с тем это был опыт перевоплощения античной телесной красоты в спиритуалистический образ, который должен был выразить византийскую художественную мечту об одухотворении чувственной плоти. Другие направления в искусстве ранней Византии, воплотившиеся в мозаиках Равенны, Синая, Фессалоники, Кипра, Паренцо, знаменуют отказ византийских мастеров от античных реминисценций. Образы становятся более аскетическими, не только чувственному, но и эмоциональному моменту в таком искусстве уже нет места, зато духовность достигает необычайной силы²¹.

В Византии при все возрастающем влиянии христианства все же никогда не затухало светское художественное творчество. Необычайный расцвет Константинополя — этого «палладиума искусств и наук» — способствовал сохранению светской культуры, а культ империи и императора давали импульсы ее развитию. Создателями произведений светской культуры различных жанров были представители интеллигенции и средних слоев населения городских центров империи. Памятников светского искусства Византии сохранилось, к сожалению, не так уж много. Ведь при нашествии внешних врагов именно дворцы императоров и богатые дома знати в первую очередь подвергались разрушению и разграблению, многое погребло в пламени пожаров. Но и то, что дошло до наших дней и о чем рассказывают письменные источники, достойно восхищения. И в наше время поражают монументальностью и величием крепостные стены и башни Константинополя, сложная система акведуков и цистерн, воздвигнутых для снабжения огромного города водой. При Юстиниане была построена великолепная цистерна, настоящий подземный дворец, украшенный множеством колонн и наполненный прозрачной водой. Турки после завоевания Константинополя, пораженные красотой цистерны, назвали ее «Тысяча и одна колонна». Она до сих пор восхищает зрителей. Еще в IV—V вв. Константинополь — Новый Рим украсился дворцами императоров и домами знати. На самом берегу Мраморного моря вырос Большой императорский дворец — целый комплекс роскошных зданий — превосходный архитектурный ансамбль дворцов с парадными залами, терм, жилых помещений, окруженный садами и фонтанами. Закрытые переходы соединяли его с ипподромом и вели непосредственно в императорскую ложу — кафисму. Вход во дворец вел

через торжественную купольную залу—халку, интерьеры и стены дворца были отделаны мозаиками, прославляющими победы Юстиниана над варварами. Центром дворца со второй половины VI в. стала тронная «Золотая» зала — Хрисотриклиний, где происходили торжественные приемы иностранных послов. Обширный столичный ипподром, средоточие общественной и культурной жизни, был украшен античными памятниками; среди них выделялись змеиная колонна из Дельф, египетский обелиск Тутмоса III и бронзовые кони Лисиппа, увезенные позднее крестоносцами в Венецию. Центральная улица города Меса была застроена дворцами знати, общественными зданиями, портиками, домами горожан. Главные площади столицы и Меса были украшены античными статуями.

Шедевром светской живописи раннего периода были мозаики полов Большого дворца в Константинополе, ныне хранящиеся в особом музее. С поразительной реалистической полнокровной чувственностью, заимствованной из позднеантичного искусства, на них были изображены буколические сцены сельской жизни и труда, борьба диких зверей, сцены охоты. Перед зрителем проходит панорама живых, порою наивных образов, созданных с поражающей художественной правдивостью неизвестными византийскими мозаичистами. Вот маска грозного морского царя, но он совсем не грозный, а скорее добродушный и мудрый; вот множество разных зверей — слон борется со львом, пантера напала на лань, медведи лакомятся какими-то плодами, орел терзает змею, а неподалеку изображены мирные сцены: крестьянин доит козу, рыбак удит рыбу, музыкант играет на свирели. А вот необычайно выразительная сценка: мальчик в простой одежде с милым лицом и корзиной в руках собирается в путь на ослике, который недовольно от него отвернулся, рядом щиплет траву овца. Прекрасна яркой, чувственной красотой девушка с кувшином, совершенно очаровательны ребятишки, едущие на верблюде, элегантно цапля в рамке причудливой зелени. Роскошными дворцами и шедеврами светского искусства славилась также Антиохия, Александрия, Афины и другие города империи. Бросается в глаза сюжетное и стилистическое сходство мозаик Большого императорского дворца в Константинополе и мозаик полов общественных зданий и богатых вилл Антиохии (IV—V вв.).

Наиболее знаменитыми произведениями светской живописи раннего периода являются изображения торжест-

венной процессии Юстиниана и Феодоры в окружении вельмож и знатных дам в базилике Сан-Витале в Равенне (середина VI в.). Лица Юстиниана и Феодоры наделены чертами портретного сходства, цветовая гамма мозаик отличается полнокровной яркостью, теплотой и свежестью. Сравнение равеннского портрета Юстиниана с описанием императора в литературных памятниках, в частности у Прокопия, дает весьма впечатляющий результат. По словам Прокопия, император был среднего роста, полный, с круглым красивым белым лицом, с большими темными пронизательными глазами; был любезен в обращении, способен на порывы великодушия. Однако, по Прокопию, это была всего-навсего маска, скрывавшая душу жестокую, исполненную беспредельного честолюбия и коварства. На мозаиках Сан-Витале Юстиниан в расцвете лет, красив, особую прелесть лицу придают правильность черт, большие темные глаза и своеобразный изгиб темных густых бровей. Выражение лица приветливое, Юстиниан — победитель, он доволен собой и ласков с приближенными, взгляд его умен и пронизателен, поза полна спокойного величия. Никаких следов того другого, злобного и лживого, правителя обнаружить здесь невозможно. Разумеется, художник польстил императору и постарался скрыть его отрицательные черты. Важным дополнением к воссозданию внешнего облика Юстиниана является его скульптурный портрет, хранящийся в Венеции, во внешней галерее собора св. Марка. Голова императора высечена из порфира и дышит мощью. Юстиниан предстает еще молодым, в богатом головном уборе, украшенном драгоценными камнями, портретное сходство неоспоримо. Однако чувства, владеющие императором здесь, уже иные, чем на мозаиках в Сан-Витале. Нет и тени самодовольства, любезности, торжества победителя. Скульптура изображает человека властного, хотя и не жестокого, исполненного энергии и сознания своей силы.

В равенских мозаиках Сан-Витале Феодора предстает гордой владычицей, облаченной в царские одежды; голову ее, окруженную нимбом, венчает корона, усыпанная драгоценными камнями. Но особенно поражает лицо императрицы рядом с веселым, торжествующим победу супругом: усталое, грустное, почти скорбное. Она еще прекрасна, но молодость уже уходит. Лицо продолговатое, худое, черты правильные, шея длинная, глаза огромные под тонкими темными бровями — женщина, познавшая все бездны жизни и застывшая в своем утомленном ве-

личии. Еще более удивителен мраморный портрет Феодоры, хранящийся в музее Кастелло Сфорческо в Милане. На ее голове высокий головной убор, усыпанный драгоценными камнями, лицо, еще молодое, ослепительно красиво. Продолговатый чистый овал, огромные бездонные глаза под тяжелыми веками, тонкие дуги бровей и полные чувственные губы делают это лицо необычайно привлекательным и исполненным могучей женской притягательной силы. Глядя на этот мраморный портрет Феодоры, понимаешь всю неотразимость ее женского обаяния, засвидетельствованную Прокопием. Феодора, по словам Прокопия, была небольшого роста, прекрасно сложена и изящна, с изумительно красивым продолговатым матовым лицом, остроумна, весела, злоречива и умна. Поразительное совпадение словесного портрета Прокопия, много раз видевшего Феодору в разные периоды ее жизни, и художественных изображений императрицы свидетельствует о той высоте, какой достигло светское искусство Византии VI в.²²

От ранней Византии сохранилось немало и других произведений светской портретной скульптуры, среди которых имеются подлинные шедевры. Прежде всего это целая галерея императоров — от Константина до Ираклия. Открывает ее колоссальная мраморная голова императора Константина, ныне хранящаяся в Риме, в Палаццо деи Консерватори. Некогда она принадлежала статуе сидящего императора, находившейся в базилике Максенция в Риме. Перед нами волевое, суровое, даже жестокое лицо с огромными холодными глазами и тонкими губами, олицетворяющее мощь и величие владыки империи, непреклонность и силу полководца-победителя. За Константином следует Аркадий (395—408); его облик резко контрастирует с изображением Константина. Аркадий предстает совсем юным, с красивым открытым лицом, черты его правильны, чистый овал, прекрасные глаза под дугообразными бровями, полные, красивого рисунка губы — все составляет гармонию юности, надежд, соединенных с сознанием своей власти. Рядом с ним портрет императора Феодосия II (408—450) — это человек средних лет, худое усталое лицо, на котором лежит отпечаток многолетних трудов и забот, исполнено спокойной силы и мудрости. Далее следует бронзовая колоссальная статуя императора Маркиана (450—457) из Барлетто (Южная Италия). Любопытна судьба этого колосса. Он был вывезен из Константинополя крестонос-

цами после разгрома столицы империи в 1204 г.; корабль, на котором его везли, по пути в Неаполь затонул у берегов Барлетто, где его позднее подняли со дна моря.

Для воссоздания живых характеров придворной знати, окружавшей византийских василевсов, огромный интерес представляют скульптурные портреты высших чиновников империи: портрет старого чиновника с умным лицом, умудренного большим и нелегким жизненным опытом (Стамбул, Археологический музей, V в.), портреты хитрого и жестокого временщика Евтропия (V в.) и энергичного, волевого пожилого чиновника (VI в.) (оба хранятся в музее в Вене). Для характеристики идейной и культурной жизни Византии весьма показательны воплощение в художественном творчестве, в частности в пластике, впечатляющих образов представителей светской интеллигенции той эпохи. Первое место среди них по праву принадлежит мраморному бюсту философа с длинными волосами и курчавой бородой (V в.). Воплощение поразительного сочетания духовной и телесной красоты, мудрой сосредоточенности и радостной открытости, этот портрет философа — как бы знамение эпохи расцвета философской мысли (Афины, Музей Акрополя). Живым свидетельством почетного места, которое занимали в культурной жизни общества поэты, являлся диптих 530—550 гг. из сокровищницы собора в Монце с изображением сидящего в задумчивости поэта в античной одежде и со свитком в руках и стоящей рядом с ним музы. Для характеристики театральных зрелищ в Византии необычайно интересно изображение актрисы с тремя масками в одной руке и лирой в другой (VI в.) (Берлин, Государственный музей). На голове актрисы головной убор, напоминающий шлем, волосы ниспадают круто завитыми локонами; лицо большое, с крупными чертами, достаточно выразительными, фигура несколько грузновата, одежда в красивых складках, облегающих тело, у пояса висит длинный меч. Этот жизненный образ помогает воссоздать картину театральных представлений той эпохи.

Мировое признание в средние века получили произведения художественного ремесла и прикладного искусства Византии — изумительной красоты ювелирные украшения из золота и драгоценных камней, диптихи и ларцы из слоновой кости, украшенные резьбой и инкрустациями, вышитые причудливыми рисунками шелковые ткани, утонченные изделия из цветного стекла — сосуды,

бусы, светильники. Византийские художники в области живописи, мозаики, мелкой пластики, ювелирного дела, эмалей и тканей, книжной миниатюры долгое время оставались законодателями вкусов. Их произведения служили своего рода эталонами, на которые ориентировались и которым стремились подражать.

Светская культура еще почти полностью господствовала в это время в сфере театральных представлений и массовых зрелищ. В городах империи по-прежнему процветали массовые зрелища, в большинстве случаев унаследованные от позднеантичной эпохи. Они привлекали почти все население городов, начиная с правителей и окружающей их аристократии и кончая самыми широкими народными массами. Правда, античный театр начинает клониться к упадку — античные трагедии и комедии все чаще заменяются выступлениями мимов, жонглеров, танцовщиков, гимнастов, укротителей диких зверей. Место театра занимает ныне цирк (ипподром) с его конными ристаниями, пользующимися огромной популярностью. Именно цирк становится центром социальных битв, местом столкновения спортивных и политических страстей. Поэтому немудрено, что в светском изобразительном искусстве тема зрелищ, особенно конных ристаний в Константинополе, в присутствии императора и двора получила самое широкое распространение. Особой известностью пользуется рельеф на цоколе обелиска Феодосия I, стоящего и ныне на ипподроме в Истанбуле. Сценки большой жизненной правды, списанные с натуры и отображающие различные моменты конных ристаний в цирке Константинополя, мы встречаем на остатках мраморных рельефов, найденных в столице империи. Совершенно великолепны по уровню исполнения диптихи из слоновой кости V в., на которых воссозданы сцены борьбы вооруженных воинов в цирке с дикими зверями.

Христианская церковь предавала анафеме светские языческие зрелища, стремилась заменить их церковными праздниками, требовала, чтобы христиане шли на литургию, а не в цирк. Однако усилия церкви еще не имели большого успеха. Лишь к концу изучаемого периода массовые зрелища и народные организации (димы) приходят в упадок и в социальной психологии масс происходит поворот в пользу образа жизни, насаждаемого церковью.

Особое место в византийской цивилизации занимала музыка. Она была весьма многоцветной — музыка городских улиц, театральных и цирковых представлений и

народных празднеств. Ее оплодотворила богатейшая песенно-музыкальная практика многих народов, населявших империю. Каждый из видов музыки имел свой эстетический и социальный смысл, и в то же время, взаимодействуя, они сливались в единое целое. Музыка являлась важной составной частью жизни императорского двора, знати, парадных приемов иностранных послов, торжественных праздников и выходов василевса к народу. Это придавало музыке особый гражданский статус; в основе придворной светской музыки лежали традиции, воспринятые от позднеримской эпохи. Своеобразное сочетание авторитарности и демократизма, столь характерное для общественного строя ранней Византии, не могло не сказаться и на характере музыкальной культуры, которая представляла собой сложное и многоликое явление духовной жизни эпохи. Христианство очень рано оценило особые возможности музыки как искусства универсального и одновременно обладающего силой массового и индивидуального психологического воздействия и включило ее в свой культурный ритуал. Именно культовой музыке суждено было занять доминирующее положение в средневековой Византии, хотя и светское музыкальное творчество там никогда не угасало.

Итак, в ранней Византии интенсивно складывались основные особенности византийской культуры, окончательно сформировавшиеся в последующий период²³. Прежде всего к ним следует отнести «открытость» византийской культуры многообразным культурным влияниям, получаемым как извне, от соседних стран и народов, так и изнутри, из культуры полиэтнического населения империи. Греко-римская в своей основе византийская культура в процессе становления и развития значительно обогатилась элементами культуры многих народов Востока, что придавало ей неповторимый колорит, который так отличает ее от культуры Западной Европы. Окончательной победе именно греко-римской культуры над многообразными, в том числе и сильными, восточными влияниями способствовало сохранение в Византии в значительных масштабах античного культурного наследия. И здесь, в сфере взаимодействия восточных и западных влияний, на наш взгляд, произошел органический синтез позднеантичных элементов с нарождающейся культурой средневекового общества. Цитаделью сохранения культурного наследия античности были города, в первую очередь Константинополь.

Глава 3. Империя в опасности. Натиск арабов. Реформы Исавров. Иконоборчество

VII столетие было трудным временем в истории Византии. Раздираемая внутренними усобицами, теснимая грозными внешними врагами, империя переживала серьезный кризис. Самая страшная опасность грозила с Востока — со стороны могущественного Арабского халифата. Последний выдающийся византийский правитель той эпохи, талантливый полководец, реформатор военного и административного устройства империи император Ираклий (610—641) сперва одержал победы над персами на Востоке, но затем отступил перед арабами. Недовольное деспотическим правлением империи, население восточных областей поддержало новых завоевателей. В 634—640 гг. арабские войска покорили Палестину, Сирию и Верхнюю Месопотамию. В 636 г. они разгромили армию Ираклия на реке Ярмук. В последующие два года арабы завоевали Иерусалим и Антиохию, нанеся страшный удар империи. Очередь была за Египтом, который подчинился власти халифов почти без сопротивления. К 642 г. восточные провинции Византии, самые богатые области древней культуры, для нее были потеряны. К концу VII в. арабы лишили Византию последних владений в Северной Африке — Карфагена и Киренаики.

На Балканах в 681 г. на территории империи возникло первое независимое варварское королевство — болгарское государство хана Аспаруха. Византийское влияние в Италии, в Африке, в странах Закавказья (в Армении и Лазике) было значительно ослаблено. К концу трагического VII столетия Византийская империя перестала существовать как великая средиземноморская держава. Ее место заняло средневековое Византийское государство, гораздо меньшее по размерам, но зато отличавшееся большим этническим единством, политической и религиозной сплоченностью.

Этнически крайне неоднородная в эпоху Юстиниана, когда в империю входило множество различных племен и

народов, Византия стала теперь по преимуществу греческим государством; малоазийские области, приобретшие отныне первостепенное значение в жизни страны, были населены греками и давно эллинизированными племенами. Преобладание греческого элемента становилось все более заметным, и государство постепенно обретало все большую этническую однородность. Греческий язык стал официальным, государственным.

Коренные перемены произошли в сфере социально-экономических отношений. Империя вступила в новый период своего развития — становления и победы феодального строя. Этот длительный период, охватывающий около пяти столетий (VII—XII вв.), в свою очередь, можно подразделить на два этапа: генезис феодализма (VII—IX вв.); развитие и окончательное торжество феодальных отношений (X—XII вв.)¹.

Особую роль в развитии производительных сил сыграли демографические сдвиги VII—IX вв., связанные с расселением варварских племен на территории империи. Расселение варваров привело к значительному росту населения. Утвердившись на византийских землях (славяне — на Балканах, армяне, мардаиты, персы, арабы — на востоке страны), эти народы вошли органически в состав трудового населения империи и существенно увеличили его производительный земледельческий слой. Умножая ряды свободного крестьянства, славяне в то же время содействовали и укреплению общинного крестьянского землевладения в византийской деревне. Славяне принесли с собой общину, отличавшуюся большой сплоченностью, устойчивостью и прочностью внутренних связей. В отличие от ранневизантийских митрокомий она сохраняла некоторые элементы общинно-родового строя славян, в частности традиций большой семьи, большесемейной собственности и кровнородственных отношений. Наследие византийских митрокомий и общинные порядки славян являлись двумя главными компонентами, синтез которых в Византии в период генезиса феодализма обусловил складывание качественно нового типа общины. Этот тип общины засвидетельствован известным юридическим памятником раннего средневековья — Земледельческим законом².

Византийская община периода генезиса феодализма представляла собой соседскую общину с присущим ей дуализмом общинной и частной собственности. Характерными особенностями византийской сельской общины

были отсутствие периодических переделов земли, медленная кристаллизация аллода. Купля-продажа земли была крайне редким явлением, хотя уже существовали такие виды отчуждения, как обмен, аренда, заклад. Внутри общины шел процесс имущественной и социальной дифференциации. Тем не менее более двух столетий община оставалась деятельным, сплоченным коллективом, с устойчивой экономической структурой и крепкими общественными связями. Значительная консолидация и жизнеспособность византийской общины отличали ее от общин марок Западной Европы. Кроме того, в ней в отличие от Запада ощущалось сильное влияние норм римского права и установлений позднеантичного общества, что проявлялось и в системе членовредительных наказаний, и в наличии рабства.

Как и в некоторых странах Европы, один из основных путей утверждения феодальной собственности на землю в Византии проходил через общину. Внутренняя эволюция общины, имущественная дифференциация и вызревание элементов феодализма в ее недрах, равно как и захват общинных земель феодалами-династами (сильными), — все это послужило важным источником формирования феодальной вотчины в Византии. Другим путем складывания в Византии феодальных отношений была коренная перестройка крупной земельной собственности, унаследованной от ранневизантийской эпохи. Менялись формы ведения хозяйства, труд рабов и колонов постепенно заменялся трудом разорившихся крестьян, поселившихся в имениях в качестве зависимых людей — париков. Возникали многообразные по структуре типы феодальных поместий.

Огромную, но подчас противоречивую роль в складывании феодальной вотчины и феодально-зависимого крестьянства играло государство. Сохранение в течение всей истории Византии централизованного государства, естественно, не могло не оказать влияния на процесс генезиса и развития феодализма.

Чертами своеобразия отмечено развитие византийского города той эпохи³. Ранняя Византия была страной городов. Кризис VII в., однако, коснулся и городских центров империи. Серьезный ущерб был нанесен византийским городам тяжелыми войнами и варварскими вторжениями. К арабам перешли крупнейшие восточные городские центры — Антиохия, Александрия, Дамаск, Эдесса. Некоторые города, особенно мелкие, в VII—

VIII вв. фактически утратили свой городской характер, аграризировались и превратились в сельские поселения или крепости. Упадок городов в VII—VIII вв. повлек за собой аграризацию страны и перемещение центра тяжести хозяйственной жизни в деревню. Однако дезурбанизация, столь характерная для Западной Европы эпохи гегемонии феодализма, затронула Византию в гораздо меньших масштабах. В Византии и в эти столетия уцелели крупные города, такие, как Фессалоника и Коринф на Балканах, Эфес, Никея, Аморий, Анкира в Малой Азии и, разумеется, столица империи Константинополь. Они сохранились не только как административно-церковные, но и как торгово-ремесленные центры, очаги культуры и образованности. Одновременно росли и новые средневековые города на месте разрушенных античных городов или на вновь отвоеванных в VIII—IX вв. территориях. Пережив временный упадок, византийские города раньше, чем города Западной Европы, уже в конце IX—X в., вступили на путь экономического подъема. Причина этого — сохранение многих плодотворных традиций, унаследованных от античности: высокой техники ремесленного производства, секретов и навыков мастерства ремесленников, развитого монетного обращения, поддержки ремесленных корпораций государством. Наследие, полученное Византией от Поздней Римской империи, не было утрачено в потрясениях VII в. Оно-то в немалой степени и послужило базой для сравнительно быстрого подъема городов и способствовало в раннее средневековье сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы.

Уже в ранний период формирования феодализма постепенно меняется внешний облик городов. Их стройная планировка с прямыми улицами, богатыми общественными зданиями, 2—3-этажными домами античного типа пока еще сохраняется, но все чаще появляются средневековые укрепленные жилища, а также многочисленные церкви, выполненные в новой архитектурной манере: как правило, это крестово-купольные храмы с великолепным интерьером. Административной единицей города становится приход с центром в резиденции епископа. В городской округе, да и в самих городах, строится много монастырей.

VII—IX века отмечены некоторым ослаблением центральной власти в Византии. Значительные изменения претерпевает провинциальная администрация. Еще в

VII в. рождается фемный строй, получивший большое распространение в последующие два столетия. В провинциях империи стали создаваться первые фемы, которые, подобно экзархатам (в Равенне и в Карфагене), являлись военно-административными округами, где военная и гражданская власть осуществлялась одним лицом — стратигом (воеводой); число фем и их размеры с течением времени менялись. Фемный строй опирался на воинское ополчение в фемах, состоящее из стратиготов, свободных крестьян-воинов, получавших от государства за воинскую службу земельные участки, которые передавались по наследству. Фемная организация армии была связана с временным преобладанием в империи свободного крестьянства и относительным ослаблением централизации.

Некоторая стабилизация византийского государства произошла в правление первых императоров Исаврийской династии Льва III (717—741) и Константина V (741—775). Это были талантливые и сильные правители. Лев III — воин, дипломат, реформатор, опираясь на военную знать и фемное войско, спас империю от натиска арабов. В то время Арабский халифат находился в зените своего могущества. Соседние страны и народы склонили головы перед властью халифа. Оставалась непокоренной одна лишь Византия, и арабы решили направить основной удар против империи. В 717 г. сильная арабская армия начала осаду Константинополя. Арабский флот, насчитывавший 1800 боевых кораблей, вошел в Босфор. Давно уже Константинополь не подвергался столь большой опасности. Благодаря огромной энергии Льва III Исавра и мужеству защитников города нападение арабской армии на Константинополь было отбито, а арабская эскадра сожжена «греческим» огнем византийских кораблей.

Арабы принуждены были отступить, но борьба продолжалась. В 740 г. Лев III в сражении при Акроине одержал над грозным врагом полную победу, которая явилась переломным моментом в отношениях Византии с халифатом — империя начала постепенно вытеснять арабов из Малой Азии и Сирии. Улучшилось положение Византии на Балканах и в Армении. Однако временные успехи сменялись тяжелыми поражениями. В целом империя вела в VIII—IX вв. преимущественно оборонительную внешнюю политику, которая во многом себя оправдала.

Императоры Исаврийской династии были не только

воителями, но и реформаторами. При Льве III начались важные реформы в сфере права, общественных отношений и церковной политики. В 726 г. был издан краткий законодательный сборник, получивший название «Эклоги»⁴. Он отразил серьезные сдвиги в общественном строе Византии в VII — начале VIII в. Основной его задачей было укрепление центральной власти и защита интересов военно-служилой знати, на которую опирались Исавры. В «Эклоге» еще сравнительно мало отступлений от законодательства VI в. По-прежнему прослеживается защита частной собственности, рабовладения, малой семьи, долгосрочной аренды. Но в ней имеется уже и ряд новых черт, почерпнутых в обычном праве провинций империи, усилены репрессии против ересей, в частности павликиан.

Особенно широкий политический и идеологический резонанс в Византии вызвали церковные реформы первых Исавров. Впервые в истории Византии произошло открытое столкновение государства и церкви. Православной церкви почти в течение всего существования Византии было присуще стремление к союзу с сильным централизованным государством и подчинению верховной власти императора. Эпоха иконоборчества явила исключение из этого правила. В VIII—IX вв. в связи с ослаблением центральной власти значительно возросло влияние церкви и монашества. Монастыри стали крупными землевладельцами, их усиление представляло уже опасность для императорского правительства, столичной бюрократии и военно-служилой знати. Стремление императоров Исаврийской династии вновь поднять престиж центральной власти и ослабить влияние вышедших из-под контроля церковных иерархов и монашества вылилось в форму идеологической борьбы против почитания икон. Культ икон, мощей, церковных реликвий был в руках церкви мощным орудием идейного воздействия на широкие слои населения страны и приносил церквям и монастырям немалые доходы. Удар по почитанию икон означал разрыв с ортодоксальной церковью. Иконоборчество прежде всего было борьбой военной землевладельческой знати и части торгово-ремесленных кругов Константинополя за ограничение могущества господствующей церкви и монастырей, за раздел церковных имуществ. Важную роль в этом движении сыграло стремление светской знати подчинить церковную иерархию государственной власти: император теперь открыто объявлялся главой византийской

церкви. Однако эти столкновения были теснейшим образом связаны с глубокими идейными расхождениями мировоззренческого характера, охватившими широкие слои византийского общества⁵.

Возглавили иконоборческое движение императоры Лев III и Константин V. Окрыленные военными успехами, они стремились консолидировать вокруг центральной власти все оппозиционные церкви и монашеству элементы провинциальную военную знать, стратиотскую войско, горожан Константинополя, столичную интеллигенцию, часть епископата, недовольного политикой Константинопольской патриархии и высших церковных иерархов. Оплотом иконоборцев стали восточные провинции империи, Малая Азия и Армения. Провозглашенная Исаврами борьба против почитания икон дала в руки правящей династии сильное идейное оружие. Богословскую полемику с иконопочитателями вела высокообразованная светская и духовная элита. Живые импульсы иконоборчество черпало из гущи народного сознания, как и еретические движения. Все ереси IV—VII вв. — несторианская, монофиситская и монофелитская — решительно отвергали почитание икон. Иконоборческие идеи ранних ересей отражали протест народных масс против роскоши церкви, распущенности духовенства, призывали к отмене церковной иерархии.

Наибольшее распространение еретические движения получили в Армении и Малой Азии. Иконоборческие настроения проникли и в среду павликиан. Среди населения восточных провинций сказывалось и идейное воздействие ислама, отрицавшего какие-либо антропоморфные изображения. Однако союз иконоборцев с павликианами оказался кратковременным и непрочным. Довольно скоро уже сказались социальные расхождения между поддержанным правительством иконоборческим движением и гонимым еретическим течением павликиан. На стороне иконопочитателей объединилось ортодоксальное духовенство, фанатически настроенное монашество, представители Константинопольской патриархии. Им удалось повести за собой часть широких народных масс, особенно в европейских областях Византийского государства. Ярым защитником и поборником иконопочитания выступил римский папа. В 726 г. Лев III Исавр поддержал малоазийских епископов, потребовавших запрещения почитания икон. Сторонник иконопочитания патриарх Герман по настоянию императора в 730 г. был свергнут с патриаршего престола

и заменен иконоборцем Анастасием. Папа незамедлительно выступил в защиту Германа, но успеха не имел.

В империи развернулась ожесточенная политическая и идейная борьба. Кульминацией ее стал иконоборческий собор 754 г., проведенный под эгидой уже нового императора — Константина V Исавра, продолжавшего политику отца. На церковном соборе 754 г. почитание икон было запрещено как в храмах, так и в частных домах. Иконопочитание объявлялось «эллинской», языческой ересью, а его защитники предавались анафеме. На соборе, однако, возобладали идеи умеренного крыла иконоборцев, которые не шли на сближение с павликианами, опасаясь усиления еретических движений, и отнюдь не желали лишать церковь ее богатств. Борьба иконоборцев и иконопочитателей продолжалась с переменным успехом в течение еще длительного времени. В регентство императрицы Ирины, правившей за малолетнего сына Константина VI (780—797), влияние при дворе вновь приобрели ортодоксальные иерархи и монашество, и по их настоянию Ирина провела на патриарший престол иконопочитателя Тарасия (784—806). Союз Ирины с иконопочитателями завершился созывом в 787 г. VII Вселенского собора в Никее, на котором иконоборчество было осуждено, а иконоборческие епископы были вынуждены подписать отречение от своих убеждений. Но иконоборцы не смирились, и борьба разгорелась с новой силой. Она длилась до 843 г., когда иконопочитание было окончательно восстановлено. Хотя борьба и завершилась идейной победой иконопочитателей, но фактически был достигнут компромисс между церковью и государством. Церковно-монастырское землевладение было сильно ограничено, многие церковные сокровища конфискованы, а церковные иерархи как в столице, так и на местах фактически подчинены императорской власти. Византийский император стал признанным главой православной церкви.

В начальный период генезиса феодализма в Византии (вторая половина VII—IX в.) усилились выступления народных масс. Ядром социальных движений той эпохи стало свободное общинное крестьянство, а острие этих выступлений было направлено против податного гнета византийского государства и притеснений общинников со стороны правителей (архонтов), военных командиров (стратигов) и податных чиновников. При наличии в Византийской империи сильной государственной власти, разветвленного налогового аппарата и ренты-налога

крестьянские выступления часто принимали форму восстаний против гнета налоговых сборщиков. В субъективном представлении крестьян именно налоговый сборщик был олицетворением центрального правительства. Порою к народным социальным движениям примешивались религиозные, этнические и даже династические мотивы. Знатные узурпаторы, безвестные самозванцы и просто авантюристы, стремясь к захвату власти в провинции, а иногда посягая и на императорский престол, направляли народное недовольство в русло династической борьбы. Однако по мере усиления натиска государства и династов на свободную общину в среде широких масс крестьянства росло сопротивление закреощению. Динаты и стратеги захватывали земли не только свободных крестьян-общинников, но и военных поселенцев-стратиотов. Начавшемуся в VII — первой половине IX в. упадку городов сопутствовало обеднение горожан и рост недовольства среди городской бедноты.

Самым грозным для византийского правительства стало восстание широких народных масс империи под руководством Фомы Славянина (821—825 гг.)⁶. Восстание началось в 821 г. в Малой Азии и быстро охватило почти всю эту провинцию. В нем приняли участие крестьяне-общинники, солдаты-стратиоты, недовольные притеснениями военных властей, закрепощаемые сельские бедняки, беглые рабы. По мере роста движения к нему присоединилась часть городской бедноты, а также различные племена и народности — славяне, гунны, лазы, абазги, недовольные властью империи. Восстание поддерживали и еретики-павликяне, весьма многочисленные в восточных областях Византии. Восстание приняло сразу очень широкие размеры — от границ Армении до побережья Эгейского моря.

Вождь восстания Фома, по прозвищу Славянин, — фигура яркая, но глубоко противоречивая. Его жизнь, исполненная опасных приключений и постоянной борьбы, окутана легендами. К моменту начала восстания он был человеком преклонного возраста, прожившим бурную жизнь. Смелый воин, талантливый военачальник, обуреваемый страстями честолюбец, Фома сочетал в себе безмерное властолюбие с умом хитрого политика, большим жизненным опытом и талантом привлекать на свою сторону сердца людей. Ослабление Византии при крайне жестоком и коварном правителе Михаиле II (820—829 гг.), борьба за власть между различными группиров-

нами господствующего класса, дворцовые заговоры и смуты облегчили выступление Фомы. В сравнительно короткий срок под его знаменем собралась огромная повстанческая армия. После первых успехов в армию Фомы влились и некоторые недовольные императором военачальники из числа знати, впоследствии сыгравшие роковую роль в исходе восстания. Часть монашества, недовольная иконоборческой политикой правительства и конфискацией земельных владений монастырей, тоже временно примкнула к движению. Первоначально Фома пытался привлечь на свою сторону широкие народные массы, временно облегчил налоги, пресекал злоупотребления сборщиков податей, щедро раздавал деньги народу. В борьбе с общим врагом — византийским правительством — Фома искал поддержки у арабов. Халиф Мамун (813—833), надеясь использовать восстание Фомы в своих интересах, дал ему значительное войско, а арабский флот напал на принадлежавшие Византии острова Эгейского моря и приморские районы Малой Азии.

Одержав ряд побед, повстанцы приняли решение двинуться на Константинополь. В декабре 821 г. началась осада столицы с суши и с моря. По словам современников, под знаменем Фомы собралась 80-тысячная, хорошо вооруженная армия и сильный флот. Повстанцы вплотную подошли к городским стенам, а флот Фомы, прорвав железную цепь, преграждавшую вход в Золотой Рог, проник в залив и угрожал городу с моря. В столице началась паника. Однако повстанцам не удалось с ходу овладеть сильно укрепленным городом, осада затянулась и длилась с перерывами около двух лет. Между тем византийское правительство натравило на повстанцев войска болгарского хана Омуртага, которые нанесли Фоме тяжелое поражение. Весной 823 г. повстанцы были разбиты правительственными войсками на равнине Диабасис, близ столицы. Фома с горсткой своих приверженцев укрылся в Аркадиополе. Население города приняло его радушно и мужественно сопротивлялось правительству. Аркадиополь был окружен плотным кольцом блокады, там начался голод, но повстанцы не сдавались. Лишь измена привела к гибели Фомы. Фома пал жертвой заговора внутри города, он был схвачен заговорщиками и отдан в руки императора. Расправа с Фомой была чудовищно жестокой: ему отрубили руки и ноги и посадили на кол. Казнь свершилась в середине октября 823 г. Дело восставших было проиграно, но их сопротивление продолжалось в от-

дельных крепостях Фракии и Малой Азии. Лишь к 825 г. восстание было окончательно подавлено.

Восстание Фомы Славянина, безусловно, было одним из самых крупных народных движений раннего средневековья. Оно выделяется среди других народных движений как своим необычайным размахом, так и высокой военной организацией повстанческой армии. Поражает социальная и этническая пестрота восстания. В нем сплелись в единый тугой клубок и социальная борьба крестьян против закрепощения, и выступления солдат и городской бедноты, и племенные интересы различных этнических групп в Малой Азии и на Балканах, и недовольство части знати правительством. Пестрота социального и этнического состава восстания во многом определила как его силу, так и внутреннюю слабость, приведшую в конечном счете к поражению. Но оно оставило заметный след в памяти народных масс Византии.

Значительное распространение в Византии имели различные еретические движения. Идейные истоки религиозно-философских и морально-этических представлений, легших в основу догматики подавляющего большинства византийских ересей, следует искать на Востоке. Однако в Византии под влиянием своеобразных общественных условий и чрезвычайно насыщенной духовной жизни самых различных социальных слоев общества еретические учения, пришедшие с Востока, значительно видоизменялись, принимая зачастую совершенно новые формы. Вместе с тем сама Византия сыграла важную роль посредника в распространении народно-еретических учений в Юго-Восточной, а затем и в Западной Европе. Это можно наиболее ясно проследить на примере судеб павликианского движения. Зародившись в VII в. в Армении, впитав немало восточных философско-этических доктрин, сочетающихся с идеями раннего христианства, павликианство расцвело на византийской почве и постепенно из замкнутой еретической секты превратилось в IX в. в массовое антифеодальное движение. Позднее учение павликиан распространилось на Балканах и слилось с богомилством — одним из самых мощных антифеодальных народно-еретических движений, какие только знала Юго-Восточная Европа в эпоху средневековья. В свою очередь, дуалистические идеи богомилского учения, семена которых были занесены на социально-родственную почву Запада, были восприняты последователями некоторых западноевропейских ересей, в частности катарами (альбигойцами) Юж-

ной Франции, Северной Италии и отчасти Германии. Наличие непрерывных традиций массовых движений социального протеста, принимавших форму религиозных ересей (павликианство, богомилство) в период формирования и развития феодальных отношений, отличает Византию от стран Запада⁷.

Значительные перемены происходили в VII—IX вв. в общественной жизни и культуре Византийской империи.

В середине VII в. завершается первый этап развития византийской культуры и идеологии. К этому времени окончательно кристаллизуется христианская догматика, в основном складываются эстетические воззрения византийского общества. На смену драматической напряженности беспокойных первых столетий истории Византии приходит некоторое идейное успокоение, в общественной мысли утверждаются спиритуалистические идеалы созерцательного покоя, нравственного совершенства, все как бы застывает, делается строже, суше, статичнее. Христологические и тринитарные споры, будоражившие ранневизантийское общество, затихают, подчиняясь единому церковно-догматическому мировоззрению. Однако это умиротворение оказалось лишь временным. С первой четверти VIII столетия богословские и идейные споры вспыхивают с новой силой, приняв на этот раз форму иконоборчества. Иконоборческое движение, как мы видели, было порождено серьезными социально-политическими и идеологическими причинами. Вместе с тем оно отражало глубокие противоречия общественного сознания, переоценку религиозно-философских и эстетических ценностей и оказало значительное воздействие на культурное развитие Византии. В идейно-догматическом плане ожесточенный спор велся по сложнейшим проблемам гносеологического характера. Иконоборцы выдвигали тезис о неопишумости и непознаваемости божества. В основу их учения был положен главный догмат христианства о единстве в Троице трех божественных ипостасей. Все они неопишумы и не могут быть постигнуты человеческим разумом, а тем более не могут быть представлены в антропоморфном образе. Если художник будет изображать только человеческую природу Христа, то он впадет в ересь несториан, разделявших в Христе две ипостаси; если же он попытается представить божественную природу Христа, то это будет проявлением ереси монофиситов, допускавших полное поглощение человеческой природы божественной. Иными словами, всякая попытка изобра-

зять Христа влечет за собой еретические заблуждения. Иконоборцы выработали очень тонкую и порою убедительную философско-догматическую аргументацию против почитания икон и священных изображений. В иконопочитании они видели проявления грубого фетишизма, возрождение языческого культа, отход от спиритуалистических идеалов раннего христианства. Иконоборцы исходили из стремления сохранить за христианским богослужением возвышенную духовность, очистить его от плотских начал и пережитков эллинского сенсуализма.

В эту эпоху на передний план идейной борьбы выдвинулись проблемы эстетики, постижения художественного идеала и этических ценностей в изобразительном искусстве⁸. На формирование иконоборческих доктрин, видимо, оказали известное влияние религиозно-эстетические идеи иудаизма и ислама, в основу которых было положено представление о неопишемости и непознаваемости единого верховного божества. Во всяком случае в эстетике иконоборцев прослеживается влияние художественных исканий искусства ислама, заменившего изображения человека сложной декоративной орнаментикой и изощренной символикой. Действительно, следствием распространения в Византии иконоборческих идей была временная победа в религиозном искусстве орнаментально-декоративных и отвлеченно-символических принципов.

Эстетические и стилистические истоки иконоборческого искусства надо, видимо, искать в произведениях сирийских христианских мастеров, украшавших мозаиками ранние мечети на территории халифата. К ним относятся два великолепных памятника — мозаики храма Скалы (мечеть Омара) в Иерусалиме (691—692) и мечеть Омейядов в Дамаске (705—715). Это изысканно элегантные мозаичные ансамбли, состоящие из причудливо орнаментированных фантастических пейзажей с фонтанами и постройками эллинистического типа, со стилизованными изображениями роскошных садов, изобилующих экзотическими деревьями и цветами. В этих мозаиках растительные орнаменты образуют сложнейшие узоры, отличающиеся переливчатой колористической гаммой. Возможно, подобная орнаментальная стилизация восходила к эллинистическому и сасанидскому искусству. По ним можно судить и о погибшем от рук иконопочитателей монументальном искусстве иконоборцев, и о раннем художественном творчестве ислама. Подобные веяния проникли в книжную миниатюру иконоборческого периода. И хотя от этого

времени сохранилось крайне мало рукописей, но, вероятно, именно в иконоборческую эпоху были заложены основы византийской орнаментики, достигшей столь блестящего расцвета в X—XII вв.

Политическая и идейная борьба в эпоху иконоборчества достигла столь сильного ожесточения, что обе партии не только осыпали друг друга бранью, но и прибегали к гонениям, стремясь искоренить все созданное противниками. Сперва иконоборцы с фанатическим упорством уничтожали в храмах фигурные изображения, заменяя их символом креста или геометрическим орнаментом. Так погибли многие памятники искусства, мозаики, фрески, иконы, в том числе самые ранние мозаики храма св. Софии в Константинополе. После победы иконопочитателей победители столь же беспощадно сжигали иконоборческие книги, восстанавливали в храмах антропоморфные изображения Христа, Богородицы, святых. Сохранившиеся немногие памятники живописи VIII—IX вв. свидетельствуют об очень высоком художественном мастерстве их создателей. Шедевром искусства мозаичистов является, например, композиция в церкви Успения в Никее, где заменяемое ранее крестом изображение Богородицы было вновь восстановлено с необычайным совершенством. Композиция проникнута спиритуалистической идеей: она изображает стоящую в алтарной апсиде с младенцем на руках Богородицу, на которую с небес нисходят три световых луча, символизирующие троищность единого божества и подтверждающие догмат о непорочном зачатии.

Нет сомнения, что уничтожением памятников человеческой мысли и произведений искусства иконоборцы, как, впрочем, и иконопочитатели, причинили заметный вред культурному развитию Византии VIII—IX вв. Но вместе с тем нельзя отрицать и того, что иконоборческая доктрина и эстетическое мышление иконоборцев внесли новую свежую художественную струю в образное видение мира византийцев — изысканную абстрактную символику в сочетании с рафинированной и эстетически привлекательной декоративной орнаментикой. В развитии художественного творчества Византии оставила заметный след и борьба иконоборцев против чувственного, воспевающего трепетную человеческую плоть эллинистического искусства с его иллюзионистской техникой и красочной цветовой гаммой. Возможно, именно иконоборческие художественные искания во многом открыли дорогу

к созданию глубоко спиритуалистического искусства Византии X—XI вв. и подготовили победу возвышенной духовности и отвлеченного символизма во всех сферах общественного сознания последующих веков.

Кроме того, иконоборческое движение послужило стимулом к новому взлету светского изобразительного искусства и архитектуры Византии. По свидетельствам современников, в светском искусстве Константинополя иконоборческого периода изображение человеческих фигур не запрещалось: излюбленным мотивом художественного творчества стали портретные изображения императоров и их семей, прославленных полководцев и знатных вельмож константинопольского двора. Питаемые политической доктриной божественности императорской власти и избранности Византийской империи, возродились с невиданной силой традиции римского триумфального монументализма. В ту эпоху императорские дворцы и общественные здания украсились декоративными мозаиками и фресками, прославлявшими победы императоров над варварами, развлечения василевсов, их пиры и охоты, ристания на ипподроме. В правление императора-иконоборца Феофила (829—842) в Константинополе широко развернулось строительство на территории Большого дворца, расположенного на берегу Золотого Рога. В короткий срок был создан целый комплекс великолепных зданий, среди которых выделялся причудливой архитектурой тронный зал, или Триконх, украшенный тремя апсидами (конхами) и богато отделанный мозаиками и разноцветными мраморами колонн. Двухэтажное здание увенчивала сверкавшая позолотой высокая крыша. Непосредственно к Триконху примыкал перистиль, названный Сигмой, поскольку он имел форму греческой буквы сигма (Σ). Сигма также была украшена инкрустациями из многоцветного мрамора и поражала изысканной роскошью. Но самой удивительной достопримечательностью нового дворцового ансамбля был зал Мистерий, обладавший необычайной акустикой: все, что в нем говорилось тихо в одном углу, отчетливо было слышно в другом. Это акустическое чудо достигалось при помощи особых механических приспособлений, сохранявшихся в тайне. Возможно, в его создании участвовал знаменитый ученый Лев Математик, украсивший другой тронный зал — Магнавуру различными механическими диковинками.

Весь дворцовый комплекс поражал современников роскошью декора и изяществом архитектурных форм.

При иконоборческих императорах в архитектуру проникло влияние мусульманского зодчества. Так, один из константинопольских дворцов — Вриас был построен по плану дворцов Багдада. Все дворцы были окружены парками с фонтанами, экзотическими цветами и деревьями. В Константинополе, Никее и других городах Греции и Малой Азии возводились городские стены, общественные здания, частные постройки. В светском искусстве иконоборческого периода победили принципы репрезентативной торжественности, архитектурной монументальности и красочной многофигурной декоративности, послужившие в дальнейшем основой развития светского художественного творчества.

Вместе с тем и в период иконоборчества продолжало существовать гонимое, но стойко отстаивающее свои эстетические и философско-религиозные позиции суровое монашеское искусство иконопочитателей. Художественные идеалы этого искусства черпались из гущи народных верований и эстетических представлений народов Востока. Ярким примером этого направления в искусстве служат ранние росписи христианских пещерных храмов Каппадокии. Неуклюжие большеголовые фигуры святых в резких поворотах и неестественных ракурсах полны порывистого движения и экспрессии, плоскостность изображений и жесткая линейность, простые локальные краски придают им известную архаичность и даже примитивизм.

Особый интерес и даже некоторое удивление вызывает такой феномен, как одновременное сосуществование в пещерных храмах Каппадокии двух течений в искусстве: монашеского иконопочитательского, продолжавшего изображать антропоморфные фигуры Христа, Богородицы и святых, и иконоборческого, в котором преобладало символическое изображение креста. Новейшие открытия последних лет показывают, что в VIII—начале IX в. в Каппадокии было создано иконоборцами несколько храмов, украшенных изображениями множества крестов. С точки зрения художественного стиля эти иконоборческие фрески почти не отличаются от монашеской иконопочитательской живописи. Произведения того и другого направлений черпали художественные формы из местных греко-восточных традиций, связанных с народным мировосприятием. Сохранение в Каппадокии иконоборческих произведений искусства, быть может, объясняется тем, что в таких отдаленных и труднодоступных местах памятники иконоборческого характера не подверглись столь

беспощадности в отношении, как в столице и других городах империи.

Подобное же совместное сосуществование двух течений в изобразительном искусстве встречается и в столице Македонии Фессалонике (Солупи). Храм св. Софии, одна из главных святынь города, был построен в 30-е годы VIII столетия. Огромный, пятинефный крестово-купольный храм, несмотря на многочисленные перестройки, сохранил фрагменты живописи, близкой по времени к иконоборческой эпохе. При иконостасах в куполе храма находилось огромное изображение креста. После восстановления иконопочитания крест, как и в Никее, был заменен фигурой Марии с младенцем, однако следы его различимы. В куполе вскоре же была воспроизведена сцена Вознесения, исполненная грубой силы, жизненности и отличающаяся несколько архаическим художественным стилем. Лица святых носят следы местного колорита, писались они, скорее всего, с натуры и привлекают резко выраженной характерностью. По своим художественным особенностям росписи Софии Фессалоникийской близки к суровой монашеской живописи каппадокийских храмов. Но рядом с этой архаизирующей иконопочитательской живописью в той же Фессалонике сохранились редчайшие памятники иконоборческого искусства. Это остатки фресковой росписи IX в. в небольших церквях, которые представляют собой фризы инкрустированных крестов и растительного орнамента, вписанные в арки этих храмов. По-видимому, они, как и иконоборческие росписи Каппадокии, чудом сохранились во время гонений со стороны иконопочитателей.

Идейная борьба иконоборцев и иконопочитателей нашла отражение и в книжной миниатюре той эпохи. В замечательном памятнике середины IX в. — греческой псалтири, известной по имени ее владельца под названием Хлудовской и хранящейся ныне в собрании рукописей Государственного Исторического музея в Москве, некоторые миниатюры являются прямой иллюстрацией к событиям ожесточенной борьбы иконоборцев и иконопочитателей. Иконоборческие дискуссии изображены с позиций победивших иконопочитателей. Это ядовитый живописный памфлет, направленный против вождей иконоборцев — императора Льва V (813—820), патриарха-иконоборца Иоанна Грамматика и идеолога иконоборческого движения писателя Игнатия. Иконоборцы показаны в самом неприглядном, порою карикатурном виде (их нередко

сопровождает черт), а их действия трактуются как поругание священных изображений, достойное самой страшной кары. Следует подчеркнуть демократический характер многих миниатюр Хлудовской псалтири, на которых представлены сцены повседневной жизни народа: бедняк в рубище, убогий-юродивый, старик, бредущий с посохом по дороге, лев, терзающий грешника, много домашних животных и птиц. Несколько наивные и далекие от изысканности высокого искусства, эти миниатюры несут свежую струю, пронизаны подлинным дыханием времени.

Преследуемое константинопольским двором, полнокровное народное искусство иконопочитателей оказало значительное влияние на Запад, его принесли бежавшие от гонений в Западную Европу греческие и сирийские монахи. Восточно-христианские влияния прослеживаются в таких памятниках Запада, как Санта-Мария Антиква в Риме (741—742), в ранних мозаиках Сан-Марко в Венеции (827—844), в мозаиках Жерминьи де Пре во Франции, в ранних каролингских рукописях.

Идейная борьба в византийском обществе VIII—IX вв. мобилизовала все интеллектуальные силы противоборствующих сторон и в той или иной степени оказала влияние на общественное сознание эпохи. Религиозно-философские споры VIII—IX вв. вызвали необходимость систематизации христианского богословия, что нашло отражение в сочинениях Иоанна Дамаскина и позднее Феодора Студита. Иоанн Дамаскин (около 675 до 753) — один из крупнейших византийских богословов — в своем труде «Источник знания» поставил сложную задачу построить целостную систему ортодоксального христианства. Он пытался систематизировать всю сумму знаний христианского богословия, почерпнутую им из Писания и сочинений апологетов и отцов церкви. В онтологическом аспекте система Дамаскина основана на стремлении вывести все сущее из единого принципа — бога. Согласно этой концепции, бог — извечное, непознаваемое начало мира, источник и цель бытия. Природа — не только творение бога, но и раскрытие его божественной мудрости. Важное место в сочинении Дамаскина занимает христианская антропология. Человек — это своего рода микрокосм, маленькая вселенная, сотворенная гармонично и мудро из разумной души и плоти. Человек поставлен в центре мироздания, мир создан для человека, и искупительная жертва Христа принесена для спасения человечества. Следуя библейской провиденциалистской концеп-

ции, Иоанн Дамаскин все же признавал за человеком право выбора его земного пути, оставлял человеческой воле относительную свободу, а человеку — довольно широкое поле деятельности.

Сочинение Дамаскина вооружало христианских богословов четкой аргументацией в борьбе с различными еретическими учениями, в частности с доктринами несториан, манихеев, позднее павликиан и богомилов. Вместе с тем Иоанн Дамаскин не отвергал античную философию, а, наоборот, использовал для построения своей грандиозной богословской системы учение Платона и логику Аристотеля, основы античной науки. Он полемизировал с защитниками ислама, решительно выступал против иконоборческого движения. Исполненный традиционализма и строгой ортодоксальности, труд Дамаскина оказал значительное влияние на средневековое богословие как Византии, так и Западной Европы. Переведенный позднее на латинский язык, он изучался представителями западноевропейской схоластики, в том числе и Фомой Аквинским.

Другой идеолог ортодоксального богословия — Феодор Студит (759—826) в своем огромном литературном наследии — богословских трактатах, речах, письмах, наставлениях монахам и религиозных гимнах — обобщил всю аргументацию иконопочитателей против их идейных противников. Его сочинения проникнуты аскетической идеологией, идеализацией монашеской жизни, яростной полемикой против иконоборцев. Он организовал в Константинополе Студийский монастырь, ставший цитаделью и идейным оплотом ортодоксии.

В общественной мысли Византии возрастает интерес к созданию целостной, всеохватывающей картины Вселенной и человечества. Наиболее отчетливо, хотя и неосознанно, это стремление к глобальному охвату человеческой истории проявилось в византийской историографии. Такие тенденции, зародившиеся в предшествующий период в хронике VI в. Иоанна Малалы и в других произведениях подобного рода, нашли продолжение во всемирных хрониках VIII—IX вв. Исходя из библейской концепции, авторы этих хроник последовательно проводят идеи прогрессивного, обусловленного божественной волей движения человечества к совершенству. Торжествует новое понимание исторического времени как линейного и новое представление о пространстве, охватывающем всю христианскую ойкумену. В этот период временно исчезают обширные исторические произведения светского характера

ра, аналогичные «Историям» ранней Византии, и заменяются всемирными хрониками, принадлежащими перу церковных деятелей и монахов. Церковно-догматические идеи полностью господствуют в их сочинениях.

Наибольшей известностью среди произведений подобного рода пользовались «Хронография» Феофана Исповедника (752—818), «Бревиарий» («Краткая история») патриарха Никифора (сер. VIII—828 г.) и хроника Георгия Монаха, или Амартола («Грешника») (IX в.), «Хронография» Феофана — произведение сугубо «партийное», оно отражает торжество победившей партии иконопочитателей, как бы подводит итоги идейной борьбы той эпохи.

Современные ему события Феофан излагает крайне тенденциозно, не скрывая жгучей ненависти к иконоборцам и восхваляя монашество. Вместе с тем труд Феофана — образец нового жанра средневековой всемирной хроники со всеми ее позитивными и негативными чертами. Большая часть обширного сочинения компилятивна, перестрит общими местами и литературными клише, повествование ведется по годам, в строго хронологическом порядке, временной охват событий широк (от III в. до 813 г.), важные исторические явления поставлены в один ряд с незначительными фактами и зачастую тонут в потоке изложения; критический анализ и проверка достоверности источников полностью отсутствуют.

«Бревиарий» патриарха Никифора выражает мировоззрение и идейную позицию умеренных иконопочитателей. В центре повествования находится внешняя политика Византии, восхваляемая в панегирических тонах. Исторические сочинения Феофана и Никифора полны легенд, зачастую невероятных, изобилуют описаниями чудес и таких стихийных бедствий, как землетрясения, засухи, моровые язвы. Все изложение исполнено веры во всемогущество божественного промысла, авторская позиция затемнена общими мировоззренческими концепциями⁹.

Хроника Георгия Амартола — весьма примитивное монашеское сочинение. Автор ее — малообразованный монах, правоверный приверженец иконопочитания, его исторический кругозор узок, а знания жизни ограничены. Но занимательность и образность изложения, простота и доступность, обилие красочных фактов и чудесных легенд сделали ее популярной не только в монашеской среде, но и у широких масс населения Византии и за ее пределами. Сочинение Георгия Амартола было переведено на

славянские языки и получило широкую известность в славянских странах, в частности на Руси. Одновременно в империи появляется много кратких всемирных хроник компилятивного характера, освещающих наиболее важные события всемирной истории на основе господствующей библейской концепции. Общие черты византийской хронографии той эпохи — ортодоксальная идейная направленность, вера в чудеса и прославление этических идеалов монашества, безыскусственность и занимательность изложения, отказ от рафинированного стиля и языка исторических сочинений предшествующих столетий, ориентация на широкого читателя, не обремененного классическим образованием. Эти типично средневековые черты византийской хронографии VIII—IX вв. обусловили ее длительное воздействие на историографию последующего времени.

В VIII — первой половине IX в. усиливается влияние религиозной идеологии на византийскую литературу, особую популярность приобретают такие литературные жанры, как жития святых и литургическая поэзия. Жития святых этой эпохи много заимствовали из агиографической литературы ранней Византии. Строились они согласно строго установленному канону — рассказывалось о родителях героя, его детстве и отрочестве, чудесном обращении в православие, праведной жизни, исполненной подвигов благочестия, и, наконец, о его мученической смерти в борьбе за свои религиозные убеждения. Повествование изобиловало чудесами, сверхъестественными событиями, различными знамениями и предсказаниями, к которым так склонна народная фантазия. Облечено это было в форму литературных стереотипов как в образном строе, так и в метафорике и лексике. Существенно менялись, однако, время и место действия, историческая ситуация жизни героя. Теперь он не раннехристианский мученик, гонимый свирепыми языческими императорами, а благочестивый монах, преследуемый не менее жестокими правителями — иконоборцами. Вместе с тем по своей глубинной сущности, по этическим и психологическим характеристикам образ героя агиографической литературы остается неизменным. Он наделяется всей суммой христианских добродетелей — благочестием, смирением, целомудрием. Он страждет и сам сочувствует всем страждущим и гонимым, он стойко переносит бедствия и помогает другим страдальцам. Обычно он не только монах-аскет, но и труженик.

Наиболее выдающимися произведениями агиографии иконоборческого времени были жития Стефана Нового и Филарета Милостивого, ставшие любимым чтением самых широких кругов византийского общества. Эти жития, разумеется, не лишены недостатков, свойственных агиографической литературе в целом, они полны литературных штампов, недостоверных устных преданий и легенд. Но сквозь толщу стереотипов в них порою пробиваются живая струя народной жизни, правдивые бытовые детали, образы простых людей, веяния политической и идейной борьбы того времени, здоровый народный юмор.

В литургической поэзии иконоборческой эпохи выделяются фигуры двух талантливых гимнографов — Андрея Критского и Иоанна Дамаскина. Андрей Критский (около 660 — около 726) в своем творчестве продолжал традиции великого гимнографа ранней Византии Романа Сладкопевца. Его каноны и гимны проникнуты глубоким возвышенным чувством, теплотой, задушевной эмоциональностью в сочетании с торжественной приподнятостью и стройной ритмичностью литургического действия. Другой гимнограф той эпохи — философ и теолог Иоанн Дамаскин, создатель многих церковных гимнов, вносил в поэтическое творчество свойственную ему теологическую рассудочность, схоластический пафос, торжественную парадность, утонченность стихотворной формы. Его литургическая поэзия приобрела впоследствии большую популярность и вошла в православную литургию многих стран, в том числе и Руси. Жизненность и популярность греческой литургической поэзии в средневековом мире были обусловлены тем, что в ней как бы сливались воедино медлительный ритм богослужебного действия, величавое спокойствие церковных гимнов с торжественными интонациями церковной музыки и очертаниями церковного интерьера. Здесь было достигнуто такое же гармоничное единство поэтического текста и архитектурного пространства, как в греческом театре классической эпохи.

В IX в. не замирало и светское поэтическое творчество. Среди наиболее одаренных и образованных поэтов того времени можно назвать имена Иоанна Грамматика и Игнатия, поэтессы Касии. Иоанн Грамматик — личность яркая и самобытная, пламенный защитник иконоборческой доктрины, сохранял глубокую приверженность к античности, писал поэмы и ученые трактаты, увлекался научными опытами. Из его литературного наследия, к сожалению, сохранились лишь фрагменты, но и они говорят

о незаурядном таланте писателя. Его современник дьякон Игнатий принадлежал к умеренному крылу иконоборцев и, так же как Иоанн, славился знанием античной словесности. Сочинения его полны античных реминисценций, он знаток Гомера, Еврипида и Платона. Поэма Игнатия о грехопадении Адама и переложение басен Эзопа написаны чистым аттическим языком, в изысканной классической форме.

Совсем особое место в литературном развитии Византии IX в. принадлежит поэтессе Касии. Знатная девушка необычайной красоты и острого ума в юности пережила тяжкую личную драму. Когда император Феофил (829—842) выбирал себе невесту среди самых благородных и прекрасных девушек империи, Касия по своим достоинствам была первой претенденткой и уже рассчитывала стать василиссой ромеев. Но царственный жених после разговора с ней, во время которого она проявила независимость и свободу суждений, отверг слишком умную, с его точки зрения, претендентку и избрал другую красивую девушку — Феодору. Гордая и честолюбивая Касия после столь унижительного поражения удалилась в монастырь и предалась там литературным занятиям. В тиши монастырской кельи она написала немало эпиграмм, ямбических сентенций, литургических гимнов, к которым сама сочиняла музыку. В поэтическом творчестве Касии звучат мотивы оскорбленного самолюбия, глубокого разочарования, ненависти к невеждам и глупцам. Горькая насмешка над глупцами — лейтмотив многих ее сентенций ¹⁰:

Как страшно выносить глупца суждения,
До крайности ужасно, коль в почете он...
Когда невежда умствует — о боже мой,
Куда глядеть? Куда бежать? Как вынести?
Гораздо лучше с умными делить нужду,
Чем разделять богатство с невеждами и дураками...

В ядовитых сентенциях, проникнутых гневом и презрением, Касия бичует человеческие пороки: лицемерие, зависть, лесть, предательство, бесстыдство, чванство, гордость, пьянство, чревоугодие, легкомыслие, пошлость, лживость. Особое негодование поэтессы вызывает скупость: «скупой бежит от дружеских пирушек», «скупой, увидев друга, прячется и обучает слуг обману». Порою в стихах Касии проступают теплые, лирические чувства, возвышенное отношение к дружбе, целомудренной любви, бескорыстной помощи достойным людям. Дружбе посвя-

Тот же мотив развивается и в другом четверостишии:

Умеренное зло — жена блестящая с виду,
Все же красота даст утешенье,
Когда же еще жена к тому и безобразна,
Печальна вовсе участь и жалок злой удел.

Порою Касия погружается в философские размышления и пишет сентенции на морально-этические темы:

Зло легче доброго,
Подобно доброе подъему вверх,
Дурное же подобно спуску вниз,
А всякий знает, насколько легче
Спускаться, чем подниматься.

(Пер. Е. Э. Липшиц)

Стихи Касии очень субъективны и далеки от конкретной действительности. Замкнутая жизнь поэтессы наложила отпечаток на ее творчество. Она занята думами об общечеловеческих проблемах, сосредоточена на отвлеченных вопросах. Поражает, как мало интересуют Касию религиозные споры ее времени. Но, мысля вечными, общечеловеческими категориями, защищая, казалось бы, известные истины, Касия далека от эпигонского подражания великим образцам прошлого. Во многом она вполне самобытна, в ее произведениях очень редки реминисценции из античных и византийских авторов. И хотя Касию нельзя причислить к звездам первой величины, все же на византийском поэтическом небосклоне она занимает свое, особое, только ей принадлежащее место.

В иконоборческий период значительные трудности встали на пути развития научных знаний. Потеря восточных провинций империи, где ранее сосредоточивались крупнейшие научные центры, постоянные войны и длительная борьба между иконоборцами и иконопочитателями, уничтожение борющимися партиями библиотек и ценных рукописей — все это, бесспорно, наносило немалый ущерб науке и образованию. И тем не менее развитие научных знаний продолжалось. И, видимо, можно говорить скорее не об их упадке, а о серьезной перестройке на новый, средневековый лад. Античное наследие воспринимается теперь все более критически, усиливается воздействие христианской идеологии.

С IX в. высшее образование сосредоточивается в столице империи Константинополе. И даже в эти трудные времена здесь появляются блестящие ученые-эрудиты, не знающие себе равных на Западе. В области естественных

наук к их числу принадлежит выдающийся ученый-энциклопедист Лев Философ, или Математик (начало IX в.—около 869 г.)¹¹. Образовавшийся человек, знаток математики, физики, механики, философии, Лев Математик интересовался медициной и астрономией, изучал античных авторов. Он внес много нового в развитие византийской науки. Ему принадлежит ряд открытий, имевших важные последствия для дальнейшего прогресса научных знаний. Среди них особенно ценным оказалось применение Львом букв как арифметических символов, чем он, по существу, заложил основы алгебры. Известны изобретения этого ученого, например система световой сигнализации, с помощью которой сообщалось о событиях в стране врага, в частности в Арабском халифате. Современники рассказывают о чудесных механизмах, изобретенных Львом Математиком. Приемный зал Большого дворца, резиденции византийских императоров украшали статуи рычащих львов, поющих и порхающих птиц и другие причудливые механизмы, приводимые в движение водой; они должны были поражать иноземных послов, внушать им удивление и страх перед могуществом государства ромеев.

Лев Математик стал инициатором возрождения в Константинополе высшего образования. Пользуясь покровительством кесаря Варды, регента при малолетнем императоре Михаиле III (842—867), он воссоздал Константинопольский университет, светскую высшую школу, вскоре получившую большую известность по всей империи. Для занятий университета была отведена особая зала дворца — Магнавра. Там преподавались исключительно светские науки — грамматика, риторика и философия. Особое внимание уделялось изучению естественных наук — арифметики, геометрии, музыки и астрономии. В университете был собран цвет профессуры той эпохи, знаменитый ученый и церковный деятель IX в. патриарх Фотий одно время преподавал там. Университет готовил знающих чиновников, дипломатов, военачальников. Получить высшее образование могли лишь дети знатных и обеспеченных родителей. Слава Льва Математика и его университета непрерывно росла, и в Константинополь стекались способные юноши со всех концов Византийского государства. Это не могло не встревожить господствующую церковь, и по инициативе Константинопольской патриархии как альтернатива университету были созданы патриаршая школа в столице и церковные школы при от-

дельных монастырях, готовившие клириков и церковных иерархов. Великий византийский ученый Лев Математик не избегал ненависти фанатичных монахов, которые обвинили его в тайном язычестве и чародействе. Лишь покровительство императорского двора спасло его от преследований. Фундамент научных знаний, заложенный в IX в. Львом Математиком и его сподвижниками, оказался достаточно прочным, чтобы оставить заметный след в поступательном развитии всей средневековой науки.

В византиноведческой науке долго господствовало представление об иконоборческом периоде как о «темных веках» византийской истории, эпохе упадка культуры и образованности. Но иконоборческую эпоху нельзя рисовать одной черной краской: она глубоко противоречива и двойственна. С одной стороны, заметно временное затухание античных традиций, сакрализация литературы и искусства, господство церковной догматики. Античный идеал прекрасной личности постепенно уходит в прошлое и заменяется идеалом духовного совершенства, целомудрия, благочестия и смирения. Литература и искусство приобретают все более дидактический, нравоучительный характер, задачей творчества становится не образное воспроизведение мира, а отображение априорных философско-религиозных идей. Возрастает стремление к спиритуализации мышления, к господству символики и абстракции во многих сферах духовной жизни. Другими словами, происходит вызревание новых средневековых мировоззренческих принципов и эстетических идеалов. Человеческая мысль ищет иные, чем раньше, духовные ценности, иные пути развития. Движение вперед не прекращается, хотя и происходит преимущественно в рамках религиозного мировоззрения или господствующих представлений государственной политической доктрины. Продолжается развитие науки и образования, не меркнет и светское художественное творчество. Пышный расцвет переживает светское аристократическое искусство Константинополя, изысканное прикладное искусство столичных мастеров, книжная миниатюра. Думается, что иконоборческий период надо считать закономерным этапом развития византийской культуры, когда интенсивно идет процесс становления средневекового видения мира и средневековой идеологии.

Глава 4. Подъем Византийского государства. Феодалная знать у власти. Комнины между Западом и Востоком

В X—XII вв. Византия вступает в новый период своего исторического существования, характеризующийся интенсивным развитием феодальных отношений во всех сферах общественной жизни. Наиболее ярко становление феодализма проявилось в росте и утверждении крупной феодальной собственности.

Источники засвидетельствовали в этот период три основных вида крупной земельной собственности: частное феодальное землевладение, церковно-монастырское землевладение, а также домены императора и его семьи. Процесс феодализации особенно интенсивно развернулся в X—XII вв. в Малой Азии и в районе Фессалоники и Филиппополя на Балканах. Здесь складывались крупные вотчины известных аристократических родов.

В X—XII вв. значительную силу в качестве крупных коллективных феодальных собственников приобретают монастыри. В этот период монастыри возникают по всей империи. Рост монастырской собственности происходил нередко при прямом содействии Византийского государства. При основании монастырей императоры, как правило, жаловали им не только земли, но и различные выдачи из казны и освобождение от уплаты части налогов, так называемые солемнии.

Важную роль в социально-экономическом развитии Византии играла государственная собственность на землю и наличие зависимых от государства крестьян. Фонд государственных земель в Византии составляли преимущественно владения фиска, а также императорские поместья. Размеры фонда государственных земель в разные периоды истории Византии резко менялись. Государственные владения сравнительно редко представляли собой сплошные земельные массивы, они могли располагаться

чересполосно, среди имений крупных собственников и крестьянских наделов. Они сохранялись на протяжении всего существования Византии, но никогда не охватывали целиком территорию государства. Государственная власть в Византии не имела патримониального характера и не обладала верховным правом собственности на все земли подданных, поэтому византийские государи раздавали в виде пожалований знати казенные земли, населенные государственными париками-демосиариями, земли императорских доменов и пустоши. Свободные деревни мелких собственников не могли быть пожалованы частным лицам. Домениальное хозяйство императоров в период интенсивного развития феодализма обычно не достигало больших размеров и ограничивалось удовлетворением нужд императорской семьи и двора. Однако государственная власть сохраняла за собой право контроля над размерами земель феодалов и количеством работавших на них париков¹.

Длительным и сложным в Византии был процесс складывания феодально-зависимого крестьянства. Долгое время в империи сохранялись старые, унаследованные от поздней античности формы эксплуатации — использование труда рабов и наемных работников — мистиев. Рабство в IX—XI вв. как уклад было еще достаточно широко распространено: рабы использовались в качестве домашней прислуги, на полевых работах, в ремесленном производстве, мореплавании. В этот период может быть даже отмечена тенденция к расширению применения рабского труда в сельскохозяйственном производстве. Одновременно укреплялись права собственников рабов: беглые рабы могли быть возвращены господином в любое время независимо от срока давности. Тем не менее рабство постепенно теряло значение в сельском хозяйстве, и статус рабов сближался с положением низших слоев крестьянства.

Мистии — в источниках X—XI вв. упоминаются часто в качестве рабочей силы в вотчинах. Это были лишенные собственности батраки, пришлые люди, по разным причинам покинувшие родные места. Но хотя мистии были бесправными, обездоленными людьми, юридически они оставались свободными. Мистии работали в поместьях по договору в течение более или менее точно установленного срока и за определенную плату. Рабы и мистии, естественно, не могли играть решающей роли в феодальной вотчине. Главную рабочую силу на частно-

владельческих землях составляло феодально-зависимое крестьянство.

Феодальная зависимость формировалась в Византии двумя путями. Иногда непосредственные производители попадали в частновладельческую зависимость вместе со своей землей, т. е. без предварительной экспроприации и обычно без потери связи с общиной. Однако в империи более широкое распространение приобрел другой путь, при котором феодальному подчинению предшествовала экспроприация непосредственных производителей — лишение их земли и отрыв от общины. Обезземеливанию общинников способствовали различные обстоятельства: расслоение общины, тяжелый налоговый гнет, злоупотребления администрации, произвол и насилия светских и церковных феодалов, войны и нашествия, голод, стихийные бедствия. Разорившись и потеряв землю, крестьяне были вынуждены уходить из родных деревень. Поиски средств к существованию обычно приводили их к переселению на земли динатов, где рано или поздно они должны были превратиться в зависимых людей — париков.

Вотчинная организация хозяйства сочеталась в Византии с централизованной эксплуатацией крестьянства через развитую, в какой-то мере унаследованную от Рима налоговую систему². Нигде на Западе в классическое средневековье доля прибавочного продукта, присваиваемая в форме государственного налога, не была так велика, как в Византии. В своих вотчинах византийские феодалы находились под постоянным контролем центральной власти. Государство ограничивало число освобождаемых от налогов крестьян в частных имениях, регулировало размеры взимаемой сеньором ренты и сохраняло за собой право конфискации земли. Лишь со временем этот контроль стал несколько ослабевать. Именно наличие централизованного государства определило такие особенности общественного строя Византийской империи, как существование многочисленных категорий крестьян, подчиненных непосредственно государству, прикрепление крестьян к деревням и налоговому тяглу, довольно широкое применение ренты-налога. По мере развития феодализма в Византии значительно возрастает доля феодальной ренты, уплачиваемой крестьянами непосредственно своему сеньору, и сокращаются размеры централизованной ренты в пользу государства. Это все больше сближает Византию с Западной Европой и от-

даляет от Востока, где прочно сохраняются централизованные формы эксплуатации.

Иерархическая структура земельной собственности, пашедшая столь яркое и законченное воплощение в феодальном землевладении Западной Европы, в Византии складывалась несколько медленнее. Коренные изменения произошли лишь в XI—XII вв., когда наряду с другими видами собственности довольно широкое распространение получают такие формы условного землевладения, как прония, близкая к западноевропейскому бенефицию, и гоникон — пожалование земли в наследственное владение при условии несения феодалом определенной службы в пользу государства. В Византии, однако, имел гораздо меньшее развитие, чем на Западе, процесс субинфеодации. В этом аспекте аграрный строй Византии имеет больше сходства с аграрными отношениями стран Востока.

Феодальные институты, сложившиеся в Византии, — прония, арифмос, харистикий, экскуссия — типологически были близки соответствующим учреждениям вассально-ленной системы Западной Европы. Но и эти феодальные институты принимали в Византии своеобразные формы. При значительном распространении централизованной ренты прония порою была связана не только с передачей феодалу земельного владения, но и с предоставлением ему права сбора в его пользу определенной квоты налогов, пронии жаловались при условии несения военной или иной службы и на определеннный срок, обычно на время жизни прониара или императора. Государство особенно дорожило своим правом конфискации проний. В свою очередь, прониары в тех случаях, когда они получали право сбора налогов с определенной территории, стремились превратить ее в свое земельное владение, сперва условное, а затем и наследственное. В XI—XII вв. прония четко кристаллизовалась как феодальная условная собственность, тесно связанная с несением военной службы. Другой феодальный институт — арифмос («число») был связан с пожалованием феодалам права на владение строго ограниченным числом париков, которое фиксировалось в императорских хрисовулах. Официально закрепляя пришлых крестьян за земельным собственником, арифмос, по сути дела, вел к закреплению париков. Но государство при этом сохраняло контроль за числом этих присельников в имении феодала.

Институт харистикия представлял собой передачу в качестве условного держания монастыря или иного церковного учреждения в распоряжение светского или духовного феодала. Подобные пожалования были обычно пожизненными, но иногда передавались на срок жизни двух или трех поколений. Это была важная привилегия, даруемая феодалам в знак императорской милости.

Различия между странами Западной Европы и Византии в характере иммунитетных прав феодалов были также весьма значительными. В Византии доминирующую роль играли податные привилегии — так называемые экскурсии, а не привилегии судебные и административные, как на Западе. Экскурсия превращала владение феодала в привилегированное, освобожденное от государственных налогов, но не полностью экзиминованное, подобно феодальному поместью на Западе. Государство сохраняло за собой право изменять размеры податных привилегий.

В противоположность Западной Европе вассально-ленная система оставалась в Византии сравнительно неразвитой: феодальные дружины (этерии) выступали здесь чаще как свита, а не как вассалы, связанные со своим сеньором личными, поземельными и формально-этическими узами. Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не сложилась. И это было вполне закономерно при наличии в Византийской империи сильной центральной власти и развитой бюрократии.

Юридические памятники X—XII вв. рисуют реальную картину формирования феодального строя, которое сопровождалось острой социально-политической борьбой. Правда, следует подчеркнуть, что под плотным покровом римской юридической терминологии порой бывает трудно проследить вызревание новых общественных институтов. Оформлению феодального права собственности в Византии, например, во многом препятствовало сохранение римских правовых традиций с их последовательно проведенным принципом частной собственности. Новые отношения — там, где они зарождались, — оформлялись в категориях безусловной частной собственности, феодальные по своему существу связи зачастую принимали облик римского вещного права или римских договорных отношений. Если феодальная терминология для отношений крестьянской зависимости в Византии была создана, то особой терминологии для отношений феодальной собственности на землю византийское право, по существу, так и не знало.

В период интенсивного развития феодализма происходит серьезная перестройка социально-экономической структуры и внутренней организации византийского города. Общая феодализация общественного строя империи оказывает все большее влияние на города, которые приобретают черты, характерные для городов средневекового типа. Византийский город X в., по данным «Книги Эпарха» — устава константинопольских ремесленных и торговых корпораций, был во многом уже новым, средневековым городом, хотя и сохранял еще некоторые античные традиции³. Основной фигурой в городском ремесленном производстве уже становится свободный ремесленник, владелец небольшой мастерской — эргастерия. В ней работал и сам хозяин — мастер и два-три помощника: наемный работник — мистий, ученик, раб. В особо престижных и доходных ремеслах, например в изготовлении дорогих шелковых тканей, имелись торговцы-посредники по закупке шелка-сырца и сбыту драгоценных товаров. Большинство ремесленников Константинополя и, быть может, других крупных городов были объединены по профессиям в торгово-ремесленные корпорации. Эти корпорации пользовались монополией в своей отрасли производства и рядом привилегий. Наряду с эргастериями свободных ремесленников в Константинополе и других местах имелись многочисленные государственные мастерские по производству предметов роскоши, оружия, монетный двор, императорские гинекеи, где выработывались драгоценные пурпурные шелковые ткани. В государственных мастерских работали преимущественно рабы и лица, осужденные за какие-либо преступления. Торгово-ремесленные корпорации были обеспечены защитой и покровительством государства, но одновременно подчинялись строгому контролю эпарха города.

Всеобъемлющая государственная регламентация городского ремесла и торговли, столь характерная именно для средневековой Византии, имела свои позитивные и негативные стороны. Покровительство торгово-ремесленным корпорациям со стороны государства стимулировало временный расцвет городского ремесла. Государственная поддержка обеспечивала торговую монополию и защиту ремесленных корпораций от конкуренции внецехового ремесла, обилие заказов императорского двора, армии, константинопольской знати, безопасность на дорогах и в городах империи. Вместе с тем она связывала инициативу ремесленников в отношении введения технических

новшеств. Формы и методы государственной регламентации и внутренняя организация корпораций зафиксированы в «Книге Эпарха».

В X—XI вв. продолжалось поступательное развитие экономики византийских городов. Изобретение греческого огня — зажигательной смеси, дающей негасимое водой пламя, и косога паруса обеспечивало морские успехи империи, а расцвет строительной техники, достижения точных и естественных наук, особенно математики, астрономии и медицины, помогали Византии обогнать в своем развитии многие государства Востока и Запада. Византийское мореходство и торговля, несмотря на конкуренцию арабов и норманнов, все еще продолжали играть главенствующую роль в бассейне Средиземноморья, а византийская золотая монета (номисма или солид) высоко котировалась на всех рынках от Евфрата до Гибралтара. Организация византийской морской торговли, морские законы и техника мореплавания византийцев служили объектом заимствования и подражания в странах Юго-Восточной и Западной Европы.

Огромную роль в общественной жизни Византии и в эту эпоху продолжал играть Константинополь. Этот город всегда являл собой картину поразительных социальных контрастов. Город изнеженной праздности и неутомимого труда, средоточие неограниченной власти и арена социальных битв, резиденция императоров, вельмож, бюрократии и пристанище пестрой городской толпы, центр православия и очаг античной культуры, Константинополь вплоть до XII в. не терял и своего экономического могущества, оставался центром производства предметов роскоши, средоточием транзитной торговли между Азией и Европой, поистине «золотым мостом», по выражению Маркса, между Востоком и Западом. Такое гипертрофированное развитие столицы имело позитивные и негативные последствия для экономики империи. С одной стороны, оно стимулировало развитие ремесла и торговли в столице и ее пригородах, с другой — подавляло внутренний экономический рост провинциальных городских центров византийской державы. Между Константинополем и провинциальными городами никогда не утихало острое экономическое соперничество.

Новый подъем византийских городов, начавшийся в X в., достиг апогея в XI—XII вв., причем охватил не только столицу — Константинополь, но и некоторые провинциальные городские центры⁴. Во многих городах

Византии в это время наблюдается качественное улучшение техники ремесленного производства в таких отраслях, как кораблестроение, металлообработка, изготовление тканей, изделий из кожи, керамика. Важным следствием экономического подъема провинциальных городов явилось упрочение внутреннего рынка в отдельных регионах империи. Центрами обмена становятся оживленные, изобилующие разнообразными товарами ярмарки, такие, как красочно описанная в анонимном диалоге XII в. «Тимарион» ярмарка в Фессалонике, ярмарки в Трапезунде и в других городах. Растет не только городское, но и поместное ремесло, происходит постепенное стягивание деревни в рыночные связи. На ярмарку в Фессалонику съезжались купцы из Беотии и Пелопоннеса, Италии и Финикии, Египта и Испании.

Во внешней торговле Византии в эту эпоху происходят существенные изменения. Несмотря на возросшую конкуренцию итальянских купцов и ремесленников, торговая активность Византии еще не спадает, хотя меняются характер и направление внешней торговли империи. В связи с расцветом провинциальных городов иноземные купцы стекаются не только в Константинополь, как было раньше, но и в крупные порты империи, такие, как Фессалоника, Смирна, Трапезунд. Оживляется торговля с Причерноморьем, Крымом (Херсонесом). Возвышение провинциальных центров в эту эпоху находит яркое воплощение в подъеме каменного зодчества. В европейской части империи Фессалоника, Афины, Коринф, в азиатской — Никея, Смирна, Эфес, Трапезунд интенсивно застраиваются храмами, дворцами знати, домами богатых горожан. Эти города становятся важными центрами образования, культуры и искусства. Рост провинциальных городов повлек за собой усиление политической активности городского населения, появление городских советов, собраний граждан, вооруженных дружин городов. Но эти пока еще робкие ростки городской самостоятельности подавлялись центральной властью и местными феодалами.

Со второй половины XII в. в экономике городов, как и всей империи, появляются черты упадка. Они были вызваны многими причинами. Городские торгово-ремесленные корпорации все болезненнее ощущали государственную регламентацию, сковывавшую их инициативу, ослаблявшую их перед лицом столь опасных конкурентов, как торговые города-республики Италии. Итальян-

цы все активнее стали применять новые методы и технологии ремесленного производства и организации торговли. Близорукая политика императоров из дома Ангелов (1185—1204), покровительствовавших итальянским коммерсантам и предпринимателям, открыла дорогу предприимчивым конкурентам в империю. Расцвету городов мешали и постоянные междоусобицы феодалов, и их активное вмешательство в дела горожан.

Коренной перелом в поступательном экономическом развитии Византии произошел в XII в. С конца этого столетия экономическое превосходство переходит, и притом окончательно, к государствам Западной Европы. И, пожалуй, решающую роль в этом сыграли различия в судьбах византийских и западноевропейских городов. Именно в конце XII в. пути общественного развития городов Византийской империи и Западной Европы окончательно разошлись. В Западной Европе неуклонный рост городских центров привел к кардинальным сдвигам во всей социально-экономической жизни феодального общества, а позднее, в XIV—XV вв., — к зарождению в наиболее передовых странах того времени — в Италии и Нидерландах — раннекапиталистических отношений. В Византии же расцвет городов оказался недолговечным и не повлек за собой коренной ломки феодальной экономики страны.

В период развития феодализма серьезные перемены происходят в структуре государственной власти и в административном управлении империи. Несколько ослабевшая в VII в. централизация Византийского государства вновь упрочилась к X в. Именно в это время происходит отчетливая кристаллизация всех форм государственности. Империя ныне управлялась из императорской канцелярии, а провинциальные наместники, получая жалование из казны, зависели от центра. Огромную роль в жизни византийского общества играл централизованный бюрократический аппарат; государственные чиновники объединялись в замкнутую касту, в которой царил строгая иерархия в соответствии с табелью о рангах.

Правление императоров Македонской династии часто называют «золотым веком» византийской государственности. Действительно, при них оформляется пышный этикет византийского двора, строгий церемониал приема иностранных послов, упрочивается принцип легитимности власти через институт соправителей. Как правило, император делал своего сына соправителем и тем самым

закреплял власть за своей династией. Ни один из императоров Македонской династии не потерял власть в результате дворцового переворота или мятежа. Оформление нового государственного устройства произошло в правление Льва VI Мудрого (886—912 гг.). Центральное управление сосредоточивается в столичных ведомствах (логофисиях), во главе которых стояли логофеты; число их менялось. Основными функциями центрального аппарата были фискальные, судебные и военные. Сохранял свое влияние совет высшей знати при императоре — синклит.

В период интенсивного развития феодализма и укрепления централизованной власти при Македонской династии в провинциях феодальная организация медленно, но неуклонно начинает приходить в упадок. Ее место занимает феодальное войско, ядро которого составляли тяжеловооруженные всадники — катафракты. Оно формировалось из зажиточных крестьян, выделившихся из общины, и мелких вотчинников. Все большее значение в пограничных, особенно в малоазийских областях, приобретает войско из военных поселенцев — акритов. Их воинские подвиги в борьбе с арабами были воспеты в народных акритских песнях и в эпосе о Дигенисе Акрите. Однако рыцарства как особого военно-служилого сословия, связанного с сеньорами поземельными и вассальными узами, в Византии в отличие от Запада так и не сложилось. В X—XII вв. большую роль во внешней политике Византии, в ее оборонительных и наступательных войнах играл прекрасно технически оснащенный военный флот. Вплоть до конца XII в. византийский военный флот во многом преобладал над морскими силами других держав Средиземноморья.

В течение всего изучаемого периода социальная опора центральной власти нередко значительно изменялась. На престоле сменялись императоры — ставленники то могущественной столичной придворной аристократии и высшего чиновничества, то провинциальной феодальной знати. Недаром вся политическая история Византии наполнена постоянными столкновениями константинопольской чиновной знати с местными феодальными землевладельцами. Соперничество этих социальных группировок, их смена у власти — зерно всей борьбы внутри господствующего класса империи, зачастую, правда, принимавшей форму дворцовых переворотов, бунтов провинциальных феодалов или династических заговоров. Это

была, по сути дела, постоянная борьба центробежных и центростремительных сил в Византийской империи, все усиливавшаяся по мере феодализации страны.

После полосы тяжких поражений международное положение Византии стало улучшаться с середины X в., чему в немалой степени способствовало ослабление ее внешних врагов — распад Багдадского халифата на ряд феодальных княжеств и междоусобицы в Болгарском царстве. Империя отвоевала у арабов Верхнюю Месопотамию и часть Малой Азии, области Сирии, Крит, Кипр, вернула под свой протекторат Грузию и Армению. Во второй половине X в. при императоре Василии II (976—1025) Византия завоевала Болгарию. Весь Балканский полуостров до Дуная вновь вошел в состав Византийской империи. Правление Македонской династии было связано с укреплением Византии, которая в 1025 г., после присоединения Болгарии и ряда сирийских и кавказских территорий, вновь стала самым могущественным государством в Восточном Средиземноморье.

В XI в., однако, у Византии на Востоке появился новый опасный враг — турки-сельджуки. В 1071 г. при Манцикерте сельджуки нанесли тяжкое поражение Византии и ее союзникам, приведшее к потере Армении и части Малой Азии. Через столетие, в 1176 г., при Мириокефале поражение византийских войск от армии сельджуков повторилось. Тяжелое положение Византии усугублялось неудачами на Западе. К 1071 г. норманны завоевали Южную Италию, а в 1185 г. захватили Диррахий и Фессалонику. Весь XI век наполнен нападениями на империю печенегов. Византии грозило превращение в теснимую врагами второстепенную державу. Однако этого не произошло. После длительного периода внутренних смут и внешних неудач вновь происходит консолидация всех сил империи вокруг новой династии Комнинов. При трех способных и деятельных императорах этой династии, нашедших поддержку в провинциях, положение стабилизируется. В правление Алексея I (1081—1118), Иоанна II (1118—1143) и Мануила I (1143—1180) Комнинов Византия отвоевала у сельджуков почти все Малоазийское побережье, подчинила, правда временно, Сербию и Венгрию, боролась за гегемонию в Италии, успешно предотвратила конфликты с крестоносцами I и II крестовых походов. В этот период Византия вновь выступила на международной арене великой европейской державой.

Правление Комнинов было блестящим периодом в истории Византии, когда империя в последний раз не только возвратила себе былое величие, но и возродила прежнюю централизацию византийского государства. Здание новой централизации Комнины, однако, строили, как это ни парадоксально, опираясь на силы децентрализации — военно-феодалную знать и расцветшие провинциальные города⁵. В XI—XII вв. происходит экономическое усиление и политическая консолидация феодальной знати. Интенсивно идет процесс формирования наследственной родовой аристократии, создающей свою исключительность и благородное происхождение. Высшая военная знать консолидируется в замкнутую группу правящей элиты, связанной родственными узами.

Первые три правителя из династии Комнинов были одаренными политиками и выдающимися государственными деятелями. Алексей I Комнин сумел вывести империю из тяжелого кризиса, победить мятежных магнатов и опасных внешних врагов и упрочить власть своей династии. Успехи ему обеспечили не только его, безусловно, выдающиеся личные качества — энергия и ум государственного человека, скрытность и осторожность хитрого дипломата, талант и смелость военачальника, сочетавшиеся с умением управлять людьми и не падать духом в самых тяжелых ситуациях. Главной причиной его побед была поддержка сильной феодальной аристократии провинций. Алексей Комнин сумел сплотить вокруг трона знатные провинциальные роды, породнившись с ними. Столичная знать и влиятельные чиновники были отсечены от управления государством. Теряла влияние и столичная торгово-промышленная верхушка, поскольку Комнины поддерживали провинциальные города, даровали им различные привилегии, получая взамен от них финансовую помощь.

Сын и внук Алексея Комнина упрочили положение Византийского государства. Иоанн II Комнин сочетал сдержанность и взвешенность решений, суровость и замкнутость характера с воинской энергией и дипломатическим тактом. Особенную популярность приобрел его сын Мануил I Комнин. Удачливый полководец, рыцарственный и храбрый воитель, но самовластный, порою капризный и склонный к авантюрам государь, он совершил с переменным успехом ряд походов в Италию и Сирию. В его правление империя значительно сближается с Западом. При дворе Мануила I процветают западные обы-

чап, сам император участвует в турнирах в честь прекрасных дам, поэты-трубадуры прославляют его подвиги. По рассказам современников, он любил роскошь и наслаждения, увлекался охотой и пирами, славился многочисленными любовными похождениями. Однако в военных походах Мануил был смел и неутомим, разделял все тяготы воинской жизни со своими солдатами, первый бросался в гущу сражений⁶.

При Комнинах меняются стиль и характер византийской дипломатии. Династические браки с европейскими правителями, еще в X в. бывшие сравнительной редкостью, при Комнинах становятся одним из важных средств дипломатии империи. Византия отказывается от исконной гордой политики «блестящей изоляции» и все активнее ищет на Западе союзников. В годы побед Мануил I строит даже универсалистские планы — мечтает о единой империи, единой церкви и едином монархе в лице византийского императора. Но времена универсалистских монархий уже прошли, а Европа стояла на пороге рождения национальных государств. Честолюбивым мечтам Комнинов так и не суждено было сбыться.

В изучаемый период все яснее кристаллизовались основные различия между православной и католической церквями. Эти расхождения социально-экономического, политического и религиозно-догматического характера, разумеется, во многом отражали различия в общественной структуре и идейной жизни Византии и Запада.

После неудачи иконоборческого движения и восстановления иконопочитания подчинение православной церкви императору вновь стало свершившимся фактом. Новая попытка утвердить равенство светской и духовной власти при патриархе Фотии (около 810—897) тоже окончилась неудачей. Фотий — яркая и сильная фигура на константинопольском патриаршем престоле, суровый богослов и церковный деятель, был вместе с тем поклонником и знатоком античной культуры. Одним из первых среди патриархов Фотий начал борьбу против главенства императора над церковью. Он открыто выступил с идеей равенства светской и духовной власти, за что поплатился саном. Фотий проводил широкую миссионерскую деятельность и способствовал распространению православия среди славянских народов — в Болгарии, Моравии и на Руси. При нем с особой силой начались политические и догматические разногласия с римским престолом, что явилось как бы прелюдией к разделению церквей.

Внутренняя организация католической церкви носила по сравнению с православной более аристократический характер. В странах Западной и Центральной Европы католическая церковь противостояла мирянам как особая сплоченная привилегированная корпорация. Обособленность католического духовенства от мирян проявлялась, например, в причащении клириков вином и хлебом, а светских лиц — только хлебом, в установлении для всех католических священников безбрачия — целибата. В Византии грань между духовенством и мирянами проводилась отнюдь не столь резко: все верующие причащались одинаково, безбрачие распространялось только на епископов и монахов. В восточной церкви в несколько меньшей степени ощущалась противоположность между высшим и низшим духовенством. Существовали некоторые особенности и у византийского монашества. Византийский монастырь как особая социальная группа в отличие от западноевропейского предоставлял монаху больше свободы в выборе образа жизни, вида аскезы и индивидуального пути спасения, что не исключало хозяйственной и административной зависимости монастырей от государства. Внутри многочисленного в Византии монашества наблюдалось сильное социальное расслоение. Его низшие слои были зачастую близки к народным массам.

Подобные различия в структуре церквей были, естественно, связаны и с догматическими разногласиями. На Западе господствовало учение о том, что спасение человека якобы целиком зависит от деятельности особой корпорации — церкви, в руках которой находится оценка заслуг верующего и отпущение его грехов. Восточное же христианство отличалось большим индивидуализмом, отводило важную роль в спасении человека индивидуальной молитве и через ее посредство допускало мистическое слияние с божеством. При этом отчетливо давали себя знать идейные традиции обеих церквей: на Западе — влияние юридика, восходящего к классическому римскому праву, на Востоке — спекулятивной греческой философии, прежде всего неоплатонизма.

Между восточной и западной церквями довольно резко обозначились расхождения, касающиеся церковной обрядности. Эти различия складывались в течение веков и являлись не только результатом догматических несогласий, но и символическим выражением церковных традиций Запада и Востока, на которые, в свою очередь, оказывали воздействие локальные обычаи, принятые в цер-

ковпом ритуале той или иной местности. Языковые различия и территориальная разобщенность Запада и Востока, естественно, усугубляли эти литургические расхождения. Споры по вопросам обрядности между католическим и православным духовенством чаще всего втягивали в борьбу широкие народные массы и способствовали углублению церковной розни. Номинально церковное единство признавалось Римом и Константинополем, но фактически в течение столетий между папским престолом и Константинопольской патриархией шла никогда не затухавшая — то подспудная, то открытая — борьба за религиозное и политическое главенство. Эта борьба изобиловала драматическими коллизиями, страстной догматической полемикой. Не раз церковная рознь между Востоком и Западом доходила до жестоких стычек пап и патриархов.

В 1054 г. энергичный и решительный патриарх Константинополя Михаил Кируларий (1043—1058) открыто провозгласил принцип превосходства духовной власти над светской, закрыл подчиненные Риму церкви и монастыри в Византии, объявил ересью традиционное у латинян причащение опресноками и соблюдение субботнего поста. Он боролся за распространение православия в Южной Италии и категорически отказался признать верховенство папы над восточной церковью. Папа Лев IX не признал притязаний константинопольского патриарха, и в июле 1054 г. произошел полный разрыв⁷.

В Константинополе римский кардинал Гумберт возложил 16 июня 1054 г. на престол св. Софии грамоту об отлучении патриарха Михаила Кирулария от церкви; тот, в свою очередь, отлучил папского легата и объявил сторонников западной церкви еретиками. Он подробно перечислил все основные пункты расхождения с латинянами. Для восточной церкви были неприемлемы как обрядовые, так и догматические правила латинян: применение опресноков вместо квасного хлеба при причащении; соблюдение субботнего поста, целибат; обычай священников брить бороду; крещение посредством одного только обрызгивания, без погружения в купель; пренебрежение культом икон, место которых заняло скульптурное распятие.

В богословской сфере основным расхождением с латинянами было прибавление ими к символу веры *filioque* («и от сына»), что вело к признанию исхождения Св. Духа не только от Бога-Отца, но и от Сына. Споры о природе Троицы, давно уже волновавшие восточную цер-

ковь, были, по существу, попыткой разрешить кардинальные философско-богословские вопросы о соотношении единства и множества, земного и небесного, человека и бога. Греческие богословы в отличие от западных теологов подчеркивали самостоятельность лиц Троицы при единстве ее природы. В соотношении лиц Троицы они вводили монархический принцип. Добавление западными богословами *filioque* означало замену монархического принципа иерархическим. Троица превращалась в иерархизированное единство в отличие от монархически воплощенной триады лиц восточного православия. Средневековому мышлению Запада подобная иерархия лиц была ближе и понятнее, чем монархическая система, которая, в свою очередь, более адекватно отвечала самодержавной общественной структуре Византии. Западной религиозности был особо присущ культ Бога-Сына Иисуса Христа; распятие — изображение Христа на кресте — стало главной святыней в храмах латинского Запада, в то время как на Востоке широкое распространение получило почитание Св. Духа и праздников пятидесятницы и Духова дня.

Существенным различием восточной и западной церквей было отношение к проблеме свободы воли. Отсутствие корпоративного начала в византийском обществе и большее распространение индивидуализма приводили к замене августиновской концепции предопределения, ведущего человека к спасению или гибели, теорией синергизма — соединения свободной человеческой деятельности с божественным милосердием. На теологии Августина зиждился основной принцип деятельности западной церкви: человек сам по себе бессилен перед грехом, и только церковь как корпорация может через церковные таинства обеспечить его спасение. Отсюда вытекала оценка церковью грехов и добрых дел человека, возможность индульгенций (выкупа) грехов, учение о посмертной судьбе, суде над грешниками, чистилище и т. п. Для выкупа грехов церковь должна была обладать определенным запасом благодати, якобы накопленным христианскими святыми и подвижничеством праведников. Недовольство восточного духовенства также вызывало недостаточное уважение на Западе к особо почитаемым православной церковью богословам — Василию Великому, Григорию Назианзину и Иоанну Златоусту.

Западная церковь, как мы знаем, являлась носителем идеи универсализма, что порождало создание централизованной иерархической церковной организации во главе с

теократическим государем — римским папой. Папский престол не подчинялся светской власти и вел самостоятельную политику. В Византии, наоборот, светское государство само олицетворяло универсалистскую идею и стояло во главе всей христианской ойкумены. Духовная власть на Востоке была ограничена светской, хотя распространенная некогда теория цезарепапизма, т. е. полного господства государства над церковью, ныне опровергнута в современной византиноведческой науке. С универсалистскими претензиями западной католической церкви был тесно связан и вопрос об языке богослужения. В феодально-раздробленной, многоязычной Западной Европе, населенной различными племенами и народами, церковь сумела сохранить единый язык богослужения — латынь и тем самым утвердить принцип универсализма. Византийская православная церковь, напротив, при христианизации варварских народов не требовала, чтобы греческий язык стал единственным языком литургии. Она допускала богослужение на местных языках — славянском, грузинском, сирийском, коптском и др. Зачастую эта политика обеспечивала успех церковным миссиям православной церкви. Однако борьба между западной и восточной церквями за распространение христианства по католическому или православному обряду никогда не прекращалась.

Наряду с догматическими и обрядовыми расхождениями восточную и западную церковь разделяли укоренившиеся в широких кругах средневекового общества Запада и Востока устойчивые социально-психологические различия. Западной религиозности была свойственна глубокая эмоциональная напряженность, граничащая с религиозной экзальтацией. Для верований греков была характерна отвлеченная философская рассудочность, приверженность к трансцендентным идеям. Взволнованное воображение латинян постоянно устремлялось к крестным страданиям Христа, страшным мукам грешников в аду. В православной церкви на первый план выдвигались радостно-просветленные моменты жизни Христа, его воплощение и воскресение, души верующих устремлялись к божественному свету, к победе добра над злом. Это различие нашло отражение в византийской и западноевропейской культуре, в частности в литературе и искусстве.

Схизма (раскол) 1054 г. продлилась недолго и завершилась временным компромиссом. Она активизировала, однако, деятельность католического духовенства на Бал-

канах — в Хорватии и Западной Сербии. Вместе с тем схизма усилила антилатинские настроения в Восточной Сербии, в Болгарии и на Руси. Последствия схизмы ощущались еще долгое время. Церковный мир, периодически восстанавливаемый, оказывался столь шатким, что окончательный раскол был неминуем. После завоевания Византии крестоносцами католическая церковь попыталась провозгласить папскую супрематию на Востоке, но натолкнулась на решительное сопротивление как греческого духовенства, так и широких масс населения. В последующие столетия церковные разногласия переросли в открытую вражду схизматиков-греков и католического Запада и все попытки заключения церковной унии успеха не имели.

Латинское завоевание Византии в начале XIII в. было подготовлено всем ходом социально-политического развития империи в последней четверти XII в. При преемниках Мануила Комнина Византийское государство было ввергнуто в пучину смут и междоусобиц. Начались выступления народных масс городов, особенно столицы, недовольных усилившимся засильем иностранцев, в частности итальянцев. На волне этих движений к власти в 1183 г. пришел двоюродный брат императора Мануила Андроник I Комнин (1183—1185), принадлежавший к числу наиболее колоритных фигур на византийском престоле. К. Маркс называл его человеком алкивиадо-нероново-византийского склада. Великий честолюбец, обуреваемый сильными страстями, оболстительный красавец, склонный к авантурным похождениям, Андроник сочетал рыцарственное благородство, безрассудную храбрость и щедрость с коварством и жестокостью. Придя к власти, он пытался провести ряд реформ, направленных на некоторое улучшение положения народных масс и ограничение всевластия феодалов и высшей знати. Андроник рядился в одежду «крестьянского императора», обещая крестьянам облегчение налогового гнета. Но главными его политическими методами были демагогия и беспощадный террор. Расправившись со всеми своими соперниками, он начал кровавую расправу со столичной знатью. На ее счастье, правление Андроника было недолгим. Военные неудачи и растущее недовольство самовластным правлением василевса решили его судьбу. В 1185 г. знатный вельможа Исаак Ангел сверг Андроника, подняв народное восстание. Андроник был схвачен разъяренным кон-

стантинопольским плебсом и предан страшной, мучительной казни.

В правление династии Ангелов (1185—1204) упадок Византии продолжался. Обострились до крайности отношения с Венецией. Влиятельные слои на Западе добились того, что IV Крестовый поход был направлен вместо Палестины и Сирии в Константинополь. В походе против Византии объединились фактически интересы римской курии, мечтавшей подчинить власти папского престола схизматиков-греков; Венецианской республики, добивавшейся торговой гегемонии в Средиземноморье; Германской империи, стремившейся к усилению политического влияния на Востоке. Раздираемая внутренними противоречиями, Византия не смогла оказать сопротивления крестоносцам⁸. Ситуация осложнилась из-за разгоревшейся династической борьбы.

Император Исаак Ангел (1185—1195), в свою очередь, был свергнут с престола и ослеплен своим братом Алексеем III (1195—1203). Алексей III оказался неспособным и слабым правителем и не сумел дать отпор крестоносцам. Весной 1202 г., накануне IV Крестового похода, в Италию бежал сын свергнутого императора Исаака Ангела царевич Алексей. Он попросил крестоносцев помочь ему и его отцу вернуть утраченный престол: тем самым крестоносцы получали законный предлог для похода на Константинополь. Крестоносное войско во главе с Бонифацием Монферратским, захватив у венгров Задар, весной 1203 г. двинулось на Византию. Летом этого же года началась осада Константинополя с суши и с моря. Алексей III, захватив государственную казну и императорские драгоценности, бежал с семьей из осажденного города, бросив столицу империи на произвол судьбы. И, хотя осажденные выполнили требование крестоносцев и провозгласили императором Исаака Ангела, а его соправителем царевича Алексея, осада продолжалась. Крестоносцы потребовали от византийцев огромную контрибуцию.

Наиболее неумолимым противником Византии был венецианский дож Энрико Дандоло, имевший старые счеты с ненавистными ему ромеями. Папа Иннокентий III внешне как будто бы стоял в стороне, но на самом деле покровительствовал завоеванию империи схизматиков-греков. После бегства императора Алексея III в осажденном городе началась анархия, вспыхнул народный мятеж, императоры из дома Ангелов были свергнуты с престола, а василевсом был провозглашен знатный вель-

можа Алексей Дука, по прозвищу Мурчуфл («Хмурый»). Судорожные попытки Мурчуфла и малочисленного гарнизона греков спасти город не увенчались успехом. Решающую роль при этом сыграла слабость византийского флота, пришедшего в упадок в правление Ангелов. Крестоносцы, готовясь к захвату великого города, разработали на своем совете план завоевания Византии и раздела ее владений. Наступил час решительного штурма. 12—13 апреля на стенах города разыгрались кровопролитные бои. Решающий удар рыцарей был нанесен со стороны Золотого Рога: придвинув вплотную к стенам корабли и перебросив с них мостики, по которым перешли воины, крестоносцы захватили укрепления и ворвались в город. Они открыли ворота основным силам своего войска, и судьба Константинополя была решена. На всех улицах огромного города долго продолжались ожесточенные уличные сражения и разыгрывались душераздирающие сцены насилия над жителями древней столицы. Преследуя бегущих, крестоносцы беспощадно убивали всех, кто попадался на пути. Новый Рим, почти девять веков оборонявшийся от опаснейших врагов: аваров, персов, арабов и русских, теперь стал добычей западных рыцарей. Три дня продолжался страшный разгром Константинополя, начались пожары, в пламени которых погибли прекрасные памятники искусства. Город был разграблен и опустошен, а его жители обратились в бегство. Молодые женщины и девушки, по рассказу очевидца событий историка Никиты Хониата, одевались в рубище и мазали лица сажей, чтобы ускользнуть от рук завоевателей. Ценные произведения искусства, древние рукописи и книги были сожжены или захвачены крестоносцами и увезены на Запад. Гордость Византии св. София была осквернена, опустошена и разграблена. Знаменитая квадрига коней Лисиппа, шедевр античного искусства, по приказу дожа Энрико Дандоло была увезена в Венецию и по сей день украшает главный портал собора св. Марка. Корабль, груженный другими скульптурами, которые вывозили крестоносцы на Запад, затонул у берегов Южной Италии, и лишь много позднее со дна моря был извлечен колосс, изображающий императора Маркиана, стоящий ныне на морском берегу около города Барлетто. Весной 1204 г. Византия временно перестала существовать, а на ее развалинах возникло новое государство — Латинская империя.

Глава 5. Расцвет культуры в XI—XII веках. Зарождение рационализма

С X в. наступает новый этап истории византийской культуры. С этого времени начинается известная стабилизация общественного сознания, завершается систематизация христианского богословия. Происходит обобщение и классификация всего достигнутого в науке, богословии, философии, литературе¹.

В культуре полностью торжествуют обобщенно-спиритуалистические принципы. Общественная мысль, литература, искусство как бы отрываются от реальной действительности и замыкаются в кругу высших, абстрактных идей. Христианство, не принимая античного мирозерцания с его гармонией духа и тела, но отвергая также и дуализм еретических учений, разделявших непроходимой пропастью духовное и телесное начала, осознает трагическую противоречивость мира и в то же время стремится снять это противоречие. Выход из тупика, создаваемого извечным конфликтом духа и плоти, оно видит в соединении несоединимого (предполагая, впрочем, подчинение плотского начала духовному). В это время окончательно складываются основные принципы византийской эстетики. Идеальный эстетический объект переносится в духовную сферу, и она теперь описывается с помощью определенных эстетических категорий, таких, как прекрасное, свет, цвет, образ, знак, символ. Эти категории помогают освещению глобальных проблем духовной культуры и искусства. В художественном творчестве получают преобладание традиционализм, каноничность. Искусство теперь не противоречит догматам официальной религии, но активно служит им.

Византийская литература, как и вся культура той эпохи, в своей основе еще статична, отрешенна, рассудочна. Художник не только не вмешивается в течение окружающей жизни, не только не высказывает своего отношения к ней, но даже и не стремится познать все многообразие бытия. Он часто живет в выдуманном, нереальном мире рассудочных абстракций и канонизирован-

ных ситуаций и образов. Вместо познания природы и человека он занят воплощением идеи в стройной системе символов. Постоянная изменчивость, подвижность видимого мира — для него лишь иллюзия, лишь оболочка, скрывающая вечную сущность всех вещей. Повествование замыкается в кругу излюбленных трафаретных сюжетов; в произведениях церковной литературы той поры поселяются символические, стереотипные герои, совершающие заданные действия на фоне абстрактных пейзажей, под аккомпанемент окаменевших метафор, составляющих порою утомительный фразеологический этикет. Полнокровные бытовые детали, грубоватый народный юмор, столь характерные, например, для житийной литературы ранней Византии и эпохи иконоборчества, все чаще сменяются бесплотными, аскетическими фигурами мучеников и святых.

Канонизированность и унифицированность всей духовной жизни Византии постоянно поддерживаются строгой регламентацией мышления со стороны государства и господствующей церкви. Задачи творчества четко ограничены поучительностью, дидактичностью литературы: цель писателя — не осмысление природы и бытия, а просвещение и спасение тех, кто бродит во тьме невежества. Для него нет необходимости обладать собственным видением мира. Распространение получает суровая аскетическая эстетика монашества и ортодоксального духовенства: проповедуются превосходство духовной красоты над телесной, бесстрашие, покой, отказ от земных благ, прославляются аскетизм и мученичество. Видным выразителем этого ригористического направления в эстетике Византии был мистик и теолог Симеон Новый Богослов (949—1022). Он был идеологом монашества, призывал к борьбе с тремя главными пороками человечества — сластолюбием, сребролюбием и славолубием; идеалом монашеской жизни считал отказ от всякой деятельности, погружение в мистическое созерцание.

Вместе с тем в отличие от Западной Европы, почти целиком утратившей в раннее средневековье сокровища античной культуры, в Византии традиции греко-римской цивилизации никогда не умирали, а упадок образованности ощущался в значительно меньшей степени, чем на Западе. Естественно поэтому, что и возрождение античной культуры в Византии началось раньше, чем в Западной Европе. Античные традиции, временно ослабевшие в VIII—IX вв., с X в. возрождаются с новой силой². Од-

повременно возрождается антикизирующее направление в эстетике. В художественной культуре вновь получают популярность мотивы античной мифологии, подражания античным образцам. Это направление сохраняется, то усиливаясь, то ослабевая до конца существования империи. Уже в период правления Македонской династии проявляется стремление к объединению основных тенденций античного художественного мышления с христианской эстетикой. Происходит как бы синтез христианских и античных эстетических ценностей, причем не только тематически, но и стилистически. В искусстве делаются попытки привести в согласие классический идеал красоты с христианской одухотворенностью. Правда, в IX—X вв. изучение античности в Византии не было еще творческим, а носило компилятивный характер. Зачастую преклонение перед античностью сочеталось с христианской ортодоксальностью. Так, например, известный уже читателю патриарх Фотий сочетал неутомимое служение церкви с плодотворной деятельностью просвещенного мецената, покровителя наук и искусств, поклонника и знатока античной культуры. В знаменитом труде Фотия «Мириобиблион» («Множество книг») помещены краткие характеристики творчества 280 античных и ранневизантийских писателей с обширными извлечениями из их произведений. Здесь мы встречаем труды по философии, богословию и медицине, сочинения историков и любовные романы, описания путешествий и ораторские произведения. Ценность этого труда неизмеримо возрастает, поскольку многие ныне утраченные сочинения античных авторов дошли до нас лишь в передаче Фотия. Критические оценки Фотия, хотя и отличаются субъективностью и ортодоксальной направленностью, считаются с полным правом первым примером литературной критики в эпоху средневековья. Именно благодаря блестящей эрудиции Фотия античное и ранневизантийское наследие было сохранено для потомков.

В X в. Симеон Метафраст (Пересказчик) создал поистине грандиозный труд, систематизировав и собрав в единый обширный сборник множество написанных разными авторами и в разное время житий христианских святых и мучеников. Сохранив основу этих легенд и сказаний, он исправил их язык и стиль, устранил некоторые ошибки и противоречия. Подобная литературная обработка житий была необходима, поскольку многие из них, написанные малоучеными монахами, уже не отвечали

вкусам образованной элиты того времени. Сам выходец из богатой и знатной семьи, великий логофет и патрикий, Симеон был блестяще образованным человеком, прекрасным стилистом, знатоком античной литературы. Систематизация всех житий, разумеется, была не под силу одному человеку: с Симеоном Метафрастом работало множество помощников. Завершил свой труд он уже в старости, будучи монахом. Собрание житий принесло Симеону Метафрасту большую славу, современники и эрудиты более позднего времени, в частности Михаил Пселл, высоко ценили этот труд и восхищались литературной формой житий — столь совершенной, что они равно нравились и образованным людям, и простому народу.

Наибольшей популярностью пользовались среди других «Житие Киприана и Юстины», где язычник-маг Киприан обратился в христианство и пострадал от гонений, пораженный силой веры девственницы Юстины, победившей искушения демонов, а также «Житие Евгения и дочери его Марии», повествующее о том, как Мария, обрзав волосы, переодевшись в мужское платье и приняв имя Марин, вместе с отцом вступила в мужской монастырь. Однажды на постоялом дворе, где остановился Марин, некая девушка, соблазненная проезжим воином, обвинила красивого молодого монаха Марина в совершении над ней насилия. Псевдо-Марин не отрицал вины, он был изгнан из монастыря, а разгневанный отец девушки отдал ему родившегося затем ребенка. Три года несчастный Марин с младенцем на руках скитался по окрестностям, прося подаяния, пока ради голодающего мальчика не был возвращен в монастырь; однако его грех так и не был прощен. Только после смерти Марина обнаружили, что это женщина и воздали ей большие почести за ее великое терпение и самоотверженность.

В византийской культуре X век был связан с созданием обобщающих произведений энциклопедического характера. В этот период были составлены энциклопедии по истории, сельскому хозяйству, медицине. Трактаты императора Константина Багрянородного (913—959) «Об управлении государством», «О фемах», «О церемониях византийского двора» — обширная энциклопедия ценнейших сведений о политической и административной структуре Византийского государства. В то же время здесь собран красочный материал этнографического и истори-

ко-географического характера о сопредельных с империей странах и народах, в том числе и о русских.

Долгая жизнь была суждена греческому Лексикону X в., известному по имени его составителя как Лексикон Суды. Это обширнейший словарь, где собран огромный материал по истории, литературе, грамматике и философии Византии. Статьи содержат множество цитат из трудов античных и ранневизантийских авторов, зачастую ныне утерянных. Словарь Суды — крупный памятник византийской схоластической учености. Современные византинисты и по сей день черпают из него разнообразные ценные сведения.

В XI—XII вв. значительный расцвет переживает светское образование, базирующееся на античных традициях. В Константинополе в XI в. возродился университет — центр светского образования для всей империи. Около 1045 г. был вновь создан юридический факультет, «музей законодательства», как его называли современники. Во главе его встал образованный правовед и ученый Иоани Мавропод. На факультете изучали римское право, латинский язык, византийскую юриспруденцию, готовили судей, нотариусов, чиновников различных рангов. Расцвет переживает и философский факультет, где изучались труды античных авторов, логика, риторика, естественные науки. Юридический факультет помещался в здании монастыря св. Георгия в Манганах, философский — в портике Ахилла, рядом с Августеоном — главной площадью столицы. Высшая школа в Константинополе, возрожденная в середине XI в., просуществовала до 1204 г. На Западе Константинополь считали одним из крупнейших университетских центров и ставили его рядом с Парижем и Багдадом. Университет Константинополя существовал за счет государства и подлежал строгому государственному контролю. По своей структуре и характеру он отличался от университетов Западной Европы. Университет в Византии отнюдь не был свободной корпорацией студентов, группировавшихся вокруг видных ученых, а представлял собой государственное учебное заведение, где обучение было строго регламентировано. Но и сюда проникали новые веяния — идеи рационализма и критики философских систем с позиции разума. Все эти новые идеи сурово пресекались государством и церковью. В конце XI—XII в. Константинополь постепенно теряет монополию на образование и высшие школы появляются в других крупных городах, в частности в Фессалонике.

Двойственность византийской культуры, противоборство в ней аристократической и народной струи не исчезают даже в периоды наиболее полного господства догматизированной церковной идеологии. Эта двойственность ярко проявляется и в византийской литературе рассматриваемого периода³. Большинство писателей обращаются к символическому лиризму, им теперь чужда динамика действия, разрешение конфликта достигается не путем саморазвития образа героя, а через его внезапное духовное озарение. В литературу врывается элемент чуда и занимает там надолго прочные позиции. Метафоры и аллегории делаются все пышнее и безжизненнее, масштабы повествования — грандиознее, но все дальше от внутренней жизни и подлинных переживаний человека. Характеристика персонажей часто лишается полнокровной конкретности, ее место занимают общие схемы, общие метафоры, сентенции — гномы, афоризмы, как, например, в поэмах Иоанна Кириота, поэта и математика, прозванного Геометром (X в.). Поэзия Иоанна проникнута глубоким пессимизмом, он оплакивает бедствия, постигшие Византийскую империю, осуждает человеческие слабости, земную любовь, призывает к уходу из погрязшего в пороках мира. Безнадежность, ненависть к продажным и невежественным правителям и их придворным, разочарование и неуверенность в завтрашнем дне звучат в стихах Кириота:

Сходны жизни и моря пучины: соленая горечь,
Чудища, зыби и мрак; в гавани краток покой;
Моря дано избежать, но на каждого демон воздвигнет
Бури мирские, увь, много страшнее морских.

Выходец из знатной семьи, Иоанн Кириот, по-видимому, потерпел неудачу на служебном поприще и стал священником, а затем митрополитом. Его не раз охватывали духовные сомнения, плотская любовь ослепляла его разум, и лишь на склоне лет он нашел прибежище в служении церкви. Современную ему действительность он рисует в самых мрачных тонах:

Вчера мне повстречалась добродетель,
Одега в траур, скорбна и печальна.
«О, что с тобой?» — спросил я. И услышал:
«Все изгнано: отвага, разум, знание —
Невежество царит у нас и пьянство».

Выход из тупика Иоанн Кириот видит в нравственном совершенствовании людей. В эпиграмме «Три бла-

га» он пишет:

Должен свято хранить три блага муж
непорочный:
В сердце своем чистоту; тихую скромность
в очах;
Сдержанность в речи спокойной. Кто все
соблюл и усвоил,
Много богаче, поверь, Креза Лидийского тот!

Однако сумрачная философия аскетизма и нравственные нормы хмурых монахов совсем не привлекают поэта. Он отнюдь не отрекается от мудрости древних и так восхваляет в своих эпиграммах Платона и Аристотеля:

Платон, ты душу объявил бессмертною
И тем себе в веках стяжал
бессмертие.

Природа о природе и о мысли мысль
Рекли свой суд устами Аристотеля.
(Пер. С. С. Аверинцева)

Суровый и вместе скорбный талант Иоанна Кириота был порожден смутным временем, наступившим в Византии в середине 60-х—70-х годах X в.

Анонимный современник Иоанна Геометра, автор диалога «Филопатрис» («Патриот, или Поучаемый»), написанного в подражание Лукиану, представляет собой прямую противоположность Иоанну⁴. «Филопатрис» — памфлет на политические и этико-философские темы, осмеивающий невежественных монахов и шарлатанов-астрологов. Он стоит особняком в догматизированной литературе X в. Диалог написан в довольно редком для византийской литературы жанре — это восхождение в надземный мир в отличие от более известного жанра — нисхождения в подземное царство. С художественной точки зрения диалог написан довольно неуклюже, цитаты из античных классиков и Библии перемежаются с грубыми словечками, а некоторые сцены похожи на буффонаду ярмарочного балагана.

Сюжет диалога довольно фантастичен. Его герой, некто Критий, случайно попадает в мир горний и принимает участие в сборище «парящих в небесах мужей», «завсегдатаев небесных круч». Восхождение в этот надземный мир описывается при помощи реминисценции из Гомера: «И вот мы минуем железные ворота и медные пороги, взбираемся по бесконечным лестницам и наконец оказываемся в золоченом покое, похожем на чертог

гомеровского Менелая». Но самое удивительное то, что в этом горнем краю вместо ангелов обитают темные силы, злодеи и обманщики. Они изображены в остро сатирических, порою отталкивающих тонах. В золотых чертогах, пишет автор, Критию предстала не Елена Прекрасная, а «какие-то вперившие глаза в землю бледнолицые люди». Больше всего эти небожители интересовались бедами, царящими на земле, и предрекали новые несчастья империи и ее царственному городу. Скоро, вещали они, «в городе начнутся смуты и волнения, а войско будет разбито врагами». И тут Критий, истинный патриот, стал с гневом защищать свою родину и ее правителя, а «небесные жители» набросились на него с отчаянной бранью. Теперь установлено, что в этой причудливой форме диалога между Критием и его другом Трисфонтом, которому он рассказывает о своих приключениях, скрыта сатира на реальные политические события X в. — борьбу императора Никифора II Фоки (963—969), победителя арабов, и враждебной ему монашеской партии патриарха Полиевка. Не имея возможности открыто сказать об этой борьбе, анонимный автор диалога, сторонник патриотических сил, опасаясь преследований церкви, прибегнул к форме фантастического рассказа. Кроме того, здесь ведется полемика между язычеством и христианством и обе религии подвергаются насмешкам в духе Лукиана, знаменитого античного поэта-сатирика. Для X в. был, конечно, удивительным тот факт, что осмеянию подвергся даже христианский догмат о троичности божества. Несмотря на это, диалог «Патриот» долго пользовался в Византии самой широкой популярностью из-за своей доступной формы и занимательности.

Каноничность и традиционность византийской культуры той эпохи не смогла полностью погасить в общественной жизни внутреннее творческое горение, уничтожить живые искания полнокровных художественных образов. В сухую пустыню голых абстракций из реальной жизни порою неожиданно врываются трогательно-поэтические, наивно-бесхитростные образы простых, маленьких, страдающих людей. На страницах византийской житийной литературы — в житии Василия Нового и Марии Новой (X в.) — возникает истинно народный образ немощного телом, но чистого душой человека. Обычно это нищий духом, всеми гонимый, осыпаемый насмешками и оскорблениями толпы юродивый. Но именно он, такой несчастный, а порой смешной, совершает подвиги добродетели.

Все повествование пронизывает щемящее чувство искреннего сострадания к бедному человеку, такому убогому и такому мудрому в своей простоте.

В XI—XII вв. в византийской культуре происходят серьезные мировоззренческие сдвиги. Рост провинциальных городов, подъем ремесла и торговли, кристаллизация политического и интеллектуального самосознания горожан, феодальная консолидация господствующего класса при сохранении централизованного государства, сближение с Западом при Комнинах не могли не отразиться и на культуре. Значительное накопление позитивных знаний, медленный, но неуклонный рост естественных наук, расширение представлений человека о Земле и Вселенной, потребности мореплавания, торговли, дипломатии, юриспруденции, развитие культурного общения со странами Европы и арабским миром — все это приводит к обогащению византийской культуры и крупным переменам в мировоззрении византийского общества. Это было время подъема научных знаний и зарождения рационализма в философской мысли византийского общества.

Рационалистические тенденции у византийских философов и богословов, так же как и у западноевропейских схоластов XI—XII вв., проявлялись прежде всего в стремлении сочетать веру с разумом, а порою и поставить разум выше веры. Важнейшей предпосылкой развития рационализма в Византии был новый этап возрождения античной культуры, осмысление античного наследия как единой, целостной философско-эстетической системы. Византийские мыслители XI—XII вв. воспринимают от античных философов уважение к разуму; на смену слепой вере, основанной на авторитете, приходит исследование причинности явлений в природе и обществе. Но в отличие от западноевропейской схоластики византийская философия XI—XII вв. строилась на основе античных философских учений разных школ, а не только на трудах Аристотеля, как это было на Западе. Выразителями рационалистических веяний в византийской философии были Михаил Пселл, Иоанн Итал и их последователи.

Михаил Пселл (1018 — около 1096/97) — философ, историк, писатель, один из крупнейших византийских эрудитов своего времени⁵. Блестяще образованный и исключительно одаренный человек, Пселл сочетал занятия наукой и литературой с активной государственной деятельностью. Он прошел трудный жизненный путь, достигал блестящих успехов при дворе, был советником

нескольких императоров, но пережил и опалу, временное удаление в монастырь, затем новое возвращение к политической деятельности. Литературное и научное наследие Пселла огромно; он был ученым нового типа, энциклопедистом, интересующимся всем многообразием мира. Сохранились его сочинения по богословию, праву, медицине, музыке, астрономии, филологии и истории; он проповедовал свои силы и на поэтическом поприще. Знарок античной философии, Пселл увлекался Платоном и неоплатониками. Одним из первых среди византийских философов он стал защищать идеи рационализма, отстаивал право человека на научное познание мира, исходя из того, что человеческий разум способен постигнуть истину самостоятельно, с помощью собственной логики. Но научные изыскания и логические построения применялись им лишь к явлениям видимого мира, к природе и отнюдь не распространялись на богословские проблемы. Он признавал, что, кроме познания, основанного на доказательствах и разуме, существует высшая мудрость, которая открывается в вере. Рационалистические идеи сочетались у Пселла с теологическим мировоззрением, а порою даже с мистикой и суевериями. Михаил Пселл много комментировал античных философов, а также создал философский трактат «Логика», где в сжатой форме изложил основы этой науки. «Логика» Пселла имела распространение как в Византии, так и на Западе.

Много дальше по пути рационализма пошел последователь и преемник Михаила Пселла Иоанн Итал (р. в 1025 г.)⁶. Итал, бесспорно, одна из самых выдающихся и колоритных фигур среди византийских мыслителей XI в. Итальянец по рождению, еще юношей он бежал вместе с отцом из Италии, выучил в Византии греческий язык, получил классическое образование и стал преподавателем философии в Константинопольском университете. После отставки Михаила Пселла с поста руководителя философского факультета — «ипата философов» Итал занял эту должность. Он не очень был силен в риторике и грамматике, зато великолепно знал Платона и Аристотеля, отлично владел диалектикой. Натура неукротимая, яростный спорщик с темпераментом бойца, Иоанн Итал бескомпромиссно отстаивал свои идеи. Он видел в светской науке не только средство умственного формирования человека, но признавал за ней право на самостоятельное постижение истины, причем не только в сфере природы, как учил Пселл, но и сверхчужденно-

го бытия. Византийский философ под влиянием Платона признавал вечность как идей, так и материи. Материя, по его мнению, сама создает свои формы под воздействием идей. Иоанн Итал отрицал чудеса, бессмертие души, учил, что люди воскреснут не в том облике, каким они обладали при жизни. В его философских трудах явно звучат ноты скептицизма и отрицания всеи церкви догмы.

Философская система Иоанна Итала — новое явление в развитии философско-богословской мысли Византии. Он первый смело и решительно попытался трактовать теологические проблемы с позиций разума, противопоставить вере, основанной на авторитете и традиции, принципы разума и логики. Совершенно ясно, что церковь не могла допустить такого вольнодумства; в 1082 г. против Иоанна Итала был возбужден процесс, он был обвинен в ереси, его осудили и предали анафеме. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Однако семена рационализма и свободомыслия, посеянные Иоанном Италом, дали новые всходы. Вслед за ним выступили его ученики. Евстратий Никейский, талантливый философ, отстаивал примат логики над богословской традицией, отрицал божественность Христа, подчеркивая его человеческую природу. Поклонник античной философии, Евстратий создал комментарии к Аристотелю, которые были переведены на латинский язык и использовались схоластами Запада, в том числе Фомой Аквинским. Монах Нил Калабрийский пошел вслед за Евстратием в отрицании божественной природы Христа. Другой ученик Итала — Сотирих Пантевген, образованный богослов, поддержал эти рационалистические идеи, он утверждал, что евхаристия — это не реальное пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христа, а лишь религиозный обряд, напоминающий о тайной вечере. Михаил Глика (Сикидит) (XII в.) — один из самых ярких защитников рационализма — отрицал воскресение во плоти, нетленность даров евхаристии. Судьба Михаила Глики особенно трагична: по доносу он был брошен в тюрьму, ослеплен и пострижен в монахи. В заточении он написал «Тюремные стихи», где оплакивал свою горькую судьбу:

Душа, утешься! Пусть тебя страданье не осилит!
И в малодушьи не впадай врагам твоим на радость.
Ты разве, сердце, не клялось, душа, ты не хвалилась,
Что с испытанием любим готов я повстречаться!

Томясь в страшной темнице, поэт не теряет веры в светлое будущее:

Лишь не гляди на то, что есть, смотри на то, что будет,
И ты природу всех вещей на опыте познаешь...
Где льется горьких слез поток, где буря бед бушует,
Там может человек узреть сияющее счастье.

(Пер. М. Е. Грабарь-Пассек).

Все эти представители рационализма и религиозного свободомыслия были осуждены церковью, а их труды преданы сожжению.

Философские идеи Михаила Пселла, Иоанна Итала и их последователей перекликаются с философско-религиозными построениями Росцеллина и Петра Абеляра (XII в.) на Западе. Рационалистические идеи византийской философии XI—XII вв. оказали заметное влияние на развитие западноевропейской схоластики. Деятельность этих мыслителей — эмансипация философии от богословия, объяснение церковных догматов с помощью логических категорий, — по существу, прокладывала путь идеям Ренессанса. Это был закономерный этап развития философии, который означал движение мысли от схоластики к Возрождению. И пусть эти мыслители потерпели поражение, и пусть еще потребуется много времени, чтобы их идеи возродились с новой силой, но, бесспорно, борьба рационализма против церковной идеологии в XI—XII вв. подготовила почву для появления гуманистических идей в Византии в XIII — первой половине XV в.

В период расцвета феодализма и тесного политического и культурного общения Византии с Западом усиливается светское течение в византийской литературе; в кругах феодальной знати и интеллигенции растет религиозный индифферентизм; появляются остро сатирические произведения, бичующие пороки невежественного монашества и жадного чиновничества. Знатный вельможа Христофор Митиленский (вторая четверть XI в.) совмещал государственную деятельность с литературным творчеством. Сюжеты своих стихов он черпал из окружающей действительности. С едким сарказмом высмеивает он невежество и тушость монахов и священников. Вот, например, глупый монах собирает священные реликвии, веря в их подлинность. Он наполнил ими свои лари и показывал друзьям:

...Прокопия святого руки (дюжину)
Феодора лодыжки... посчитать так семь,

И Нестеровых челюстей десятка два,
И с ними — восемь черепов Григория!
(Пер. С. С. Аверинцева)

Не в силах забыть своих прежних профессий, новоявленные священники постоянно обнаруживают свое невежество: бывший моряк возглашает вместо «приидите помолимся!» — «плывем, ребята!», бывший трактирщик расхваливает причастие как славное вино. Особое негодование поэта вызывают грабежи чиновников, подобных некоему Василию Ксиру («Сухому»), который, став наместником Греции, превратил цветущую страну в сухую пустыню. Стихи Христофора, ображавшие жизнь народа, видимо, имели успех у современников.

В художественном творчестве того времени монашеский идеал целомудрия находит все меньше адептов и сменяется воспеванием простых человеческих радостей, земной любви. В литературе XI—XII вв. происходит смена жанров — классическое житие заменяется светской повестью, всемирные хроники — мемуарами и трудами историков, описывающих современные им события.

К жанру мемуаров принадлежит своеобразное произведение XI в. «Советы и рассказы» византийского полководца Кекамена⁷. Эта книга, обращенная к сыну, — своего рода руководство в жизни, созданное на основе многотрудного личного опыта автора. В творчестве Кекамена сливаются воедино стереотипы дидактической литературы с личными жизненными наблюдениями писателя. В его труде полнокровные образы людей часто заменяются аллегориями этических понятий. «Советы и рассказы» Кекамена проникнуты предельным практицизмом в отношении к людям и миру, строгостью и приземленностью взглядов и чувств, предубеждением против женщин, недоверием к друзьям: «Опасно бороться с женщинами, еще опаснее дружить с ними... Нужно больше беречься друзей, чем врагов». Не приглашай друга остановиться в твоём доме, морализирует автор, ибо он попытается завести любовные шашни с твоей женой или дочерью, и даже если не соблазнит их, потом будет хвастать своей мнимой победой; он будет критиковать внешность и характер твоих родных, порядки в твоём доме. Кекамен советует сыну постоянно трудиться, ограничить свою жизнь кругом семьи, опасаться предательства ближних, быть всегда готовым отразить козни врагов. Он проповедует осторожность и умеренность в политике, призывает избегать новшеств и подчиняться властям.

«Врагу своему не верь, даже если он притворяется твоим другом, ибо он хочет завлечь тебя», — предостерегает он сына. Но во время благоденствия нельзя забывать друзей и родных, ранее помогавших тебе. Он призывает почитать родителей, воспитывать дочерей в строгости и самому показывать им образец добродетели.

Произведение Кекавмена пестрит цитатами из Священного писания и стереотипами дидактической литературы. Но вместе с тем этот труд привлекает искренностью человеческих чувств, он пронизан светлой любовью к детям, идеями высокой нравственности и целомудрия. Примечателен интерес Кекавмена к книге и книжному знанию. «Когда ты бываешь свободен и не занят военными делами, — наставляет он сына, — читай книги исторические и церковные... Много читай и многому учись... Если не знаешь чего, спроси о том людей сведущих и не гордись. Ведь из-за этого, из-за нежелания спрашивать и учиться, люди остаются невеждами». Идеолог провинциальной феодальной знати, Кекавмен не чужд некоторых демократических, передовых для своего времени идей. Прежде всего он оценивает людей не по их происхождению, не по знатности рода и социальному статусу, но по их личным человеческим достоинствам. В этом можно, пожалуй, усмотреть известную переключку воззрений Кекавмена с зарождавшимися в византийском обществе предренессансными идеями.

Совершенно новое явление в византийской историко-мемуарной литературе представляет собой «Хронография» Михаила Пселла. В этом сочинении освещены 100 лет византийской истории — от смерти императора Иоанна Цимисхия в 976 г. до правления Михаила VII Дуки (1071—1077). Это произведение поражает реализмом житейских деталей в сочетании с высокой риторической техникой и гармонией литературного языка. Пселл, по мнению специалистов, возрождает в византийской прозе аттическое чувство ритма, огромное разнообразие изобразительных средств — метафор, гипербол, сравнений, но за риторической патетикой в его прозе бьется пульс реальной жизни, возникает картина высокого психологического накала, борения человеческих чувств, столкновения характеров.

Здесь впервые появляется свободный от штампов, раскованный и живой образ человека. Вместо величавого псевдоантичного героя или абстрактной аллегии той или иной добродетели в книге Пселла живут, борются,

страдают, любят живые люди с их страстями и пороками, высокими чувствами и низменными побуждениями; перед читателем проходит целая галерея порочных императоров, их жен и любовниц, мрачных временщиков, придворных интриганов, суровых полководцев. Пселл любит живописать драматические сцены убийств и заговоров, столкновения сильных характеров, сложные психологические коллизии. Оценки его всегда образны и ярки, но крайне субъективны, окрашены политическими пристрастиями, часто проникнуты иронией и злой насмешкой над ничтожными правителями империи и их клевретами. Пселл — большой мастер портрета, ценит во внешнем облике человека красоту, гармонию, соразмерность, но выше ставит душевную чистоту и благородство.

Пселл всегда стремился к созерцательной жизни, к занятиям науками и спекулятивной философией, но не меньше и к политической активности, участию в придворных интригах, в ожесточенной борьбе различных партий. Он хочет жить и творить в тишине, в кругу близких и верных друзей, но не может оторваться от кипения политических страстей, от постоянных идейных споров и столкновений противоборствующих философско-религиозных течений. Эта раздвоенность ярко проступает в его обширной переписке с друзьями, учениками, идейными противниками. В огромном эпистолярном наследии Пселла с необычайной четкостью запечатлелась личность писателя, его скептический ум, склонность к иронии и желчной насмешке, образность мышления и меткость характеристик. Но в этом мизантропе живет поэтическая душа, прославляющая искреннюю дружбу, любовь к ближним, доброту к больным и убогим, испытывающая сладостное умиление от красот природы или искусно написанного пейзажа.

Михаил Пселл — самый загадочный, поистине единственный в своем роде византийский эрудит XI в. — фигура необычайно сложная, натура мятущаяся, исполненная глубоких противоречий. Он соединил в себе все высокие помыслы и духовные достижения своего века и все его низменные пороки. В этом талантливом человеке причудливо уживались смелый мыслитель-рационалист и честолюбивый царедворец, обличитель злодеяний великих мира сего и их подобострастный панегирист, мудрый наставник молодежи и тайный покровитель человеческих слабостей, пламенный адепт бескорыстной дружбы, возвышенной любви и духовной близости и любитель гру-

бой шутки, а порою и скабрёзного анекдота. Невозможно определить, какие — черные или светлые — краски преобладали в палитре бурных страстей, высоких помыслов и исканий этой самобытной натуры; думается, надо принимать Пселла таким, каким он был, каким он живет на страницах своих сочинений, в переписке с друзьями, в рассказах современников, со всей неоднозначностью его мировосприятия, противоречивостью его этических воззрений и нравственного облика⁸.

В XI—XII вв. в Византии вновь возрождается жанр «историй», столь распространенный в ранней Византии*. Появляется целая плеяда выдающихся историков, в сочинениях которых ясно проступает авторская позиция, повествование приближается к современности, хронологический принцип изложения отходит на задний план, характеристики действующих лиц приобретают индивидуальную окраску, словом, усиливается мемуарная тенденция в историографии, столь ярко проявившаяся, как мы видели, у Михаила Пселла.

Прямыми преемниками и продолжателями Пселла были супруги Никифор Вриенний и Анна Комнина. Судьба тесно переплела жизни этих людей⁹. Старшая дочь императора Алексея I Комнина Анна (1083 — около 1153/55) еще в детстве была обручена с сыном императора Михаила VII Дуки, однако брак этот не состоялся, и гордая принцесса вопреки ее воле была выдана замуж за одного из придворных — дипломата, полководца и писателя Никифора Вриенния. Вопреки ожиданиям их семейная жизнь сложилась счастливо. Блестяще образованная принцесса стала верным другом и помощником мужу, добродетельной супругой и матерью четверых детей. Она занималась литературой, увлекалась философией и теологией, астрологией и медициной. Женщина недюжинного ума и сильного характера, Анна стойко перенесла раннюю смерть мужа и взяла на себя труд закончить его незавершенное сочинение «Исторические записки».

Никифор Вриенний (1062 — около 1140) проявил себя как энергичный полководец и дипломат, верный помощник Алексея I и его сына Иоанна. Политическую деятельность он совмещал с литературными занятиями. Скромный труд Никифора Вриенния не отличался осо-

* Хронография как жанр не исчезает: именно в это время работают такие видные его представители, как Скилица и Зонара,

бым глубокомыслием или изяществом и сильно проигрывал в сравнении с сочинением его царственной супруги. После смерти отца Анна Комнина окунулась в пучину придворных интриг и даже пыталась захватить престол, однако ее честолюбивые замыслы не сбылись. Она была принуждена удалиться в монастырь, где и закончила на склоне лет свой исторический труд. В отличие от хронистов хронологический охват ее труда сравнительно невелик: он ограничен событиями 1069—1118 гг.

Главная задача Анны — прославление жизни и деятельности своего отца Алексея I Комнина. Недаром, подражая «Илиаде» Гомера, ученая принцесса озаглавила свой труд «Алексиада». По существу, это пристрастный панегирик, цель которого — сохранить в веках незапятнанным образ великого правителя, в самых светлых тонах описать его деяния. Однако надо отдать справедливость Анне, она не лишает своего героя и человеческих качеств. В ответственные моменты истории Алексей Комнин предстает в облике безупречного героя античного склада, наделен всеми каноническими добродетелями — глубоким умом, личным мужеством в соединении с человеколюбием, справедливостью и целомудрием. Но в тяжелые периоды жизни он порою изображен утомленным и больным, удрученным бедствиями и неудачами.

В «Алексиаде» литературные штампы и канонические характеристики чередуются с живыми эпизодами, вставными новеллами, бытовыми сценками. Произведение Анны крайне субъективно и тенденциозно, но хорошее знание ситуаций и людей, личное участие во многих событиях, индивидуальность и точность характеристики делают труд Анны чрезвычайно интересным. «Алексиада» написана прекрасным аттическим языком, расцвечена цитатами из лучших образцов эллинской поэзии. Общеизвестны интеллектуальная утонченность и огромная эрудиция этой писательницы.

Жизнь и деятельность императоров Иоанна и Мануила Комниных описаны в труде Иоанна Киннама. Иоанн Киннам (около 1143 — после 1176) — приближенный и сподвижник Мануила Комнина — посвятил свое произведение восхвалению этого императора. Панегирический характер труда Киннама во многом сближает его с «Алексиадой», и он по праву мог бы называться по ее примеру «Мануилиадой». Как и у Анны, в центре повествования Киннама находится один главный герой — блестящий рыцарь на троне, воитель и богатырь, не зна-

ющий себе равных. Киннам воспевает воинские подвиги императора, его ловкость, выносливость в военных походах. Не боясь самых смелых гипербола, автор рассказывает, как его любимый василевс в бою один побивает множество турок, применяет воинские хитрости, которые спасают войско ромеев. В перерыве между походами Мануил постоянно тренирует свое тело опасными и трудными гимнастическими играми, ездит верхом, охотится на хищных зверей, от которых разбегается вся его свита. Историк описывает увлечение Мануила рыцарскими турнирами по западному образцу. Вместе с тем рассказ Киннама в целом заслуживает доверия, поскольку автор хорошо знал Мануила, участвовал во всех его походах и о многом пишет не только как наблюдатель, но и как участник. Повествование Киннама изобилует достоверными деталями и личными наблюдениями, однако его политическая тенденциозность приводит к неумеренному восхвалению неправдоподобных подвигов Мануила и к замалчиванию неудач и слабостей этого правителя. Основное внимание Киннам уделяет западной политике Мануила, не проявляя, однако, симпатий к латинянам. Более того, порою ощущаются антилатинские тенденции и особенная неприязнь к папскому престолу, характерные для определенных кругов византийской знати того времени. Киннам начитан, хорошо знает сочинения Прокопия и Анны Комниной, хотя и уступает Анне в блеске эрудиции и отточенности стиля; впрочем, при известной сухости изложения язык его отличается ясностью. В целом надо признать, что труд Киннама — незаменимый источник по истории правления одного из самых талантливых представителей династии Комнинов.

Трагические события, связанные с завоеванием Византии крестоносцами в 1204 г., запечатлены в сочинении византийского историка Никиты Хониата. Его «История ромеев» — это не только серьезный исторический труд, содержащий уникальные сведения о IV Крестовом походе и взятии Константинополя крестоносцами, но и блестящее литературное произведение. Никита Акоминат из Хон (середина XII в. — 1213 г.) — выходец из знатного рода — сделал блестящую административную карьеру, прерванную завоеванием Константинополя крестоносцами. Этот писатель, мыслитель, эрудит принадлежит к числу самых талантливых византийских историков классического средневековья. Центральной темой его исторического сочинения является упадок Византии, подго-

товивший катастрофу 1204 г. Трагическая тревога за судьбы Византийского государства пронизывает его повествование. Впрочем, пессимизм не мешает Хониату сознавать ценность человеческой жизни и уважать личность. Хониат видит перед собой человека с его страстями и слабостями и с редким мастерством умеет изобразить его внутреннюю эмоциональную жизнь.

«История ромеев» — произведение глубоко субъективное, оценки автора зачастую односторонни и продиктованы его политическими воззрениями. Хониат рисует сложные, противоречивые образы героев исторической драмы, наделяет их индивидуальными чертами. Так, писатель показывает многогранность характера Мануила I Комнина, сочетавшего рыцарственное благородство и воинскую доблесть с гневливостью, любовью к наслаждениям, с легкомыслием в любовных похождениях. Особенно яркий пример противоречивости характера — образ Андроника I Комнина. Этот реформатор и авантюрист на византийском престоле рисуется автором черно-белыми, контрастными красками. Злодейство и коварство, безграничная жестокость и распутство уживаются в Андронике с благородством, безумной храбростью и щедростью. В отличие от Михаила Пселла Никита Хониат не приземляет своих героев, а, наоборот, наделяет их высокими чувствами и сильными страстями. Исторический труд Хониата проникнут критическим отношением к современной ему действительности: он осуждает жестокость тиранов, своекорыстные чиновников, оплакивает империю, страдающую от нашествия врагов. Критика ведется с позиций знатного царедворца и крупного феодала, она не перерастает в осуждение монархии и классовой структуры византийского общества. Грандиозная историческая эпопея Никиты Хониата завершает развитие историко-мемуарной литературы Византии XI—XII вв.

В это же время возрождаются риторика и эпистолография. Наряду с религиозными гимнами развиваются светская любовная лирика и обличительная сатирическая поэзия. Но новые веяния проявляются не только в эволюции литературных жанров — изменяются этические воззрения. Заметно меняется творческая позиция художников. На смену пассивному преклонению перед церковно-догматическим отображением мира постепенно приходит осознанное восприятие художником реальной действительности. Художник теперь не только ясно видит всю

противоречивость и сложность человеческой души, но и дает свою оценку действий человека. Если в житийной литературе предшествующих столетий характеристика героя всегда однозначна — он либо сосуд добра, либо вместилище зла, — то отныне в литературе появляются сложные человеческие характеры: герой рисуется уже не только светлой или темной краской, но и полутонами, образ делается более жизненным, правдивым. Сам писатель то восхищается своим героем, то пронизивает над ним, то бичует его пороки. Сочнее, полнокровнее становится и язык литературных произведений; мертвый, книжный язык античных классиков или отцов церкви начинает заменяться народным разговорным языком.

Важное место в художественном творчестве Византии занимала народная литература. Становление и развитие ее приходится на IX—XII вв. В советском литературоведении в последнее время уделяется особое внимание народной литературе. «Народная литература, — пишет Т. В. Попова, — это литература, возникшая как отражение идеологии, этических и эстетических взглядов средних и низовых слоев сельского, воинского и городского населения, на языке, близком к разговорному, в формах, прошедших жанровую эволюцию от малых фольклорных песен до крупных полуфольклорных и книжных эпосов, романов, сатирических повествований»¹⁰. Реалистическое отражение действительности сочеталось в народной литературе с вымыслом, фантастикой, сказкой, народным юмором и сатирой. Яркая палитра чувств и жанров от героики до лирики, от идиллии до трагедии, от сказки до фарса характерна для многообразных форм народной литературы Византии.

В IX—X вв. большое распространение в империи получают так называемые «акритские песни» и воинские повести, прославляющие подвиги пограничных воинов-акритов*. В этих произведениях нашли отражение жизнь и мировоззрение особого слоя византийского общества — пограничных поселенцев-воинов, охранявших главным образом восточные границы империи, имевших свою сильную военную организацию и во многом независимых от центральной власти. Обстановка постоянной военной опасности, бесконечные стычки с арабами, необходимость сочетать обязанности воина с трудом крестьянина — все это формировало идеологию акритов и их

* От греческого слова *ἄκρᾱ* — граница.

командиров. Акритские песни исполнены патриотизма, сознания собственного достоинства и независимости. Выше всего в них ставится воинская доблесть, героизм, физическая сила и гордость. Однако порою в них воспеваются и простая сельская жизнь, крестьянский труд, идиллические сцены природы.

Одна из таких акритских песен, оформленная в IX—X вв. в небольшую эпическую поэму, называется «Армурис». Юный герой поэмы Армурис, отличавшийся небывалой силой и храбростью, наносит поражение огромному войску арабов и освобождает из плена своего отца, по имени тоже Армуриса, много лет томившегося в заточении у одного из арабских эмиров. Эпический богатырь самолично побивает бесчисленную рать сарацинов:

Тогда-то сын Армуриса, отважный ратоборец,
Из ножен вырвал золотых серебряную саблю,
Ее подбросил над собой, поймал ее рукою,
Коня пришпорил своего и вскачь на вражью силу:
«А ну-ка, будь я чортов сын, коль дам кому пощадку!»
И славно храбрый рубится, отважный храбро бьется:
Направо бьет, налево бьет, а средних гонит гоним.
Клянусь царь-солнцем ласковым и матерью царь-солнца,
Весь день с зари и до зари он бьет их вверх поречья,
Всю ночь с зари и до зари он бьет их вниз поречья;
Кого сразил, кого пронзил, никто живым не вышел.

Устрашенный подвигами доблестного воителя, арабский эмир освободил отца Армуриса и выдал замуж за победителя свою любимую дочку.

Но особой славой в Византии и за ее пределами пользовался созданный в X—XI вв. знаменитый византийский эпос — поэма о Василии Дигенисе Акрите¹¹. Легендарный герой этого эпоса воплотил, как и Армурис, идеал византийского воина-акрита, защищавшего границы империи от нападения арабов. Поэма была создана, скорее всего, на основе народных воинских песен и отразила идеологию провинциальной военной знати, отстаивавшей свою независимость от центральной власти. Герой эпоса Василий Дигенис («Двоеродный») был сыном сарацинского эмира и знатной византийской девушки. Из любви к жене эмир принял христианство и переселился в империю. Дигенис предстает в эпосе легендарным богатырем, неустрашимым воителем; еще в отроческом возрасте он совершал чудеса силы и отваги: голыми руками задушил медведицу, отсек голову льву... Дигенис красив необычайной мужественной красотой, наделен исключительной силой и ловкостью, в бою не знает поражений.

Но он благороден и милостив с побежденным, никогда не бьется с безоружным, не убивает поверженного. Герой силен не только телом, но и духом, он от природы горд и независим. Но вместе с тем Дигенис обладает нежной душой, благочестив, глубоко почитает родителей, способен на великую любовь, любит музыку, играет на кифаре, восхищается природой. Детство и юность Дигениса Акрита проходят в восточной Каппадокии.

Здесь Дигенис встречается с дочерью каппадокийского стратига Дуки прекрасной Евдокией и безумно влюбляется в девушку. Первая тайная встреча влюбленных решает их судьбу:

И не могли они никак свою беседу кончить,
К поступку безрассудному любовь их побуждала;
Над всеми властвует любовь, порабощает разум
И правит мыслями она, словно конем возница;
И оттого влюбленные владеть собой не могут,
Родные не смущают их, сосед им не помеха;
И стыд забыв, они любви становятся рабами...

Лишь на мгновение увидев в окне дома прекрасное лицо Евдокии, юноша был поражен дивной ее красотой:

И из окна она чуть-чуть золотого наклонилась,
Мгновенно очи юноши краса ее затмила
...И ту солнцержденную не мог он видеть ясно;
Казалось, будто лик ее сиянье излучает,
И выглядела девушка как будто на картине:
Светловолосою была красавица, кудрявой,
Со взглядом радостным, живым и с черными бровями;
Напоминало снег лицо, украшенное дивно
Цветком бесценным пурпура, приятного владыкам.

Образ Евдокии полностью соответствовал греко-византийскому идеалу женской красоты. Еще со времен прекрасной Елены Троянской воображение поэтов и писателей поражали златокудрые красавицы с ясными глазами, белой кожей и черными бровями. Любовь с первого взгляда поразила и Евдокию, очарованную красотой и мужеством Дигениса. Герой похищает девушку, один побеждает тысячное войско ее отца, посланное за ними в погоню, сохраняет по просьбе любимой жизнь ее братьям, побежденным в сражении. Стратиг принужден согласиться на брак, и вскоре справляют пышную свадьбу. Благородный Дигенис сперва отказывается от приданого, но дело кончается миром, и обе семьи наделяют молодоженов огромными богатствами и драгоценными подарками. Счастье влюбленных вселяло радость не только в

души людей, ликовала вся природа!

Казалось, прыгали холмы и танцевали скалы,
Деревьям было весело, ключом забили реки,
И воздух весь сиянием наполнился от счастья.

После свадьбы, длившейся три месяца, Дигенис поселяется в уединенном месте на границе с любимой женой и несколькими слугами. Но здесь ему не удастся жить в покое, он отражает нападения разбойников-апеллатов, завоевывает Вавилон, Багдад и Тарс, покоряет маврохионитов и эфиопов:

Достоин вышел юноша из тяжких испытаний,
За подвиги отважные прославился повсюду,
И разнеслась молва о нем чудесная по свету.

Слава о его подвигах доходит до императора, и тот посещает Дигениса в его владениях. Во время встречи Дигенис обращается к василевсу с наставлениями — любить подданных, жалеть нуждающихся, избегать несправедливости, прощать прегрешившим, преследовать еретиков. На глазах императора Дигенис являет чудеса храбрости — сперва укрощает дикого коня, затем вступает в единоборство со львом:

Назад герой отправился, но лев из рощи вышел,
И все, стоявшие вблизи, перепугались сильно, —
Немало ведь свирепых львов в той местности встречалось,
И в страхе император сам искал спасения в бегстве,
А Дигенис напал на льва, не медля ни минуты,
За лапу заднюю его схватил рукой умело,
Тряхнул с великой силою, поверг на землю зверя
И окружавшим показал, что лев лишился жизни.
Затем он поднял хищника рукою, словно зайца,
И императору поднес, сказав: «Прими добычу!
Тебе в подарок твой слуга поймал ее, владыка».

Император награждает Дигениса высоким титулом патрикия, закрепляет за ним земельные владения его деда и «на границах управлять предоставляет право». С тех пор все стали называть юношу Василием Акритом.

Поэма рассказывает не только о подвигах Дигениса, но и о его любовных приключениях. Не раз уклонялся герой со стези добродетели, но неизменно горько раскаивался в этом. Так, во время одного путешествия в Сирию он встретил юную красавицу, обесчещенную и покинутую ее возлюбленным, и овладел ею, несмотря на сопротивление девушки. Ища забвения, Дигенис вновь переселяется с женой в новые места; найдя прелестную лужайку, покрытую деревьями и цветами, он предаётся отдохнове-

нию с любимой. Анонимный автор поэмы здесь вновь обращается к воспеванию красоты Евдокии, но в отличие от первого ее портрета, где она уподоблена прекрасной картине, на этот раз образ героини навеян окружающей природой:

Но ярче всех была краса сей девы благородной,
Павлинов превзошла она, цветы затмила блеском.
Таков был цвет лица ее, что спорил он с нарциссом,
И розой распустившейся казались ее щеки,
И губы розовый бутон напоминали свежий
В ту пору, когда чашечка начнет приоткрываться,
А локоны ее вились над самыми бровями
И излучали свет они, и золотом лучились...

Но и здесь мирная жизнь любящих супругов нарушалась непредвиденными опасностями. Невиданная краса и чарующая прелесть Евдокии привлекала насильников: сперва на нее напал страшный дракон, принявший образ юноши. Дигенис поразил чудовище и отсек мечом все три его огнедышащие головы, а дева безудержно смеялась над поверженным змием. Затем на нее нападает лев, а позже Евдокию задумали похитить разбойники-апеллаты, которых Дигенис, разумеется, один разбил в сражении. Тогда разбойники призвали на помощь воительницу-амазонку Максимо с ее войском. Максимо обладала невиданной для женщин силой и отвагой, соединенной с дивной красотой. Дигенис победил Максимо в единоборстве, но краса юной девы ранила душу победителя:

Была красива и юна, прелестна и невинна,
И уступил рассудок мой преступному желанью,
И совершился весь позор и сочтанье наше...

Вернувшись к жене, он замечает ее ревность и, охваченный яростью и раскаянием, догоняет Максимо и без состраданья убивает ее. Поразительно, что злосчастное и безжалостное убийство героем прекрасной женщины оправдывается в поэме его благочестием и преданностью любимой жене.

После этих событий Дигенис окончательно переселяется на берега Евфрата, где строит себе чудесный дом, окруженный садами с благоухающими цветами и журчащими ручьями. Яркое описание дома Дигениса Акрита и его обширного поместья дает представление о владениях богатых феодалов, командиров пограничных войск — топархов. Дом похож на дворец: сложен из тесаного камня, украшен колоннами, разноцветными мраморами и сияющими золотом мозаиками. Поразительны сюжеты мо-

заик, расположенных на стенах многочисленных залов дворца. Здесь мирно уживается христианская библейская тематика с античной мифологией и историей. Подвиги Самсона и Давида, чудеса Моисея соседствуют с изображением героев Илиады и Александра Македонского. Во дворе дома Дигенис воздвиг христианский храм, посвященный св. Феодору, покровителю воинов. Годы текут мирной чередой, и наш герой с женой наслаждаются счастьем, гуляя по паркам и садам, проводя время за пирами и игрой на кифаре, под звуки которой его жена поет сладостным голосом то грустные, то радостные песни, танцует с неподражаемой грацией. Одно лишь омрачает безоблачное счастье героев: судьба не дает им детей, которых они страстно желают. Позднее Дигениса постигают новые горести: он теряет любимых родителей. Сам герой умирает молодым, в расцвете сил и красоты.

Однажды после веселого пира с друзьями Дигенис искупался в реке и заболел тяжелой, неизлечимой болезнью. Прощаясь с любимой женой, Дигенис завещает ей не оставаться во цвете лет вдовой, а найти нового благородного и отважного мужа. В безмерной горести Евдокия отвергает советы любимого и умирает на его груди:

Так славные и юные простились с жизнью оба,
В один и тот же час они, как будто сговорились.

Любящих супругов похоронили в гробнице из пурпурного мрамора, установленной на арке над ущельем, чтобы все ее видели и прославляли героя. В последней, седьмой книге поэмы скорбно звучит мотив бренности мира и человека:

Непостоянны радости в непрочном нашем мире,
В Аиде их пристанище, Харон их повелитель.
Как сновиденье, отлетит, как тень, промчится мимо
И, словно дым, развеется богатство в этой жизни.

(Пер. М. Л. Гаспарова)

Среди произведений эпической поэзии средневековья эпосу о Дигенисе Акрите, бесспорно, принадлежит видное место. Его можно поставить в ряд с «Песней о Роланде» XI в., эпопеей о Сиде, с грузинским эпосом и восточными эпическими сочинениями. В нем эпические и романтические элементы тесно переплетаются между собой, любовь представляется рекой, могучей силой, вдохновляющей на героические подвиги и кончающейся только с жизнью

героев (смерть Евдокии на груди умирающего Акрита, подобная кончине Ширин на могиле Хосрова).

Однако в греческом эпосе в отличие от куртуазной французской поэзии прославляется лишь чистая супружеская любовь, а адюльтер сурово осуждается. Как и в других эпических сочинениях средневековья, здесь всегда присутствует коллизия любви и рыцарского долга, личных и общественных обязанностей героя. В своих изобразительных средствах эпос использует как образы и метафоры высокой греческой литературы, так и народные мотивы. Значительно воздействие на него христианской религии и морали. Вместе с тем он насыщен жизненными деталями, описанием быта и нравов византийцев, в частности военных поселенцев восточных областей империи, их оружия, одежды, жилищ, музыки, танцев. Эпос о Дигенисе Акрите был очень популярен в народной среде, сцены из поэмы изображались в произведениях прикладного искусства. О Дигенисе хорошо знали в других странах, в том числе и на Руси. В XII—XIII вв. появился древнерусский перевод поэмы под названием «Девгениево деяние»¹².

В XII в. в Византии возрождается старый литературный жанр позднеантичного романа. Почти одновременно появляется ряд романов, прозаических и поэтических, основанных на античном сюжете (разлука влюбленных и обретение ими друг друга после многих приключений). Действие романов переносится в деконкретизированную среду. От своего античного прообраза византийский роман отличается замедленным развитием событий, углублением символизма и обилием аллегорий, дублированием эпизодов, наличием натуралистических подробностей. Традиционные античные жанры наполняются новым содержанием. Возрождение античного романа происходит в связи с ростом в византийском обществе интереса к проблемам любви, с преодолением патриархально-церковных норм нравственности. Культурные контакты с Западом в эпоху Комнинов оказали известное воздействие на византийский литературный процесс. Возрождение жанра романа связывается в Византии с именем выдающегося поэта Феодора Продрома.

Феодор Продром (1100 — около 1170) — поэт и писатель — оставил богатое литературное наследие. Кроме поэм официального характера, прославляющих подвиги василевсов из династии Комнинов и феодальной аристократии, Продром обращался к политической сатире, поэ-

мам на народном языке и лирическим стихам. В его сатире «Катамиомахия» («Война кошек и мышей») остро и зло высмеивались язвы современного ему общества. По форме это произведение — блестящее подражание «Батрахомиомахии» («Войне лягушек и мышей» — античной пародии на гомеровский героический эпос); автор умело подражает языку греческих эпиков, порою заимствует у них целые стихи. Но по содержанию это злая сатира на жадное, своекорыстное духовенство, трусливых монахов-лиоблюдов. В поэме приводится рассказ о том, как однажды мышь, по имени Маслоед, сын Салогрыза и Блюдолизы, доедая объедки пира, так увлекся вкусной головкой рыбы, что угодил в лапы кошки. Замирая от ужаса, он прикинулся мышинным игуменом и стал читать псалмы. Этим он, однако, не смягчил кошку, а, наоборот, вызвал с ее стороны ряд упреков и издевательств в адрес духовенства: духовные наставники предпочитают жертве (в евхаристии) жратву, жаждут коровьего масла, овечьего молока и мяса агнцев, наказывают и пожирают несчастных монахов, опустошают лампы, нарушают схизму, и за все эти беззакония их ждет могила в пасти кошки.

Огромное влияние на Прოდрома имела античная литература. Увлечение античностью привело его к созданию романа «Роданфа и Досикл». Рассказ о любви прекрасного юноши Досикла и красавицы Роданфы наполнен невероятными приключениями влюбленных. Они переживают разлуку, преодолевают множество невзгод и соблазнов, но все кончается свадьбой и победой верной любви. «Роданфа и Досикл» — апология чистой, целомудренной, но вполне земной любви. Основная идея романа — всемогущество добродетельной любви, находящей свой венец в браке. Продром провозгласил освобождение женщины, выход ее за стены гинекея (женская половина дома). В романе имеются черты архаизации и деконкретизации, но вместе с тем он отражает эпоху, изменения в социальной психологии и в общественном сознании византийского общества. К жанру романа принадлежат также прозаическая повесть Евматия Макремволита «Исминий и Исмина», стихотворные романы Никиты Евгениана «Дросилла и Харикл» и Константина Манасси «Аристандр и Каллитея». Все они построены по единой схеме: любовь юных героев, разлука, страдания и благополучное соединение влюбленных, сохранивших верность друг другу.

Несколько отличается от других повесть Никиты Евгениана. Описание приключений героев для него не само-

цель, а способ изображения стойкости их характеров. Автора интересуют не внешние события, а внутренний мир героев. Воспевание внешней красоты героев всегда связано у него с воссозданием их характеров. Так, например, прекрасный женственной красотой Харикл и по своему нраву мягок, недостаточно стоек, впечатлителен, далеко не столь мужествен, как второй герой романа — Клеандр:

Румян и нежен был он, золотистые,
Со стройных плеч спадая, вились волосы
До самых бедер по спине у юноши,
А руки украшали пальцы белые;
И звезд сиянье на небе бесчисленных
Лица он блеском затмевал прекрасного.

Героиня романа Дросилла — златокудрая и черноокая красавица, внешность которой отвечает всем требованиям к идеалу женской красоты, вместе с тем отличается сильным характером, мужеством и стойкостью, величию души, в чем она превосходит своего возлюбленного. Дросилла видит слабости любимого и после встречи мягко упрекает его в легкомыслии:

Но ты, Харикл мой, — возразила девушка, —
Ты не Дросиллу, но Эрота властного
Усладу помнишь и хранишь в душе своей

(Пер Ф. А. Петровского)

Интерес к тонким внутренним переживаниям героев, разнообразие их характеров, искренность лирической интонации придают роману Евгениана задушевность и жизненность, что выделяет его среди других произведений подобного жанра.

Византийским романам XII в. присущи известная подражательность, наличие общих мест и литературных штампов, введение в текст многочисленных реминисценций из античных и византийских авторов. Появление этого жанра внесло, однако, живую струю в литературное творчество, ознаменовало рост интереса к светским сюжетам, изменение взглядов на любовь и положение женщины в обществе. Новый этап в развитии византийского романа наступит уже в поздней Византии (XIII — середина XV в.), где этот литературный жанр получит блестящий расцвет.

В XI—XII вв. появляются даже драматические произведения — явление для Византии крайне редкое. В анонимной драме «Христос-Страстотерпец» (XII в.) евангель-

ский сюжет о страданиях Христа облечен в одежды античной трагедии. Автор сам в прологе обещает написать пьесу «по Еврипиду». В драме использованы семь наиболее знаменитых трагедий Еврипида: «Гекуба», «Медея», «Орест», «Ипполит», «Троянки», «Рес» и «Вакханки», а также «Агамемнон» и «Прометей» Эсхила, поэма Ликофрона «Александра». Действие драмы начинается восхождением Христа на Голгофу и кончается его воскресением. Действующих лиц довольно много, но главным из них является не Христос, как следовало бы ожидать, а дева Мария. Драма похожа на ритуальное действо, изображающее скорбь Марии при известии о гибели сына и ее радость при его воскресении. Разыгрывалась ли эта драма или читалась, нам неизвестно. В ней поражает откровенное смешение языческой и христианской лексики, метафор и сравнений. Создана она, безусловно, эрудитом, начитанным в античной и христианской литературе. Есть гипотеза, что она предназначалась для чтения в избранном кругу византийских интеллектуалов.

Дань увлечения воздал античности в своих многочисленных трудах поэт и эрудит Иоанн Цец (около 1110 — после 1180). Из-под его пера вышло много обширных сочинений по филологии, истории, литературе. Среди них выделяется поэма на мифологические сюжеты, где он пытается переосмыслить в христианском духе некоторые античные мифы, в частности миф о Парисе. Уважение к труду ученого, писателя, эрудита объединяет Цеца с Пселлом и другими мыслителями Византии XI—XII вв.

Воздействие античности сказалось и в создании в это время подражаний сатирам Лукиана. Так, современник Продрома — анонимный автор псевдолукиановского диалога «Тимарион» в популярном в то время на Западе жанре путешествия в загробный мир талантливо нарисовал впечатляющую сатирическую картину современного общества, самодурства невежественных правителей, тупых ученых-схоластов, лукавых царедворцев. От сатирического диалога «Тимарион» веет свежестью и самобытностью. Занимательный сюжет, обилие бытовых деталей и красочных сцен, взятых из жизни, делают рассказ ярким и увлекательным¹³.

Завязка диалога такова: как-то киевский Тимарион случайно еще живым попадает в подземное царство, где встречает старого друга Кидиона и рассказывает ему о своих приключениях. Желая повидать мир, Тимарион отправился в Фессалонику на праздник в честь св. Димит-

рия, патрона города. Путешествие началось необычайно удачно и сулило Тимариону множество приятных впечатлений. День св. Димитрия, по его словам,— величайшее македонское торжество, как Панафиней в Афинах или Панионий в Милете, на него стекается множество народа со всей Европы. Прибыв в Фессалонику и осмотрев ее достопримечательности, Тимарион с высокого холма любовался прославленной ярмаркой, раскинувшейся у стен города. Он был поражен множеством палаток купцов, расположенных стройными прямыми рядами, пересекаемыми другими палатками, идущими перпендикулярно к первым. Это зрелище показалось ему похожим «на многоножку с длинным туловищем и массой коротеньких лапок на брюхе». Изобилие товаров со всего света, множество народа, страшный многоголосый шум, в котором сливались крики людей со ржанием лошадей, мычанием и блеянием домашних животных, лаем собак,— все это составляло поразительную картину. Налюбовавшись ярмаркой, Тимарион принял участие в торжественной церковной службе и праздничной процессии. Особое впечатление на него произвел парадный выезд гегемона (правителя) города из рода Палеологов, окруженного вельможами и гвардией из юношей в блестящем вооружении. Сам гегемон, по словам Тимариона, был необычайно красив, высок ростом и строен, со светлыми глазами и русыми волосами. Черты лица его менялись, являя временами прелесть Афродиты, суровость Арея и величие самого Зевса.

После веселых празднеств начались несчастья Тимариона: он заболел изнурительной лихорадкой, по ошибке был принят демонами за мертвеца и унесен в Аид. В Аиде он встретил своего учителя — знаменитого риторика и софиста Феодора Смирнского, который взялся помочь ему добиться на суде подземного царства возвращения на землю. Дождаясь суда, они обошли все подземное царство, выглядевшее отнюдь не страшно, а скорее мирно и даже уютно. Они попали на Елисейские поля, прогулялись по Асфоделевому лугу, покрытому пышными деревьями и яркими цветами, где царит вечная весна и ничто не стареет. Наконец, Тимарион и Феодор Смирнский предстали перед высшим судом подземного царства, где рядом восседали Минос и Эак, а также византийский император Феофил. Появление среди судей христианина Феофила, на наш взгляд, свидетельствует об известной веротерпимости анонимного автора диалога, дает наглядный пример тому, как язычество в Аиде мирно ужива-

лось с христианством. «Теперь, — заявляет по этому поводу Тимарион, — когда галилейская вера распространилась по всей земле и подчинила себе и Европу и большую часть Азии, провидению угодно было присоединить к прежним эллинским судьям одного христианина». Для религиозных взглядов Тимариона характерно некоторое пренебрежение христианской ортодоксальностью — ведь избранный в судьи «справедливейший» император Феодил был, как известно, иконоборцем. Суд, привлекая для разбора дела о болезни Тимариона знаменитых врачей Асклепия и Гиппократа, оправдал его и разрешил ему возвратиться на землю.

Ожидая возвращения на землю, Тимарион и Феодор Смирнский продолжали прогулку по подземному царству. Во многих лицах, с которыми они встречались, угадываются видные деятели культуры Византии, еще не преданные во времена Тимариона забвению. Но все они изображены то в добродушно-насмешливых, то в злобно-иронических тонах. Так, знаменитый ученый, писатель, государственный деятель Михаил Пселл предстает здесь в виде секретаря судилища, быстро и умело составляющего решение суда. «Софист, — пишет автор, — тотчас же принялся диктовать, заметно заикаясь, так как и здесь не освободился от своего недостатка — кривой губы». Эта жизненная деталь показывает хорошее знакомство автора диалога с реальным обликом Пселла, ибо этот дефект речи действительно был присущ ему.

Сцена встречи Тимариона с античными мудрецами также весьма показательна для мировоззрения анонимного автора диалога. Родоначальники философских школ Парменид, Пифагор, Мелисс, Анаксагор, Фалес и другие спокойно сидели рядом и мирно беседовали о философских вопросах. Лишь одного киника Диогена они с отвращением сторонились из-за его необузданного и дерзкого нрава. Но вдруг Пифагор резко оттолкнул философа Иоанна Итала, пытавшегося примкнуть к сообществу мудрецов. «Отребье, — сказал он, — надев на себя галилейское одеяние, которое у них зовется божественными святыми ризами, иначе сказать, приняв крещение, ты стремишься общаться с нами, чья жизнь была отдана науке и познанию? Либо скинь это вульгарное платье, либо сейчас же оставь наше братство!» Иоанн не пожелал расставаться со своим одеянием, т. е. отступить от христианской веры. За ним следовал похожий на евнуха и шута маленький человечек, который «в каждого встречного

стрелял своими ямбами». В них, по словам Тимариона, «не было ни зернышка мудрости и ни капли приятности». Некоторые исследователи видят в этом приятеле Итала Феодора Продрома, изображенного анонимным автором в злобно-карикатурном виде. Столкновение Иоанна Итала с античными мудрецами кончилось кровопролитной дракой между Италом и Диогеном, которую прекратил лишь великий римлянин Катон. Мудрецы зывали к Катону, прося изгнать Итала: «Убери его, Катон, нам он совершенно чужд, так как за всю свою жизнь он не достиг ничего в грамматике, а писания его были общим посмешищем!» Иоанн застонал и бросился бежать: «О Аристотель, Аристотель,— зывал он,— где вы, силлогизмы и ухищрения диалектики? Если бы вы сейчас пришли мне на помощь, я бы наголову разбил здешних ничемных философов и софистов, и прежде всего этого грязного пафлагонского свинопаса Диогена». Иоанн Итал — один из первых византийских рационалистов, описан в диалоге с нескрываемой недоброжелательностью и злой насмешкой. Сочувствие автора «Тимариона», как это ни парадоксально, на стороне языческих философов, а не преданного христианству Итала. Как и Пселла, анонимный автор хорошо знает Итала, он приводит его оценку современными ему философами, упрекавшими его в незнании греческой грамматики и постоянно критиковавшими его труды. Критика Итала в диалоге ведется фактически с позиций схоластической учености, но отнюдь не с позиций ортодоксальной церкви. В диалоге отсутствует даже намек на еретические воззрения Итала, осужденные церковью.

Это отклонение автора «Тимариона» от взглядов господствующей церкви было замечено византийскими ортодоксами еще в XIII в. Фанатически настроенный агиограф и писатель Константин Акрополит, прочитав диалог, буквально предал его анафеме; по его мнению, из-за презрительного тона по отношению к христианам надо «бросить книгу в огонь, чтобы она не попала в руки какому-нибудь христианину». Однако, на наш взгляд, неприятие ортодоксии — еще не доказательство свободомыслия. Истинное свободомыслие, как мы видели выше, проявлялось в трудах Иоанна Итала и его последователей. Резко отрицательное отношение в «Тимарионе» к Италу — показатель достаточно умеренных философских взглядов автора. Одно ясно: Тимарион — горячий адепт античной культуры, и, сравнивая ее с современной византийской, он отдает предпочтение первой. Даже византийская ри-

торика, казалось бы почитаемая автором, подвергается насмешкам. Тимарион иронизирует над риторическим искусством своего спасителя Феодора Смирнского, карикатурно рисуя его риторические ухищрения: «Мой софист надул по своему обыкновению щеки, придав лицу значительное выражение, и, потирая руки, громким голосом стал говорить...». Речь его текла нескончаемым потоком напыщенных фраз и звонких слов.

Вместе с тем сюжет путешествия в загробный мир избран анонимом, бесспорно, для выражения своих политических и художественных идеалов. Диалог буквально пронизан античными реминисценциями, пестрит цитатами из Гомера и других древнегреческих писателей, по форме многое заимствует у Лукиана, хотя по содержанию совершенно самостоятелен. По выражению специалистов, диалог входит в обширную генеалогию «Божественной комедии» Данте. Однако автор «Тимариона» значительно оптимистичнее, чем великий итальянец. Конец диалога радостный и умиротворяющий: простившись со своим спасителем Феодором Смирнским и обещав прислать ему с земли вкусной еды, Тимарион выбирается из Аида. «Вскоре, — пишет автор, — мы добрались до устья ведущего в Аид колодца, беспрепятственно поднялись по нему наверх, и глазам моим предстали Плеяды и Большая Медведица». В отличие от писателей и художников Запада и некоторых византийских агиографов, любивших изображать муки грешников и ужасы ада, «Тимарион» рисует загробный мир в спокойных, почти идиллических тонах.

Один из образованнейших людей той эпохи — ученый и писатель Евстафий Солунский (около 1110 — около 1194) в своих трактатах и письмах еще более резко критикует царящие в империи слабость правителей, продажность чиновников, упадок нравственности. Церковный иерарх высокого ранга, епископ Фессалоники (Солуни) и вместе с тем представитель интеллектуальной элиты, он высоко ценит научные знания, дружбу, далек от аскетизма, осуждает невежественных монахов. Его мировоззрение, однако, исполнено пессимизма, а сочинения проникнуты желчным сарказмом. Среди его произведений есть одно, занимающее совершенно особое место, — «Взятие Фессалоники». Это рассказ очевидца и участника событий об ужасном разгроме Фессалоники норманнами в 1185 г. С великой скорбью описывает Евстафий гибель прекрасного города, зверства завоевателей, мужество за-

щитников и позорную трусость императорского наместника. Высокие качества души Евстафия проявились в искреннем и глубоком сострадании к гибнущим жителям города. В сочинении нашли отражение социальная психология народных масс и личные переживания епископа Солуни. Евстафий рисует потрясающие сцены разгрома города: спасаясь от мечей завоевателей, одни жители в ужасе бросаются с крыш и разбиваются насмерть, другие ищут смерть на дне колодцев: мужчины из страха перед яростью врагов, женщины спасая свое целомудрие. Беременные женщины, матери с малыми детьми гибнут во время бегства, затоптанные в толпе, родители теряют детей, которых ждет неминуемая гибель.

«Взятие Фессалоники» Евстафия Солунского — произведение огромного гуманистического и социального звучания; без риторики и нажима автор ставит вечные общечеловеческие проблемы — жестокости и милосердия, насилия и великодушия, войны и мира. Гибель любимого города он оплакивает не только как служитель церкви, с позиций христианской морали, но и как человек и гражданин. Сострадание Евстафия носит не индивидуальный, а социальный характер, оно адресовано не отдельной личности, а всем жителям города. Вместе с тем это сочинение епископа Солуни, как другие его труды и обширная переписка, наполнено реалистическими деталями; он любит жизнь, восхищается природой, со щемящей теплотой и искренностью говорит о своих друзьях и учениках. Глубокий ум, обаяние светлой личности, талант писателя Евстафия Солунского оставили заметный след в византийской литературе XII в. Его мужественное поведение во время осады Солуни, высокая гражданская позиция, многообразная литературная деятельность получили признание современников, о чем свидетельствуют надгробные речи, произнесенные после его кончины Михаилом Акоминатом и фессалийским митрополитом Евфимием.

В конце XI—XII в. усиливается влияние Востока на византийскую литературу. При этом творческие импульсы исходят из далекой и мудрой Индии через посредство сирийцев и главным образом арабов. Возросший интерес к светской дидактической литературе, легенде и сказке проявился в переводах на греческий язык отдельных рассказов из знаменитого индийского сборника сказок «Панчатантра» (III—IV вв.). В середине VIII в. знаменитый арабский писатель иранского происхождения Аб-

даллах Ибн-аль-Мукаффа (около 720 — около 756) перевел на арабский язык ряд нравоучительных рассказов из «Панчатантры», составив сборник, известный у арабов под названием «Калила и Димна». Кроме того, он дополнил перевод несколькими рассказами собственного сочинения. При переводе на арабский язык имена героев первой книги «Панчатантры» шакалов Каратака и Даманака подверглись искажению и дали наименование всей книге: «Калила и Димна». Переработка «Калилы и Димны» была столь радикальна, что, несмотря на переводный ее характер, книга стала фактом истории арабской средневековой прозы. Благодаря арабскому переводу произведение через некоторое время проникло в Европу. «Калила и Димна» — сочинение дидактическое. Автор стремится дать читателю нравственные и житейские наставления, научить жить. «Теоретические» рассуждения Ибн-аль-Мукаффы сопровождаются иллюстративным элементом в виде назидательных рассказов-притч и басен, в которых животные говорят и действуют, как люди.

По заказу императора Алексея I Комнина византийский врач, владевший арабским языком, Симеон Сиф перевел с арабской версии повесть «Калила и Димна». В искаженном переводе имен главных действующих лиц повесть получила название «Стефанит и Ихнилат». В этом чрезвычайно популярном произведении представлены притчи различных типов. Некоторые из них — небольшие рассказы, призванные лишь проиллюстрировать те или иные этические положения и содержащие какую-либо аллегорию. Вымысел в них лишен украшений и служит лишь покровом нравственной или практической истины. Притчи эти по сути сводятся к некоей системе риторических доказательств. Звери здесь не действуют, а длинно рассуждают. Герои этих притч, в сущности, люди, наряженные в шкуры животных. Напротив, другие притчи напоминают скорее басни или даже живые остроумные новеллы с увлекательным содержанием. Нравственная истина преподнесена в занимательной форме. Притчи этого типа сложнее по композиции. Действующие лица не только наделены индивидуальными чертами, но даже иногда обладают подобием характера. Часто действие притчи развивается в форме диалога, превращая их в небольшие драматические сценки. Иногда небольшая притча, размер которой не превышает трех-четырёх страниц, рисует сложную картину человеческих взаимоотношений, дает четкую мотивировку намерений и поступков

персонажей и их элементарную психологическую характеристику.

Действие происходит в зверином царстве, где правит Лев. Во многом назидания обращены к нему и должны научить его мудро управлять своим царством. Главные действующие лица повествования — шакалы Стефанит и Ихнилат. Стефанит (Увенчанный) — резонер и тугодум, довольствующийся своим скромным местом в жизни, Ихнилат (Следопыт) — честолюбец и авантюрист, но оба наделены жизненным опытом, оба привязаны друг к другу, и эта дружба сохраняет силу и тогда, когда Ихнилат, разгневавший Льва, попадает в заточение. Сюжетная линия довольно проста. Царь Лев повстречал в лесу Быка и подружился с ним. Из корыстных целей злой интриган Ихнилат оклеветал Быка, сказав Льву, что тот якобы хочет захватить престол. В ярости Лев растерзал своего друга, а потом глубоко раскаивался в содеянном. Этот сюжет, однако, расцвечен многими вставными притчами и легендами, рассказываемыми поочередно Стефанитом и Ихнилатом. В жанре сказок с чудесами, перевоплощениями, персонификацией животных ставятся общечеловеческие и философские проблемы, создаются нормы поведенческой этики, живо и доходчиво рассказывается читателю, как должно жить на свете, к чему стремиться, чего избегать.

В новелле о счастливом купце Симеон Сиф рисует идеал активного человека, одобряет стремление людей к богатству и славе. По его мнению, для достижения прочного благополучия нужны три условия: независимое имущество, слава среди людей и удача в делах. Человек, однако, должен приобретать богатство честным путем, распорядиться им разумно, избегать бедствий и раздавать милостыню бедным. Советы Симеона Сифа разумны, умеренны, основаны на житейском опыте, далеки от аскетических идеалов монашеской этики. Это сочинение — своеобразная сокровищница практической мудрости средневекового Востока. Оно имело огромное культурно-историческое значение, впитав этические представления и разнообразные культурные влияния многих народов Востока и Средиземноморья (Индия, Иран, арабо-мусульманский мир и Византия). Правда, и христианский элемент внесен Симеоном Сифом в перевод индийского собрания правоучительных рассказов. Примерно в XIII в. с греческого текста «Стефанит и Ихнилат» был сделан славянский перевод, попавший в Московскую Русь и по-

лучивший там большую популярность. С XIII в. стали появляться его переводы на еврейский, латинский и многие европейские языки. Влияние «Калилы и Димны» («Стефанит и Ихнилат») прослеживается в творчестве новеллистов эпохи Возрождения, в баснях Лафонтена.

В XII в. византийский филолог Михаил Андрепул перевел с сирийского почерпнутую тоже из «Панчатантры» «Книгу о Синдбаде», известную в греческой версии под названием «Книга Синтипы». Основой ее послужила индийская повесть о семи мудрецах, широко распространенная в странах Востока. Фольклорные рассказы здесь объединены единым сюжетом. Философ Синтипа обучил многим наукам царского сына, применив наглядный метод: он нарисовал на стенах дома все, чему он хотел научить юношу. Царевич возвращается к отцу, чтобы показать свои знания, но неблагоприятное положение звезд заставляет его молчать семь дней. Его мачеха, влюбившись в царевича, предлагает ему убить царя и жениться на ней. Отвергнутая царевичем, она обвиняет его в попытке соблазнить ее. (Можно вспомнить библейский сюжет о прекрасном Иосифе и коварной жене Потифара.) Несмотря на безмерную любовь к сыну, царь приговаривает его к смертной казни. Семь мудрецов-советников пытаются предотвратить несправедливую казнь, и семь дней идет борьба за жизнь царевича между мудрецами и преступной женой царя.

Мудрецы рассказывают истории о коварстве и бесстыдстве женщин, царица защищается. Любопытен рассказ одного из мудрецов: во время отсутствия мужа одна женщина поддалась соблазнам влюбленного в нее юноши, напуганная сводней, которая привела к ней собаку, перед этим накормленную пирожками с перцем и потому проливавшую горькие слезы, и сказала, что это ее дочь, превращенная в собаку за отказ от домогательств влюбленного. Затем вместо юноши сводня привела в дом женщины ее собственного мужа, однако та ловко оправдалась, первая обвинив своего супруга в неверности. Содержание рассказов, приведенных в «Книге Синтипы», весьма занимательно — сюда включены басни о животных, местами встречаются эротические сцены. Трудный спор за жизнь царевича кончается победой мудрецов: жена царя, признав себя побежденной, пытается броситься в костер. На восьмой день юноша рассказывает отцу всю правду и показывает свои блестящие успехи в науках, мудро отвечая на вопросы отца, поднимающие этические

и философские проблемы. Рассказы из «Книги Синтипы» пользовались большой популярностью в Византии и странах Европы, вошли в «Деяния римлян» и «Декамерон» Боккаччо, в средневековую литературу Испании, Германии, славянских стран, в том числе Древней Руси.

Итак, в XI—XII вв. в византийской литературе наблюдается известный подъем. Расширяется круг интересов писателей, появляются новые литературные жанры, сюжетные линии делаются динамичнее, рождаются новые стилистические формы. Через авторизованные переводы происходит знакомство византийцев с иноязычными литературами Востока и Запада. Ощущается постепенный отход, порою еще робкий, от застывших штампов и канонов, господствовавших в литературе предшествующих веков. Начинает изменяться отношение к античному наследию. Античные традиции воспринимаются уже не механически, а переосмысливаются под влиянием реальной действительности. Использование античной литературы идет целенаправленно, подчиняясь новым потребностям и новым веяниям времени. Несмотря на господство церковной идеологии и государственной доктрины в литературе, как мы видели, все сильнее звучат мотивы отрицания, критики общественного строя с его унификацией и канонизацией культурных ценностей. Литература приближается к жизни, формируются идеи индивидуализма, изображение человека делается более раскованным и полнокровным, воспеваются простые человеческие чувства — земная любовь, красота природы, истинная дружба, писатель порою обращается к реалистическому описанию повседневной жизни, деталей быта. Расцвет переживает народная литература разных жанров, народный язык получает права гражданства. Однако все эти новые процессы протекают в рамках средневекового мышления и церковно-догматической идеологии.

Византийская культура, как и культура других средневековых государств, представляла собой весьма сложную, но все же единую систему культурных ценностей. Изменения, происходящие в одной из сфер культуры, незамедлительно сказывались и в другой. Тесная связь, взаимное влияние всех видов культуры — закон их развития. Хотя, конечно, общие явления — борьба старого с новым, зарождение новых тенденций — протекали в разных отраслях культуры порою по-разному. Сопоставление их, типологизация помогут выявлению главных направлений эволюции византийской культуры.

Можно, в частности, наметить основные пути развития византийского изобразительного искусства в эпоху классического средневековья¹⁴. С X—XI вв. в искусстве господствует пышная декоративность. Торжественный монументализм все чаще соединяется с усложненной символикой. Победа обобщенно-спиритуалистического принципа в эстетике приводит к растворению многообразия реального мира в символах, художник стремится освободиться от излишних, докучливых деталей, не раскрывающих, по его мнению, основной идеи произведения. В живописи и архитектуре начинается господствовать строгая, рассудочная симметрия, спокойная, торжественная уравновешенность линий и движений человеческих фигур на фресках и мозаиках храмов. Изобразительное искусство приобретает вневременной и внепространственный характер; абстрактный золотой фон, столь любимый византийскими мастерами, заменяет реальное трехмерное пространство, выполняя важную эстетическую функцию: он призван как бы отгородить отвлеченное изображение того или иного явления от живой действительности окружающего мира. Стилизованные архитектурные ансамбли, фантастические пейзажи фона делаются все более абстрактными и зачастую заменяются золотыми или пурпурными плоскостями. Творчество художника приобретает отныне безликий характер, оно сковано традицией и церковным авторитетом, а порывы индивидуальных творческих исканий мастера подчинены нивелирующему действию канона.

Церковное богослужение, превратившееся в Византии в своего рода пышную мистерию, должно было по замыслу церкви затмить в душе человека эмоциональную неподнятость античной трагедии, здоровое веселье мимов, суетные волнения цирковых ристаний и даровать ему отраду и отдых от тусклой повседневности реальной жизни. А поскольку эти надежды далеко не всегда сбывались и простые радости бытия часто брали в народе верх над проповедью аскетизма, постольку церковь стремилась с особой настойчивостью использовать для идейного воздействия на широкие массы магическую силу искусства. В церковной архитектуре к этому времени базилика как форма культового здания в виде удлиненной трехнефной постройки отживала свой век. Ее место стал занимать крестово-купольный храм, имевший в плане форму креста с равными ветвями и с куполом в центре. Становление крестово-купольной архитектуры было длительным и

сложным процессом. Его начало может быть отнесено еще к VI в., когда был создан шедевр купольной архитектуры — София Константинопольская, а завершение — в основном к X столетию. В X—XII вв. крестово-купольное зодчество стало доминировать как в самой Византии, так и в сопредельных с ней странах, но этот вид культового зодчества был лишь общей канвой, на основе которой развивались его различные варианты. Появление крестово-купольной архитектуры было связано с изменением общественных отношений и эстетических представлений в империи.

Новые тенденции проявились и в изменении социального содержания архитектуры. Прежде всего происходит сокращение масштабов храма. Грандиозные храмы для народа уходят в прошлое. Распространение получают сравнительно небольшие церкви, предназначенные для городского квартала, сельского прихода, монастыря или замка. Одновременно храм растет в высоту: изменяются пропорции здания, вертикаль становится преобладающей идеей, устремление ввысь дает новое эмоциональное и эстетическое наполнение культовому зодчеству. Если ранее главную роль в культовом зодчестве играло внутреннее пространство, купол смотрелся изнутри и символизировал Вселенную, то в XI—XII вв. все большее значение приобретает внешний вид храма. Украшение фасада здания теперь входило в общий архитектурный замысел, в единую его композицию. Вместо замкнутых, с широкими нерасчлененными гладкими плоскостями закрытых фасадов и стен теперь появляются новые архитектурные формы экстерьера: фасады членятся, украшаются легкими колоннами и полуколоннами, растет число узких и длинных оконных проемов, впервые появляется асимметрия. Внешний декор здания становится самодовлеющим элементом архитектуры, увеличивает его художественную выразительность.

В архитектуру экстерьера смело и с большим вкусом ввели цвет и декоративные резные украшения. Широко начали применять облицовки фасадов разноцветным камнем, кирпичным узорчьем, декоративное чередование слоев красного кирпича (плинфы) и белого раствора, яркие изразцы в виде фриз. Цвет создавал совершенно новый художественный облик храмов. Окончательно этот новый стиль сложился в XI в., но достиг своего апогея в XII в. В течение двух столетий происходит дальнейшее развитие основных черт нового стиля. Ощутимее

становится связь внешнего и внутреннего облика храма, усиливается воздушность, легкость, элегантность архитектурных пропорций, колонны в храме делаются тоньше, удлиняется барабан купола — он становится легким, стройным, со множеством вертикальных членений, с окнами, усиливающими эффекты освещения. Во внутреннем пространстве храма зодчие стремятся к достижению большего единства. Наблюдается строгая центричность и повышение подкупольного пространства, красота храма ныне во многом определяется его устремленностью вверх, к небесам. Во внешнем оформлении храма порой появляются пирамидальный ритм, ажурность и красочность фасадов, светотеневые контрасты. Архитектурные формы храмов второй половины XI—XII в. становятся утонченнее, совершеннее, жизнерадостнее, их красочная ажурность и легкость резко контрастируют с глухим, суровым, аскетичным наружным обликом зданий предшествующего времени.

Прежняя замкнутость и отрешенность уходили в прошлое, храм теперь следовало созерцать не только внутри, но и снаружи.

Однако на большой территории империи старые и новые формы культового зодчества долгое время сосуществовали. В отдельных областях преобладали те или иные архитектурные тенденции. В Греции с особой силой проявлялись устойчивые традиции античного и ранневизантийского зодчества. В XI в. здесь строятся монументальные храмы, сохранившие многое от более ранней архитектуры, но и несущие уже элементы нового стиля. К их числу принадлежат прославленные памятники архитектуры и живописи: католикон монастыря Хосиос-Лукас в Фокиде и монастырь Дафни близ Афин. Собор монастыря Хосиос-Лукас был воздвигнут императором Василием II в прославление своих военных побед и неоднократно достраивался. Это огромный пятинефный храм, над которым возвышается купол, покоящийся на низком барабане. Благодаря обширному нарфику храм имеет форму, удлиненную с запада на восток. Большое число оконных проемов создает при солнечном освещении контрастную игру света и тени. Византийские зодчие достигли в этом соборе гармонии внешнего вида и внутреннего убранства. Строгость архитектурных форм, сохранявших античную монументальность, в соединении с чертами нового стиля, нарядность карнизов и резных капителей, применение облицовки мраморами пастельных

тонов — все это создает впечатление простоты и торжественности.

Храм монастыря Дафни близ Афин (конец XI в.) меньше, чем собор Хосиос-Лукас, но, быть может, именно это придает ему особую цельность и гармонию. Он значительно более, чем его предшественник, устремлен ввысь, менее монументален и громоздок. Пропорции храма Дафни отличаются строгостью и пластичностью. Наружный вид здания строг и выразителен. Его декор не перегружен деталями, но одновременно и достаточно наряден. Широко применяется украшение купола, оконных проемов, апсиды маленькими полуколонками, полукруглыми арками, узорчатой кладкой. Сохраняя античные архитектурные основы, этот храм показывает в то же время усиление влияния нового стиля в византийском зодчестве.

Особенно ярко эти новые черты архитектурного стиля проявились в небольшом храме Неа-Мони на Хиосе (середина XII в.). Этот храм, необычайно красиво вписанный в окружающую природу, отличается строгой центричностью в соединении с подчеркнутой вертикальностью, устремленностью ввысь, единством архитектурных форм. Все эти памятники по ясности и выразительности композиции, новизне архитектурной концепции, совершенству ее претворения в жизнь представляют собой выдающиеся явления в византийской, а быть может, и во всей средневековой архитектуре.

О светской архитектуре X—XII вв. мы узнаем преимущественно из литературных памятников и описаний современников. В этот период непрерывно шло строительство и украшение императорских дворцов в Константинополе. Комплекс Большого дворца, раскинувшийся на берегу Мраморного моря, постоянно разрастался, отделывался цветными мраморами и мозаиками, что придавало ему все большую парадность и праздничность. В X в. в этом комплексе был заново отстроен дворец Вуколеон, получивший название от украшавшей его скульптурной группы быка и льва. Все торжественные приемы и церемонии X — первой половины XI в. проходили в комплексе зданий Большого дворца. При Комнинах императорский двор покинул Большой дворец, старый центр византийской державы, символ ее власти и могущества. По политическим причинам резиденция василевсов была перенесена во вновь отстроенный Влахернский дворец, расположенный на северо-западной окраине столицы. Алексей I Комнин воздвиг здесь дворец рядом с храмом

Влахернской Божьей Матери. Именно здесь он принимал крестоносных вождей и показывал Боэмунду сокровища императорской казны. Император Мануил I Комнин в 1156 г. расширил этот дворец, построив роскошный зал, украшенный мозаиками, на которых были изображены его походы и упомянуты названия 300 завоеванных им городов. Крестоносцы, захватив в 1204 г. Влахернский дворец, удивлялись его роскошному убранству и красоте парадных зал.

Дворцы аристократов и богатые дома горожан и провинциальной знати возводились по всей империи. Представление о дворце провинциального владельца дает нам описание имения Дигениса Акрита в поэме о его подвигах. Дворец представлял собой прямоугольное строение из тесаного камня и был украшен колоннами, кровля сверкала мозаикой, а полы выложены полированным камнем. Описания светской архитектуры встречаются и в византийских романах XII в., и в исторической и эпистолярной литературе. До XIII в. византийскую архитектуру можно считать одной из самых развитых и совершенных в средневековом мире. Она оказала влияние на широкий ареал стран — Болгарию, Сербию, Русь и даже в какой-то мере на романский Запад. Древнерусское государство обязано Византии первыми выдающимися архитектурными достижениями.

К X в. в византийском изобразительном искусстве, в частности в живописи, окончательно складывается иконографический канон — строгие правила изображения всех сцен религиозного содержания и образов святых, а также устойчивый канон в изображении человека. Эстетика созерцательного покоя, торжественной умиротворенности, неизменной упорядоченности влекла за собой создание устойчивой и неизменной иконографии. Иконографические типы и сюжеты почти не изменялись в течение столетий. Глубокий спиритуализм эстетических воззрений византийского аристократического общества не увел, однако, искусство Византии окончательно в мир голой абстракции. В отличие от мусульманского Востока, где примат духовного начала над плотским привел к господству в изобразительном искусстве геометризма и орнаментальных форм, вытеснивших изображение человека, в искусстве Византии человек все же остался в центре художественного творчества. После победы над иконоборцами в Византии вновь утвердились идеи антропоморфизма. В искусстве опять обратились к эллинизму, но при глу-

бокой переработке его традиций с целью повышения духовности художественного творчества. Если языческий мир воспевал в человеке телесную красоту, то византийское искусство прославляло его духовное величие и аскетическую чистоту.

В стенных росписях, в мозаиках и иконах и даже в книжной миниатюре голова как средоточие духовной жизни становится доминантой человеческой фигуры, тело же стыдливо скрывается под струящимися складками одеяний, линейная ритмика сменяет чувственную экспрессию. В изображении человеческого лица на первый план художник выдвигает его одухотворенность, самоуглубленную созерцательность, внутреннее величие, глубину душевных переживаний. Огромные глаза с экстатически расширенными зрачками, пристальный взор которых как бы завораживает зрителя, высокий лоб, тонкие, лишённые чувственности губы — вот характерные черты портрета в византийском искусстве классического средневековья. Из культового художественного творчества почти совсем исчезает скульптура как искусство, прославляющее телесную, а не духовную красоту. Её сменяет плоский рельеф и живопись (мозаика, фреска, икона). Отныне художник должен изображать не только тело, но и душу, не только внешний облик, но и внутреннюю духовную жизнь своего героя. В этом, кстати сказать, важное отличие византийского искусства от западноевропейского, где скульптурные изображения Христа, мадонн, святых приобрели широчайшее распространение.

Впечатление пассивной созерцательности, замкнутости художественных образов достигается к тому же и применением византийскими мастерами строгой фронтальности изображений и особой колористической гаммы. Вместо античного импрессионизма с его тончайшей нюансировкой нежных полутонов в Византии с X в. господствуют плотные локальные краски, наложенные декоративными плоскостями, с преобладанием пурпурных, лиловых, синих, оливково-зеленых и белых тонов. С этой поры цвет мыслится как уплотненный свет и задача художника — не воспроизведение реальных тонов, а создание отвлеченной колористической гаммы. Образ человека как бы окончательно застывает в величественном бесстрастии, лишается динамизма, олицетворяет состояние созерцательного покоя. Непревзойденным образцом монументального искусства Византии середины IX в. являются мозаики Софии Константинопольской. Этот шедевр искусства неокласси-

ческого стиля был восстановлен в апсиде собора на месте уничтоженных иконоборцами мозаик, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись. Величественная, сидящая в спокойной статуарной позе огромная фигура Марии с младенцем на руках — воплощение возвышенной одухотворенности в сочетании с чувственной прелестью. Прекрасное лицо Марии дышит мягкой женственностью и мудрым спокойствием. Стоящий рядом архангел Гавриил поражает сходством с никейскими ангелами, он — воплощение земной и одновременно небесной красоты, эллинистического сенсуализма в соединении с византийским спиритуализмом. Мозаики выполнены талантливыми мастерами, отличаются утонченным артистизмом в соединении с аристократической манерой исполнения. По словам лучшего знатока византийской живописи советского ученого В. Н. Лазарева, в них есть нечто «врубелевское»¹⁵. По его мнению, мозаики Софии Константинопольской — высшее воплощение византийского гения.

Другие мозаики Софии (IX — начало XI в.) несколько уступают по художественному мастерству этому шедевру, но интересны по своему сюжету. Это две ктиторские сцены, имеющие не только художественное, но и историческое значение. На одной из них, находящейся в люнете над входом из нарфика в храм, изображен император Лев VI (886—912), преклонивший колена перед стоящим Христом, над которым в медальонах расположены образы Марии и Ангела. Смысл сцены — преклонение власти земной перед властью небесной. На другой мозаике начала XI в. в южном вестибюле храма св. Софии перед сидящей на троне Богородицею с младенцем стоят по сторонам император Константин I, приносящий в дар модель города Константинополя, и император Юстиниан, подносящий мадонне модель собора св. Софии; византийские императоры просят заступничества у Богородицы за великий град и его главную церковь. Обе ктиторские мозаики — произведения высокого столичного искусства — привлекают красочным богатством, правильностью пропорций, портретным сходством императоров и роскошью их одежд.

В XI в. в византийской живописи происходит эволюция в сторону развития линейного стиля, появляется сухость в трактовке образов, особая сдержанность поз и самоуглубленность в выражении лиц. К середине XI в. относятся мозаики монастыря Хосиос-Лукас в Фокиде. Многофигурные росписи заполняют стены огромного хра-

ма; большеголовые и большеглазые, тяжеловесные фигуры святых аскетов фронтально обращены к зрителю, они сосредоточенно суровы и неподвижны и являют идеал величавого покоя. Жесткие сухие линии, плоскостная трактовка, сумрачные тона, суровый аскетизм придают этим мозаикам известную архаичность, они близки к мозаикам провинциального круга, к Софии Салоникской и Софии Охридской (XI в.). Линейный элемент господствует и в мозаиках Нового монастыря (Неа-Мони) на о. Хиосе (1042—1056). Обширный мозаичный цикл поражает единством, он смотрится как целостное художественное произведение, не перегруженное деталями. Влияние монашеской эстетики ощущается весьма явственно: в сухих, строгих, аскетических лицах восточного типа, в удлинённых пропорциях фигур, в ярком колорите, где преобладают контрастные тона. В отличие от мозаик монастыря Хосиос-Лукас здесь, однако, фронтальная неподвижность порою сменяется резкими, взволнованными движениями, выражающими смятение чувств. Происходит как бы постепенная утрата успокоенности и нарастание драматизма при передаче библейских сюжетов.

Вторая половина XI в. и весь XII в. — классическая эпоха в истории византийского искусства, его высочайший расцвет. Обобщенный спиритуалистический стиль получает законченность, единство формы и иконографии, четкое выражение эстетических идеалов. Вместе с тем в нем появляются новые черты. Стилизованная линия делается тонкой, абстрактной, контуры фигур становятся легкими, воздушными, движения выглядят более естественными, в колористической гамме наряду с плотными, определенными красками, близкими к эмалям, появляются переливчатые тона, сообщающие изображениям ирреальность, сияние; цвет и свет сливаются в общей гармонии. Шедевром монументальной живописи второй половины XI в. являются замечательные мозаики и фрески монастыря Дафни близ Афин. Они составляют единый изумительный ансамбль, подчиненный строгому иконографическому канону. Композиция всех росписей глубоко продумана: в куполе изображен Пантократор — грозный и могучий властелин мира, в апсиде — сидящая Богоматерь с младенцем в окружении архангелов и святых. Все расположение фигур построено с тонким пониманием законов композиции. Живой ритм фигур проникнут радостным мироощущением. Рисунок мозаик и фресок отличается совершенством, для достижения большей

выразительности лиц применяется объемная лепка, удлиненные пропорции придают изображениям изящество и стройность, движения фигур естественны и непринужденны. Поражает богатство чистых, сочных и вместе с тем нежных красок, что в соединении с золотом и серебром составляет изысканную цветовую палитру. По словам В. Н. Лазарева, росписи монастыря Дафни напоминают фрески Рафаэля.

Еще одним шедевром византийского классического стиля являются сравнительно недавно открытые мозаики южной галереи храма св. Софии в Константинополе (XII в.). Это прежде всего великолепный Деисус. В центре расположен Христос — величественный, мудрый, суровый; по одну его сторону стоит Мария с необычайно красивым, нежным, скорбным лицом, по другую — Иоанн Креститель, его мощная фигура дышит трагической силой и страстной напряженностью. Одухотворенные лица, исполненные возвышенной духовности, сохраняют объемность и рельефность, красочную лепку, богатство цветовых оттенков, почти акварельную изысканность колорита. Верное чувство пропорций, соразмерность частей фигур, восходящие к традициям эллинизма, соединяются с экспрессией и суровостью византийского неоклассицизма.

На той же южной галерее Софии Константинопольской был открыт еще один мозаичный ансамбль, на этот раз светского характера, с портретами императоров и императриц. На одной из мозаик изображены император Константин IX Мономах (1042—1054) и его супруга императрица Зоя (умерла в 1050 г.). Оба в строгих фронтальных позах, облаченные в роскошные парадные одежды, с венцами на головах стоят по сторонам восседающего на троне Христа. В руках василевса мешочек с золотом — дар на содержание церкви, в руках василиссы свиток — вероятно, дарственная грамота, подтверждающая привилегии храма. Рядом на стене император Иоанн Комнин (1118—1143), его супруга Ирина, дочь венгерского короля Ладислава, и их сын Алексей. Они стоят по сторонам Богоматери с младенцем на руках, в таких же фронтальных позах, со всеми регалиями императорской власти и с ктиторскими дарами в руках.

Весь ансамбль выполнен в единой художественной манере, портретное сходство хотя и присутствует, но заслоняется условным, канонизированным олицетворением императорской власти; индивидуальные черты не выявлены; императоры предстают сильными, мужественными,

воплощая идеал правителя. Императрицы обе красивы и изящны. Зоя, которой в то время было 64 года, изображена в виде молодой женщины с нежным округлым лицом, большими глазами, светлыми пышными волосами. И хотя Михаил Пселл рассказывает, что императрица Зоя благодаря знанию тайн косметики до старости сохраняла красоту, все же ясно, что художник польстил могущественной василиссе. Императрица Ирина представлена стройной, изящной молодой женщиной, с тонким лицом, светлыми волосами — рафинированная и элегантная правительница.

В XI—XII вв. наблюдается подъем и в искусстве иконописи. От этого периода сохранилось несколько прекрасных образцов византийских икон, преимущественно столичной школы живописи. Своеобразна и по сюжету, и по исполнению константинопольская икона XI в. из собрания монастыря св. Екатерины на Синае. Она является как бы иллюстрацией к «Лествице» Иоанна Лествичника; она показывает восхождение к небесам монахов по лестнице нравственного самоусовершенствования и духовных подвигов: отступившихся монахов нечистая сила тянет в ад, что придает иконе известную наивность и фантастичность, несмотря на реалистические черты в изображении фигур и лиц, на правильные их пропорции, восходящие к эллинистическим традициям. От XII в. сохранился шедевр византийской иконописи — икона Владимирской Богородицы (Москва, Третьяковская галерея). Ныне она прочно вошла в историю древнерусского искусства. Мария изображена здесь в позе Умиления («Элеуса»), она нежно прижимается щекой к щеке сына, который ласково обнимает ее за шею. Эта сцена — воплощение всемогущего чувства материнства в соединении с величайшей духовностью. В глазах Марии отражена вся скорбь мира. Мать уже знает о грядущей гибели сына и сознает неизбежность этой жертвы ради спасения человечества. Тонкое, аристократическое лицо матери, выразительное лицо младенца проникнуты теплым, искренним чувством. Впечатляет и другая византийская икона XII в. — Григорий Чудотворец, — хранящаяся в Эрмитаже (Ленинград). Суровое, аскетическое лицо Григория мужественно и спокойно, его взгляд глубок и сосредоточен.

Здесь невозможно перечислить все иконописные памятники Византии той эпохи. Отметим только, что при Комнинах в связи с постоянными войнами и усилением военной знати сильно поднялась популярность святых —

защитников и покровителей военного сословия. Идеализация воинских доблестей проникает как в литературу, так и в живопись. На мозаиках и фресках, иконах и эмалях, на изделиях из слоновой кости и небольших походных иконках из стеатита все чаще появляются изображения святых-воинов: Димитрия Солунского, Феодора Стратилата («полководца»), Феодора Тирона («новобранца») и особенно св. Георгия. Иконографические образы этих персонажей милитаризируются. Иконографический тип св. Георгия претерпевает эволюцию. Если в X—XI вв. он изображался в виде пешего воина с копьем в правой руке, опирающегося левой рукой на щит, то в XII в. получает распространение конный образ Георгия без дракона или иногда поражающего змея. Образ Георгия-воина приобрел огромную популярность в странах Юго-Восточной и Восточной Европы, особенно на Руси¹⁶.

Книжная миниатюра являлась важной отраслью византийского искусства. В идейном, стилистическом и сюжетном плане она прошла те же этапы развития, что и монументальная живопись и иконопись. Византия унаследовала от античности особую любовь к книге. До IX в. в империи господствовало унциальное письмо с крупными буквами, оно употреблялось для создания роскошных кодексов. С XI в. был введен минускул, малое письмо, созданное на основе курсива и пригодное для деловых документов и писем. В XI—XII вв. господствует смешанный минускул, соединявший красоту и элегантность с практичностью. Книжный кодекс в Византии, как правило, являлся произведением искусства, где гармонически сочетались каллиграфический почерк, миниатюры, заставки и инициалы букв. Тщательно продумывался и формат кодекса, художественная отделка переплета, цвет пергамента или бумаги. Бумага проникла в Византию от арабов в X—XI вв., но длительное время при изготовлении книжных кодексов применялись оба писчих материала: и пергамен, и бумага. Византийское письмо было более унифицировано, чем на Западе. Распространение грамотности в Константинополе и других городах Византии поражаало крестоносцев. Во всей византийской литературе, даже агиографической, герои умеют читать и писать. Для письма применялись тростниковые перья или перья птиц. Чернила изготовляли из смеси сажи и камеди или сока различных растений. В живописи сохранились изображения книг в виде свитков и кодексов, а также пера-калама¹⁷.

Изумительного блеска и совершенства достигает константинопольская книжная миниатюра в XI и особенно в XII в. Тонкий, каллиграфически четкий орнамент, ровное, изящное письмо, легкие инициалы, небольшие, ювелирно отделанные миниатюры составляют в кодексах единое ритмическое целое. Заставки коврового орнамента, теплый, желтоватый фон пергамента, коричневые чернила, обилие золота в декоре, мягкая колористическая гамма миниатюр, классические пропорции фигур, легкость и непринужденность их поз — все это создает чарующее впечатление. Разумеется, в книжной миниатюре происходили те же сдвиги в стиле и интерпретации изображений, что и в монументальной живописи. В XII в. миниатюры книжных кодексов становятся особенно красочными, их декор дополняется введением архитектурных пейзажей, сложной орнаментикой, движения фигур становятся более порывистыми и экспрессивными, широко применяется золотой фон.

XI век был периодом необычайного взлета книжной иллюстрации. Центром создания поистине великолепных кодексов стал императорский скрипторий в Константинополе. Здесь по заказу императоров создавались настоящие шедевры книжной миниатюры. К их числу относится рукопись «Слов» Иоанна Златоуста, выполненная для императора Никифора Вотаниата (1078—1081). На одной из миниатюр изображен сам Никифор Вотаниат в пышном императорском облачении, в лице его проступают восточные (армянские) черты, что говорит о портретном сходстве, схваченном художником. В живописи этого кодекса чувствуется влияние искусства Востока. Рукопись хранится в Парижской Национальной библиотеке. Другой жемчужиной искусства столичных миниатюристов является датируемая 1072 г. рукопись Нового Завета, созданная для императора Михаила II Дуки (Библиотека Московского университета). Крохотный по размерам кодекс, украшенный изысканной живописью, изящными заставками и инициалами, — подлинный шедевр книжного искусства. Колорит миниатюр обеих рукописей отличается мягкостью и теплотой, преобладают светлые тона, рисунок тонок и динамичен. В ряд с этими шедеврами можно поставить Псалтирь XI в. из Публичной библиотеки в Ленинграде, созданную между 1074—1081 гг. для одного из византийских императоров. Ювелирная тщательность орнаментики, мягкость и нежность колорита, тончайшая нюансировка лиц выделяют эти миниатюры.

туры из числа других, тоже высокохудожественных кодексов XI в.¹⁸

От XII в. сохранилось также достаточно большое число памятников византийской миниатюры, ныне они хранятся в библиотеках многих европейских стран, в том числе и в нашей стране. Среди них выделяется рукопись сочинений Монаха Якова (XII в.) с прекрасными миниатюрами. Особенно впечатляет многофигурная миниатюра «Вознесение Христа». Сцена Вознесения развертывается в колоннаде огромного византийского храма, увенчанного пятью куполами и отделанного мозаикой и резным камнем. Фигуры Марии и апостолов изображены в живых смятенных позах, фигура Христа помещена в медальон, уносимый в небеса ангелами. Высокие художественные качества и исключительное мастерство создателей этих памятников выдвигают их на видное место среди произведений книжной миниатюры средневековья. Достойные параллели они находят в Европе, пожалуй, лишь во французских рукописях XIII—XIV вв.

Книги в Византии, особенно иллюминированные рукописи, были очень дороги и высоко ценились при дворе, в кругах знати и образованной элиты империи. Сохранение книг и переписка новых кодексов были заботой в первую очередь государства. Константинополь сыграл большую роль в создании библиотек, где собиралась разнообразная литература как светского, так и религиозного содержания. Ценнейшие манускрипты хранились в императорской библиотеке, куда был открыт доступ представителям интеллигенции. Библиотеки имелись и при Константинопольской высшей школе, при патриархии, у частных лиц. Скриптории также сосредоточивались преимущественно в Константинополе, особенно славился императорский скрипторий, где изготовлялись лучшие произведения книжного письма и миниатюры. В отличие от Западной Европы монастыри в Византии, за исключением Студийского, не являлись центрами сохранения культурного наследия.

X—XII века — период нового подъема византийского монументального искусства и архитектуры — были ознаменованы также расцветом прикладного искусства (или искусства малых форм): ювелирного дела, резьбы по кости и камню, производства изделий из стекла, керамики и художественных тканей¹⁹. Художественное творчество в Византии было подчинено единой системе миропонимания, философско-религиозного мировоззрения, единым

эстетическим принципам. Поэтому все виды искусств были тесно связаны между собой единой системой художественных ценностей, общностью сюжетов, стилистических и композиционных принципов. Книжная миниатюра и прикладное искусство также подчинялись этим общим законам, хотя в разной степени. Их эволюция шла в русле качественных изменений всей художественной системы византийского общества. Поэтому в Византии, как нигде в средневековом мире, наблюдался органический художественный синтез зодчества, живописи, скульптуры, прикладного искусства. Прикладное искусство в Византии, помимо практических функций, имело часто сакральное, репрезентативное, символическое назначение. Отсюда высочайшие эстетические требования, предъявляемые к искусству малых форм. Церковная утварь, императорские регалии, одежда церковных иерархов и придворной знати, реликварии и ларцы императоров и императриц, роскошные ювелирные украшения, которые носили не только василиссы и придворные дамы, но и императоры, высшие чиновники, духовенство, — все эти украшения часто становились недостижимым образцом для художников других стран.

В X—XII вв. центром производства драгоценных изделий прикладного искусства по-прежнему оставался Константинополь. Изделия столичных мастеров славилась рафинированностью вкуса и техническим совершенством. Предметы роскоши украшали дворцы василевсов, особняки и имения знати, интерьеры храмов. В это время начинается рост провинциальных городов, где не только подражают столичным образцам, но и создают свои художественные ценности (Фессалоника, Эфес, Коринф, Афины). Произведения византийского прикладного искусства высоко ценятся далеко за пределами империи.

Высочайшего уровня развития в эту эпоху достигла византийская торевтика — изготовление художественных изделий из золота, серебра, бронзы и других металлов. Предметы культа — реликварии, лампы, паникадила, кованые с рельефами врата храмов, складни с образами святых, оклады икон и книг и множество видов церковной утвари были истинными произведениями искусства.

Огромное распространение изделия из металлов имели в быту императоров и высшей византийской аристократии. Музыкальные инструменты, ларцы, разнообразная посуда, блюда, чаши, кубки из золота и серебра составляли

необходимую часть придворной жизни империи и императорского двора.

Расцвет прикладного искусства в X—XII вв. был связан с торжеством эстетики церемониала, парадности, культа императора. Пышность церемоний, утонченный придворный этикет, праздничное величие, блеск и элегантность придворной жизни, ритуал процессий, торжественная культовая обрядность — все это рождало эстетику света, блеска, красоты. Отсюда особая любовь византийской аристократии к изделиям из драгоценных металлов, торевтике, камням, блестящей утвари, золотканым одеждам и роскошному убранству дворцов и храмов.

Чудесные произведения прикладного искусства были в то же время орудием политики и дипломатии — раздача наград, дары храмам и монастырям, подкуп правителей иностранных государств и их послов, снабжение культовой утварью христианских церквей в различных странах увеличивали престиж Византийского государства и содействовали распространению драгоценных произведений искусства византийских мастеров далеко за границами империи. Импорт византийских изделий шел не только в страны Юго-Восточной и Восточной Европы. В эпоху Каролингов и Оттонов импорт произведений византийских мастеров — прежде всего ювелирных изделий из золота и серебра, камней и т. п. — оказывал постоянное воздействие на искусство Западной Европы. Превосходным образцом византийской торевтики является реликварий «Явление Ангела женам-мироносицам» (XI—XII вв.) (Париж, Сен-Шапель). В плоских фигурах, обрисованных плавными линиями, с удлинненными пропорциями, выражена глубокая одухотворенность, легкость и воздушность, задумчивая грация образов сочетается с тонкой проникновенностью и возвышенной сосредоточенностью. Сложные орнаментальные мотивы в соединении с христианскими сюжетами проникают в украшение окладов икон и богослужебных книг. Ковровые узоры листового орнамента, пальметты, виноградные лозы часто сходны с узором заставок иллюминированных рукописей. На светских предметах — чашах, блюдах, кубках — соседствуют библейские и античные мотивы, сцены мифов и охоты, богатый орнамент — иногда ориентально-го характера. Разумеется, была распространена и массовая продукция из металла для широких слоев населения Византийского государства²⁰,

Наряду с мозаиками, торевтикой и ювелирными изделиями наиболее ярким проявлением византийского художественного гения были перегородчатые эмали на золоте. Утонченная линейная стилизация, полихромия, блестящий золотой фон, чистота и яркость локальных цветов, благородство колористических сочетаний, одухотворенность образов — вот характерные черты византийских эмалей, роднящие их с лучшими произведениями монументальной живописи и книжной миниатюры. Сохранилось немало шедевров высокого искусства византийских эмальеров. Одно из первых мест среди них принадлежит знаменитой Пала д'Оро в ризнице собора св. Марка в Венеции. Пала д'Оро представляет собой запрестольный образ, состоящий из 83 эмалевых золотых пластин византийского происхождения. В центре находится изображение Христа, на других эмалях имеются воспроизведения библейских и светских сюжетов, в частности портрет василиссы Ирины, уже знакомой нам по мозаикам Софии Константинопольской. Создавалось это знаменитое произведение в разное время, но лучшие эмали относятся к XII в.

Не меньшей известностью пользуются две короны венгерских королей, подаренные им византийскими императорами. Первая из них — подарок императора Константина IX Мономаха венгерскому королю Андрею I (1047—1061). Корона состоит из семи золотых с перегородчатой эмалью створок, на них изображен Константин IX Момах, стоящий между своей супругой Зоей и ее сестрой Феодорой. Форма короны совпадает с изображением корон на головах императриц Зои и Ирины на мозаиках в Константинопольской Софии. Фигуры танцовщиц и орнамент из стилизованных птиц и растений, расположенные по сторонам византийских правителей, свидетельствуют об устойчивом влиянии арабского искусства на византийское художественное творчество XI—XII вв. Другая корона создавалась в несколько приемов. Первоначально это была диадема с изображением императора Михаила II Дуки (1071—1078) — дар жене венгерского короля Гейзы — византийской принцессе Синадене. Во второй половине XII в. при венгерском короле Беле III диадема была переделана в корону со сферическим верхом. На византийских золотых эмалевых пластинах запечатлены Христос Пантократор, император Михаил II Дука, его сын Константин и венгерский король Гейза I (1074—1077). Обе короны символизируют важную политическую док-

трипу — византийский император предстает здесь как сюзерен венгерских королей. Выдающимся произведением ювелирного и эмальерного искусства является оклад иконы Хухульской Богоматери, хранящийся в музее грузинского искусства в Тбилиси. На этом триптихе, украшенном византийскими эмалями, особое место занимают портреты императора Михаила II Дуки и его жены Марии Аланской — грузинской царицы. Византийские эмали получили распространение в Южной Италии, Франции, в Киевской Руси и других странах средневекового мира.

Видное место в прикладном искусстве Византии занимали изделия из резной кости, дерева и камня. В этих произведениях долгое время сохранялись позднеантичные традиции, мифологические сюжеты соседствовали с библейскими. Диптихи и ларцы из слоновой кости, украшения из резного рога были очень популярны в Византии. С XII в. в их стилистике наблюдаются восточные влияния, в светских произведениях византийских мастеров появляются образы фантастических животных, сцены звериного гона, геральдические звери. В это время ощущается синтез позднеантичного, христианского и мусульманского искусства. В светском придворном прикладном искусстве XI—XII вв. преобладают триумфальные сюжеты императорского цикла: военные победы василевсов, их охоты и рыцарские развлечения, подвиги и приключения героев эпоса, в частности Дигениса Акрита, состязания на ипподроме. Многие из них, по-видимому, воспроизводят ныне утраченные стенные росписи императорских дворцов.

В византийском обществе имели большое распространение предметы глиптики — резьбы по твердым драгоценным и полудрагоценным камням. Геммы и камеи, ожерелья из них, драгоценные панагии и церковная утварь со вставленными великолепными геммами составляли гордость византийских мастеров. Они отличались искусной отделкой, тщательной полировкой, редкостными сочетаниями самоцветов, игрой света; высокий округлый рельеф сочетался с графической прорисовкой лиц и одежд. Византийская глиптика очень высоко ценилась во всех странах, ее изделия развозились по всему миру. Сейчас они хранятся во многих музеях Европы и Америки. И в косторезном, и камнерезном деле, разумеется, создавались поделки для широких народных масс; стеатитовые иконки, амулеты, броши, которым иногда приписывали магическое значение.

Народные течения в прикладном искусстве Византии в наибольшей степени проявлялись в керамическом художественном ремесле, в красочной глазурованной и поливной керамике Константинополя, Афин, Коринфа, Херсонеса. Керамика во многом отражала вкусы средних слоев населения Византии — горожан, провинциальных землевладельцев, воинов-стратиотов. Очень популярны были сюжеты греческого эпоса, воинских и любовных песен, сказочные образы зверей и птиц. На поливных блюдах встречались сцены единоборства Дигениса Акрита со львом, драконом, его любовных похаждений. Керамические сосуды и блюда украшались геральдическими животными по сторонам древа жизни, грифонами, сиренами и кентаврами, стилизованными растениями, что опять-таки указывает на стилистические и сюжетные связи с искусством Востока. Изображения сильных и свирепых хищников в аристократическом искусстве эпохи Комнинов и Ангелов все больше становились геральдическими эмблемами власти, знаками сословного отличия знати, особенно провинциальной. В массовой керамике, чрезвычайно распространенной в Византии, отражались народные вкусы, преобладали орнаментальные узоры и «звериные» мотивы.

Византия прочно сохраняла традиции производства стекла, унаследованные от позднеантичной эпохи²¹. Из стекла изготовляли лампы, лампады, чаши, рюмки, кувшины, ритоны, потиры. В изобилии производились стеклянные украшения, бусы и браслеты разных цветов и форм, перстни и подвески. Преобладала эстетика чистых форм с применением красочной цветовой гаммы. Лишь роскошная посуда аристократии украшалась сложным декором в технике глубокой резьбы. Любимыми цветами для этой посуды был насыщенный синий в сочетании с золотом, фиолетовый и светло-пурпурный, украшенный тонким узором, яркий изумрудный в сочетании с серебром. Византийское стекло распространялось по всей Европе. Изделия византийских стеклоделов встречались на Руси, в Болгарии, Польше, Прибалтике, Венгрии, в Крыму, на Кавказе и в других странах и регионах средневекового мира.

В Византийской империи традиционным было изготовление дорогих — златотканых с узорами, парчевых, шелковых и шерстяных — тканей. Константинополь по-прежнему славился производством драгоценных тканей для одежд императора и придворных, облачений высше-

го духовенства, для декоративного убранства дворцов и храмов. Красочными тканями украшали главные улицы столицы во время праздничных процессий. Многоцветные ткани отличались гармоничным подбором цветов — на темно-зеленом фоне вышивался или ткался желтый орнамент, на пурпурном поле применялся рисунок желто-белого или сине-черного тонов. Огромной известностью пользовались тяжелые шелка, затканые изображениями геральдических зверей и птиц, изображениями святых в овальных клеймах, орнаментальными узорами, символом креста. Орнаментальное искусство Востока (Ирана, Индии, Китая) оказало на художественное оформление тканей большое влияние. Вместе с тем восточные мотивы обязательно соединялись с христианскими символами. Шелк, окрашенный в пурпур, как известно, был привилегией императора и высших чинов знати. Шедевры византийского златотканого искусства были лучшими дарами иноземным правителям, вывозились во многие страны. Существовала государственная монополия на производство драгоценных тканей, их изготовлением занимались также привилегированные цехи. В XI—XII вв., кроме Константинополя, крупными центрами шелкоткачества становятся Коринф, Спарта, Фессалоника.

Прикладное искусство Византии, подарившее миру столько прекрасных шедевров, отражало вкусы, эстетические представления и интересы различных социальных слоев византийского общества. В своей основе оно было тесно связано с народной культурой, зачастую питалось образами и представлениями, порожденными социальной психологией широких кругов населения империи. Вместе с тем оно одновременно подчинялось общим мировоззренческим установкам и художественным канонам, господствующим в византийском обществе. Ремесленники, естественно, должны были считаться со вкусами знатных заказчиков, императорского дворца, церкви. И все же прикладное искусство смелее отходило от тематических и стилистических штампов, черпая новые импульсы из народного общественного сознания, из творчества народных масс.

Итак, в X—XII вв. в искусстве Византии сложилась классически стройная художественная система, устойчивый иконографический канон спиритуалистических образов, стабильная иерархия основных духовных ценностей. Благодаря своей универсальности византийское искусство

приобрело некий надэтнический характер, впитав культуру многих народов. Это послужило основой его широкой экспансии в различные страны. Византийское искусство стало непререкаемым эталоном для искусства православного мира — грузинского, сербского, болгарского, русского. К нему обращались художники латинского Запада и мусульманского Востока.

XI—XII века — период особенно интенсивного воздействия византийского искусства на художественное творчество других стран и народов. Влияние византийского искусства прослеживается в Италии и на о-ве Сицилия, в Болгарии, Сербии, на Руси, на Кавказе и ряде других областей. Разумеется, византийское искусство в этих регионах само испытывает воздействие местных художественных школ. Подробное рассмотрение этих связей, разумеется, дело специалистов, здесь мы упомянем лишь некоторые, наиболее выдающиеся памятники, где с особой силой проявляется воздействие высокого искусства Константинополя, Фессалоники или Афона.

В XI—XII вв. византийское искусство широко проникает в Италию²². Интенсивные экономические, политические и культурные связи Византии и Италии открывают дорогу этим контактам в сфере художественного творчества. Но необходимо отметить, что именно в Италии влияние на византийских мастеров местного итальянского искусства, локальных традиций оказалось особенно заметным. Оно способствовало росту реалистических тенденций, постепенному смягчению абстрактных византийских образов. В XI—XII вв. о-в Сицилия был одним из главных форпостов распространения культурного влияния Византии на Запад и Запада на Византию. Этот цветущий остров — поистине чудесный музей памятников не только античного, но и византийского искусства, которое здесь причудливо сочеталось с искусством арабов и норманнов.

Самым выдающимся памятником византийской архитектуры и живописи на Сицилии является собор в Чефалу (XII в.). Он находится в небольшом древнем городке, расположенном в необыкновенно живописной местности — на берегу моря, у подножия гигантской скалистой горы, имеющей форму головы*. В городе сохранились памятники античного и средневекового времени. Среди

* От греческого слова κεφαλή (голова) и возникло в итальянизированной транскрипции название города Чефалу.

средневековых построек выделяются кафедральный собор в норманнском стиле и квадратной формы монастырь, напоминающий крепость. Большую известность собору в Чефалу принесли мозаики интерьера — произведение поистине высокого искусства, имеющего мало равных в средневековом мире. Это прежде всего мозаики апсиды — творение греческих мастеров в классическом византийском стиле эпохи расцвета. Над мозаичным ансамблем господствует огромная фигура Пантократора, расположенная не в куполе, а в конхе апсиды. Пантократор предстает могучим, всевидящим и мудрым властелином мира. Его лицо необычайной красоты задумчиво, немного печально, он познал всю глубину страданий людей и широким жестом рук благословляет и как бы обнимает все человечество. Ниже мощной фигуры Пантократора в апсиде расположена Богоматерь в позе Оранты (Молящейся) со сферой в руках, в окружении четырех ангелов, а еще ниже — два ряда мозаик с изображениями апостолов. Мозаики собора в Чефалу — великолепный образец благородной красоты и кристальной ясности неоклассического искусства Византии в эпоху его подъема. Восходящая к эллинистическим традициям правильность пропорций и точность рисунка, свободные движения фигур, изящные драпировки одежд, тончайшая прорисовка одухотворенных лиц, теплая колористическая гамма с преобладанием светло-коричневых, желтых, оливковых и синих тонов в сочетании с золотым фоном — все вместе создает чарующее впечатление и ставит этот грандиозный мозаический ансамбль в один ряд с лучшими творениями византийских мастеров столичной школы.

Большой известностью пользуются прекрасные памятники XI—XII вв. Палермо и Монреале, которые носят черты художественного синтеза трех культур — византийской, романской и арабской. Особенно наглядно соединение этих трех художественных стилей просматривается в церкви св. Иоанна в Палермо (около 1132 г.). Внешний вид церкви представляет поразительное соединение норманнского стиля с мусульманским: церковь романской архитектуры увенчивают пять небольших куполов розового цвета, характерных для арабских мечетей. Позади церкви находится небольшой монастырь с внутренним двориком, украшенным роскошной растительностью. В церкви сохранились остатки мозаик византийского происхождения. Другой памятник XII в. в Палермо — это церковь Санта Мария дель Аммиральо, известная ныне

под названием Марторана. Церковь построена между 1143—1151 гг. по инициативе норманнского короля Рожера II в честь побед адмирала Георгия Антиохийца над арабами. Небольшой купольный храм украшен мозаиками, созданными совместно византийскими и местными мастерами. В нарфике находятся две исторически важные ктиторские композиции — на одной из них изображен адмирал Георгий Антиохиец перед Богоматерью, на другой — Рожер II, коронуемый Христом. Мозаики носят декоративный характер, вся церковь выглядит очень нарядно, красивый теплый колорит мозаик, яркие цвета, обилие золота создают впечатление пышности. В изображениях доминирует, однако, сухая, абстрактная линия, основной элемент византийского стиля XII в.

Многогранный и плодотворный синтез трех культур с особой силой проявляется во дворце норманнских королей. Это монументальное здание, неоднократно перестраивавшееся, включает такие прекрасные по внутреннему декору памятники, как зал Рожера II и жемчужина дворца — Палатинская капелла. Среди многих роскошных палат дворца зал Рожера II поражает своей элегантностью и гармоничной красотой. Все его стены украшены византийскими мозаиками, подлинными шедеврами светского искусства Византии. Если вспомнить, что памятников светской живописи Византии сохранилось очень мало, то мозаики зала Рожера II приобретают особую ценность. Мозаики, законченные около 1170 г., украшали верхнюю часть стен и потолок зала, низ стен декорирован великолепным светлым мрамором, отделан тонкими, изящными колоннами византийского стиля. Зал предназначался для интимных придворных приемов короля, и мозаики должны были воспроизводить сцены охоты и отдыха в некоем воображаемом парке наподобие парка. Эти мозаики показывают тесные связи византийского светского искусства Сицилии с культурой исламского Востока. В фантастическом парке-парадизе изображены стилизованные деревья, возле которых в строго геральдических позах стоят львы, кентавры, гепарды, павлины. Все они символизируют определенные достоинства и добродетели — мужество, храбрость, верность и другие рыцарственные качества, особенно ценившиеся в среде аристократии XII в. Мирные олени и лани соседствуют с красивыми белыми птицами — лебедями, цаплями, гусями.

Потолок и стены, как ковром, покрыты причудли-

выми переплетениями богатого орнамента. Геральдический характер композиций и обилие орнаментальных узоров явно заимствованы из арабского искусства. Яркие, сочные тона, изысканные сочетания зеленого, белого и светло-коричневого, обилие золота придают залу Рожера II красочную парадность, рождают светлое, радостное мироощущение. С мозаиками зала Рожера II перекликается декор дворца Зиса, построенного в Палермо норманнским королем Вильгельмом II между 1154 и 1166 гг. Здесь также присутствуют геральдические изображения стилизованных деревьев, по сторонам которых стоят лучники, павлины. Мозаики помещены в медальонах, украшенных богатым орнаментом.

Палатинская капелла, одна из достопримечательностей королевского дворца в Палермо, являет поразительное смешение норманнских, арабских и византийских художественных приемов. Сравнительно небольшая капелла, созданная по замыслу Рожера II, представляет собой базилику без купола, с плоским потолком, тремя нефами и рядами колонн. Строилась она как придворная капелла норманнских королей и высшей знати. Весь храм роскошно декорирован. Плоский, резной, деревянный потолок с нависающими сталактитами украшен темперными росписями арабского стиля. В верхней части апсиды помещено изображение Пантократора в медальоне с греческими надписями в окружении ангелов. В апсиде и центральном нефу разворачиваются библейские и евангельские сцены. Эта часть мозаик выполнена греческими художниками, мозаики боковых нефов созданы местными мастерами и имеют латинские надписи. В византийских мозаиках, составляющих единый ансамбль, господствует сухая, абстрактная линия, складки одеяний, скрывая тело, образуют почти орнаментальные узоры. Иными предстают мозаики боковых нефов: фигуры здесь становятся более подвижными, появляется экспрессия, выражение сильных душевных чувств, любезных культуре латинского Запада. Вместе с тем стилизованный пейзаж с изображением деревьев в геральдическом духе заимствован из художественного творчества ислама. В целом богатый декор Палатинской капеллы, рассчитанный на придворные вкусы той эпохи, несколько эклектичен, перегружен деталями, причудливой орнаментикой, обилием золота. В сокровищнице капеллы находится уникальный архив драгоценных греческих, латинских и арабских манускриптов. Пурпурный пергаменный кодекс с золотыми буква-

ми, датированный 1140 г., содержит акт об основании Палатинской капеллы.

Недалеко от Палермо, в небольшом городке, на высокой горе расположен грандиозный комплекс культовых зданий, называемый Монреале. В центре возвышается кафедральный собор Успения Богородицы, построенный при норманнском короле Вильгельме II (1174—1189) и прекрасно сохранившийся до наших дней. Фасад представляет собой огромный портик с тремя арками, широкой балюстрадой и двумя квадратными башнями; бронзовые двери с рельефными изображениями библейских сцен выполнены художником Бонанно Пизано в 1186 г. Интерьер собора представляет величественное зрелище. Все огромное пространство собора украшено живописью, мозаики и фрески покрывают стены.

Среди многочисленных, несколько эклектичных мозаик Монреале привлекают внимание ктиторские изображения: с правой стороны король Вильгельм II подносит Богородице модель собора, с левой — его коронует Христос; а также библейские сцены — сотворение мира, создание Адама и Евы, их грехопадение и изгнание из рая, построение Вавилонской башни, всемирный потоп, убийство Каином Авеля. Эти мозаики несут черты примитивизма, они порою наивны, но вместе с тем похожи на жанровые сценки, пейзаж становится более реальным, появляются элементы перспективы. Меняется обычная иконография — место бога Саваофа занимает Христос. В евангельском цикле, включающем сцены из жизни Христа и Марии, покровительницы собора, пробиваются некоторые реалистические черты, движения персонажей приобретают естественность и порывистость, отражают сильные эмоции, страстную борьбу. Созданные совместными усилиями византийских и сицилийских мастеров, они — плод синтеза культур Византии и Запада. Абстрактные византийские художественные формы постепенно начинают растворяться в западной, латинской, более реалистической культуре.

Рядом с кафедральным собором Монреале расположен небольшой монастырь XII в. Жемчужиной монастырского ансамбля является квадратный внутренний дворик, окруженный редкой красоты аркадами и множеством колонн. Колонны с изящными резными капителями отделаны мозаиками и скульптурами, в чем сказывается явное влияние романского стиля. В углу дворика находится чудесный небольшой фонтан в арабском стиле — точная

копия фонтана в Альгамбре. В центре фонтана стоит колонна с причудливыми орнаментальными переплетениями, увенчанная резным полукруглым навершием с изображениями фантастических зверей и чудовищ и украшенным узором из листьев аканфа. Аркада, окружающая со всех сторон фонтан, образует над ним как бы павильон, все колонны которого декорированы арабским орнаментом. Поэтичный и вместе с тем нарядно-узорчатый ансамбль внутреннего двора монастыря Монреале, сохраняя романскую основу, стилистически очень близок к искусству испанских арабов и показывает интенсивное развитие художественных связей Сицилии (впрочем, как и Византии) с культурой Кордовского халифата.

Другим форпостом распространения византийской культуры на Западе были Венеция и окружающие ее города. По мере роста богатства и политического влияния Венеции укреплялись ее связи с Восточным Средиземноморьем, происходило более тесное сближение царицы Адриатики с Константинополем. Именно к столичным византийским образцам обратились венецианские дожи, приступив к постройке кафедрального собора св. Марка в Венеции. Собор был построен византийскими мастерами по образцу Константинопольского храма 12 Апостолов. Первоначально это был крестово-купольный храм с удлиненным крестом, перекрытый пятью большими куполами. Он неоднократно перестраивался, в XIII в. к нему был пристроен готический фасад, на верхней террасе которого были установлены знаменитые кони Лисиппа, вывезенные венецианцами из Константинополя после разгрома города крестоносцами в 1204 г. Этот фасад сильно изменил внешний вид собора, заменив его первоначальные византийские архитектурные формы. Как внешний облик собора, так и его внутреннее убранство чрезвычайно эклектичны, носят на себе печать эпигонства и смешения стилей. Роскошный декор, пышность и торжественность интерьера все же лишены единства замысла и величавой простоты поистине высокого искусства. Собор Сан-Марко не идет ни в какое сравнение с высочайшим благородством Софии Константинопольской или других прославленных византийских храмов.

Внутреннее убранство собора создавалось в течение столетий и насчитывает несколько слоев декора. Особенно интенсивное украшение собора происходило в последней четверти XII — начале XIII в. Многочисленные мозаики создавались как византийцами, так и латинскими масте-

рами адриатической школы. В результате получился причудливый синтез византийских и романских элементов, причем латинское влияние порою преобладает. Иконография собора чрезвычайно запутана, в огромном числе мозаик и фресок, часто подновленных, трудно проследить единую композицию. Среди массы росписей как в главном нефе, так и в боковых приделах и особенно на хорах утеряна путеводная нить строгого композиционного построения. Декор пяти огромных куполов включает, помимо обычных в византийской иконографии сюжетов: Пантократора, вознесения Христа, сошествия Св. Духа на апостолов, еще и два дополнительных сюжета — сотворение мира и историю св. Марка. Оба они были навеяны интересами и вкусами Запада. С сюжетом сотворения мира мы уже встречались в соборе Монреале. Особое же внимание венецианцев к патрону собора и самой Адриатической республики к апостолу Марку вполне естественно.

Среди множества мозаик и фресок разного времени в соборе Сан-Марко, разумеется, встречаются произведения высокой художественной ценности, но нередки и весьма посредственные, эпигонские, написанные малоодаренными мастерами. С точки зрения византийского искусства самые лучшие мозаики расположены в центральной апсиде. Их выполняли, видимо, коллеги греческих мастеров, жившие в Венеции. В целом живописный декор Сан-Марко представляет собой романский вариант византийского искусства, однако не высшего класса. Адриатическая школа живописи была гораздо более романизирована, чем современная ей школа латинского искусства в Сицилии, где больше ощущается воздействие художественных представлений Византии и ислама.

Из других памятников византийского круга в Италии следует упомянуть мозаики апсиды собора в Триесте (XI—XII вв.) с латинскими надписями и особенно собор в Торчелло (XII в.). Построенный западными мастерами, он был украшен мозаиками, созданными византийскими художниками. Здесь мы встречаем произведения высокого качества, отразившие лучшие черты византийского классического стиля. Это прежде всего мозаики главной апсиды собора. В ее конхе на золотом сияющем фоне стоит одинокая фигура Богоматери с младенцем на руках в позе Одигитрии (Путеводительницы). Удлиненные пропорции ее стройной, устремленной ввысь фигуры, окутанной синим плащом, создают впечатление бестелесности и

воздушности. Она как бы парит над всем пространством храма. В нижней части апсиды ряды апостолов и святых в белых одеждах прекрасно гармонируют с главной фигурой Богоматери, составляя ее свиту. Рядом с главной апсидой на арках храма находится композиция Благовещения, также связанная с прославлением Марии. Латинские надписи показывают вкусы создателей храма и воздействие западной культуры. С византийскими мозаиками центральной апсиды полностью контрастирует грандиозная многофигурная сцена Страшного суда на западной стене собора, по-видимому выполненная западными мастерами. Огромное панно во всю стену перегружено мелкими фигурами, большей частью в смятенных позах, изображающих ужас грешников перед адскими муками или смирение праведников; смакование адских мучений, обилие символов смерти, изображения сатанинских сил и чудовищ, пожирающих грешников,— все это характерно для западной иконографии Страшного суда. В целом мозаики Торчелло — еще один шаг к дальнейшей романизации византийских художественных форм в Италии.

Усиление культурных и политических контактов Византии с Западом в правление Комнинов привело к более широкому проникновению византийских влияний прежде всего в Италию. Именно со второй половины XII в. западные мастера обращаются к византийскому искусству как к образцовой системе правильных пропорций, к замене тяжеловесных форм более изящными и легкими, к высокой одухотворенности творений византийского художественного стиля. С этого времени византийское влияние проникает в витражи Франции, в английскую миниатюру и в монастыри Германии. Значение Византии как хранительницы великих традиций эллинистического искусства, которое противостояло безудержной фантастике романского художественного творчества, теперь было понято и отчасти принято Западом.

Подводя итоги развитию византийской культуры в XI—XII вв., мы можем отметить некоторые важные новые черты художественного творчества Византии той эпохи. Безусловно, культура Византийской империи в это время еще оставалась средневековой, традиционной, во многом каноничной. Но в художественной жизни общества, несмотря на силу традиции, начинают пробивать себе дорогу некоторые, пусть еще слабые, предренессансные явления. Они сказываются не только и не столько в возрождении интереса к античности, который в Византии ни-

когда не умирал, но в появлении ростков свободомыслия и рационализма, в усилении борьбы различных общественных группировок в сфере культуры, в росте социального недовольства, политического протеста. В литературе обнаруживаются тенденции к демократизации языка и сюжета, к индивидуализации авторского лица, к проявлению авторской позиции, в ней зарождается критическое отношение к аскетическому монашескому идеалу и прощаются более интенсивной, возникают литературные кружки. Значительного расцвета достигает в этот период и византийское искусство. Несмотря на его каноничность и унификацию эстетических ценностей, и в нем пробиваются ростки новых предренессансных веяний, нашедших дальнейшее развитие в византийском искусстве эпохи Палеологов.

Для оценки культурного развития Византии в эту эпоху необходимо уточнить содержание терминов *Ренессанс* и *гуманизм*. Трудно согласиться с некоторыми византинистами Запада, которые обозначают понятием *Ренессанс* возрождение в Византии в тот или иной период особого интереса к античному наследию в связи с подъемом культуры. Таким образом рождались термины «Македонский», «Комниновский» и, наконец, «Палеологовский» Ренессанс, и в Византии находили минимум три «Ренессанса», а то и больше. В последнее время начало византийского «Ренессанса» относят даже к IX—X вв. Вряд ли можно принять и определение гуманизма в Византии как «христианского», как делает это Герберт Хунгер. Думается, что периоды подъема византийской культуры, связанные с возрождением в византийском обществе античных традиций, являются закономерными этапами общего поступательного развития византийской цивилизации. Их отнюдь нельзя трактовать как особые «Ренессансы» античной культуры, которая, как известно, в Византии никогда не предавалась забвению. Нельзя также отрывать, даже в малой степени, Ренессанс от гуманизма, ибо эти явления тесно связаны друг с другом и одно сопутствует другому. Мы понимаем Ренессанс и гуманизм как формы проявления одного и того же *особого* социального и культурного движения, связанного с упадком средневековой культуры и рождением нового, буржуазного общества. Наиболее яркое воплощение оно нашло, как известно, в итальянском Ренессансе, но в известной мере проявилось и в византийском гуманизме XIII—XV вв.

Глава 6. Латинское завоевание. Государства на территории империи и их культура

Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. привел к распаду Византийской империи. По словам писателя XIV в. Никифора Григоры, держава ромеев, подобно судну, подхваченному злыми ветрами и волнами, раскололась на множество мелких частей. Но постепенно в этом хаосе феодальных княжеств выделились три центра греческой государственности: Никейская империя в северо-западном углу Малой Азии, Эпирское царство на Балканах и Трапезундская империя на земле древнего Понта, на южном берегу Черного моря. Латинянам так и не удалось завоевать всю территорию Византийского государства, и в течение кратковременного существования Латинской империи (1204—1261) они вели постоянную борьбу с греками и болгарами.

Латинская империя (Романия) оказалась непрочным политическим образованием, раздираемым внутренними смутами и борьбой за престол. Первым латинским императором был провозглашен Балдуин Фландрский (1204—1205) — ставленник французских баронов, всячески третиовавший греков. Патриарший престол был передан католическому прелату — венецианцу Томмазо Морозини. Православная церковь подвергалась гонениям и должна была признать супрематия римского папы. На константинопольский престол, однако, претендовал еще и самый влиятельный вождь IV Крестового похода Бонифаций Манферратский, который начал открытую борьбу против Балдуина Фландрского. Пользуясь этими усобицами в Латинской империи, особенно усилилась Венеция. Латинская империя превратилась в конгломерат феодальных владений западных баронов и торговых факторий венецианцев. На территории империи возникли: Фессалоникское королевство в Македонии, Ахейское (Морейское) княжество на Пелопоннесе, Афино-Фиванское герцогство в

Средней Греции. В руки венецианцев попали важные порты на побережье Мраморного и Эгейского морей, некоторые острова и опорные пункты на Пелопоннесе (Корон и Модон). Местное греческое и болгарское население оказывало завоевателям упорное сопротивление. Оба претендента на престол вскоре погибли в борьбе друг с другом. Престол занял Генрих Геннегауский (1206—1216), но феодальные усобицы не прекращались.

В Латинской империи большим влиянием стало пользоваться католическое духовенство. Архиепископы и епископы превратились в крупных феодальных владельцев, получали лены, участвовали в управлении. В Море появились католическое монашество и духовно-рыцарские ордена. Между французским и венецианским католическим духовенством не прекращались распри, иногда дело доходило до вмешательства римского престола. Греческое население отвергло католичество, отказалось платить десятину католическим прелатам, сохраняло свою веру, обычаи и обряды. Греческие священники отказались от целибата и вели постоянную борьбу против латинян. Латинское завоевание затормозило рост греческих городов — как в торговле, так и в ремесле преобладали италийцы. Соперничество греческих и италийских предпринимателей проходит красной нитью через всю общественную жизнь Латинской империи. Установление феодальной системы по западному образцу приводило нередко к двойному гнету — греческих и франкских феодалов, что вело к активному сопротивлению народных масс. Недовольство городского населения вызывала своекорыстная политика венецианцев, беспощадно подрывавших греческую торговлю и ремесло. Подлинному сближению франкских и местных феодалов препятствовала религиозная рознь. Все это объясняет, почему Латинская империя оказалась столь недолговечной¹.

Самой влиятельной и экономически устойчивой среди самостоятельных греческих государств, образовавшихся после захвата Константинополя крестоносцами, оказалась Никейская империя, в состав которой входили плодородные сельские местности и богатые города северо-западного региона Малой Азии: Никея, Нимфей, Смирна, Филадельфия. Основателем ее был первый никейский император, энергичный и умный правитель Феодор I Ласкарис (1206—1222), сумевший объединить под своей властью разрозненные силы местных феодалов. Правителю новой империи удалось в короткий срок собрать в казну значи-

тельный фонд земель, что составило основу его могущества. Феодор I Ласкарис стал широко раздавать своим сторонникам эти земли в пронию с условием несения военной службы в пользу императора. Над прониями он сохранял верховное право собственности. Земельные пожалования высшим чиновникам также оставались под контролем государства. Это способствовало консолидации феодалов вокруг престола и укреплению военных сил империи. Интенсивно росло крупное феодальное землевладение и феодальная зависимость крестьян (парикия). Города Никейской империи вступили в полосу временного процветания. Никея, Филадельфия, Смирна сохраняли значение торгово-ремесленных центров. Однако и здесь ощущалась конкуренция итальянских купцов.

Преемником первого никейского императора стал его зять Иоанн III Дука Ватац (1222—1254). Он был самой выдающейся личностью на никейском престоле. Удачливый полководец, значительно расширивший территорию Никейского государства², рачительный хозяин, поднявший его экономику, Иоанн III Дука Ватац вместе с тем был щедрым покровителем наук и искусств, стремился к возрождению эллинской культуры предков. Стремясь укрепить центральную власть, он не только смело боролся с заговорами знати, но и занялся повышением доходов казны. Ключ к этому он видел в организации домениального хозяйства на землях императора. В короткий срок Иоанн III добился процветания этих имений и, по словам современников, достиг изобилия: амбары ломились от зерна, загоны были полны скота, в имениях появились табуны коней и стада домашней птицы. На доходы от имений император купил жене золотой венец, усыпанный драгоценными камнями, который в назидание своим подданным и в шутку называл «яичной короной». Пример хозяйственных успехов императора нашел широкое применение в поместьях феодалов. В отношении городов Иоанн III Дука Ватац вел протекционистскую политику, установил торговые пошлины на иностранные товары, в первую очередь итальянские. Это стимулировало дальнейший подъем малоазийских городов. Никейский император щедро осыпал дарами церковь, но взамен требовал полной покорности духовенства. Возросшие доходы помогли Ватацу вести успешную борьбу на международной арене с латинянами и соперником Никеи — Эпирским королевством. При Ватаце в Никее развернулось активное строительство. Интенсивно застраивались и укреплялись

Никея, Нимфей, Сарды, Прусса, Магнесия и другие города. В этот период вновь окрепло и свободное крестьянство.

Преемником Ватаца стал его сын Феодор II Ласкарис (1254—1258). Новый император был человеком одаренным, но не во всем. Философ и писатель, постигший высоты эллинской мудрости, Феодор II не был способен управлять государством. Болезненный и подозрительный, он не доверял ни чиновникам, ни знати и проводил политику репрессий. Продолжая политический курс отца, он, однако, не смог добиться успехов на политической арене. Его заслуги, думается, целиком относятся к сфере культуры, где он сделал действительно много для превращения Никеи в один из главных центров возрождения эллинской цивилизации³.

Серьезным соперником Никейской империи в борьбе за главенство среди греческих государств и за овладение Константинополем долгое время было Эпирское царство, занимавшее территорию от Коринфского залива до Диррахия. Арена бесконечных войн и внутренних столкновений, это королевство — то единое, то с двумя центрами: в Арте и Фессалонике — было одновременно местом встречи общественных отношений и культурных традиций греков, латинян и местного балканского населения, в том числе и славян. Нескончаемые усобицы и отсутствие единства предопределили поражение Эпирского королевства в борьбе с Никеей⁴.

Третье греческое государство, возникшее на территории Византии после латинского завоевания, — Трапезундская империя (1204—1461) с самого начала обособилась как самостоятельная держава, ведущая независимую политику. Во главе этой империи встали внуки последнего византийского императора из дома Комнинов Андроника I Алексей и Давид, принявшие титул Великих Комнинов. Создание Трапезундского государства произошло при помощи Грузии, переживавшей в правление царицы Тамар (1184—1213) значительный расцвет. Изолированная и удаленная от главных центров на Средиземном и Эгейском морях, Трапезундская империя не смогла принять активное участие в борьбе за главенство с Никеей и Эпиром и в отвоевании Константинополя у латинян. Расцвет империи Великих Комнинов относится к концу XIII — середине XV в.⁵

Целью борьбы греческих государств против латинян было восстановление Византийской империи и изгнание

из Константинополя ненавистных пришельцев. Эта миссия выпала на долю выдающегося политического деятеля и смелого военачальника Михаила VIII Палеолога (1259—1282). Ставленник высшей феодальной знати Никеи, он путем интриг захватил никейский престол, отстранив от власти и позднее ослепив малолетнего сына Феодора II — Иоанна IV Ласкариса (1258—1261). В 1261 г. Михаил VIII в результате удачного похода на Константинополь захватил прежнюю столицу ромеев и восстановил Византийскую империю. Падение Латинской империи в 1261 г. было подготовлено длительной борьбой греческого народа за независимость. Михаилу VIII Палеологу удалось восстановить империю благодаря тому, что он сумел объединить всех противников латинян: византийскую знать, духовенство, купечество. Искусный дипломат и хитрый политик, Михаил VIII Палеолог использовал вражду венецианцев с генуэзцами и путем предоставления последним торговых привилегий приобрел поддержку генуэзского флота. Михаил Палеолог стал основателем новой династии византийских императоров — династии Палеологов, которая с некоторыми перерывами царствовала до конца существования Византии.

Латинское завоевание Византии имело значительные последствия в сфере не только экономики или политики, но и культуры. С одной стороны, религиозная и этническая рознь, постоянное соперничество греков и латинян привели к обособлению греческой и латинской культур и усилению интереса византийцев к исконно греческим духовным ценностям. Но, с другой — волей-неволей, зачастую даже помимо желания обеих сторон, греки усваивали латинскую культуру, а латиняне, хотя и враждебно относившиеся к схизматикам-грекам, знакомились с достижениями византийской образованности. Этот сложный и длительный процесс протекал, разумеется, по-разному в государствах, возникших на территории Византийской империи.

В постоянных войнах с латинянами, в непрерывной борьбе за первенство среди других греческих государств росла и крепла Никейская империя, по словам К. Маркса, «сделавшаяся центром греческого патриотизма». В то страшное для греков лихолетье Никея стала центром как византийской государственности, так и греческой культуры. Многие видные писатели, ученые, художники, церковные деятели бежали из Константинополя в Никею, где продолжали свою деятельность. Возрождение греческой

культуры началось еще при императоре Феодоре I Ласкарисе — собирателе земель и энергичном правителе. Но расцвета византийская культура на никейской почве достигла при Иоанне III Духе Ватаце, который много сделал для подъема науки и искусства. В Никее происходит невиданный дотоле взлет эллинского самосознания, возрождение эллинской культуры и науки, собирание рукописей античных авторов; патриотические идеи проникают во все сферы жизни общества. Никее ныне сравнивается учеными и писателями с древними Афинами, а Никейская империя — с Элладой. По всему государству строятся библиотеки, скриптории, школы. Видную роль здесь сыграли на первых порах беглецы из Константинополя, интеллектуалы, нашедшие убежище в Никее, в этой, по образному выражению современников, «империи в изгнании».

Самым выдающимся ученым-энциклопедистом и церковно-политическим деятелем первой половины XIII в. был прославленный философ, писатель и ритор Никифор Влеммид (1197 — около 1272) ⁶. Выходец из Константинополя, он всю жизнь прожил в Никее. Получив блестящее образование, он был приближен Иоанном III Ватацем ко двору. Этот император поручил Влеммиду разыскание греческих рукописей. В поисках древних манускриптов Влеммид совершает путешествие во Фракию, Македонию, Фессалию, посещает монастыри Афона. По возвращении в Никее он становится учителем и воспитателем способного, но нервного и большого сына Ватаца — будущего императора Феодора II Ласкариса. Ссора с императором заставляет Влеммида удалиться в Имафийский монастырь, где он занимается педагогической и научной деятельностью. Основанная им при этом монастыре школа заслужила большую известность у современников. Бурные политические события, связанные с приходом к власти Михаила VIII Палеолога, и восстановление в 1261 г. Византийской империи не заставили Влеммида оставить монастырь, где он доживал свои дни.

В богатом литературном наследии Влеммида выделяется трактат «Статуя царя» — своего рода политический манифест феодальной знати и духовенства, обращенный к Феодору II Ласкарису. Образ идеального государя, столь характерный для политической теории Византийской империи, наделен Влеммидом строго каноническими чертами. Идеальный правитель уподобляется прекрасной статуе Поликлета. Его духовный облик украшен многими

добродетелями, трактуемыми в христианском духе: целомудрием, смирением, кротостью, щедростью и правдивостью. Император обязан избегать гнева, гордости, корыстолюбия и других пороков. Ставя выше всего благо государства, василевс должен прислушиваться к советам мудрых людей, быть осторожным в выборе советников и друзей, назначать честных судей и чиновников, заботиться о содержании армии и флота. Пусть он прежде научится управлять собой, а затем уже подданными. Назидательные речи к государю не мешали, однако, Влеммиду проявлять известный сервизм в отношении к царствующей династии. Когда у Феодора II Ласкариса родился сын, он приветствовал появление наследника панегирическими стихами:

Тебе, младенец-государь, тебе, о цвет престола,
У бога просит всяких благ седой монах Никифор.
О чадо солнца светлого, луны прекрасной чадо,
Двойного света ты нам луч, двойного блеска отблеск,
Ведь ты имеешь от отца ума напечатленье,
А чистоты высокий дар — от матери родимой.

(Пер. С. С. Аверинцева)

Новые веяния в восприятии вселенной и человека намечаются в литературных сочинениях Влеммида, написанных в мемуарном жанре. Усиление интереса к внутреннему духовному миру человека проявляется в необычной для той эпохи сосредоточенности автора на собственной личности и психологическом анализе своих переживаний. Автобиографические записки монаха Никифора близки к исповеди; он с откровенностью признается, что в молодости им владели страсти. В старости, вспоминая прошлое, он осуждает свою любовь к одной девушке, перешедшую во взаимную страсть, длившуюся три года. С позиций монашеской морали он теперь большую меру вины возлагает на девушку. «У юноши, — пишет он, имея в виду себя, — любовь была мудрая, но совсем не так было у девушки, бесстыдной, дерзкой, несдержанной». В Никифоре, по собственному признанию, победила чистота и целомудрие, он полностью успокоил «бушевание всей пучины». Прославленный ученый, овладевший тайнами всех наук, в частности философии и теологии, Влеммид приобрел известность и как церковный деятель. Но душу его раздирали противоположные чувства: честолюбие влекло его к жизни деятельной, любовь к знаниям — к жизни созерцательной. Победило стремление к занятию науками и к тихой монашеской жизни. Избранный патриархом, он

отверг это почетное предложение. «И если бы мне даже грозили изгнание и голод,— писал он в воспоминаниях,— истязания, отсечение членов и насильственная смерть, я не приму патриаршества!» В монастырской тиши, которую не покинул до самой смерти, он написал основные труды по философии, богословию, естественным наукам.

Никифор Влеммид остался в памяти потомков как вдумчивый, широко эрудированный философ. Его философские взгляды, как, впрочем, и политическая теория, сочетали христианскую ортодоксальность с глубоким знанием античной философии. Создавая философские труды («Логика» и «Физика»), он не только воспринимал идеи античных авторов, прежде всего Аристотеля, но и серьезно и самостоятельно их переосмысливал. Философию он считал важнейшей из наук: «Философия делится на умозрительную и практическую. Умозрительная познает сущее, практическая улучшает нравы; цель умозрительной — правда, цель практической — благо...». Знание философии особенно полезно для правителя. Только император-философ на троне может мудро управлять подданными. Философские и научные труды Влеммида получили большую известность как в Византии, так и в Западной Европе.

Никифор Влеммид — не только философ и богослов, но и талантливый педагог, поэт, прозаик, государственный и церковный деятель. Многосторонняя одаренность, широкий научный кругозор, приверженность к античной культуре, энциклопедизм знаний — все это сближает Влеммида с лучшими представителями гуманистического движения в Византии XIV—XV вв. Страсть к путешествиям, стремление познакомиться с выдающимися памятниками культуры, побеседовать с учеными других областей бывшей Византийской империи, собрать и переписать рукописи сочинений древних авторов — все это тоже роднит его с гуманистами. Творчество Влеммида, его ученая и педагогическая деятельность, бесспорно, значительное явление в предренессансной культуре Византии.

В Никейской империи продолжала развиваться и историография. Среди историков того времени выделяется Георгий Акрополит (около 1217 — около 1282). Согласно традициям эпохи он соединял в своем лице ученого, историка, ритора, поэта. Не чуждался он политической и дипломатической деятельности, достигнув высших должностей. Став великим логофетом при Михаиле VIII Палеологе, Акрополит по поручению этого императора ездил

в 1274 г. в Лион на церковный собор, где подписал унию восточной и западной церквей. «Хроника» Георгия Акрополита также по традиции продолжает труд Никиты Хониата. Богатая историческими событиями, она далеко не столь же богата исторической истиной. Идеолог оппозиционной последнему Ласкарису феодальной знати и горячий приверженец первого Палеолога, он неоглядно хулит Феодора II и столь же восторженно восхваляет Михаила VIII. Тенденциозность, преувеличение пороков Феодора и утаивание злодеяний его преемника граничат с сервиллизмом и порою приводят к искажению хода событий. Но насыщенность историческим материалом, главным образом по внешнеполитической и дипломатической истории с 1203 по 1261 г., делает труд Акрополита заметной вехой в развитии исторической мысли в Византии. Нельзя не отметить разительный контраст между благонамеренными декларациями автора и его истинной политической позицией. Ведь он провозглашает основной задачей историка полное беспристрастие: «Писать историю должно не только без зависти, но и без всякого недружелюбия и пристрастия, единственно ради самой истории, дабы не были преданы бездне забвения... чьи бы то ни было дела, безразлично, добрые или худые».

Георгий Акрополит был плодовитым писателем, много писал речей, похвальных слов, писем, но, по мнению С. С. Аверинцева, только один раз поднялся до высот истинной поэзии в эпитафии на смерть жены Иоанна III Дуки Ватаца Ирины, где воспевается с глубоким и искренним чувством супружеская любовь:

Во цвете лет девических судьба дала
 Мне разделить и ложе, и владычество
 С таким супругом!..
 И с ним я сочеталась, с юным — юная,
 И по любви взаимной мы в одно слились.
 Связало нас законное супружество,
 Но крепче страсть связала обоюдная;
 Супружество смесило нас в едину плоть,
 Любовь же душу нам дала единую!
 Да, я любила крепко, он — еще сильнеей,
 Да, я дарила радость и брала ее,
 Он был мне дорог, как очей сияние,
 Но я ему дороже, чем сиянье глаз, —
 Усладой духа, сердца подкреплением!
 Да, в том, как щедро этот был украшен
 брак,

Душа и плоть имели долю
 равную.

(Пер. С. С. Аверинцева)

Подобное восхваление земной и духовной любви, счастливого брака как великого счастья людей не часто в такой реалистической форме встречается в византийской литературе и, бесспорно, свидетельствует о поэтическом таланте Акрополита, к сожалению не нашедшем полного воплощения в его других произведениях. Вместе с тем Георгий Акрополит не только писатель и ритор, но и политик. Его литературные произведения проникнуты самыми злободневными политическими идеями, хотя и облаченными в одежды античной риторики и христианской проповеди. Так, например, в надгробном слове императору Иоанну III Ватацу он разворачивает цельную и продуманную программу укрепления государства и создания в нем лучшего порядка. Для этого необходимо установление мира, когда никто не будет грабить и обижать ближнего, когда справедливость не будет покупаться за золото, когда сборщики налогов не будут обирать земледельца, а закон — опустошать скудное достояние бедняков, когда власть над областями будет не у наглых и глупых, а у справедливых и человечных, когда император будет неподкупен в своих решениях. Выполнение этой программы политических преобразований Георгий Акрополит связывал с восстановлением Византийской империи. Победу Михаила VIII Палеолога над латинянами, возвращение ромеев в свою древнюю столицу Акрополит расценивал как начало нового этапа в жизни народа эллинов.

С поэзией Акрополита перекликается поэтическое творчество малоизвестного, но талантливое поэта Никейской империи Николая Иринака (XIII в.). О его жизни мы почти ничего не знаем. Он жил в Никее, был хартофилаксом (хранителем архива) при императорском дворе. Сохранилось его талантливое стихотворение по поводу бракосочетания в 1244 г. Иоанна III Дуки Ватаца с дочерью императора «Священной Римской империи» и короля Фридриха II Гогенштауфена Анной. Радостное, исполненное счастья молодой любви стихотворение близко к ритуальным свадебным песням, почерпнутым из сокровищницы народного творчества. В нем выступают два хора, которые воспевают жениха и невесту при выходе их из церкви после венчания:

Первый хор поет:

Зеленый вьется плющ молодой вокруг пальмы

благородной;

Тот плющ — мой царь и государь, моя царица — пальма.

В земном раю цветок расцвел прекраснейший, чудесный;
 Еще в бутонах все цветы, а он уж распустился...
 И припал всех под сень свою, любя, лаская нежно,—
 Народы, земли, города, сады, цветы, деревья...
 Сегодня только начал плюц вокруг пальмы стройной виться.
 Увидит завтра стар и млад, какой любовью любит
 Невесту милую жених, как пылко обнимает,
 Целует лононы ее вокруг шеи лебединой.

После каждого четверостишия хор повторяет, как рефрен, первые две строфы стихотворения. Второй хор вступал после первого, оба хора располагались друг против друга по сторонам свадебной процессии:

Железу любится магнит, жених своей певесте,
 Отважный вождь — прелестнейшей из девушек
 прелестных,
 В бою непобедим,— сражен тростинкой тонкой, слабой.
 Кольчуга, меч, походный плащ отброшены далеко,
 Война и битва позади; о, сладкий миг, желанный!

(Пер. Т. В. Поповой)

Поэтика этого стихотворения, его образы и метафоры, взятые из живой природы, исполнены трепетной нежности, ликованием земной любви. В женихе воспеваются воинские доблести, мужество, сила, в невесте — красота, кротость, слабость. Стихотворение Николая Ириника дает яркое представление о свадебном обряде в Никее XIII в.

Кульминацией возрождения эллинского самосознания и эллинского патриотизма в Никейской империи стало философское и литературное творчество предпоследнего императора дома Ласкарисов Феодора II. За свою короткую жизнь (1222—1258) этот талантливый, но раздраемый рефлексией и душевными сомнениями писатель создал ряд оригинальных философских трактатов, литературных эссе и риторических произведений. Особенно богато смелыми философскими рассуждениями его обширное эпистолярное наследие — поистине сокровищница глубоких мыслей, тонких поэтических наблюдений, окрашенных порою беспощадным психологическим самоанализом. Правление Феодора II Ласкариса справедливо считают «лебединой песней» Никейского государства, временем его наибольшего блеска. Прекрасный мир эллинской древности оставил неизгладимый след в душе этого увлекающегося и впечатлительного монарха-писателя. Ученик Никифора Влеммида и Георгия Акрополита, Феодор с юных лет впитал все лучшее, что дала античная философия и литература. Он восхищался античными памятниками Пергама, в похвальном слове в честь Никее

ставил свой родной город выше Афин, был знаком с трудами Аристотеля и Платона, увлекался греческой натурфилософией, однако выйти из круга современной ему схоластики и ортодоксального богословия так и не смог. Как и многие мыслители Византии и Nikeи, Феодор пытался соединить античную философию с христианским богословием. В философских трактатах («Об общностях природных элементов» и «Мировое обозрение») он обращается к проблемам мироздания, сущности и движения материи, к первопричине бытия, которую он видит в божестве, стремится проникнуть в духовный мир человека. Поставив опытное знание выше умозрительного, Феодор сделал смелый для своего времени шаг по пути осмысления бытия, природы и вселенной. Но пойти дальше по пути рационализма он не смог и признал превосходство теологии над философией, ибо философия ведет к познанию лишь чувственного мира, а теология — всего сущего. Философия не помогает и нравственному совершенствованию людей, ибо знание не делает человека добродетельным, а спасение души человек находит лишь в благочестии. Идеальный правитель не должен быть философом, но угодным богу он быть обязан. Феодор восхваляет никейских ученых за то, что они улучшили эллинскую философию прививкой ей теологии, подобно тому как дикая маслина улучшается прививкой черенка. По мнению Г. Хунгера, подобное соединение в трудах Феодора и других ученых того времени эллинизма и христианства привело к возникновению новой христианской философии.

Патриотизм и возрождение эллинских традиций были свойственны, однако, не всем греческим деятелям культуры начала XIII в. Среди них встречались и сторонники сближения с латинянами. К их числу принадлежали представители православной церковной иерархии братья Иоанн и Николай Месариты. После вторжения крестоносцев они остались в Константинополе и осуществляли связь греческого духовенства столицы с никейским правительством; в 1206 г. Николай Месарит участвовал в диспуте греческого духовенства с латинским патриархом Томмазо Морозини. После смерти брата он переехал в Nikeю, где занял высокий пост патриаршего референдаря, а затем стал митрополитом Эфеса и экзархом всей Азии. В 1214 г. он возглавил посольство в Константинополь для переговоров по вопросам веры с представителем Ватикана кардиналом Пелагием. Не идя на уступки в основных догматических и политических вопросах, Николай

Месарит склонен был добиваться известного компромисса с латинянами. За излишнюю уступчивость латинянам, противоречащую политической линии Никеи, он попал в опалу и кончил жизнь в неизвестности.

Литературное наследие Николая Месарита весьма разнообразно и включает речи, экфрасисы, эпитафии, письма. Наибольшей известностью среди них пользовался замечательный экфрасис — описание церкви 12 Апостолов в Константинополе. Это не только блестящее литературное произведение, но и своего рода манифест эстетических принципов византийцев той эпохи. В центре эстетической программы Месарита стоит признание красоты самоцелью любого искусства. В своем творчестве художник соперничает с природой в поисках красоты, однако вкладывает в свои творения особый, сверхчувственный смысл, постигаемый лишь разумом, а не чувством. Месарит — провозвестник экспрессивно-реалистического отображения мира — требует от художника воссоздания в мозаиках и фресках захватывающих переживаний и сильных чувств персонажей религиозных сюжетов, входящих в иконографию храма. Только так можно передать, по его мнению, глубинный смысл происходящего. Парадность и неподвижность уступают место динамике и экспрессии. Эти эстетические принципы найдут дальнейшее развитие в византийском искусстве XIV—XV вв. В других сочинениях Месарита также можно отметить некоторые новшества. В его трудах повествование течет свободно и динамично, хотя рассказ несколько приземлен; он склонен к описанию повседневной жизни, народному юмору, к отходу от литературных штампов. Личные интонации, вплетенные в повествование, порою создают настроение интимности. Но все эти новые черты еще как бы закованы в оболочку средневекового мировоззрения, догматических рассуждений, приличествующих литературных и богословских реминисценций.

Подъем эллинской культуры в Никейской империи нашел отражение и в художественном творчестве — в интенсивном строительстве дворцов и храмов, в расцвете архитектуры, живописи, книжной миниатюры и прикладного искусства. Отстраиваются города, жилые дома и храмы, реставрируются крепостные стены Никеи. Резиденцией императоров становится Нимфей, где был построен великолепный четырехэтажный императорский дворец, похожий на Влахернский дворец Мануила Комнина в Константинополе. В Никее уже имелось множест-

во церквей и монастырей и среди них гордость никейцев — храм св. Софии, в котором заседали I и VII Вселенские соборы. Теперь эти храмы вновь украшаются и реставрируются. К ним присоединяются новые храмы в честь Антония Великого, св. Трифона и др. Вся империя покрывается монастырями (Сасандрский около Магнесии, Иоанна Крестителя в Пруссии и др.). В архитектуре Никейской империи наблюдается сочетание элементов византийского столичного стиля с местными традициями малоазиатского зодчества. В живописи Никей XIII в., в книжной миниатюре также сохраняются принципы византийского искусства, подвергшегося, впрочем, сильному влиянию местных художественных школ.

Расцвет эллинской культуры Никей, как и само существование Никейской империи, был недолговечным. В отвоеванный у латинян Константинополь ко двору Палеологов потянулась никейская феодальная знать и высшее духовенство, туда переехали и многие деятели науки и искусства. В восстановленной Византийской империи Никей играла скромную роль, и сравнительно скоро она стала жертвой турецкого завоевания. Однако след, оставленный культурой Никей в общем потоке развития греческой цивилизации, был, бесспорно, заметным. Здесь были во многом заложены основы будущего поздневизантийского гуманизма, укрепилась греческая народность и эллинское самосознание, возродился подлинный живой интерес к античности. Феодор Метохит, византийский мыслитель XIV в., в энокмии городу Никее сравнивает ее с бережливой матерью, заботливо сохранившей в трудные времена иноземных нашествий и междоусобиц добрые семена будущего культурного Возрождения.

О культурном развитии другого греческого государства — Эпирского царства на Балканах мы знаем сравнительно мало. Значение Эпира определялось его ролью связующего звена между культурой Западной и Юго-Восточной Европы. Как и Никей, он стал прибежищем многих просвещенных людей, покинувших Афины и Константинополь после их захвата крестоносцами в 1204 г., что способствовало оживлению и расцвету культурной жизни в этой некогда отдаленной части Византийской империи. С первых же десятилетий возникновения нового государства широко развернулась строительная и художественная деятельность. Своего апогея она достигла в конце XIII в. С первой половины XII в. много строится и перестраивается церквей в Арте, столице Эпира, и близ

лее. Здесь преобладают постройки традиционного византийского стиля, как крестово-купольные (храм Николая Родияса в Арте и красная церковь около столицы), так и базиликальные (храм Влахернского монастыря, церковь Панагия Вриони в окрестностях Арты). Здесь господствует традиционализм, некоторый застой архитектурной мысли.

Обращение к прошлому Византийской империи, к классическим формам ее культуры в Эпире, как и в Никее, было связано также с ростом эллинского самосознания, с ностальгией по былому величии византийской цивилизации и с надеждой на ее возрождение в будущем. Но рядом рос и развивался местный, «народный» стиль зодчества Эпира. Он представлял собой несколько вариантов упрощенных по конструкции и уменьшенных по размеру церквей, отвечающих потребностям сельских поселений и возможностям местных мастеров. Церковное здание обычно являло собой однефную сводчатую базилику. Стены были сложены из грубых кусков камня. Интерьер становится простым, незамысловатым. Постройки этого типа, прекрасно сочетающиеся с ландшафтом, были распространены повсеместно в сельских местностях. Следует отметить, что на основе этого стиля в Эпире в первой половине XIII в. возникает новый вариант церковной постройки, так называемый тип «ставропигестос» (крестовопокрытый), представляющий собой обычную крестово-купольную в плане постройку, но без купола. Первым памятником этого типа является трехнефная сводчатая церковь Като Панагия в Арте (между 1231—1271 гг.).

В живописи Эпира также заметно сосуществование двух художественных направлений — классического византийского и местного, связанного с народной стихией. В преобладающий поначалу классический стиль постепенно проникают местные, несколько архаические веяния; появляются четкие, порою грубые контуры лиц, множество пробелов, сумрачные и темные тона. Народное течение было представлено довольно широко в монастырской живописи, а также в произведениях скульптуры: иконки из бронзы, каменные рельефы, резьба по дереву.

С 60-х годов XIII в. в живописи получает большое распространение прогрессивное, ренессансное течение, освободившееся от канонических норм. Но оно хронологически выходит за рамки рассматриваемого периода и принадлежит другой эпохе.

Вклад Эпира в развитие византийской литературы несколько скромнее. И приходится он в основном на первые десятилетия существования государства. Три фигуры — Иоанн Апокавк, Георгий Вардан, Димитрий Хоматиан стоят в центре этого развития, но значение их трудов с точки зрения литературных достоинств и художественной ценности неодинаково. От Георгия Вардана, который родился в Афинах, жил в Никее, а затем, переселившись в Эпир, стал митрополитом города Керкиры, дошло лишь несколько ямбических стихотворений, полемические произведения против латинян и письма к духовным лицам. Его современник Димитрий Хоматиан, архиепископ Охрида (1216—1234), оставил значительное число сочинений (судебные и соборные решения, канонические послания и письма духовным лицам, переписка с представителями гражданской власти). Они привлекают богатством содержания, ценными сведениями по каноническому праву, политике эпирского государства, жизненными наблюдениями; стиль их сух, а литературные достоинства весьма скромны. Наибольший интерес представляет творчество уроженца Константинополя митрополита Навпакта Иоанна Апокавк. Судебные постановления, или эпитимии, вынесенные Апокавком лицам, совершившим преступления против закона, — настоящие маленькие художественные произведения. В реалистических картинах повседневной жизни горожан и крестьян Навпактской митрополии даны типичные черты характера простого народа со всеми его горестями и радостями: женщина, воспитывающая кучу детей и страдающая от мужа-гуляки, который ей изменяет; не сошедшиеся характерами супруги; крестьяне-бедняки, пытающиеся взять у богатого соседа участок земли и т. д. Постановления Апокавк отличаются большой справедливостью и гуманностью. Иногда он решительно отменяет укоренившиеся обычаи, если они приносят вред. Так, при разводе молодых людей Константина и Анны было принято во внимание, что они были обручены еще детьми и их поженили без их согласия. Муж так и остался взрослым «младенцем», жена, которая была старше его, превратилась в зрелую женщину, капризную, падкую до роскоши и развратную. Она изменила мужу и обвинила его в том, что он не может ее содержать и выполнять своих супружеских обязанностей. Брак был расторгнут, Анне было разрешено выйти замуж, но только не за ее любовника, «чтобы никому не повадно было, полюбив замужнюю женщину, развратничать с ней и при

этом надеяться взять ее в жены». Гуманность Апокавк-судьи проявляется и в том, что он за непреднамеренное убийство назначает только церковное покаяние и строгую эпитимию. Он с сочувствием относится к провинившимся батракам, защищая их от жестоких наказаний хозяев. Простой человек с его горестями и бедами всегда в центре внимания Апокавка.

Апокавк часто обращается к лирическому описанию природы окрестностей Навпакта и прелестей времен года, особенно весны, когда поют соловьи и звенят цикады. Вместе с тем в реалистические зарисовки быта и нравов народных масс тонко вплетены аллюзии на античную литературу — Гомера, Аристофана и др. Характерные черты творчества Иоанна Апокавка — пристальный интерес к личности человека, его внутреннему, интимному миру; большее, чем ранее, внимание к изображению природы; увлечение античностью. Новый расцвет культуры и искусства в Эпире и особенно в Фессалонике наступит позднее — в середине XIV в.

Что касается культурного развития Латинской империи и владений латинских баронов на земле Византии, то оно знаменует культурное взаимодействие греческой и западной цивилизаций. Католическая церковь прилагала большие усилия для распространения среди греков латинской культуры и католического вероучения. Уже в 1205 г. была сделана попытка основать в Константинополе католический университет. Центром распространения католицизма в Латинской империи стал монастырь св. Доминика в Константинополе, где в 1252 г. монахом Бартоломеом было составлено полемическое произведение «Против ошибок греков». Одновременно византийская культура стала оказывать влияние и на просвещенных людей, приехавших с Запада. Так, католический архиепископ Коринфа Гийом де Мэрбеке, человек широко образованный, сведущий в латинской и греческой философии, переводил на латынь Аристотеля, Гиппократ, Архимеда и Прокла. Эти переводы, по-видимому, оказали влияние на формирование философских взглядов Фомы Аквинского.

При дворе латинских императоров, князей и баронов распространялись западные обычаи и развлечения, турниры, песни трубадуров, праздники и театральные представления. Заметным явлением в культуре Латинской империи было творчество трубадуров, многие из которых были участниками IV Крестового похода. Так, Конон де Бетюн достиг зенита своей славы именно в Константино-

поле. Красноречие, поэтический дар, твердость и мужество сделали его вторым лицом в государстве после императора, в отсутствие которого он нередко управлял Константинополем. Труверами в империи были знатные рыцари Робер де Блуа, Гуго де Сен-Кантен, граф Жан де Бриен и менее знатные, такие, как Гуго де Брежиль. Все они обогатились после захвата Константинополя и, как повествует в ритмических стихах Гуго де Брежиль, из бедности погрузились в богатство, в изумруды, рубины, перчу, оказались в сказочных садах и мраморных дворцах вместе со знатными дамами и красавицами-девами.

В Константинополе после захвата его крестоносцами городское строительство почти прекратилось. Лишь некоторые здания и церкви были перестроены и украшены витражами. Крепостные стены поддерживались, но не укреплялись. Иногда на месте разрушенных зданий строились латинские церкви. Так, в 1232 г. во Влахернах свой храм построили доминиканцы. Непрочность латинской власти в Константинополе, осаждаемом с двух сторон — Болгарией и Никейской империей, а также скудость финансов не благоприятствовали строительству. Хотя, по свидетельству сербских агиографов, в Константинополе были мастера-мраморщики и живописцы, следов их работы почти не сохранилось. Единственной росписью, отмеченной западным влиянием, являются фрески в капелле св. Франциска Ассизского в церкви Христа Акаталептос. Это фрагменты небольшой композиции 11 сцен из жизни св. Франциска. На сохранившихся фрагментах росписи мы видим монахов во францисканских одеяниях. Цикл был создан в 50-е годы XIII в. либо западным живописцем, испытавшим византийское влияние, либо совместно группой итальянских и византийских мастеров. Предполагается, что и фрески Деисуса над одной из гробниц в церкви св. Евфимии были также созданы в период Латинской империи. До сих пор остается дискуссионным вопрос об атрибуции нескольких иллюминированных рукописей XIII в. латинскому Константинополю. Но вполне вероятно, что греческие художники работали для латинян. Так, на одной из рукописей Афинской национальной библиотеки (№ 118) имеются миниатюры с изображением евангелистов Матфея, Луки и Иоанна, которые держат в руках свитки с латинскими надписями. Высокий художественный уровень миниатюр и традиционность письма указывают на константинопольское происхождение.

Разумеется, попытки введения католического вероисповедания и распространения западной культуры в Латинской империи наталкивались на постоянное упорное сопротивление как православного духовенства, так и широких слоев населения. Среди интеллигенции росли и крепились идеи эллинского патриотизма и эллинского самосознания. Но встреча и взаимное влияние западной и византийской культур в этот период подготовили дальнейшее их сближение в поздней Византии.

Расцвет культуры Трапезундской империи относится к XIV—XV вв. и будет освещен в заключительной, восьмой главе.

Глава 7. Поздняя Византия. Начало конца

Нестабильность экономики, территориальные потери, нескончаемые феодальные усобицы и возрастающая турецкая угроза — вот что характеризует последние столетия существования некогда великой империи.

Византийскому императору Михаилу VIII Палеологу досталось от латинян тяжелое наследие. Торжество победы, ликование народа, пышная коронация в св. Софии сменились безрадостными буднями. Древняя столица империи, некогда вызывавшая изумление иностранцев своим блеском и роскошью, ныне являла собой печальное зрелище — картину разорения и опустошения. Первой заботой императора поэтому стало восстановление из руин великого города. В короткий срок были отремонтированы укрепления, с былым великолепием отделывались дворцы и храмы, в столицу стекалось греческое население. По словам писателя Никифора Григоры, Михаил Палеолог «очистил город и, уничтожив его безобразие, вернул ему по возможности прежнюю красоту». Св. София вновь стала центром православия. Правительство Михаила VIII всячески стремилось возродить престиж мировой державы. Однако реальная действительность не подкрепляла честолюбивых притязаний василевса ромеев. Территория империи резко сократилась по сравнению с эпохой Комнинов. Под властью Византии оставались лишь владения Никейской империи на северо-западе Малой Азии, часть Фракии и Македонии, Фессалоника с ближайшей округой, некоторые острова Архипелага и отдельные города на Пелопоннесе (Мистра, Монемвасия, Майна). Трапезундская империя и Эпирское царство сохранили самостоятельность. Византийской империи предстояло еще отвоевать у латинян важные области в Средней Греции и на Пелопоннесе. Север Фракии и Македонии находился в руках болгар и сербов. Венеция сохранила свое господство на значительной части островов Эгейского моря. На востоке византийские владения подвергались постоянным набегам турок.

Михаил VIII совершил большую ошибку, недооценив турецкую опасность. Пренебрегая защитой восточных областей, он лишил привилегий пограничных воинов-акритов, земли их были обложены налогами, жалование выплачивалось нерегулярно. Увеличились налоги и на крестьян Вифинии. В 1262 г. вспыхнуло вооруженное восстание вифинских акритов и малоазийских крестьян. Движение проходило под лозунгами защиты законной династии Ласкаридов против узурпатора Михаила Палеолога. Ему припомнили его злодеяние, когда, захватив власть, он отстранил от престола законного наследника Иоанна IV и безжалостно его ослепил. В войске оставшихся появился самозванец — слепой юноша, выдававший себя за Иоанна IV. Восстание приняло угрожающие для правительства размеры и было с трудом подавлено войсками императора.

Михаил VIII Палеолог энергично отвоевывал византийские владения у латинян. В течение его царствования шли бесконечные войны с латинскими баронами. Однако латиняне нашли сильных союзников прежде всего в лице папского престола, стремившегося восстановить Латинскую империю и подчинить власти Рима схизматиков-греков. До крайности обострились отношения между Венецией и Генуей из-за господства на торговых путях в Восточное Средиземноморье и в Черное море. Византии приходилось постоянно лавировать между враждующими торговыми республиками. При Михаиле VIII дело кончилось временным разрывом с Генуей и возобновлением союза с Венецией. Адриатическая республика помогла Византии в войне с герцогами Ахайи и Афин, в отвоевании части Пелопоннеса. Однако вскоре у Византии на Западе появился новый, чрезвычайно опасный враг — младший брат французского короля Людовика IX Карл Анжуйский. Утвердившись в Южной Италии и Сицилии, он стал распространять свое влияние в Западной Греции и на островах Архипелага. Карл ставил целью захват Константинополя и восстановление под своей эгидой Латинской империи. Он готовился к новому крестовому походу на Константинополь в союзе с Венгрией, Кастилией, сербами и болгарами. Империю спасло только то, что Карл Анжуйский принял участие в крестовом походе Людовика IX в Тунис. Михаилу VIII Палеологу удалось расколоть антивизантийскую коалицию. К борьбе против Карла Анжуйского был привлечен Педро Арагонский. В 1282 г. испанцы захватили Сицилию. После потери

Сицилии Карл принужден был навсегда распротиться с планами захвата Византии.

Во время тяжелой борьбы с Карлом Анжуйским и различными коалициями западных держав Михаил VIII Палеолог решился на отчаянный шаг — на примирение с главным врагом греков — папским престолом. Мир с папой был куплен, однако, дорогой ценой: в 1274 г. в Лионе была подписана уния западной и восточной церквей. Греки признавали супрематию папы над всей христианской церковью, верховную юрисдикцию папы в канонических вопросах и необходимость почитать папу во время церковных богослужений. В обмен папа обещал Михаилу VIII помощь в борьбе с его врагами. Однако в Византии уния вызвала стойкое сопротивление монашества, духовенства, народных масс и части знати. Уния, по сути дела, полностью провалилась.

Отвоение Центральной Греции у латинян шло медленно. В одном из походов против них в 1282 г. Михаил VIII умер. Престол перешел к его сыну Андронику II Палеологу (1282—1328). Новый император был во многом противоположностью отцу. Любитель философии и литературы, широко образованный человек, он предпочитал занятия наукой военным походам или политическим интригам, в которых столь великим мастером был его отец. Во внешней политике Андроник II Палеолог перешел к обороне. Его правление было отмечено новыми тяжкими испытаниями для Византии. На Востоке, воспользовавшись ослаблением Иконийского султаната сельджукидов, Осман I Гази (1288—1326) основал новую династию турецких султанов. Объединенные под его властью турецкие племена по его имени стали называться турками-османами. Осман I — энергичный и жестокий правитель — начал наступление на восточные владения Византии. К началу XIV в. почти вся Малая Азия была потеряна византийцами. В руках императора остались лишь города Никея, Никомидия, Брусса, Сарды, Филадельфия, Магнесия, Смирна. В 1302 г. Осман наголову разбил византийские войска при Никомидии. В обстановке крайней опасности Андроник II призвал на помощь против турок наемные войска каталонского авантюриста Рожера де Флора. Началась «каталонская кампания», которая принесла Византии разорение и невиданные бедствия. Каталонцы, хотя и одержали ряд побед над турками, грабили население Малой Азии, а затем перешли в Грецию. Они разгромили в 1311 г. Фивано-Ахейское гер-

цогство, и господство французов в Афинах и Фивах рухнуло навсегда. Что не удалось сделать Михаилу VIII Палеологу, осуществили каталонские наемники. Однако Рожер де Флор всегда действовал только в своих интересах, и в Центральной Греции возникло Каталонское княжество, ставшее вассалом испанского Сицилийского королевства. Власть испанцев в самом сердце Греции сохранялась около 80 лет и принесла много забот и тревог византийскому правительству. Но постепенно Византия укрепила свои позиции в Море на Пелопоннесе. Впоследствии Морейское княжество стало опорой Византийской империи¹.

При Андронике III Палеологе (1328—1341), который пришел к власти в результате ожесточенной борьбы со своим дедом Андроником II, происходила дальнейшая консолидация византийских земель в Европе: к империи были присоединены Фессалия и Эпирское царство. С новыми затруднениями Византия столкнулась при сыне Андроника III Иоанне V Палеологе (1341—1391). В малолетство нового правителя в империи разразилась настоящая гражданская война (1341—1355). В ней приняли участие народные массы, выступавшие против провинциальной аристократии. Но в основном дело свелось к столкновению двух враждующих партий господствующего класса. Одну из них возглавил регент при малолетнем Иоанне V Палеологе — сильный, волевой, умный, честный вельможа Иоанн Кантакузин, социальной опорой которого была провинциальная знать; оппозиция же включала столичное чиновничество, торгово-предпринимательские слои городов, во главе ее стоял выходец из средних слоев горожан Алексей Апокавк, сумевший привлечь на свою сторону народные массы.

Впервые в истории Византии сложился, правда временный, союз городов с центральной властью в борьбе против крупной феодальной аристократии, что находит аналогии в Западной Европе в эпоху классического феодализма. Союз с городами и помощь широких народных масс принесли Апокавку временные успехи. Социальная и политическая борьба в империи тесно переплелась с идейно-религиозной борьбой между представителями мистического течения исихазма во главе с их вождем Григорием Паламой и умеренно рационалистическим направлением в богословии, возглавляемым калабрийцем Варлаамом. Исихасты поддержали Кантакузина, их противники остались на стороне законного императора

Иоанна V Палеолога и его матери Анны Савойской. Гражданская война велась с крайним ожесточением, обе враждующие партии, не считаясь с интересами греческого населения, призывали на помощь то сербов Стефана Душана (1331—1355), то болгар Ивана Александра (1331—1371) и, что было чревато особенно опасными последствиями для империи, турок-сельджуков, а затем и турок-османов. Кантакузин даже заключил союз с одним из правителей османов — Урханом и отдал ему в жены свою дочь, что было невиданным бесчестием для гордых византийцев. Кровопролитная борьба закончилась победой Кантакузина, который в 1347 г. узурпировал императорский престол.

Новый правитель сперва повел весьма осторожную политику. Он сделал Иоанна V соправителем и выдал за муж за него свою дочь Елену. Видимость примирения была достигнута. К власти пришла высшая феодальная аристократия империи. В течение всего своего царствования Иоанн VI Кантакузин (1347—1354) вел войны со Стефаном Душаном, который захватил ряд византийских территорий, с генуэзцами и, наконец, турками. Страна была разорена, а императорская казна пуста. Турки укрепились в европейской части империи, захватив город Галлиполи, который стал их опорным пунктом для дальнейшего продвижения в Европу. Малая Азия была потеряна Византией еще раньше. В 1331 г. турками был захвачен один из последних оплотов Византии на Востоке — город и крепость Никея. Военные неудачи Кантакузина, его уступки туркам, покровительство феодальной знати и паламитам обеспечили победу законному императору Иоанну V Палеологу. В 1354 г. Иоанн Палеолог при поддержке горожан и населения Константинополя сверг Кантакузина, который отрекся от престола и ушел в монастырь, где на склоне лет написал обширное, крайне субъективное историческое сочинение, в котором стремился оправдать свои действия во время гражданской войны. Итоги гражданских войн и усобиц для Византии были плачевны: в западных областях империи господствовали сербы, на островах — генуэзцы и венецианцы, восточные провинции были завоеваны турками.

При Палеологах Византийская империя вступила в последний период своего существования, известный в науке под названием поздневизантийского феодализма². Этот период характеризуется господством феодального строя и началом его разложения. В сфере аграрных отно-

шений окончательно складывается феодальная вотчина, огражденная от притязаний государства рядом привилегий.

Формирование феодально-зависимого крестьянства как единого класса в Византии, однако, несколько затянулось по сравнению с аналогичным процессом в Западной Европе. В поздней Византии поражает пестрота упоминаемых в источниках категорий феодально-зависимых крестьян. Наряду с основной категорией зависимых крестьян — париков мы встречаем здесь «свободных» (элевтеров), крестьян-присельников, чужаков, «неизвестных казне лиц». Большинство их были беглыми париками, покинувшими свои прежние места жительства и в связи с бесконечными войнами искавшими спасения в имениях крупных феодалов. Как правило, они не были внесены в кадастры — налоговые списки и не платили подати государству. Постепенно они попадали в феодальную зависимость от феодалов, и те, пользуясь податным иммунитетом, сами платили за них налоги. В поместьях крупных вотчинников было много дворовой челяди, часть домениальных земель сдавалась в аренду крестьянам-испольщикам. В имениях встречались среди челяди даже рабы. Правда, такие категории зависимых, как дулевты и дулопарики, генетически восходящие к рабской форме эксплуатации, в поздней Византии исчезают. Зато сохраняются, хотя и в незначительных масштабах и преимущественно в горных районах Пелопоннеса, Эпира и Малой Азии, свободное крестьянство и сельская община.

В отличие от стран Западной Европы в Византии наряду с феодальной рентой до конца существования империи сохранялись государственные налоги. Их платили и государственные крестьяне, которых становилось все меньше, и частновладельческие парики, и крестьяне-общинники. Однако динамика развития шла в сторону увеличения феодальной ренты. Начало кризиса феодализма, хронологически совпавшее с последним периодом исторической жизни Византии, было ознаменовано повышением товарности вотчинного хозяйства феодалов, возрастанием удельного веса денежной ренты и появлением в деревне такой новой фигуры, как арендатор-предприниматель, бравший в долгосрочную аренду землю феодального собственника и возделывавший ее с помощью субарендаторов. В сфере аграрных отношений Византия вплотную подошла к вызреванию раннекапиталистических форм хозяйства, однако в отличие от Западной Европы она так и не

перешла этот рубеж поступательного развития средневекового общества.

В экономической жизни городов поздней Византии наблюдались черты как подъема, так и упадка³. Некоторые провинциальные города, особенно Фессалоника, Мистра, Патры, Коринф, оставались центрами ремесла и торговли. Наступившая децентрализация Византии не вызвала упадка хозяйственной жизни провинциальных городов, которые стали оплотом консолидации локальных государственных объединений. Они сохраняли значение центров активной торговли местными продуктами и отчасти ремесленными изделиями. Освобождение от стеснительной и мелочной опеки центральной администрации, ее жесткого фискального контроля создавало благоприятные условия для развития крупных городских центров новых греческих государств и государств Латинской Романии, например Трапезунда, Никеи, Патр и др. Вместе с тем и сам Константинополь со второй половины XIII в. и до 1453 г. оставался важным пунктом международной транзитной торговли, а его значение как торгового центра в масштабах Черноморья и Эгеиды даже возрастало. Городское ремесло было ориентировано прежде всего на удовлетворение потребностей местного рынка в товарах широкого спроса, а не на сбыт за рубеж. Но Константинополь, Фессалоника, города Фракии и Македонии, Западного Причерноморья экспортировали на Запад зерно и были также рынками, в частности шерстяных и полотняных тканей, для итальянских товаров.

В XIII — начале XV в. постепенно возрастает активность греческого купечества. Она усиливается как в местной, так и в транзитной торговле в масштабе Балкан и Причерноморья, не выходя, однако, за пределы традиционных византийских рынков. Состав этого купечества отличался пестротой, но с середины XIV в. усилилась роль крупных предпринимателей, располагавших довольно значительными капиталами.

В торговле принимала участие и византийская феодальная знать, продававшая — нередко непосредственно итальянцам — продукцию собственного домена и вкладывавшая средства, получаемые от феодальной ренты, в коммерцию. С ростом османской экспансии и утратой земельных владений этот общественный слой все больше ориентировался на торгово-финансовую и ростовщическую деятельность. В Константинополе византийская феодальная верхушка сдерживала развитие купечества,

но в других областях, например в Трапезундской империи, купеческие круги сохранили посредническую функцию и феодалы могли эксплуатировать торговлю только через фиск.

С конца XIII в. постепенно росла кооперация византийского купечества с итальянским. В условиях, когда венецианцы и генуэзцы контролировали основные рынки Восточного Средиземноморья, греческие купцы становились лишь их младшими партнерами. Однако создание греческих торговых обществ с достаточно значительными капиталами, рост вложений в торговлю, создание греческих банков — все это свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений в городах Византии. Это приводило к усилению поляризации городского населения, складыванию все более зажиточной патрицианской верхушки из крупных предпринимателей и феодалов, с одной стороны, и обедневших масс ремесленников и мелких торговцев — с другой. Однако если сравнивать экономику византийских и итальянских городов XIV — середины XV в., то преимущество остается, бесспорно, на стороне торговых республик Италии⁴.

Ремесло в городах поздней Византии так и не достигло мануфактурной стадии развития. В то время как на Западе разложение цехового строя было связано с переходом к высшей ступени организации производства, в Византии корпоративное устройство стало разлагаться тогда, когда еще не появилось условий для развития мануфактур. Византийское ремесло отставало, будучи не в состоянии выдержать конкуренцию итальянцев, главным образом потому, что расцвет мануфактур в Италии того времени обеспечил решающее превосходство итальянского ремесленного производства над византийским. Византия все больше теряла былую монополию в посреднической торговле между Востоком и Западом, переходящую в руки венецианских и генуэзских купцов. Этому способствовали и постоянное соперничество между Константинополем и провинциальными городами империи; и ослабление свободных крестьянских общин, мешавшее складыванию византийского внутреннего рынка; и, наконец, феодальные междоусобицы и внешнеполитические неудачи. Включение Византии в единую средиземноморскую торговую систему, концентрация капиталов, наличие значительного рынка дешевой рабочей силы создавали, однако, предпосылки для начала процесса первоначального накопления капитала в византийских городах. Но этот процесс тор-

мозился рядом неблагоприятных обстоятельств: узостью производственной базы и отсутствием мануфактур, переливом капиталов за границу, недостатком сырьевых ресурсов, неравномерностью развития различных областей Византии, ростом военной опасности.

Различны были также судьбы византийских и западноевропейских торгово-ремесленных корпораций. Византийские корпорации с течением времени все острее стали ощущать сковывающую их инициативу государственную регламентацию. Возращенное в условиях исключительной привилегированности, византийское ремесло, потеряв в поздней Византии поддержку ослабевшего государства и лишившись прежнего спроса императорского двора и знати, уже не могло соперничать с процветающим итальянским ремесленным производством. С XII в. византийские торгово-ремесленные корпорации приходят в упадок, а в XIII—XIV вв. многие из них исчезают⁵.

В поздней Византии городское торгово-ремесленное население так и не консолидировалось в сплоченное и влиятельное сословие горожан, которое могло бы противостоять наступлению феодалов. Византийское правительство постоянно стремилось внести раскол в среду городского населения, а феодалы захватывали в свои руки не только экономические позиции, но и политическую власть в городах. Они скупали городские земли, заменяли труд свободных ремесленников трудом феодально-зависимых париков, подчиняли себе управление городами.

Однако и в Византии в XIV в. развертывается борьба горожан за свои привилегии и свободы. Кульминационным моментом этой борьбы стала Фессалоникийская республика зилотов (ревнителей) (1342—1349). Фессалоника в XIV в. была богатым торгово-ремесленным центром, сохранявшим известную экономическую самостоятельность. В морской торговле она успешно конкурировала с итальянцами, имела свой торговый флот, в городе жило много мореходов и купцов, значительное развитие получило судостроение. Видное место в ее экономике занимали транзитная торговля со странами Восточного Средиземноморья и торговля хлебом. Славилась Фессалоника и высоким уровнем развития различных ремесел. Город постоянно расширялся, велось интенсивное строительство, горожане жили активной общественной жизнью. Византийские писатели называли Фессалонику «вторым оком империи». Однако политическая власть в Фессалонике, как, впрочем, и в других городах Византии, сосре-

доточивалась в руках феодалов и духовенства. По всей Византии в течение XIII—XIV вв. феодальные владетели, в том числе монастыри, проникают в городскую экономику. Оттесненные от власти торгово-ремесленные круги давно вели подспудную борьбу за привилегии и самоуправление городов. Особую силу это движение приобрело в столь богатом городе, как Фессалоника.

В 1342 г., воспользовавшись ослаблением центральной власти в связи с гражданской войной, горожане Фессалоники подняли вооруженное восстание и провозгласили Фессалонику республикой⁶. Современники прекрасно сознавали особый характер этого государства. По словам Никифора Григоры, оно не было ни аристократическим, как при Ликурге, ни демократическим, как при Клисфене, ни смешанного типа, как на Кипре,— «оно было до сих пор небывалой властью черни, которая сложилась сама собой». Во главе восстания стояла партия зилотов, организовавшая оборону города. Социальный состав движения зилотов был весьма разнородным: в него входили богатые торговцы и предприниматели, широкие слои ремесленников и плебейские массы города, к ним примыкали мелкие вотчинники и крестьяне окрестных поселений. Восстание четко разделяется на два периода. В первый период (1342—1345) фактическую власть в городе захватили богатые горожане, городской патрициат, проводившие умеренную политику. Радикальные требования зилотов не были выполнены. Более того, напуганные размахом народного движения, богатые горожане составили тайный заговор против зилотов. Заговор, однако, был раскрыт, и в городе в 1345 г. вспыхнуло новое, подлинно народное восстание. Главную роль в нем играли городская беднота, плебейские массы, моряки. Смелые и талантливые вожди зилотов Андрей Палеолог и Георгий Кокала возглавили отряды восставших; городская знать бежала в Акрополь, где была окружена; все участники заговора были перебиты, и власть перешла в руки победивших зилотов. В течение второго периода (1345—1349) правили Фессалоникой радикальные представители партии зилотов.

Зилоты и граждане Фессалоники выступали яркими противниками Кантакузина, опиравшегося, как мы видели, на крупных феодалов и главу исихастов Григория Паламу. В связи с обострившейся идейной борьбой зилоты особенно резко выступали против привилегий церкви и монашества. Церковь была лишена в Фессалонике адми-

нистративных и судебных прав, была отменена плата за исполнение религиозных обрядов. За свое короткое правление зилоты осуществили ряд демократических преобразований: частично конфисковали земли феодалов и монастырей, ограничили их налоговые привилегии, освободили население от некоторых налогов, аннулировали долги бедноты ростовщикам. Было укреплено городское самоуправление: все граждане города получили возможность участвовать в народных собраниях и выбирать должностных лиц.

Против республики зилотов объединились все силы реакции. Республика была окружена кольцом осады, феодалы призвали на помощь иноземцев — турок и сербов. Зилоты героически сопротивлялись, но силы были неравными, и Фессалоникийская республика пала. Причинами поражения восстания зилотов — самого крупного социального движения в истории Византии — были отсутствие единства среди восставших и фактическая изоляция Фессалоникийской республики. Движение зилотов не было поддержано ни другими городами, ни крестьянством Македонии и Фессалии. Жители других городов империи еще не осознали единства своих интересов с республикой зилотов. Местный крестьянский партикуляризм также не был преодолен, вспыхивавшие кое-где локальные восстания крестьян быстро подавлялись феодалами. В результате фессалоникийская коммуна, не найдя сильных союзников, изолированная от внешнего мира, не смогла оказать сопротивления феодалам, которые в борьбе с зилотами не только создали сплоченную лигу, но ради победы даже открыли дорогу в глубь Византийского государства его непримиримым врагам — туркам-османам⁷. Поражение восстания зилотов негативно сказалось на дальнейших судьбах Византийского государства. Оно привело к ослаблению движения горожан по всей империи и к полному торжеству феодальной знати.

В сфере правовых отношений и юриспруденции последний период истории Византии отмечен возрождением установлений греко-римского права. В этот период был создан обширный компендиум, почти целиком основанный на нормах греко-римской правовой науки, известный под названием «Шестикнижие законов». Он был составлен известным юристом из Фессалоники Константином Арменопулом. «Шестикнижие» Арменопула пользовалось большой популярностью в XIV—XV вв., оказало воздействие

на право стран Юго-Восточной Европы и получило признание на Западе.

Сохранявшееся еще в поздней Византии классическое римско-византийское право в известной мере препятствовало правовому оформлению условной иерархической феодальной собственности. А при сравнительно слабом развитии элементов раннекапиталистического строя оно еще не могло быть применено для юридической санкции новых общественных отношений. В этом кроется причина того на первый взгляд парадоксального явления, что классическое римско-византийское право получило импульсы качественно нового развития не в самой Византийской империи, а на почве Западной Европы. На Западе, где более интенсивно зарождались раннекапиталистические отношения, это право, основанное на частной собственности, было использовано применительно к новым социально-политическим условиям жизни. Рецепция римско-византийского права стимулировала, в свою очередь, дальнейшее оформление правовых институтов буржуазного общества в Западной Европе.

Последнее столетие истории Византии было наполнено драматическими событиями. Могущество грозного врага Византии — турок-османов росло из года в год. Политическая раздробленность; внутренние междоусобицы; враждебность соседних Балканских государств — Сербии, Болгарии, а также Венгрии; выжидательная позиция Запада делали положение Византии крайне опасным. Решающий удар империи был нанесен утверждением турок-османов в Европе. При смелом полководце и умном правителе султана Мураде I (1362—1389) началось наступление османов во Фракии. В 1365 г. ими был захвачен важный форпост на Балканах Адрианополь, который новый султан превратил в свою резиденцию и столицу Османской державы Эдирне. В этой критической ситуации Византия начала лихорадочные поиски союзников. Спасения от турок император и многие латинофилы ожидали лишь от Запада. Но их просьбы о помощи не принесли желаемых результатов. Тогда впервые в истории Византии император Иоанн V Палеолог в 1366 г., покинув столицу, отправился сперва к венгерскому королю, позднее к папе Урбану V в Италию. Под давлением папства император в 1369 г. принял католичество, но помощи так и не получил. Между тем турецкие войска продвигались в глубь Балканского полуострова и стали громить своих врагов поодиночке.

В 1371 г. турки разгромили сербов на р. Марице, затем захватили болгарские города Серры, Софию, Ниш, а в 1389 г. нанесли сокрушительное поражение соединенным сербским и боснийским войскам на Косовом поле. После победы на Косовом поле завоевание турками Балканского полуострова было лишь делом времени. В те суровые для Византии годы во главе Византии и Османской державы стояли правители, во всем отличавшиеся друг от друга. Добрый, мягкий, увлеченный философией и другими науками, немного легкомысленный Мануил II Палеолог (1391—1425) не был создан для сражений и битв, его оружием были ум и дипломатия. Турецкий же султан Баязид I Иылдырым («Молния») — гроза народов — отличался неукротимой жаждой власти, безмерной жестокостью и личной храбростью. Военный перевес был на стороне Баязида, с необычайной быстротой громившего врагов. Он завершил завоевание Малой Азии и продолжил победный марш по Балканам. К 1392 г. была окончательно завоевана Македония, в 1393 г. пала столица Болгарии Тырново, где победители учинили беспощадную резню среди мирного населения. В 1394 г. султан захватил второй по величине и богатству город Византии Фессалонику. Дорога на столицу туркам была открыта. Семь лет они держали Константинополь в осаде, в столице начались голод и болезни. Продолжались вторжения турок в Фессалию и Грецию, отдельные набеги они совершали и на последний оплот греков — Морею.

Напуганные успехами османов, западные державы под эгидой папства организовали в 1396 г. крестовый поход против турок во главе с венгерским королем Сигизмундом. Никопольское сражение на Дунае было одним из самых грандиозных и кровопролитных сражений европейских народов с турками. Многочисленное крестоносное войско, собравшее под свои знамена цвет рыцарства Венгрии, Чехии, Германии, Польши и Франции, было наголову разбито армией Баязида. Султан умело использовал распри среди крестоносцев, несогласованность действий крестоносного ополчения, полководческую неопытность Сигизмунда. Около 10 тыс. рыцарей попали в плен к туркам, остальные пали на поле битвы. Баязид приказал безжалостно перебить почти всех пленников, сохранив жизнь лишь самым знатным, за которых он получил огромный выкуп. Король Сигизмунд бежал с поля боя и нашел спасение за стенами Константинополя. Самовластный победитель Баязид, по рассказам современников,

сумел еще раз унижить своего врага. Когда побежденный король возвращался в Венгрию морем, султан приказал выстроить по обоим берегам пролива Дарданеллы пленных рыцарей, которые осыпали упреками своего неудачливого предводителя.

Никопольская катастрофа ухудшила положение Византии. Мануилу II Палеологу ничего не оставалось, как вновь обратиться за помощью к Западу. Он совершил поездку в Италию, Францию и Англию, затянувшуюся на несколько лет. Всюду ему был оказан почетный прием, всюду расточались щедрые обещания, но никакой реальной помощи он так и не получил.

Спасение Византии неожиданно пришло с Востока. В 1402 г. при Анкире (Анкара) войска турецкого султана Баязида I были полностью разгромлены новым завоевателем Тимуром (Тамерланом). Обе армии были полны воинственного пыла и отличались высокими боевыми качествами. Но в стан Баязида проникла измена, решившая исход битвы. Дотоле непобедимый султан, наводивший ужас на своих врагов, был захвачен в плен на поле битвы и умер в неволе. Битва при Анкире отсрочила гибель Византии еще на половину столетия. Однако стычки с турками продолжались.

Преемник Мануила II Иоанн VIII Палеолог (1425—1448) еще раз попытался пойти на сближение с Западом. Однако римский престол выдвинул непременным условием помощи Византии заключение унии православной и католической церквей. На Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439) после длительной и острой полемики по догматическим вопросам уния была заключена. Победа латинян, которым помогали греки-латинофилы, в частности Виссарион Никейский, была полной, а для греков условия унии были весьма унижительны. Однако Византия и на этот раз, как прежде, не получила никакой реальной помощи. Уния вызвала острейшие столкновения униатов и их противников, ортодоксов, в Византии и фактически опять провалилась.

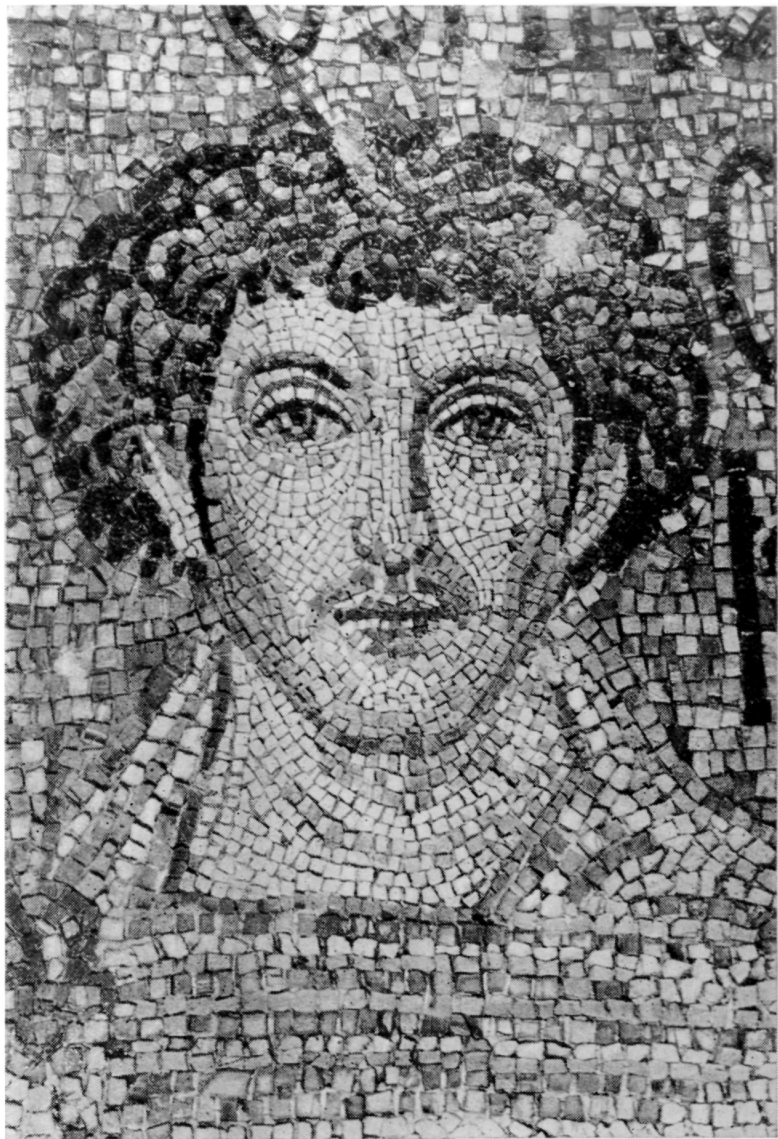
Между тем турецкий натиск на Европу продолжился при воинственном султанине Мураде II (1421—1451). Европейские народы, сознавая общую опасность, вновь объединились и в 1443—1444 гг. предприняли новый крестовый поход против турок. Во главе огромного крестового войска встал король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон. Союзниками Владислава выступили прославленный герой венгерского народа Янош Хуньяди

и сербские ополчения. Первоначально они действовали успешно и одержали несколько побед над турками в Болгарии и во Фракии. Но в 1444 г. в битве при Варне крестоносные войска были разгромлены огромной армией Мурада II и почти полностью уничтожены. Сам Владислав III пал на поле боя, его участь разделил цвет крестоносного ополчения. Поражение крестоносцев в этом кровопролитном сражении нанесло страшный удар народам Юго-Восточной Европы, возлагавшим большие надежды на помощь армии Владислава. Антитурецкая коалиция постепенно распалась. Турки торжествовали победу и начали готовиться к решающему наступлению на Византию. Дни древней империи были сочтены⁸.

Последний византийский император Константин XI Палеолог Драгаш (1449—1453), бывший деспот Морей, готовился к смертельной схватке с коварным и грозным врагом — султаном Мехмедом II Фатихом («Завоевателем»). Оба были людьми незаурядными. Константин XI, умный и храбрый правитель, больше воин, чем политик, понимал грозящую империи опасность и деятельно взялся за укрепление великого города, ожидая длительной осады. Мехмед II Фатих (1451—1481) — один из самых выдающихся турецких султанов, натура неукротимая и волевая — сочетал необузданное властолюбие с беспощадной жестокостью. Идя к власти, он коварно уничтожил всех соперников, в том числе девятимесячного брата Амурата. Он был умен и предусмотрителен, знал несколько языков, включая греческий, умел вести хитрую дипломатическую игру, увлекался греческой философией и наукой. Главной чертой Мехмеда II была страсть к завоеваниям. Его ближайшей целью стало уничтожение государства ромеев. Для этого нужно было захватить Константинополь. А захват такого обширного и хорошо укрепленного города был задачей не из легких.

Заключив перемирие с императором, Мехмед II, как «волк, прикрывшийся шкурой ягненка», старался усыпить бдительность греков и обеспечить себе тылы. Первым делом султана была перестройка крепостей вблизи Константинополя: на европейском берегу Босфора — Румели-Хиссар, на азиатском — Анатоли-Хиссар. Обе мощные крепости были вооружены артиллерией, которую стали применять турки, и сильными турецкими гарнизонами. Решительный шаг к установлению блокады Константинополя был сделан.

В этот критический момент в Константинополе вновь

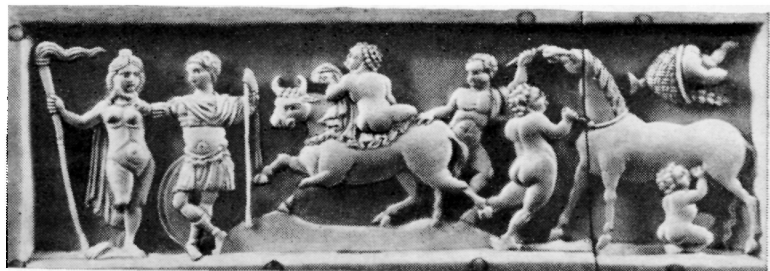
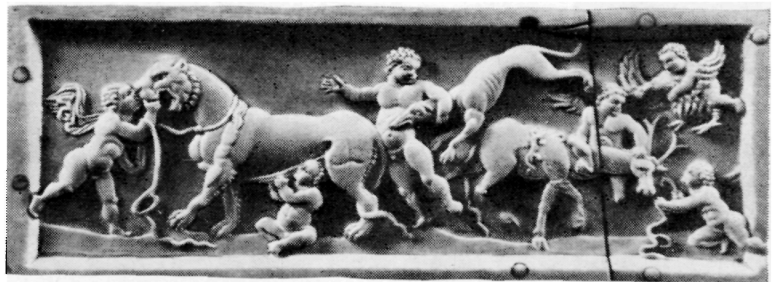
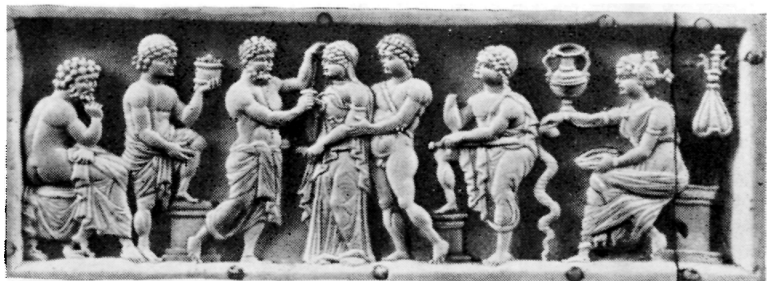
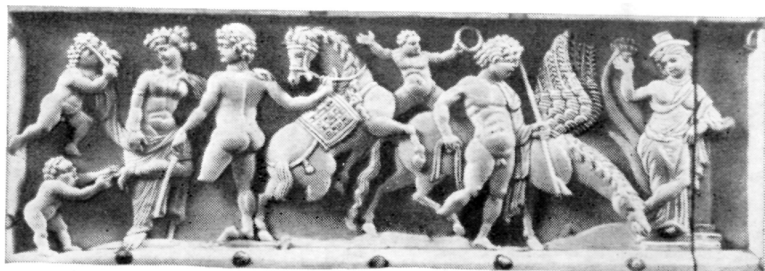

**Мученик Терин. Мозаика.
Салоники, церковь св. Георгия (Ротонда).
Конец IV в.**

**Императрица Ариадна.
Слоновая кость.
Париж, музей Клони.
Около 500 г.**

**Ларец из Вероли
(боковая стенка).
Слоновая кость.
Лондон,
музей Виктории
и Альберта. X в.**

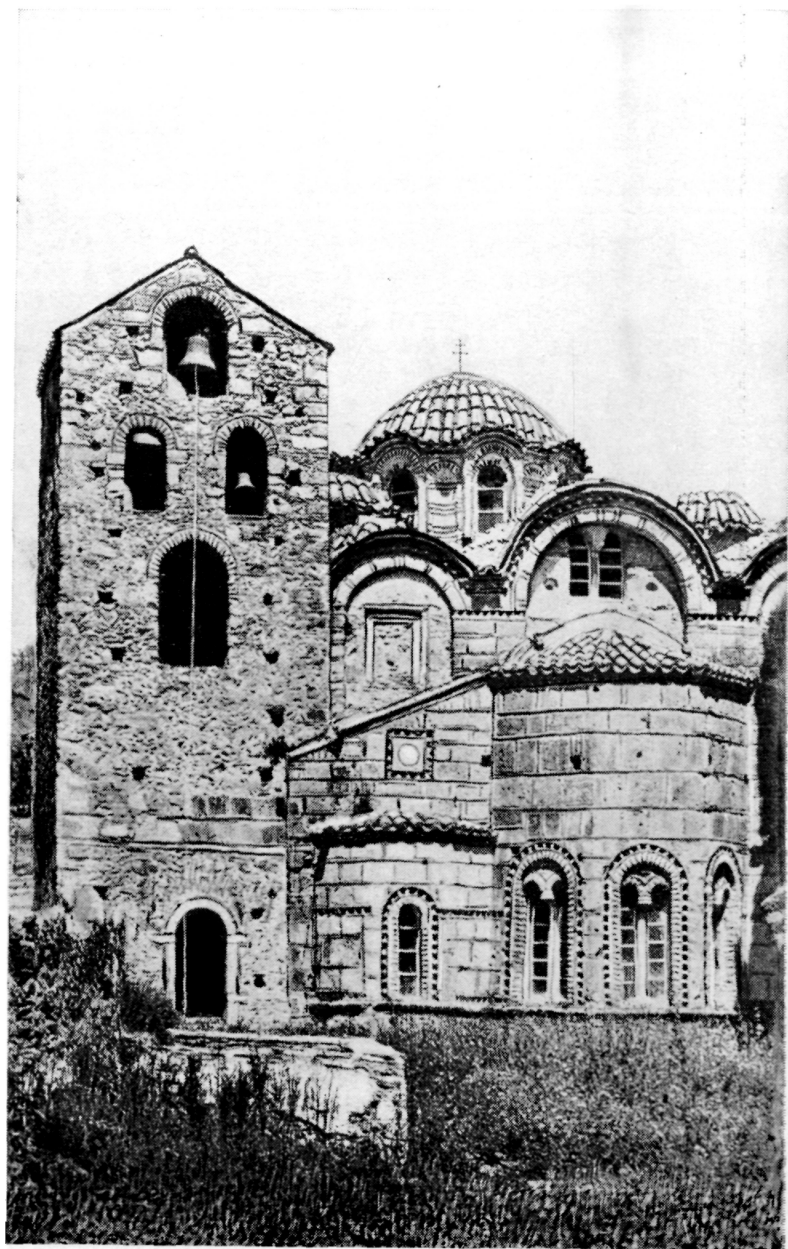

**Император Александр.
Константинополь,
собор св. Софии,
мозаика северной галереи.
912 г.**

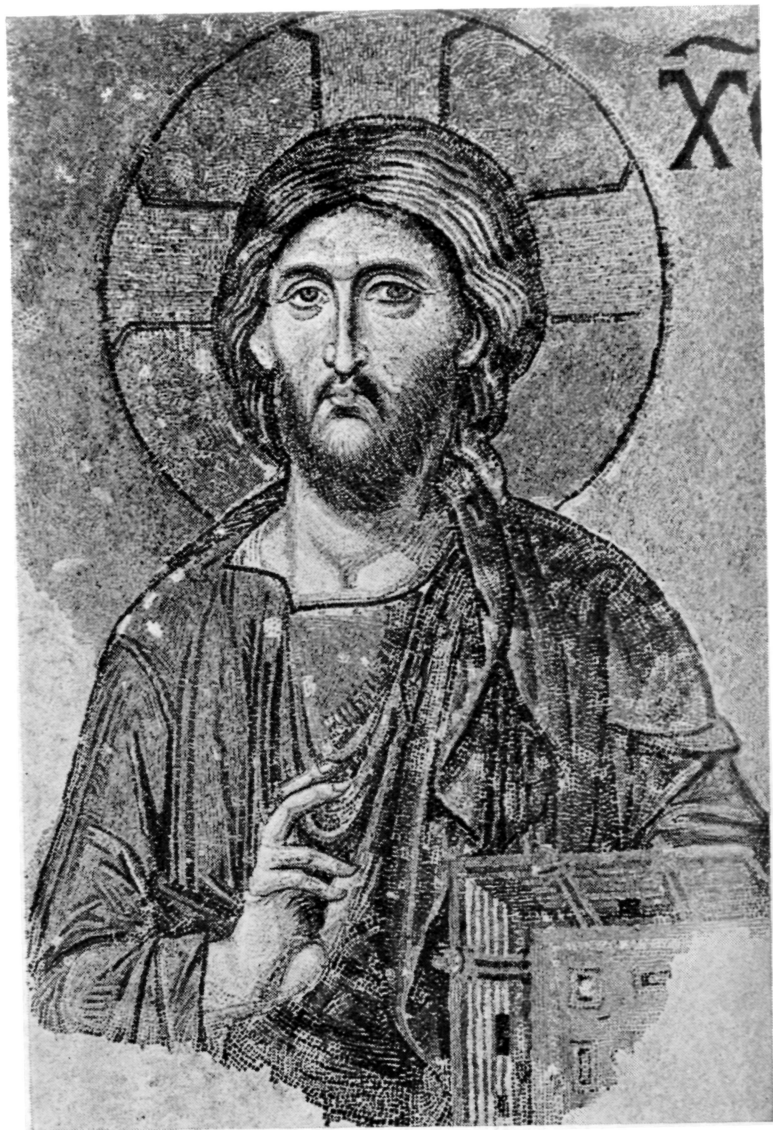
**Мистра.
Церковь св. Димитрия
(Митрополия).
Вид с востока.
Конец XIII — начало XIV в.**

**Архангел Гавриил.
Константинополь,
собор св. Софии,
мозаика
на южном склоне вивы.
867 г.**

◀
**Константинополь —
царица городов.
Вышивка по шелку.
Бамберг, музей. XI в.**

**Фрагмент Деисуса. Христос.
Константинополь, собор св. Софии,
мозаика южной галереи.
Вторая четверть XII в.**

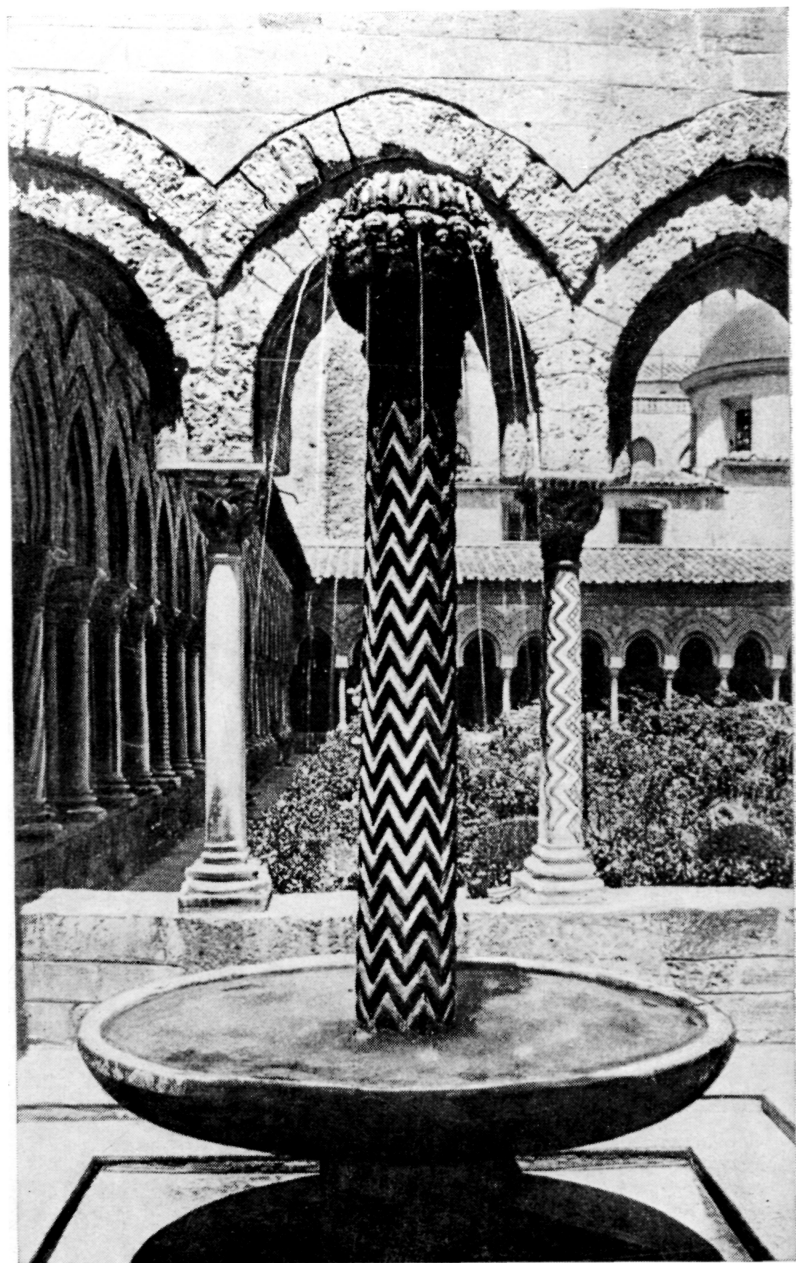

**Фрагмент Денуса
Богоматерь.
Константинополь,
собор св. Софии,
мозаика южной галереи.
Вторая четверть XII в.**

**Фонтан
в мавританском стиле.
Внутренний двор
Бенедиктинского
монастыря.
Монреале, Сицилия.
Конец XII — начало XIII в.**

**Фрагмент Денуса.
Иоанн Предтеча.
Константинополь,
собор св. Софии,
мозаика южной галереи.
Вторая четверть XII в.**

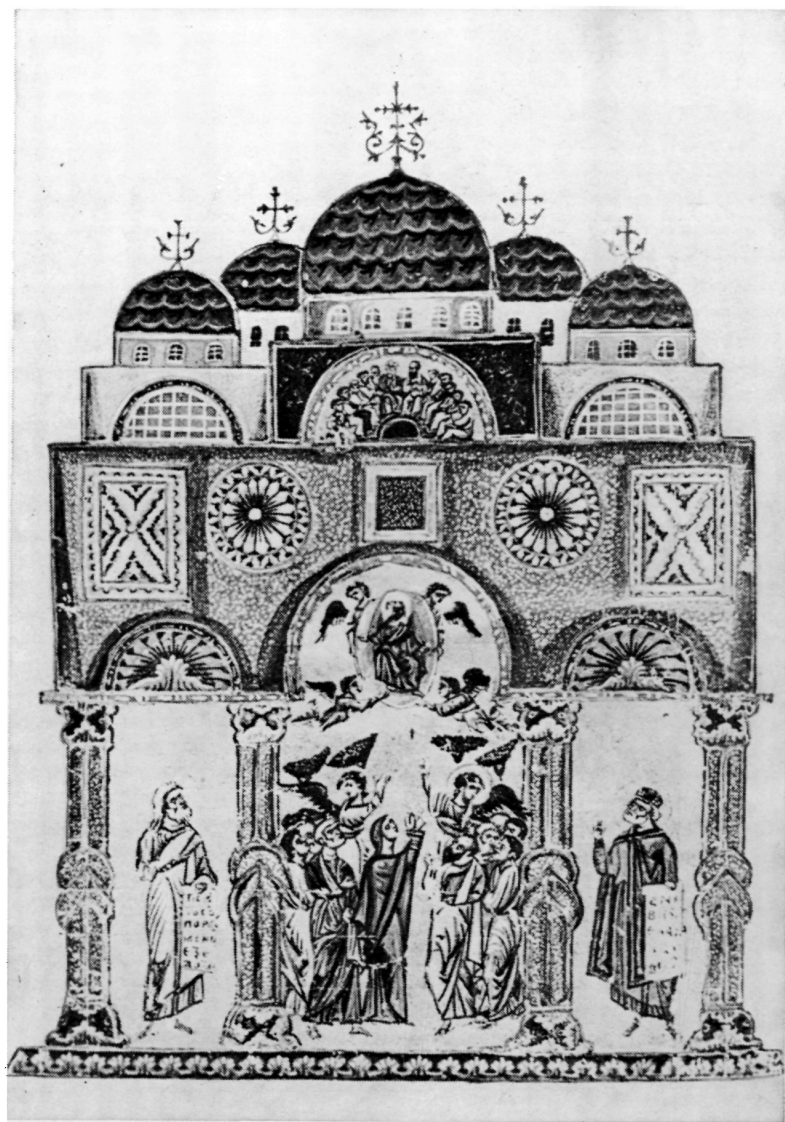

**Архангел Михаил.
Капуя,
церковь
Сант Анджело ин Формис,
фреска атрия.
Последняя четверть XII в.**

**Ангел. Икона.
Темпера, дерево.
Ленинград,
Государственный
Русский музей.
Конец XII в.**

Вознесение.

Миниатюра из Псалтири.

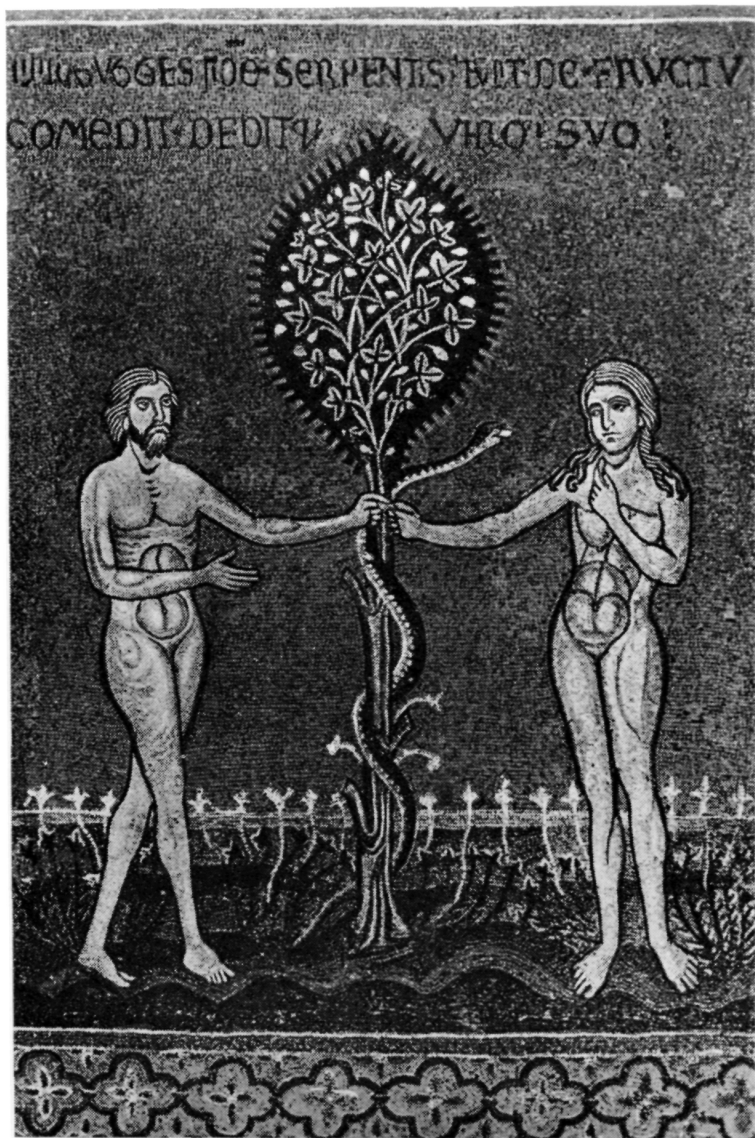
Париж, Нац. библиотека, код. греч. 1208. XII в.

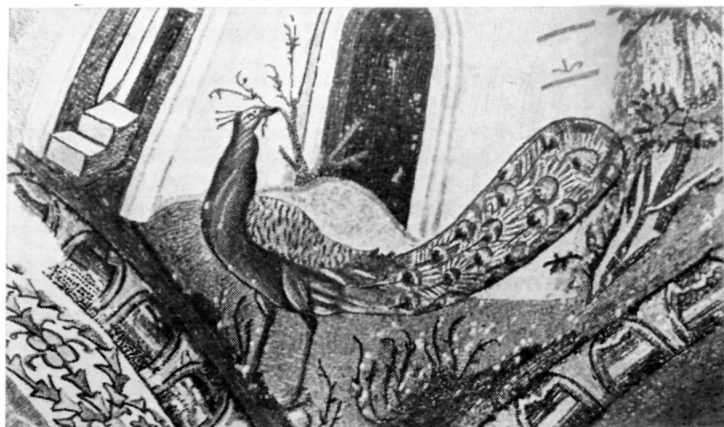
**Богоматерь.
Фрагмент Денсуса.
Мозаика. Константинополь,
Кахрие-Джами, внутренний нартекс.
Около 1316—1321 гг.**

Феодор Метохит.
Мозаика. Константинополь,
Кахрие-Джами,
восточная часть внутреннего нартекса.
Около 1316—1321 гг.

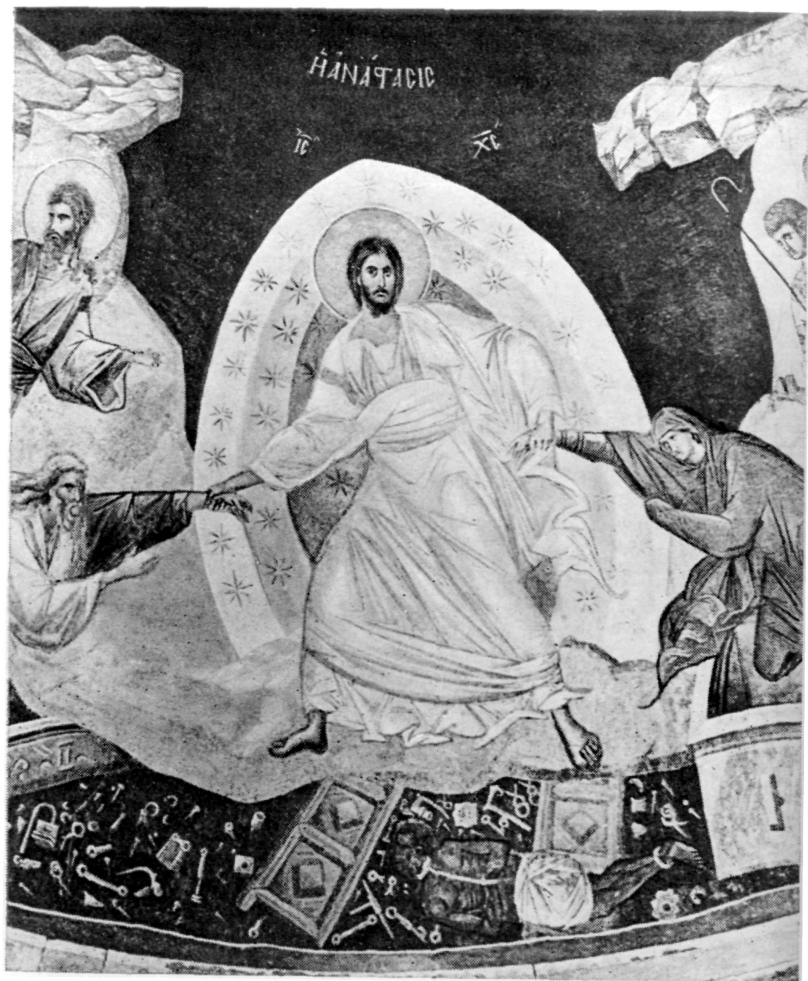
Искушение Адама и Евы.
Мозаика.
Собор Успения Богоматери.
Монреале, Сицилия. Конец XII в.

Павлин. Мозанка.
Константинополь, Кахрие-Джами,
юго-восточная часть свода внутреннего нартекса.
Около 1316—1321 гг.

«И небо скрылось, свившись как свиток»,
деталь композиции Страшного суда.
Фреска. Константинополь, Кахрие-Джами,
восточная часть главного свода.
Около 1316—1321 гг.

Сшествие во ад, деталь.
Фреска. Константинополь,
Кахрие-Джами, апсида парекклесия.
Около 1316—1321 гг.

начались распри между униатами и антнуниатами. В столицу державы ромеев явился папский легат — грек-рenegат кардинал Исидор. С ним прибыл на помощь грекам небольшой отряд наемников. Но взамен Исидор опять потребовал заключения унии. Византийское правительство было принуждено принять это предложение. В декабре 1452 г. в св. Софии кардинал Исидор в ознаменование принятия унии отслужил торжественную мессу по католическому обряду. Принятие унии вызвало в городе народные беспорядки, разжигаемые главой ортодоксальной партии Георгием Схоларием — в будущем первым греческим патриархом при турках Геннадием. Он бросил призыв к народу: «Не надо нам ни помощи латинян, ни единения с ними!» Его поддержали духовенство, народ и особенно монашество. Одновременно среди части столичной знати, разочарованной неудачами и недовольной правительством, росли туркофильские настроения. Командующий византийским флотом знатный вельможа и враг унии Лука Нотара публично бросил крылатую фразу: «Лучше видеть царствующей в городе турецкую чалму, чем латинскую тиару!» Тем самым он открыто декларировал опрометчивый выбор части знати, которая предпочла господству ненавистных латинян союз с турками. Слова эти оказались пророческими, а сам Лука Нотара вскоре узнал весь ужас турецкого завоевания. Раскол внутри господствующего класса пагубно сказался на судьбах империи. На Западе же, по существу, шел спор о византийском наследстве и разрабатывались планы захвата обреченной Византии.

Подлинную заинтересованность в спасении Византии проявили лишь Генуя и Венеция, да и то из-за вражды с генуэзцами Адриатическая республика медлила с оказанием помощи. Из западных держав наиболее решительно действовали генуэзцы. Еще до начала осады в столицу империи прибыл на двух галерах военный отряд в составе 700 генуэзцев под командованием храброго кондотьера Джованни Джустиниани, по прозвищу Лонг («Длинный»). Население города встретило его с великой радостью. Позднее из Венеции прибыли еще два военных корабля под командованием Морозини. Константин XI возлагал большие надежды на помощь греков Мореи, но распри его братьев Димитрия и Фомы помешали этому.

Зима 1452/53 г. прошла в военных приготовлениях с обеих сторон. Мехмед II готовил артиллерию, обдумывал план осады, собрал огромное войско из 150—200 тыс. вой-

нов. Созданная султаном артиллерия не имела себе равных в Европе. Однако флот турок уступал морским силам греков и итальянцев, умелых мореходов, да еще располагавших таким техническим преимуществом, как греческий огонь.

В начале апреля 1453 г. кольцо турецкой осады охватило древнюю столицу Византии с суши и с моря. Турецкая эскадра вошла в Мраморное море и заперла византийско-итальянский флот в Золотом Роге. Константин XI мог противопоставить огромному войску турок лишь небольшой гарнизон да отряды итальянских наемников. Превосходство военных сил турок было подавляющим. Началась осада Константинополя, которая продолжалась около двух месяцев. Несмотря на превосходство сил, турки длительное время терпели неудачи. Особенно большого успеха греки достигли на море. С о-ва Хиос к ним подошла эскадра из четырех генуэзских и одного византийского корабля, которые везли войска и продовольствие в осажденный город. Перед входом в Золотой Рог эта маленькая эскадра приняла неравный бой с турецким флотом, насчитывавшим 150 кораблей, и одержала блестящую победу на глазах у столпившихся на стенах города осажденных. Турецкие корабли были сожжены греческим огнем, а осажденные быстро сняли тяжелую железную цепь, преграждавшую вход в Золотой Рог, и победоносная эскадра благополучно вошла в гавань. Наблюдавший за сражением султан в страшном гневе бросился на коне в море и пытался подбодрить своих воинов. Но битва была проиграна, и турки потеряли в ней множество кораблей и около 12 тыс. моряков. Гнев султана был столь велик, что он собственноручно избил золотым жезлом командира турецкого флота болгарина-рenegата Паллада-оглу, отрешил его от должности, а все имущество неудачливого флотоводца раздал янычарам.

Гордая душа Мехмеда II не могла снести такого позора, и он поставил задачей во что бы то ни стало переправить турецкий флот в гавань Золотого Рога. Для этого был задуман и осуществлен хитроумный план: в ночь на 22 апреля турки, согнав множество народа, соорудили деревянный настил протяженностью в несколько километров от залива св. Устье до Золотого Рога. Строительство шло у стен генуэзской Галаты, но генуэзцы не известили осажденных и не препятствовали приготовлениям турок. На этот настил, густо смазанный бычьим салом, были поставлены турецкие корабли. С распущенными парусами, при попутном

ветре, под звук труб, грохот барабанов и пение воинственных песен турки за одну ночь перетащили свои корабли по суше в Золотой Рог. Велик был ужас защитников и жителей Константинополя, когда на другой день они увидели в гавани Золотого Рога 80 турецких кораблей. Попытка греков сжечь эти корабли успеха не имела. Смельчаки, скрытно подплывшие к ним, были схвачены и казнены турками. Турки построили в Золотом Роге плавучий гомост, с которого стали обстреливать артиллерией как корабли, находившиеся в гавани, так и стены города. Обстрелы турецкой артиллерии, полная блокада, голод и болезни, а особенно предательская позиция генуэзцев Галаты, начавших тайные переговоры с султаном, резко ухудшили положение осажденных. В ряды защитников города, в частности итальянских наемников и пролатински настроенной знати, проникла измена. Смута и волнения потрясали осажденный город. Очевидец осады — византийский историк Сфрандзи с горечью и негодованием пишет о предательстве генуэзцев Галаты: «Завел он [султан] дружбу с жителями Галаты, а те радовались этому — не знают они, несчастные, басни о крестьянском мальчишке, который, варя улиток, говорил: „О! глупые твои! Съем вас всех по очереди!“».

Решительный штурм Константинополя произошел 29 мая 1453 г. На рассвете лавина турецких войск двинулась на приступ. Два часа продолжалась кровопролитная схватка. Защитники города и его жители проявили небывалое мужество, сжигали осадные машины неприятеля, бросая на них со стен греческий огонь. По словам очевидца, темное облако скрывало солнце и небо. Турецкие войска несли огромные потери, и некоторые воины готовы были повернуть назад, но по приказу Мехмеда II наказанием оробевшим была немедленная смерть. Однако силы были неравны: в то время как горстка защитников таяла на глазах, к стенам Константинополя, подобно волнам прилива, прибывали все новые и новые отряды турок. Командир итальянских наемников Джованни Джустиниани, раненный в бою, покинул стены, сел на корабль и отправился в Галату. Это вызвало замешательство в рядах итальянских наемников. В этот момент султан бросил в бой отборную гвардию янычар. Один из них — Хасан, гигант огромной силы, первым взобрался на стену византийской столицы, за ним последовали другие воины, они захватили крепостную башню и водрузили на ней зеленое турецкое знамя.

Турки ворвались в Константинополь, но бои еще продолжались по всему городу. Император Константин XI Палеолог с горсткой храбрецов бросился, ища смерти, в самую гущу сражения. Он бился с мужеством отчаяния и погиб под ударами турецких ятаганов. Султан, желая убедиться в смерти врага, приказал разыскать труп императора; его долго искали среди груды мертвых тел и узнали лишь по пурпурным сапожкам с золотыми орлами, которые носили только византийские императоры. Мехмед II повелел отрубить голову василевса и выставить ее на высокой колонне в центре завоеванного города. Три дня и три ночи длился страшный разгром Константинополя. Остатки византийских войск были перебиты, большинство жителей убито или захвачено в плен. «В некоторых местах,— писал очевидец,— из-за множества трупов совершенно не было видно земли ... В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, везде стоны мужчин и стенания женщин; турки хватают, тащат, обращают в рабство, разлучают и насильничают». Лишь итальянские моряки, захватив некоторых своих соотечественников, бежали на кораблях из города. Особенно много пленных было захвачено и перебито в храме св. Софии, где искали убежища жители Константинополя. По сообщениям историков, Мехмед II, торжествуя победу, въехал по трупам на белом коне в св. Софию, дивился красоте храма и приказал превратить его в мечеть. Константинопольские дворцы и храмы, дома богатых жителей были разграблены, а часть их сожжена, прекрасные памятники искусства и ценные манускрипты погибли в пламени пожаров. По словам очевидцев, турки гнали из Константинополя десятки тысяч пленных и продавали их в рабство.

Некогда великий град Константина, Новый Рим на берегах Босфора, славившийся своей роскошью и блеском изысканной культуры, знавший мало соперников среди городов средневековой Европы, ныне лежал в развалинах. Его гибель произвела потрясающее впечатление на многие страны и народы Европы. Судьба его оплакивалась в многочисленных народных «Плачах» и в поэтических произведениях. Армянский поэт Аракел Багешский так оплакивал гибель столицы державы ромеев²:

Окружили тебя неверные
И осквернили, Византия,
Стала посмешищем ты
Для соседей язычников, Византия,
Как виноградник роскошный,

Ты цвела, Византия,
Сегодня плод твой стал пегодым,
Колочкой стал, Византия.

(Пер. С. С. Арешатяна)

Судьбу столицы вскоре разделили Морея, острова Эгейского моря, и, наконец, в 1461 г. Трапезунд. После разгрома Византии Турция превратилась в одну из могущественных держав средневекового мира, а захваченный Мехмедом II Константинополь стал столицей Османской империи Истамбулом.

Гибель Византии была обусловлена как внутренними, так и внешними причинами. Упадок ее экономики, феодальные усобицы и религиозные распри, бесконечная борьба за власть — все это вызывало недовольство в стране, ухудшало положение народных масс. Неблагоприятной для Византии была и международная обстановка. Русское государство, Армения и Грузия, сочувствовавшие единой Византии, сами вели борьбу с различными врагами и не могли оказать ей помощь. Гибели Византийской державы способствовали и вероломное попустительство Запада, и постоянные столкновения со славянскими государствами Балканского полуострова, ослабившие перед лицом общего врага как Византию, так и славян. Только после падения Византии ошеломленная Европа в какой-то мере осознала ту историческую роль, которую долгие годы играла эта страна в международной политике средневековья. Византийская империя, подобно Древней Руси, на протяжении столетий служила для Западной Европы как бы барьером, о который разбивались многочисленные войска тюркских и монгольских завоевателей, двигавшихся с Востока.

Турецкое завоевание имело, как известно, тяжелые последствия для народов Юго-Восточной Европы. Более того, утверждение турок на Балканах создало постоянную угрозу и для стран Западной Европы. Переход в руки турок торговых путей через проливы в Черное море, а также торговых связей с Ближним и Дальним Востоком нанес чувствительный удар по европейской торговле. Это стало одним из побудительных стимулов, заставивших европейцев искать новые торговые пути на Восток, в частности и вокруг южной оконечности Африки.

Византия прошла трудный, но насыщенный яркими событиями общественной и культурной жизни тысячелетний исторический путь. Ей по праву принадлежит видное место в прогрессивном развитии Европы и всего средневекового мира.

Глава 8. Последний взлет византийской культуры. Гуманизм против исихазма

Прогрессивные тенденции в византийской культуре XI—XII вв. развивались до самого конца существования Византийской империи. Вместе с тем они постоянно встречали отчаянное сопротивление со стороны идеологов господствующей церкви. В обстановке трагического умирания некогда могущественной империи, ныне зажатой в кольцо внешних врагов и сотрясаемой внутренними социальными конфликтами, происходит четкая поляризация двух основных течений в византийской идеологии: прогрессивно-предренессансного, связанного с зарождением идей гуманизма, и религиозно-мистического, нашедшего воплощение в учении исихастов.

Даже в самую тяжкую годину вражеских нашествий в Византии сохранялись очаги культуры, билась живая мысль, зрели новые идеи, порою опережавшие свой век и предвосхищавшие эпоху гуманизма. В XIV—XV вв. появляется целая плеяда византийских ученых — гуманистов и эрудитов, таких, как Феодор Метохит, Никифор Григора, Димитрий Кидонис, Георгий Гемист Плифон, Виссарион Никейский и многие другие.

Самым известным ученым и писателем конца XIII—XIV в. был Феодор Метохит (1260/61—1332)¹. Родился он в Никее в семье опального вельможи; при Андронике II Палеологе переселился в Константинополь, где и завершил свое образование. Необычайная память, умение во всем схватить главное, деловые способности, соединенные с умом мыслителя, позволили Метохиту вскоре достичь вершин служебной лестницы и стать великим логофетом и первым советником государя. Тонкий и умный дипломат, он возглавлял трудные дипломатические миссии на Кипр, в Сербию и всегда выполнял важные и секретные поручения императора. Незаурядный государственный деятель, Метохит трезво оценивал тяжелое положение Византии и с иронией называл себя «кормчим на прохудившемся корабле». В бытность свою великим

логофетом он много занимался строительной деятельностью, выстроил для себя великолепный дворец, восстановил с большим вкусом монастырь Хора. Однако и Метохиту пришлось испытать на себе превратности политической жизни. Во время войны двух Андроников, деда и внука (1320—1328), он, разумеется, помогал своему покровителю Андронику II. Поражение старого императора означало для Метохита ссылку, опалу, пострижение в монахи. Последние годы жизни Метохит провел в монастыре Хора, где занимался наукой и литературой. Впрочем, он всегда совмещал государственную деятельность с литературной.

Перу Феодора Метохита принадлежит большое число произведений на философские и морально-этические темы. Горячий поклонник и знаток античной культуры, он много сделал для возрождения в Византии изучения классической древности. Феодор Метохит поражал современников эрудицией, разносторонностью научных интересов, самостоятельностью философских взглядов. Его любимый ученик историк и философ Никифор Григора так писал о нем: «... он был живой библиотекой и ясной отгадкой для загадок; сколько людей ни прикасалось к наукам, он всех обгонял в короткое время». Он занимался философией, историей, филологией, риторикой, точными науками — математикой и физикой — и особенно увлекался астрономией, написав несколько трактатов, посвященных комментированию Птолемея, Гиппарха, Феона и других древних авторов. В работах по философии, истории и риторике Метохит по преимуществу следовал за античной наукой. В своих философских воззрениях он — последователь Платона, хотя и Аристотелю отдает дань уважения. Он отвергал учение Эпикура, восхищался Плутархом. В своем эссе о Плутархе Метохит нарисовал идеальный образ ученого, изложив собственное отношение к науке. Здесь он фактически провозглашает свое научное кредо — энциклопедизм, познание всех наук, как гуманитарных, так и естественных, отказ от следования за какой-либо одной философской школой. Именно этими качествами, по мнению Метохита, Плутарх обладал в полной мере и именно они возвысили его над всеми современными ему учеными. Ко всем сферам знания Плутарх «относился с любовью, и нет такого предмета, коснуться которого он не считал бы нужным из-за своей ненасытной жажды знаний и нескончаемого стремления насладиться всем самым прекрасным...». Одарен-

ный исключительными способностями, Плутарх с необычайной легкостью овладевал знаниями. Для него природа сделала родной любую отрасль науки, но на первое место он ставил философию; постигая все философские учения, он не примыкал ни к одной философской школе. Великий труженик Плутарх осуждал Эпикура за то, что тот обещал людям ложное блаженство, которое на деле оборачивалось праздностью, несправедливостью и тягчайшим самовластьем. Нет сомнения, что в оценке Плутарха у Метохита много личного и провозглашенным в этом эссе жизненным и научным принципам сам Метохит стремился следовать всю жизнь.

В обстановке турецкой опасности лучшие умы византийского общества волновались такими философскими вопросами, как судьба, рок, случайность и необходимость в жизни людей. Эта проблема привлекала и Метохита. Он отличал случайность, античную судьбу-случай «Тихи», порою счастливую, порою несчастную для человека, от грозной, неотвратимой силы провидения, которая управляет миром и недоступна пониманию людей. Случай — «Тихи» Метохит сравнивал с потаскушкой, изменчивой и неверной, необходимость — с божественным предопределением. Метохит, однако, не был фаталистом, он признавал, что поведение человека влияет на его судьбу. Универсальный закон бытия — рождение, развитие, достижение совершенства, упадок — Метохит трактовал оптимистически, полагая, что он должен примирить человека с неизбежностью угасания. В оценке Платона и Аристотеля Метохит разошелся с другим эрудитом того времени — Никифором Хумном. Метохит защищал Платона, Хумн — Аристотеля. Хумн нападал на платоновскую теорию существования идей вне тел, иными словами, вне материи. Оба мыслителя древности, однако, вызывали и у Метохита, и у его оппонента глубокое уважение. Так, Хумн писал: «Безумием было бы не признавать величие Платона и Аристотеля, но нельзя считать, что их положения являются оракулом, что нельзя ни развивать, ни продолжать их идеи». Метохит же видел недостатки Аристотеля — например, в сфере астрономии — и отдавал предпочтение Птолемию. Под знаком спора между сторонниками Платона и Аристотеля пройдут последующие полтора столетия существования Византийской империи.

Метохита, как и Плутарха, сильно волнуют проблемы нравственности и воспитания молодежи. Плутарх, по его словам, всегда использовал все, в чем есть хоть капля

добра и что может помочь нравственному совершенствованию человека. В этических воззрениях Метохита господствуют гуманистические идеи. В трактате «Этикос, или о воспитании» Феодор Метохит прославляет занятия наукой, считает умственный труд высшей формой наслаждения. Он ставит проблему, по-видимому глубоко его волновавшую: какая жизнь лучше — в браке или в безбрачии, праздная или в делах, деятельная или созерцательная. Известная раздвоенность существования преследовала Метохита всегда и повсюду. Он должен был заниматься делами, управлять государством, активно участвовать в политике и дипломатии, но душа его стремилась к кабинетной жизни ученого, к освобождению от дел и беспокойной суеты. Именно эта раздвоенность иногда выростала для Метохита в личную драму. И только в последние годы жизни он смог целиком отдаться научным занятиям.

Разумеется, жизнь властно вторгалась в научное и литературное творчество Метохита. В его исторических и риторических сочинениях в значительной мере отразились веяния современности, сложная идейно-политическая и религиозная борьба того времени. По складу ума и характера Метохит — утонченный эстет. Его эстетический идеал — гармония рационального и прекрасного, разума и красоты. Он высоко ценил благородство и утонченность, любовался красотой природы, произведений искусства, памятников древности. Природа для него — источник не только красоты, эстетического наслаждения, но и поэтического вдохновения. Феодор Метохит преклонялся перед красотой слова, образа, метафоры, много занимался филологическими проблемами. В его стихах сильны личные мотивы, соединенные с некоторой долей морализирования. Всюду — и в музыке, и в математике — он ищет прежде всего гармонию. Но нельзя представлять себе Метохита человеком замкнутым, самоуглубленным, чуждавшимся людей. Наоборот, его обширная переписка воссоздает живой и привлекательный образ человека общительного, окруженного друзьями и учениками, веселого, любящего острую шутку, занимательную беседу. Мировоззрение Метохита в целом оптимистическое. Выше всего интеллектуалы из кружка Метохита ставят литературный труд, утонченность образа мыслей, поиски научной и нравственной истины. Метохит и его друзья заботятся о литературной славе, о бессмертии, обретаемом в творениях. Феодор был большим

знатоком и любителем искусства. Его активной меценатской деятельности византийское общество было обязано созданием такого великолепного памятника предренессансного искусства, как росписи монастыря Хора (Кахриэ-Джами) в Константинополе.

Рядом с Метохитом высится мрачная, суровая, могучая в своей непреклонной стойкости фигура другого византийского эрудита XIV в. — Никифора Григоры (около 1295 — около 1360) ². Ученик Метохита, Григора по глубине научных познаний и самостоятельности мышления в известной степени превзошел своего учителя. Так, он трезво и скептически смотрел на учение Платона об идеях. «Неужели, — говорил он, — ... человеческие законы являются только тенью, игрушкой бога, как это изображает Платон?» Григора был поклонником и знатоком Аристотеля и упрекал Метохита в том, что тот не постиг основательно логику и метафизику этого мыслителя. Однако взгляды Платона на государственное устройство и его этику он разделял.

Никифор Григора был разносторонним ученым: он занимался как гуманитарными науками (историей, философией, богословием, риторикой), так и естественными (астрономией, геометрией, арифметикой, музыкой). Универсализм, отличавший многих византийских и итальянских гуманистов, был ему присущ в полной мере. Он не только комментировал древних авторов, но исправлял ошибки переписчиков и даже восполнял утраченные в рукописях места. Самостоятельное научное творчество Никифора Григоры отличалось глубиной и корректностью в решении сложных проблем. Так, например, он предложил реформу календаря, предвосхитившую Грегорианскую, он много сделал для построения астрологии. В области богословия Григора решительно выступил против мистического учения исихастов (см. с. 248), за что был подвергнут опале, заточению в монастыре Хора, а позднее предан анафеме. В монастыре он создал свой огромный исторический труд «Ромейская история». В последней части это сочинение носит характер мемуаров, проникнуто ненавистью к личным врагам автора, изобилует длинными отступлениями на философско-богословские темы. Вместе с тем исторический труд Никифора Григоры — памятник времени, в нем с большой силой отразились кипение политических страстей, борьба гуманистов против церковной реакции, разномыслия среди ученых-эрудитов.

Вокруг Феодора Метохита и Никифора Григоры группировались передовые представители интеллектуальной элиты. Их связывала общность научных интересов и истинная дружба. В огромном эпистолярном наследстве Метохита и Григоры в полной мере нашел отражение культ дружбы, возрожденный гуманистами Византии и Италии. Григора считал дружбу прекрасным даром судьбы и ставил ее выше всех земных благ. Он подчеркивал, что дружба расцветает у родственных душ, а ее основой является единство взглядов. В окружении Феодора Метохита и Никифора Григоры входили Никифор Хумн, Григорий Кипрский, Димитрий Кидонис, Иоанн Хортамен, Михаил Гавра и др. Все они были, хотя и в разной степени, приверженцами новых гуманистических идей. Все они вызывали ненависть у сторонников мистического учения Паламы. Но объектом особенной ненависти стал Никифор Григора, как самый талантливый, мыслящий и прогрессивный гуманист, снискавший уважение всех передовых людей своего времени. Судьба Никифора Григоры трагична: церковники угрожали ему сожжением его книг и физической расправой; доведенный до отчаяния, он несколько раз пытался покончить с собой и, наконец, не выдержав преследований, умер в монастыре. Но и после его смерти фанатики мстили стойкому, мужественному борцу за передовые идеи — они надругались над останками Григоры и волокли по улицам Константинополя его мертвое тело. Научная и гуманистическая деятельность Григоры оставила тем не менее значительный след в общественной жизни поздней Византии.

Выдающимся ученым-гуманистом и политическим деятелем XIV в. был Димитрий Кидонис (около 1324—1397/98)³. Он происходил из знатной семьи, был приближенным императора Иоанна Кантакузина, а затем его преемника Иоанна V Палеолога. Кидонис побывал в Италии и изучил там латинский язык. Сопровождая императора во время поездки в Рим в 1369—1371 гг., он познакомился с западной наукой, завязал связи с итальянскими учеными; впоследствии перевел на греческий язык Фому Аквинского и ряд других латинских авторов. Плодовитый писатель, оставивший обширное литературное наследство, по своим политическим убеждениям Димитрий Кидонис был горячим сторонником сближения Византии с Западом, заключения унии между православной и католической церквями. В споре между

западником Варлаамом и Паламой он энергично боролся против главы исихазма. Уйдя от политической деятельности, Димитрий Кидонис, заподозренный в приверженности к католицизму, уехал в Венецию, а затем на Крит, где и окончил свои дни. В разнообразном литературном наследстве Кидониса встречаются философский трактат «О презрении к смерти», богословские сочинения латинофильской окраски, поэтические и риторические произведения. Особой утонченностью стиля и красотой слога отличаются многочисленные его письма, маленькие шедевры эпистолярной литературы. Он переписывался со многими эрудитами своего времени, с итальянскими и византийскими гуманистами, политическими деятелями. Независимость суждений, широта кругозора, большой жизненный опыт придают переписке Димитрия Кидониса особый интерес не только как первоклассному историческому источнику, но и как яркому явлению в гуманистической литературе XIV столетия.

В поздней Византии культурные связи с Западом крепили и развивались. Многие византийские ученые ездили в Западную Европу, знакомились с системой преподавания в университетах Италии, Франции, Англии. В то же время молодые итальянцы учились в Константинополе и Мистре, среди них Гуарино, Франческо Филельфо и многие другие. Особой известностью среди преподавателей пользовался Мануил Хрисолор — знаток греческой литературы и горячий поклонник культуры Запада.

Мануил Хрисолор (1350/51—1415 гг.) получил блестящее образование и еще в молодости самостоятельно выучил латынь, что впоследствии открыло ему возможность преподавать в Италии греческий язык и литературу гуманистам, которые все, как правило, владели латынью. Его знания использовались и при дворе императора Мануила II Палеолога, который в период усиления турецкой опасности искал союзников. В 1394/95 г. Хрисолор вместе с Димитрием Кидонисом впервые отправляется с миссией в Италию, чтобы добиться помощи Запада против османов. И хотя миссия окончилась неудачей, для Хрисолора поездка была полезной: он познакомился с итальянскими гуманистами, и его как знатока греческого и латинского языков пригласили на следующий год преподавать во Флоренции. Помогали ему видные гуманисты Колуччо Салютати, Палла Строрци и Никколо Никколи, с которыми у него установилась проч-

ная дружба. Тяга к изучению греческого языка среди гуманистов была огромной. Они прекрасно понимали необходимость знания греческого, без которого творения греческого гения во многом еще оставались тайной за семью печатями. Случайные переводы с греческого и арабского — преимущественно Аристотеля, — существовавшие в то время, уже не могли удовлетворить гуманистов.

Лекции, которые читал Хрисолор во Флоренции в 1397—1399 гг., пользовались огромным успехом, и слава его росла с поразительной быстротой. Первыми его учениками были Роберто Росси, Якопо д'Анджело и знаменитый гуманист Леонардо Бруни. Хрисолор сблизился с Палла Строцци, в доме которого хранилась великолепная библиотека античных авторов и собирался кружок гуманистов. Во время эпидемии чумы во Флоренции в 1399 г. Палла Строцци приютил своего греческого друга в загородном имении. Хрисолор написал учебник по греческому языку в виде диалогов («Вопросы») и перевел его на латинский язык. Он проводил с учениками диспуты, читал античных авторов. Но главным делом жизни Хрисолор считал перевод греческой литературы на латинский язык. Он сам перевел «Государство» Платона и обучал гуманистов искусству перевода. Он призывал отказаться от дословных, подстрочных переводов, а переводить по смыслу, добываясь изящного слога. Под его руководством начали переводить в первую очередь Плутарха и Платона. В 1400 г. Хрисолор покинул Флоренцию и преподавал с успехом в Падуе, Павии, Милане, Риме. Возвратившись в 1403 г. в Константинополь, он продолжал занятия в своей школе риторики и философии. Некоторые гуманисты последовали за ним в Византию, в частности Гуарино и Франческо Филельфо. По поручению императора Мануила II Палеолога Хрисолор несколько раз ездил на Запад, побывал еще раз в Италии, затем во Франции, Англии и Испании. Всюду он опять искал Византии союзников для борьбы против турок, «но везде проявляли много интереса к греческой культуре, но мало склонности к большим жертвам ради греков». Хрисолор был хорошо принят при папском дворе и в 1414 г. участвовал в переговорах о воссоединении греческой и римской церковью на церковном соборе в Констанце. Тяготы путешествия, огромное напряжение подорвали его здоровье, и он внезапно скончался в 1415 г. в Констанце, где и был с почестями похоронен.

Сохранились восторженные отзывы о Мануэле Хрисолоре итальянских и византийских гуманистов. Гуаррино Веронезе, припавший в доме Хрисолора в Константинополе, неустанно восхвалял знаменитого грека как мудрого, доброго, обаятельного ученого. Его сын Баттиста Гуаррино считал, что Хрисолор воскресл и заставил сверкать прежним блеском науку, которая во многих областях пришла уже в упадок или почти угасла. «О праздничный день, — пишет он, — его падо ежегодно торжественно вспоминать! — когда Мануил Хрисолор, принеший счастье всей Италии, приблизился к этим берегам!» Даже свою латинскую литературу гуманисты, по его мнению, стали лучше понимать, познав греческую⁴.

На примере Димитрия Кидониса и Мануила Хрисолора мы видим, какую огромную роль сыграли греческие ученые в становлении и развитии итальянского гуманизма. Они, а затем их последователи, византийские гуманисты, работавшие в Италии, знакомили итальянцев с сокровищами античной литературы и языка, с достижениями философии и естественных наук. Влияние их на итальянских гуманистов было длительным и плодотворным.

Над всеми византийскими учеными-эрудитами XIV—XV вв. возвышается могучая, порою таинственная и еще не вполне понятая фигура Георгия Гемиста Плифона. Плифон (около 1360—1452) был самым выдающимся философом, мыслителем и религиозным реформатором поздней Византии⁵. Он родился в Константинополе, где получил блестящее образование, был учеником Димитрия Кидониса. В молодости увлекался не только античной философией, но и философией Аверроэса и других арабских и персидских ученых. Впрочем, решающее воздействие на формирование его философских взглядов оказали Платон и неоплатоники. Большую часть своей жизни Плифон прожил в Мистре, новом центре гуманистической культуры XIV—XV вв., где занимался преподавательской деятельностью. Сведения о жизни Плифона скудны, известно только, что вокруг него группировался тесный кружок избранных учеников и последователей, которым он излагал свои философские и религиозные взгляды. Георгий Гемист Плифон присутствовал на Ферраро-Флорентийском соборе 1438/39 г. Он установил связи с итальянскими гуманистами, знакомил их с философией Платона. Плифону удалось увлечь своими идеями зна-

менитого мецената Козимо Медичи и добиться от него организации Платоновской Академии во Флоренции. После Флорентийского собора Плифон вернулся в Мистру, где занял должность судьи. Обязанности судьи он исполнял до конца своих дней. При жизни гонениям со стороны церкви и правительства он не подвергался. Однако важнейшее философско-религиозное произведение Плифона «Законы» было после его смерти сожжено, как проповедь еретических взглядов, его противником, главой ортодоксальной партии Георгием Схоларием, который стал последним византийским патриархом под именем Геннадия.

Философская система Плифона, изложенная в «Законах», дошедших до нас во фрагментах, основывалась на объективно-идеалистической философии Платона, трактуемой в духе неоплатонизма; такие фундаментальные идеи Платона, как вечное бытие бога и совечность ему материального мира, полностью признавались и византийским философом. Плифон был сторонником абсолютного детерминизма, соединенного с натурализмом и порою доходящего до фатализма. Человеку он, однако, оставлял свободу воли. Учитывая необходимость, человек может свободно действовать в соответствии со своей волей, поскольку он обладает душой. Высшая необходимость — это бог, но он не имеет ничего общего с порабощением человека, лишением его воли.

Плифон пошел значительно дальше по пути рационализма и вольнодумства, чем Михаил Пселл и даже Иоанн Итал. Но, как это ни парадоксально, с позиций разума он хотел создать цельное мировоззрение на основе глубоко идеалистической теории Платона об идеях. Согласно Плифону, идеи делятся на две категории: первые являются основой для вечных сущностей и способны самостоятельно действовать и творить, вторые нуждаются для своего существования в материи, но, получив ее, могут оказывать на нее влияние. Мирозданием управляет разумное начало, иными словами — бог. Плифон считал необходимым заменить христианскую мистику и официальное православие новой религией, основанной на учении Платона об идеях. Приняв имя нового Платона, Георгий Гемист выступал против Аристотеля, которому покровительствовала господствующая церковь. Плифон и его ученики создали новую универсальную религиозную систему. Они проповедовали замену христианской монотеистической религии реформированным язычеством,

где был создан новый языческий Пантеон, переосмысленный на основе неоплатонизма. Строго замкнутая, тайная каста верующих отправляла обряды этой новой религии. Известное влияние оказали на них восточные культы. Вместо веры основой создаваемой Плифоном религии стал разум. Плифон создал новую иерархию олимпийских богов, дав каждому свое истолкование. Верховный бог, соответствующий христианскому Богу-Отцу, — это Зевс, причина всего сущего, сам в себе сущий, единый, высшее добро. Христианскому Логосу-Сыну в пантеоне Плифона адекватен Посейдон. Это чистая идея, мировой разум. Гера — олицетворение материи, множественность в единстве; Аполлон — идея тождества и сходства; Артемиды — идея различия; Плутон — носитель идеи бессмертия души; Афродита — идея продления рода, благодаря которой смертный человек сохраняет идею бессмертия человечества. Все другие боги также являются олицетворением каких-либо идей. По Плифону, возрожденные им олимпийские боги отнюдь не были антропоморфным воплощением идей, но самими идеями, некими трансцендентными силами, управляющими миром. Думается, что столь сложный пантеон, основанный на причудливом смешении языческой формы с платоническим содержанием, был малопонятен широкому кругу даже образованных людей и, по-видимому, религия Плифона осталась религией узкой секты, достоянием малого числа посвященных. Но сам Плифон и его ближайшие сподвижники верили в жизненность новой религии и создали для нее — в противовес христианству — особый символ веры, литургию и календарь новых праздников.

Привлекательность идей Плифона состояла в том, что он стремился дать людям блаженство не в потустороннем мире, как учила христианская церковь, а здесь, на земле, в обществе, перестроенном на основе новых законов морали. Этические воззрения Плифона, во многом эклектичные, вобрали в себя некоторые идеи Платона, Зороастра и стоиков. Мораль Плифона зиждилась на учении о добре и зле; источник добра — боги, источник зла — сам человек, его отклонение от высшей идеи, отсутствие в нем совершенства. Для достижения добродетели человек должен не только следовать по пути, указанному богами, но и победить зло в самом себе. Чтобы быть счастливым, каждый обязан жить активной жизнью, развивать свои способности. Наказание, посылаемое за грехи одному человеку, имеет целью оздо-

рование всего человечества. Способом достижения блаженства для человека является самоусовершенствование, и прежде всего духовное, интеллектуальное, доступное, как это ясно понимал Плифон, лишь немногим. Иными словами, философская система и этическая программа Плифона носили аристократический характер, проповедовали совершенство и высоту духа для отдельных, избранных личностей, стоящих над обществом. Дело Плифона продолжали его ученики Димитрий Кавака и Ювеналий.

Плифон, как всесторонне одаренная личность, был не только философом и религиозным реформатором, но и государственным человеком. Он не всегда уносился мыслью в заоблачные выси умозрительной философии, но много размышлял и о насущных государственных делах своего времени, о социально-экономических и административных реформах, которые могли бы укрепить клонившееся к упадку Византийское государство. Основываясь на «Государстве» Платона, Плифон предложил правителям Морей провести коренные реформы государственного устройства. Государство должно, как и у Платона, управляться мудрыми философами. Под защитой воинов будут в нем гармонически трудиться как богатые граждане, земледельцы, купцы, владельцы мастерских, так и простые труженики. Плифон предложил все население разделить на три разряда: к первому он относил тех, кто сам работает, прежде всего земледельцев; ко второму — тех, кто снабжает первых инвентарем и скотом (купцы, ремесленники); третий разряд состоит из людей, охраняющих всех граждан (воины), и особая группа, примаыкающая к третьей, — это правители и чиновники, заботящиеся о процветании государства. Плифон предлагает ввести налоги, полностью уплачиваемые натурой, строго придерживаться политики протекционизма, довольствоваться, например, своими тканями и не покупать их у итальянцев; резко, с нескрываемой ненавистью он выступает против монашества, называя монахов не иначе как трутнями. В идеальном государстве, мечтал Плифон, под эгидой политики протекционизма вновь расцветут ремесла и торговля, будет создана национальная регулярная армия, способная спасти империю и заменить продажных наемников. В утопическом государстве Плифона, в его политической теории можно усмотреть достаточно реалистические идеи, в какой-то степени предвосхищавшие основы устройства национальных

государств, которым принадлежало будущее в Европе.

Так мыслитель-утопист, фантазер, мечтатель уживался в Плифоне с реалистическим политиком, знатоком социальных и экономических проблем современного ему общества. Смелая утопическая философско-религиозная система Плифона, стремившегося не только создать свою новую, проникнутую языческим пантеизмом религию, но и возродить в Византии идеальное государство Платона, хотя и была обречена на неудачу, оставила заметный след в развитии человеческой мысли. В мировоззрении Плифона ярко проявилась известная двойственность, присущая всей византийской культуре того времени. С одной стороны, это грек-патриот, горячий поклонник эллинизма и возрождения эллинских традиций; он мечтает спасти свою родину, ясно видя ее бедственное положение, путем создания языческой религии, воскрешения философии Платона и платоновской государственной системы. С другой стороны, это гуманист, тяготеющий к западной культуре, восторженно встреченный в Италии, учитель многих итальянских гуманистов и фактически основатель флорентийской Платоновской Академии. Могучий ум, провозвестник идей гуманизма и свободомыслия, противник христианской религии и церковной иерархии, Плифон пользовался огромной славой у своих современников.

Его ученик видный ученый и церковный деятель Виссарион Никейский считал его «после Платона и Аристотеля мудрейшим мужем во всей Элладе». В эпитафии Плифону Виссарион пишет:

Немало мужей породила Эллада,
Прославленных в мудрости, смелых душою,
Но краше всех звезд лучезарное солнце:
Так всех затмевает мужей знаменитых
Мудрейший из мудрых, средь славных великий,
Почивший навеки Гемист несравненный.

(Пер. З. В. Удальцовой)

В XV в. среди византийских гуманистов выделяется еще одна яркая, талантливая, но отмеченная печатью глубокой двойственности фигура философа, богослова, знатока древности, библиофила и вместе с тем видного церковного деятеля Виссариона Никейского⁶. Виссарион Никейский (1403—1472) родился в Трапезунде в семье среднего достатка. Трапезунд в это время был важным культурным центром, «приютом наук и искусств», как его называли современники. Уже в ранней юности Вис-

сарнион, человек исключительных дарований, изучал греческих философов, поэтов и риторов. Около 1415 г. для продолжения образования он покидает родной город на многие годы. Константинополь, Пелопоннес, Рим станут отныне его пристанищем. В Константинополе в это время славилась школа ритора и грамматика Мануила Хрисокока, которую и окончил Виссарион. Товарищем Виссариона по школе был будущий знаменитый итальянский гуманист Франческо Филельфо; не исключено, что именно под его влиянием родился у Виссариона интерес к западному гуманизму. Через Филельфо он вошел в кружок известного западника Мануила Хрисолора. Здесь же он завязывает связи с гуманистами Константином Ласкарисом, Иоанном Аргиропулом и итальянцем Джованни Аурипой. Однако для пытливого ума Виссариона круг знаний, полученных в школе Хрисокока, оказался тесен, он стремился приобщиться к высотам науки. В это время слава знаменитого философа Георгия Гемиста Плифона гремела по всей Византии. Виссарион покидает столицу, чтобы отправиться на Пелопоннес и услышать «нового Платона». Столица Пелопоннеса Мистра была вторым после Константинополя культурным центром империи. Мистра с XIV в. стала очагом византийского «Возрождения», здесь были сильны латинофильские настроения и связи с Италией. В Мистре Виссарион стал учеником Плифона и изучал под его руководством различные науки, но прежде всего философию Платона. Безусловно, влияние такого могучего ума, как Плифон, оставило неизгладимый след в душе Виссариона — недаром всю последующую жизнь он был горячим приверженцем философии Платона.

Дальнейшая судьба Виссариона была связана с церковной деятельностью: он получил сан епископа Никеи, был привлечен правительством к участию в заключении Флорентийской унии, где играл одну из первых ролей, став во главе латинофильской партии. Образованный богослов, он вел ожесточенную полемику с Марком Эфесским и другими противниками соединения церквей. После провала унии в Византии в мае 1440 г. Виссарион принужден был покинуть родину и навсегда переселиться в Италию. Он переходит в католичество и становится кардиналом римской церкви. Разрыв с родиной, отказ от православной религии и всей прежней жизни Виссарион тяжело переживал и до конца дней оставался в душе греком и ценителем греческой культуры.

Поселившись в Италии, Виссарион вскоре попал в среду видных гуманистов, был дружен с Амброджио Траверсари, Гуарино, Флавио Биондо, Ауриспой. Среда, в которую вошел Виссарион в Италии, разумеется, должна была оказать на него влияние и способствовать его сближению с латинянами. Папская курия высоко оценила ум, богословские познания и активную латинофильскую деятельность Виссариона — он стал влиятельным лицом в курии. В Италии Виссарион прожил значительную часть своей жизни — с 1440 по 1472 г. Еще в 1439 г. ему был пожалован сан кардинала римской церкви, в 1440 г. он приступил к исполнению своих обязанностей. Виссарион быстро делал карьеру при папском дворе, выполнял важные поручения курии. После падения Константинополя в 1453 г. он выступил одним из инициаторов крестового похода против турок, ездил с посольством в Германию с целью склонить к борьбе против Османской державы германского императора Фридриха III, позже с подобной же миссией он отправляется во Францию ко двору Людовика XI. Однако достигнуть вершины славы и надеть папскую тиару, о чем мечтал Виссарион, ему так и не удалось. Грек по происхождению, он не был избран папой, и вскоре его звезда начинает меркнуть. Он отходит от дел и предается научным занятиям.

Литературное и научное наследие Виссариона огромно, среди его трудов и речей мы встречаем богословские трактаты, где излагалась сущность латинского учения о *filioque* и велась полемика с противниками унии. Особенно ярко выраженную католическую окраску имела его «Энциклика к грекам», написанная уже после падения Константинополя; причиной падения Константинополя и всех страданий греков объявляется схизма, отделение греков от католической церкви. Антиправославная деятельность Виссариона и его соратника кардинала Исихора вызывала большое возмущение греческого духовенства во главе с Георгием Схоларием.

По своим философским взглядам Виссарион был последователем философии Платона. В то время философская мысль двигалась зачастую между двумя полюсами — Аристотелем и Платоном и удаление от одного неизбежно означало сближение с другим. Виссарион, поскольку учение Аристотеля поддерживалось католической церковью, проявлял достаточную осторожность и, будучи платоником, старался не показаться врагом Ари-

стотеля. Более того, он поставил своей задачей примирить философию Платона с христианством. Глубоко изучив обоих великих философов, Виссарион искал точки соприкосновения между ними. Спор между аристотеликами и платониками нашел отражение в труде Георгия Гемиста Плифона «О том, чем отличается Аристотель от Платона». Ряд его мыслей Виссарион развил в своем трактате «О природе и искусстве».

Споры вокруг учения Платона и Аристотеля продолжались долго, и Виссариону не раз еще пришлось выступить в защиту Платона. В своем главном философском труде — «Против клеветника на Платона» — Виссарион обрушился на Георгия Трапезундского, своего бывшего ученика, изменившего учителю. Сравнивая Платона и Аристотеля, Виссарион доказывал, что в вопросах риторики, диалектики и даже математики Платон выше Аристотеля, зато Аристотелю надо отдать предпочтение в естественных науках, особенно в физике. Сближая Платона с христианством, Виссарион утверждал, что в триаде Платона (бог, разум, мировая душа) уже содержится зародыш христианского учения о Троице. В концепции происхождения мира Платон, по его мнению, также ближе к христианству, ибо учит о возникновении «всего из ничего» по воле бога. Книга Виссариона имела огромный успех. Ее восторженно встретили итальянские гуманисты Марсилио Фичино и Франческо Филельфо, греческий ученый Иоанн Аргиропул и многие другие. Таким образом, Виссарион, хотя и не создал оригинальной философской системы, все же, будучи приверженцем и защитником платонизма, больше привлекавшего гуманистов, чем средневековая схоластика, оказался в рядах передовых людей XV в. и внес определенный вклад в развитие философской мысли⁷.

Велика роль Виссариона в поднятии интереса в Италии к греческой культуре. Вокруг него постепенно сложился кружок ученых, писателей, риториков и любителей древности, получивший название «Академия Виссариона» и снискавший большую славу. Дом Виссариона в Риме стал центром гуманистических занятий. Богатый меценат, знаток и любитель древних рукописей, Виссарион собирал и переписывал ценнейшие манускрипты. Его коллекция стала поистине бесценной. В «Академии Виссариона» встречались, вели научные беседы, знакомились с редкими книгами Лоренцо Валла, Поджо Браччолини, Флавио Бьондо, Франческо Фи-

лельфо, Иоанн Гатти, Валерий Витербский и многие другие выдающиеся люди того времени. Там нашли приют бежавшие после разгрома Константинополя турками греческие ученые Михаил Апостолий, Андроник Каллист, Феодор Газа, Константин Ласкарис и др. Гуманист Никколо Перотта выучил у Виссариона греческий язык и перевел на латынь Полибия. Под руководством Виссариона переводили греческих писателей Платина (биограф кардинала), Домицио Кальдерини, библиотекарь Ватикана Манетти. Много замечательных произведений греческих авторов перевел на латынь сам Виссарион, среди них мы встречаем блестящий перевод 14 книг «Метафизики» Аристотеля, «Метафизики» Теофраста, сочинений Ксенофонта, речей Демосфена. Всю жизнь Виссарион неутомимо искал и находил считавшиеся утерянными греческие рукописи, тратил значительные суммы на приобретение и переписку книг. Свою уникальную библиотеку он в 1468 г. передал в дар Венецианской республике. Этим собранием было положено начало библиотеки св. Марка — так Виссарион оставил после себя великолепный памятник человеческой мысли, который и по сей день является неиссякаемым источником разнообразных знаний. До самой старости Виссарион сохранил ясность ума, живость характера, энергию и продолжал неутомимую деятельность. Однако тревожения последних дней его жизни, ухудшение его положения в курии, дальние утомительные путешествия подорвали его здоровье. Виссарион умер в Равенне по пути из Франции; его тело было перевезено в Рим и там погребено. «Твоими трудами Греция переселилась в Рим», — гласит строка его эпитафии.

Немалый вклад в дело сближения и взаимообогащения византийской и итальянской культур внес младший современник и последователь Виссариона Иоанн Аргиропул (1415—1487). Родился он в Константинополе и большую часть жизни провел в разъездах между Италией и Византией. Приехав впервые в Италию на Ферраро-Флорентийский собор, Аргиропул остался там и преподавал греческий язык и греческую литературу сперва в Падуе, затем во Флорентийском университете. Как и Виссарион, он придерживался латинофильских взглядов, защищал унию, а позднее тоже перешел в католичество. Горячий сторонник философии Аристотеля, он читал для гуманистов лекции об этике великого Стагирита, переводил на латинский язык многие его тру-

ды. Во время турецкого завоевания он был в Константинополе; потеряв родных, с трудом перебрался в Италию. Покровительство видных гуманистов дало ему возможность продолжать преподавание во Флорентийском университете. Как некогда Хрисолор, а позднее Виссарион, он пытался добиться помощи Запада в организации крестового похода против турок и с этой целью совершил путешествие ко дворам владетельных правителей Италии, во Францию и Англию. Разумеется, все его усилия оказались тщетны. У Аргиропула получили образование многие видные гуманисты: Лоренцо Медичи, Якопо д'Анджело, Франческо Филельфо, Франческо ди Лоренцо Филарета, Веспасиано да Бистиччи, Пьеро и Донато Аччайюоли, Платина и многие другие. Марсилио Фичино и Анджело Полициано относились к Аргиропулу с величайшим уважением. Рейхлин и Меланхтон слушали его лекции о Фукидиде. Умер Аргиропул в Риме. Память о нем сохранилась в среде итальянских гуманистов. В Византии продолжателем дела Аргиропула стал Михаил Апостолий.

Итак, прогрессивные идеи византийских мыслителей, горячих приверженцев античной цивилизации, не исчезли бесследно и после падения Византии, а были перенесены в Западную Европу, где продолжали жить, во многом оплодотворив культуру эпохи Ренессанса.

В самой Византии этому прогрессивному гуманистическому направлению в развитии культуры противостояло другое — глубоко мистическое течение исихазма, набравшее силу по мере ослабления империи, роста турецкой угрозы и распространения в широких массах чувства отчаяния и тревоги.

В Византии никогда не исчезали мистические учения. Практическое применение в монашеской аскезе они получили в исихазме, который зародился в монастырях Синая и Афона. Учение исихастов сосредоточивалось на внутреннем мире человека. Целью духовной деятельности считалось не познание внешнего мира посредством разума и логики, а подавление страстей человека путем самовоспитания, подвижничества, аскезы. Исихазм * впитал сокровенные, тайные учения восточного монашества. Он звал к удалению от мира, исполненного зла и насилия, к уединению, тишине, покою. Постигание истины возможно для исихастов через мистическое слияние

* От греч. ἡσυχία — покой, тишина, отшельничество.

с божеством, путем сверхъестественного озарения. Это слияние с божеством могло быть достигнуто только благочестивыми монахами — аскетами с помощью божественной благодати.

В XIII—XIV вв. главой исихастского движения стал монах-мистик Григорий Палама (1295/96—1359). В отличие от многих необразованных монахов он получил широкое образование, постиг и хорошо знал философию Платона и Аристотеля и труды византийских богословов, особенно мистического направления. В известной степени он был наследником Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Григория Кипрского. Однако идеи этих мистиков приобретали у Паламы особую окраску. Григорий Палама учился у Метохита, его ожидала блестящая карьера при дворе, но в 20 лет он бросил все и удалился в монастырь на Афоне. Здесь он практически постиг исихазм и развил его как учение. Как богослов Палама обратил главное внимание на теорию божественной энергии и сверхчувственного света. Все византийские мистики переосмысливали в христианском духе неоплатоническую мысль о божестве как источнике света. Но Палама применил ее к практике исихазма. Он напоминал в своих проповедях евангельский рассказ о Фаворском свете: когда Христос явился избранным ученикам на горе Фавор в преображенном виде, лицо его было светлым, как солнце, а одежды белыми. Подобное озарение божественным светом и слияние с божеством может снизойти и на праведника-аскета. Но это достигается путем трудных подвигов, длительной чистоты, так называемой «умной» молитвы, отрешением от всего земного. Озарение происходит в особом психическом состоянии экстаза, которое противники исихазма связывали с галлюцинациями. Однако учение Паламы получило широкую популярность. Оно даже окрепло в борьбе с рационалистами: калабрийским монахом Варлаамом, учителем Петрарки и Боккаччо, и его сподвижником Акиндином. Возвратившийся с Афона Палама целиком погрузился в борьбу против рационализма.

Варлаам (около 1290—1350), прибывший в Византию из Италии, стал резко критиковать исихазм с позиций разума. Согласно учению Варлаама постичь истину, иными словами бога, возможно посредством разума и науки, посредством изучения Священного писания, древних философов, с помощью логического мышле-

ния. Варлаама и Акиндина поддержал, как мы знаем, Никифор Григора, тоже выступивший против исихазма. После длительной и ожесточенной полемики победили исихасты. В их защиту выступили православная церковь и реакционно настроенные круги высшей знати. На церковном соборе 1351 г. богословие Паламы было признано согласным с православным вероучением, а его противники Варлаам, Акиндин и Григора были преданы анафеме. Победа исихастов имела тяжкие последствия для Византии. Призыв к отходу от активной жизни, от борьбы разоружал народные массы перед лицом турецкой опасности, уводил их в мир смирения, покорности, монашеского аскетизма. Но популярность исихазма росла, учение их перешло в другие страны — к западным славянам и на Русь. Переводная литература в этих странах пополнилась переводами мистиков, в частности Паламы и его последователей Николая Кавасилы⁸, Никиты Стифата и др.

В историографии поздней Византии столь же явно, как и в философии, проступают гуманистические черты: интерес к человеческой личности, к природе, мирозданию; наряду с библейской концепцией исторического процесса развиваются новые историко-философские теории, в частности теория закономерной смены мировых монархий.

Последнее столетие существования Византийской империи и ее гибель под ударами турок описаны в трудах четырех византийских историков, представителей различных социально-политических и религиозных направлений: Георгия Сфрандзи, Михаила Дуки, Лаоника Халкондила и Михаила Гермодора Критувула. Все они, хотя и с разных позиций, осветили причины упадка Византии и победы турок, рассказали о последних годах жизни некогда великой империи. Очевидцем и участником трагических событий, связанных с падением Константинополя, был Георгий Сфрандзи (1401 — около 1478)⁹, приближенный трех императоров из дома Палеологов, близкий друг и доверенное лицо последнего василевса ромеев Константина XI. Дипломат и царедворец, Сфрандзи выполнял по поручению правительства ряд дипломатических миссий, вел переговоры с султаном Мурадом, ездил в Венецию к дожу Франческо Фоскари, в Трапезунд и Грузию, где искал для императора невесту. В страшные дни осады Константинополя войсками Мехмеда II Сфрандзи находился неотлучно при импера-

торе, пережил его гибель, все ужасы погрома Константинополя и турецкого плена. Сфрандзи с женой позднее выкупились из плена, а их сын и дочь погибли в султанском гареме. Сфрандзи бежал на о. Корфу и нашел убежище в монастыре, где жил до самой смерти и закончил свой исторический труд «Хроника», которая дошла до нас в двух редакциях — краткой и пространной. По поводу авторства последней, так называемой «Большой Хроники», в науке идут споры, но и «Малая Хроника» — ценнейший исторический источник и яркое литературное произведение мемуарного характера.

«Малая Хроника» Сфрандзи охватывает период с 1413 до 1477 г. В основу ее положены дневник историка, личные наблюдения и рассказы очевидцев. По своей социально-политической окраске это сочинение отражает взгляды придворной знати Константинополя. Последний василевс ромеев описан в хронике в самых панегирических тонах, уния с католической церковью рассматривается как наименьшее зло в сравнении с турецкой угрозой. В гибели Византии автор считает повинными не только турок, но и латинян. С точки зрения Сфрандзи, Флорентийский собор оказался политической ошибкой, ибо ускорил нападение на Византию турок, опасавшихся союза империи с Западом. Сфрандзи смотрит на падение Византии в первую очередь как политик и дипломат — глазами правящей династии и высшей византийской аристократии. Но написанный в монастыре на склоне лет труд Сфрандзи приобрел и конфессиональную окраску, близкую к позиции ортодоксально-православно-го направления.

Историк Дука (около 1400—1470) был, как и Сфрандзи, выходцем из высшей феодальной аристократии Византии. Род Дук принадлежал к одному из самых знатных родов Константинополя, хотя и подвергался опале. Историк долго жил в Новой Фокее, затем на Лесбосе. Он связал свою судьбу с владетелями этого острова генуэзцами Гаттелузи и по их поручению выполнял ряд важных дипломатических миссий. Образованный дипломат, он прекрасно владел, кроме греческого, итальянским и турецким языками. По делам рода Гаттелузи Дука побывал при дворе султана Мехмеда II. В 1462 г. Дука пережил осаду турками родного города Митилены. Падения Константинополя он не видел, но оставил поистине потрясающий рассказ о гибели великого города, написанный со слов современников. Весь труд Дуки дышит не-

ненавистью к жестоким завоевателям и глубочайшим фатализмом. Гибель Византии произошла по воле неумолимой судьбы. Но одной из причин, ускорившей падение Константинополя, были, по мнению Дуки, раздоры между гражданами империи, ненависть их к латинянам. Неприемлемые выступления крайних ортодоксов против союза с Западом открыли дорогу туркам. Дука был умеренным латинофилом, но сохранял полную преданность своей греческой православной религии¹⁰. Живя долгие годы в среде гегуэзцев, он все же надеялся на помощь Запада, видел в этом единственную надежду на спасение от турецкого завоевания. Для Дуки нет вопроса, кто лучше, латиняне или турки: конечно, он предпочитает латинян. Он осуждает первого министра Византии, великого дуку Константинополя Луку Нотару за известные его слова о чалме и тиаре. В обстановке, «когда уже перед глазами греков стояло бесчисленное турецкое войско», подобный призыв Луки Нотары был явным предательством. Но сам Нотара жестоко поплатился за это. Он был среди той части византийской знати, которая изъявляла покорность завоевателю. Султан сперва обласкал Нотару, а затем потребовал в гарем его дочь. И с этим великому дуке пришлось примириться. Но когда Мехмед II приказал отдать в свой гарем любимого младшего сына Луки, юного и прекрасного мальчика, Лука отказался отдать сына на поругание и был казнен вместе со старшим сыном и зятем. Он просил султана казнить его последним, чтобы поддерживать их мужество в страшную минуту.

Трагический, глубоко патристический труд Дуки написан ярким, живым языком, изобилует народными оборотами речи. Это, бесспорно, выдающееся произведение поздневизантийской историографии. А проникнутый глубоким горем и состраданием к несчастьям греческого народа «Плач» о гибели «Нового Рима», которым завершается этот труд Дуки, можно причислить к литературным памятникам поздней Византии. Подражая плачу Иеремии о гибели Иерусалима, Дука с потрясающей силой описывает завоевание Константинополя, смерть и пленение его жителей: «...о город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гроза варваров! О город, город, второй рай, выращенный на Западе и включающий в себя всевозможные растения, сгибающиеся под тяжестью плодов духовных! Опустели твои храмы, погибли святыни, мужи и жены, девушки и юноши уведены в

рабство. ...Какой теперь язык повернется описать или рассказать о случившемся в городе несчастье, о страшном пленении, о жестоком переселении... муж [переселен] в Пафлагонию, жена в Египет, а дети поодиночке в другие места...

Трепещи, солнце и ты земля! Плачь о всеобщей гибели, случившейся с нашим народом!..»

Афинянин Лаоник Халкокондил (около 1423 — около 1500) оставил потомкам огромный исторический труд. Историк происходил из знатной афинской семьи и получил классическое образование в лучших эллинских традициях. Глубокую любовь к греческой культуре и преклонение перед прошлым древней Эллады он сохранил на всю жизнь¹¹. Сведения о жизни Лаоника Халкокондила очень скудны. Отец его, принявший участие в политической борьбе в своем городе, потерпел поражение и бежал в Пелопоннес. Большую часть своей жизни историк провел в Афинах, но совершал далекие путешествия, знакомился со многими странами и народами. Охват исторического произведения Халкокондила чрезвычайно широк. Главной задачей труда является описание становления державы Османов, выяснение причин их возвышения и покорения стран Средиземноморья. В «Истории» Лаоника Халкокондила отчетливо прослеживаются черты нового гуманистического мировоззрения. Это прежде всего интерес к глобальным проблемам, обилие описаний стран и народов, вставных новелл и рассказов. Надо отметить увлечение писателя созданием портретов выдающихся действующих лиц мировой драмы, в том числе знаменитого Тамерлана. Лаоник Халкокондил не чуждался естественнонаучных вопросов, он затрагивал проблему движения, причины приливов и отливов. Халкокондил, как истинный эллинист, стремится возродить классический язык древней Греции, открыто подражает великому афинянину Фукидиду, применяя архаические древнегреческие названия стран и народов. В центре повествования Халкокондила не только рост турецкой державы, но и сопротивление турецкому нашествию со стороны славян, албанцев, венгров.

В труде Халкокондила, как и в сочинениях Георгия Сфрандзи и Критовула (см. ниже), возрождается фаталистическая теория последовательной и неизбежной смены мировых держав: ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, римской и, наконец, оттоманской. Но у каждого из историков эта идея получает свою особую

окраску в зависимости от политических взглядов автора. У Георгия Сфрандзи фаталистическая концепция смены мировых держав приобретает поистине трагическое звучание. Роковая гибель государства ромеев — для него величайшее несчастье, мировая катастрофа. Для Критовула, туркофила и предателя, она служит оправданием неизбежности турецкого завоевания. И лишь для Лаоника Халкокондила идея смены мировых держав окрашена в оптимистические тона. Ему чужд фаталистический и пессимистический взгляд на ход мировых событий. Его философия истории проникнута верой в светлое будущее своей страны и эллинским патриотизмом. Историк твердо верит, что настанет время, когда эллины объединятся вокруг властителя-грека и будут управляться по своим отеческим законам. Халкокондил надеется на возрождение эллинской державы и эллинской культуры. Капризное счастье должно изменить туркам и вновь вернуться к грекам. Глубокая вера в торжество греческой свободы, культуры и образованности пронизывает мировоззрение одного из последних патриотов среди византийских писателей.

Обширный исторический труд Халкокондила в изобилии украшен вставными новеллами. По своему характеру и тематике они очень разнообразны. Некоторые из них непосредственно перекликаются с итальянскими новеллами эпохи Возрождения. Место действия этих рассказов обычно — Италия, а сюжеты очень сходны с тематикой итальянской новеллистики. Здесь мы читаем и о семейных драмах с изменами и наказанием неверных жен, об осаде города, спасенного выдачей врагам самой красивой девушки, сатирические рассказы о трусливых и жадных монахах. Но в отличие от жизнерадостного, часто фривольного юмора итальянских новелл у Халкокондила звучат дидактические, морализаторские ноты; он прямо осуждает людские пороки и слабости, превозносит добродетели: доблесть, мудрость, верность. Весьма привлекательны новеллы авантюрного характера, например рассказ о приключениях венгра Гуниади, потомка доблестного венгерского вождя Яноша Гуниади, который, спасаясь от турок, бежал в Белград. Он пережил множество опасностей и лишь чудом избежал смерти. Поучителен и занимателен вставной рассказ «Винные ягоды», прославляющий мудрость арабов, которые остроумием и хитростью спасли Гранаду. Во время осады города испанцами арабы пробрались в лагерь осаждавших, ведя с собой

12 мулов, нагруженных винными ягодами. Но в каждую ягоду было положено по золотому; этот хитроумно замаскированный дар был вручен испанскому полковнику, и тот согласился не брать город приступом.

Особый интерес имеют в труде Халкокондила самостоятельные географические, этнографические и культурно-исторические экскурсы. Как правило, эти экскурсы богаты ценными сведениями о быте, нравах, культуре, языке многих народов. Халкокондил описывает такие страны, как Англия, Богемия, Венгрия, Русь, Германия, Дания, Испания, Литва, Польша, Пруссия, Португалия, Франция. Отдельные замечания касаются Египта, Палестины, Сирии, Индии. Чрезвычайно важные данные сообщает историк о крупных городах Европы — Венеции, Валенсии, Флоренции, Болонье, Гранаде, Лондоне. Сведения о странах и народах почерпнуты Халкокондилем как из устных рассказов купцов и дипломатов, так и из различных документов и писем. В обширном труде Халкокондила есть длинноты и повторения, отсутствует точная хронология, что порождает ошибки и затрудняет понимание хода событий. И тем не менее «История» Халкокондила — заметное явление не только в византийской, но во всей средневековой историографии XV в.

Среди исторических сочинений поздней Византии особняком стоит труд Критовула «История Мехмеда II». Византийский историк XV в. Критовул был не только писателем, но и видным политическим деятелем, тесно связанным с туркофильским течением в Византии¹². Критовул — ренегат, прославляющий завоевателя своей родины султана Мехмеда II и пошедший на службу к победителю. За измену он получил от турок пост наместника острова Имброс. В «Истории Мехмеда II», которая охватывает период с 1451 по 1462 г., Критовул ставит целью воспеть подвиги своего героя, скрыть его злодеяния, показать султана не только великим завоевателем, но и мудрым правителем, любителем философии, покровителем наук и искусств. Критовул, видимо, был связан с торгово-ремесленными кругами и отразил туркофильские настроения в их среде. Именно эти слои византийского общества возлагали надежды на поддержку турецкого правительства, хотя, как известно, их вскоре постигло глубокое разочарование. Во всяком случае Критовул особенно настойчиво восхваляет Мехмеда II за покровительство торговле и мореплаванию, строительство портов, кораблей и дорог. Сам Критовул принадлежал к

патрицианской знати островов Эгейского моря, среди которой также находили распространение туркофильские настроения. Причиной этого было постоянное соперничество греков и итальянцев, столь усилившееся в поздней Византии. Борьба за политическую власть, экономическое соперничество в области торговли и мореплавания между ромеями и итальянцами — вот что лежало в основе антилатинской ориентации патрицианской знати этого региона. Ее настроения полностью разделял и Критовул, идеолог знати и поддерживавшего патрициев купечества. Явное недоброжелательство, а порою открытая враждебность к итальянцам проходят красной нитью через весь труд Критовула. Вместе с тем Критовул, человек широко образованный, знаток и любитель эллинской культуры, весьма осторожен в вопросах веры, он не отказывается от религии и культуры предков, пытаясь оправдать гибель своего народа всесилием рока. Зная изменчивость судьбы и пороки человеческой природы, не следует ожидать для своего народа постоянного и непреходящего счастья. Мировое господство, подчеркивает Критовул, утрачено ромеями и уже никогда к ним не вернется. Тем самым он в отличие от Лаоника Халкокондила провозглашает незыблемость турецкого владычества и оправдывает необходимость сотрудничества с турками, а тем самым и свое ренегатство. Следует, однако, признать, что Критовул, несмотря на туркофильство, сохранил уважение и сочувствие к своим соотечественникам в столь тяжкую для всех греков годину.

«История Мехмеда II» изобилует античными реминисценциями. Критовул подражает в стиле и языке Геродоту и Фукидиду, подобно Халкокондилу, он называет все народы и племена архаичными именами. Желая польстить могущественному завоевателю, он изображает Мехмеда II покровителем эллинской культуры и создает фантастическую генеалогию рода Османов, доказывая, будто они эллинского происхождения. Свой льстивый панегирик Критовул подарил Мехмеду II, но сочинение не понравилось всемогущему властелину, не было издано; его единственная рукопись так и осталась в неизвестности в Серальской библиотеке Стамбула и была открыта лишь в новое время.

Итак, мы видели, что на протяжении XV в., вплоть до самого падения Византии и даже после него, все теснее становилось идейное общение византийских эрудитов с итальянскими учеными, писателями, поэтами, все силь-

нее было их влияние на формирование раннеитальянского гуманизма. Именно византийским эрудитам суждено было открыть западным гуманистам прекрасный мир греко-римской древности, познакомить их с классической античной литературой, с подлинной философией Платона и Аристотеля. Широчайшие познания прославленных византийских философов, богословов, филологов, риторов, таких, как Георгий Гемист Плифон, Димитрий Кидонис, Мануил Хрисолор, Виссарион Никейский и др., вызывали безграничное восхищение итальянских гуманистов, многие из которых стали учениками и последователями византийских ученых. Однако противоречивость общественных отношений поздней Византии, слабость ростков предкапиталистических отношений, натиск турок и острая идейная борьба в империи, завершившаяся победой мистических течений, привели к тому, что возникшее там новое направление в художественном творчестве, родственное раннеитальянскому Ренессансу, не получило завершения.

Одновременно с развитием гуманистических идей в поздней Византии происходит необычайный взлет мистцизма. Как будто все временно притаившиеся силы спиритуализма и мистики, аскетизма и отрешенности от жизни консолидировались теперь в исихастском движении, в учении Григория Паламы и начали наступление на идеалы Ренессанса. В атмосфере безнадежности, порождаемой смертельной военной опасностью, феодальными усобицами и разгромом народных движений, в частности восстания зилотов, среди византийского духовенства и монашества крепло убеждение, что спасение от земных бед можно найти лишь в мире пассивной созерцательности, полного успокоения — исихии, в самоуглубленном экстазе, якобы дарующем мистическое слияние с божеством и озарение божественным светом. Поддерживаемое господствующей церковью и феодальной знатью, учение исихастов одержало победу, завовавши мистическими идеями широкие народные массы империи. Победа исихастов во многом была роковой для культурного развития Византии, да и для судеб самого византийского государства: исихазм задушил ростки гуманистических идей в литературе и искусстве, ослабил волю к сопротивлению народных масс в борьбе с внешними завоевателями. Мистические идеи исихазма оказались весьма живучими и после падения Византии проникли далеко за пределы империи — в страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Прогрессивные идеи византийских мыслителей, горя-

чих приверженцев античной цивилизации и сторонников идей гуманизма, тоже не исчезли бесследно, а были перенесены на почву Западной Европы, где и продолжали жить, во многом оплодотворив ее культуру в эпоху Ренессанса.

В литературе поздней Византии, так же как в общественной мысли, усиливаются гуманистические тенденции. Они находят выражение в пробуждении глубочайшего интереса к античности, в стремлении возродить классическую литературу древней Греции и Рима как литературу общечеловеческую. Одновременно происходит подъем живого интереса к человеку и к окружающей его действительности. Следствием этого было преклонение перед человеком, силой его разума, благородством души. Отсюда рождался новый взгляд на окружающую человека природу, ее непреходящую красоту, на простые земные радости бытия. Важным провозвестником предренессансных веяний в литературе было расширение круга интересов писателей, выход за пределы своего города, области, страны, стремление познать другие народы, появление писателей — универсалов и эрудитов, сочетавших художественное творчество с увлечением философией, историей, естественными науками. Не угасает, а возрождается с новой силой интерес к Востоку. Анонимная «Повесть о подвигах Александра» — переработка в христианском духе позднеантичного сюжета о походах Александра Македонского в восточные страны — имела широкое хождение в XIII—XV вв. Огромный интерес читателей вызвали фольклорные, сказочные мотивы о чудесах, которые увидели Александр и его воины на Востоке. Переделка античного сюжета на христианский лад заключается в постепенном обращении язычника Александра в христианство при содействии иудейского пророка Иеремии. Восточная экзотика и христианская назидательность соединяются с эллинофильскими, ностальгическими мотивами. На развалинах Трои, по рассказу анонимного писателя, Александр горько сетовал, что знаменитый город был разрушен из-за одной, пусть и необыкновенно красивой, женщины. Он восхищался подвигами Ахилла и Гектора, посетил их гробницы. Занимательный сюжет, близость к народному творчеству, образность и яркость языка — все это обеспечило «Повести об Александре» огромную популярность в Византии и в сопредельных странах.

Любовь к дальним путешествиям в экзотические стра-

ны никогда не замирала в Византии. В конце XIII — первой половине XIV в. поэт Мануил Фил из Эфеса (около 1275 — около 1345), ездивший в Персию, Аравию, Индию, выполнявший дипломатическую миссию на Руси, составил несколько поэм о свойствах диковинных животных и растений — о единороге, ослокентавре и чудовище катоблепте, похожем на льва и быка, всегда смотрящего вниз:

Как молвят, изо всех животных злейшее
Живет в земле Ливийской и имеет вид
Весьма похожий на быка свирепого,
Глядит оно, как будто разъяренный лев,
Из-под бровей густых и нависающих,
А глаз его по мере меньше бычьего,
Налит густою кровью и притом вовек
Не взглянет прямо, в землю потупляясь,
Отсюда и прозвание катоблептово.

(Пер. С. С. Аверинцева)

В риторической форме порою преподносятся сатирические сюжеты, почерпнутые не только из античной литературы, но из повседневной реальной жизни. Проблемы нравственности, семьи, отношений между супругами волнуют поэта XIII—XIV вв. Иоанна Педиасима. В стихотворении «Желание» он противопоставляет жену злонравную жене разумной:

Жена злонравная — крушение для мужей,
Неисцелимый, злой недуг, проникший в дом,
Супругу казнь, угроза кары каждый день,
До срока станет стар, кто ложе делит с ней...

Разруха жизни всей, у сердца скорпион,
Свирепой львицы рык и яростная злость,
Химера страшная, «дышащая огнем»,
Могучей гидры сто непобедимых глав...

Жена разумная — морская гладь и тишь,
Здоровье, чистота — бесценный, прочный дар
И ежедневный плод усердного труда,
Закат почтенных лет счастливый встретит муж...

Коренья добрых трав прекраснее стеблей,
Умеренность в еде, приветливость в устах,
Сморящий долу взор, достойный, скромный вид,
Спокойный плеск волны, нелживая душа...

(Пер. М. Е. Грабарь-Пассек)

От поздней Византии сохранилось несколько произведений светской прозы. К их числу относится сатира «Разговор мертвых, или Пребывание Мазариса в подземном царстве». Это остро сатирическое сочинение пере-

кликается с упомянутым выше анонимным диалогом XII в. «Тимарион». Прообразом для обоих произведений послужили сатирические диалоги Лукиана. Мазарис, заболев чумой, впал в глубокий сон и по ошибке был унесен страшными птицами в подземное царство. Там он встречает многих своих знакомых, в том числе Голобола — врача, ротора и секретаря императора Мануила II. В сатире точно указано время действия (1414—1416 гг.), многие персонажи ее — исторические личности. Все они расспрашивают Мазариса о земных делах, о событиях при дворе, о судьбе родственников и друзей. Но в длинных разговорах ни об умерших, ни о живых не сказано ни одного доброго слова, все они осыпаются злобными насмешками; речи мертвых наполнены завистью, честолюбивыми воспоминаниями, земное соперничество не забыто и в Аиде. Пессимизм анонимного автора особенно ярко проявляется в его мрачной сентенции: «Считается, что человек, укушенный каким-нибудь животным, может излечиться целебным средством, но не счесть, скольких погубило жало людской злобы — целые государства, острова, царей». Художественные достоинства сатиры Мазариса, на наш взгляд, невелики, но она чрезвычайно интересна как памятник социальной психологии придворной знати XV в., как отражение острой политической борьбы, раздиравшей империю. Важны и исторические сведения, содержащиеся в этом сочинении, особенно обильный фактический материал о положении Пелопоннеса в XV в.¹³

В XIV—XV вв. в Византии большую популярность приобретают сборники любовных песен и стихотворений. Как правило, они анонимны и связаны с народной лирической поэзией. В них отражен мир любовных чувств простых людей, говорится о печали и радости влюбленных: вот юноша молит возлюбленную о свидании, там девушка горько сетует на холодность любимого. Особую известность приобрел сборник «Родосские песни любви» (XIV—XV вв.). Большинство его песен проникнуто горячим и чистым чувством, но встречается немало эротических, порою даже фривольных, песен, окрашенных народным юмором. Какой нежностью и восхищением красотой возлюбленной исполнена песня юноши:

Голубка, горлица моя, с походкой горделивой!
Я увидал тебя тогда, когда ты шла с купанья:
Едва взглянул — и тотчас кровь застыла в бедном сердце,
Расцеловать хотел бы я твои уста и губки!

культурного обогащения Византии и Запада. Плодом такого культурного взаимовлияния стали греческие рыцарские романы XIII—XIV вв. Греческий рыцарский роман представляет собой художественное явление, в котором сливаются традиции эллинистическо-византийского любовного романа и новая латинская рыцарская литература.

Эпоха Палеологов была временем расцвета рыцарского романа. В XIII—XV вв. появились стихотворные романы «Каллимах и Хрисорроя», «Вельтандр и Хрисанца», «Ливистр и Родамна», в которых на фоне занимательных любовных приключений в поэтической форме воспеваются высокие человеческие чувства, истинная и верная любовь, всепобеждающая красота женщины и величие природы, становятся вечные проблемы судьбы, рока, жизни и смерти¹⁴.

Стихотворный роман «Каллимах и Хрисорроя», анонимен, хотя предполагают, что его автором мог быть Андроник Комнин, двоюродный брат императора Андроника II (1282—1328). Это обширное произведение написано политическим стихом, таким же, как эпическая поэма о Дигенисе Акрите. Сюжет романа почти полностью сказочный. У царя некоего государства было трое сыновей, и он, чтобы выбрать себе достойного наследника, посылает их в поход. В лесу они видят замок дракона, который охраняется страшными змеями. Проникнуть в него решается только младший сын — прекрасный Каллимах. Юноша убивает дракона и освобождает красавицу Хрисоррою, привязанную в одном из залов дворца за волосы к потолку:

**О деве, что висела там,
рассказ идет печальный**

Посередине потолка — по и сказать мне жутко —

На волосах висела там девица одиноко...

И только на нее взглянул тут младший из трех братьев,

Как младший этот, Каллимах, красот всех воплощенье,

И смелости, и мужества, и доблести, и силы,

Остолбенел, и тотчас же он замер словно камень,

Смотрел лишь на нее одну, стоял, и все смотрел он...

Налюбоваться он не мог чудесной этой девой,

На красоту ее смотря и женственную прелесть...

Стоял, смотрел, и сердце в нем двойкою поражалось —

Очарованьем красоты и чувством состраданья...

(Пер. Ф. А. Петровского)

Каллимах и Хрисорроя нежно полюбили друг друга и остаются жить в замке. Их счастье нарушает некий

царь, который, случайно увидев Хрисоррою, влюбляется в нее и похищает при помощи чар старухи-колдуньи. Ведьма дарит Каллимаху волшебное яблоко, и тот засыпает сном, подобным смерти. Братья его оживляют, и Каллимах находит возлюбленную у царя, проникнув в его дворец под видом садовника; влюбленные встречаются, но слуги схватывают их и приводят к царю. Девушка смело оправдывается, объяснив, что Каллимах — ее законный повелитель, спасший ее от дракона. Роман венчается счастливым концом.

Наряду со сказочными сюжетами в романе используется и Библия, хотя христианизация повествования сравнительно незначительна. Язык романа близок к классическому греческому языку, хотя и не чужд народной языковой стихии. Характерная особенность этого романа — близость его к миру греческих сказок, в частности к тем сказкам, где герой, временно побежденный силой и коварством врагов, в конце концов чудом воскресает и преодолевает своих недругов.

Роман «Вельтандр и Хрисанца» также принадлежит перу неизвестного автора XIII в.; по сравнению с романом о Каллимахе и Хрисоррое он дальше от волшебной сказки, ближе к исторической действительности. Сюжет романа сложнее. В Византии некогда жил император Радофил, у которого было два сына, Филандр и Вельтандр. Отец невзлюбил с детства младшего, хотя юноша был прекрасен: белокурые волосы его вились, глаза блестящие, белая грудь напоминала мрамор. Он был храбрый и искусный охотник, отличался силой и ловкостью. Оскорбленный презрением отца, Вельтандр уходит из дома и попадает в мир самых удивительных приключений. Он пересекает Малую Азию, посещает Тарс. Далее на пути юноша встречает роскошный замок любви, построенный из сердолика. Царь любви Эрот показывает Вельтандру 40 красавиц, и юноша выбирает самую прекрасную. Красавица исчезает, и Вельтандр отправляется на ее поиски. Попав ко двору царя Антиохии, он узнает в его дочери Хрисанце красавицу, пленившую его сердце. Вельтандр и Хрисанца любят друг друга и тайно встречаются, и в конце концов после двух с лишним лет платонической любви они утоляют свою страсть. Но Вельтандр схвачен в саду, брошен в тюрьму, его ждет смертная казнь. Спасение приходит от верной служанки Хрисанцы, которая на суде доказывает, что юноша приходил к ней, а не к принцессе. Вельтандр женится на

служанке, но брак этот фиктивный, и встречи с прекрасной царевной продолжаютя. Наконец, влюбленные бегут из Антиохии и после тяжелых испытаний возвращаются на родину Вельтандра. К этому времени старший брат Вельтандра умер, отец прощает беглеца и передает ему царство. Все завершается пышной свадьбой влюбленных. Исследователи отмечают близость этого романа к западноевропейскому куртуазному роману, особенно к «Роману о Розе»¹⁵.

В романе «Ливистр и Родамна» романический характер повествования полностью побеждает сказочный. Чудеса с героями, как правило, совершаются во сне. В романе действуют две пары влюбленных — Ливистр и Родамна и его друг Клитовос и Миртана. Любовь первой пары завершается счастливым браком, любовь второй — адюльтером и гибелью влюбленных.

А. Д. Алексидзе, прекрасный знаток византийских рыцарских романов, сравнив их с романами Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, выявил особые типологические черты, присущие византийскому роману. На первое место среди них он ставит новую концепцию любви: любовь — это сильнейшее чувство, вызывающее духовную метаморфозу, она включает страсть, в равной степени физическую и духовную, такой любви сопутствует безграничная верность, исключая измену; она предполагает равноправие в любви мужчины и женщины; венцом ее становится супружество как высшее истинное счастье.

Большое место в «Ливистре и Родамне» занимает проблема дружбы. Клитовос, второе «я» Ливистра, готов отдать жизнь за друга и помогает Ливистру обрести свою возлюбленную. Тот платит ему такой же верностью, и идея истинной мужской дружбы в романе приобретает подлинно ренессансное звучание.

Итак, центральное место в романах XIII—XIV вв. занимает древний и вечный сюжет разлуки влюбленных, потери и обретения возлюбленной, но в отличие от византийского любовного романа XII в. в рыцарских романах поздней Византии действие происходит не в деконкретизированной среде, а в реальной средневековой действительности. В византийском рыцарском романе отсутствует тенденция к архаизации, к уходу от реальной действительности. Мир рыцарского романа XIII—XIV вв. — это мир, современный автору и его читателю. Это не вымышленные античные декорации, а мир христианского

средневековья. Так, например, Вельтандр — ромей, византийский царевич, место его скитаний — Малая Азия, а его возлюбленная — дочь царя великой Антиохии Хрисанца. В романе XIII — первой половины XIV в. отражена феодальная социальная действительность эпохи, здесь просматривается социальная стратификация общества. Статус героев на феодальной иерархической лестнице явно повышен: если герои романов XII в. — отпрыски знатных родов, то в рыцарских романах все они царевичи, наделенные исключительной красотой, всеми совершенствами, благородной душой, высокими, утонченными чувствами. В рыцарском романе обостряется эллинское самосознание, понимание родства с древнегреческим миром, желание возродить эллинскую культуру. Поздневизантийский рыцарский роман примечателен еще и тем, что он в известной степени представляет поэзию на народном языке. В отличие опять-таки от писавшегося на искусственном классическом языке любовного романа XII в. в рыцарском романе преобладает язык, близкий к народной разговорной речи.

XIV—XV столетия ознаменованы появлением выдающихся произведений народного творчества. Сохранилось немало эпиграмм и пародий, иногда остро сатирических и антицерковных. Широкой популярностью пользовались такие жанры литературы, как новеллы на сказочные и бытовые темы и басенный эпос о животных. Примером произведений подобного жанра может служить «Повесть о четвероногих» (XIV в.) — острая народная сатира на современное общество. В ней рассказывается о том, как Лев — царь зверей пожелал установить в своем царстве вечный мир и собрал для этого своих подданных на огромном поле для провозглашения всеобщего мира, дружбы и любви. Председательствует на совете царь Лев, «страшноглазый с извилистым хвостом», рядом восседает величественной громадой Слон, у трона сидят магнаты, первые советники, «славословцы» Пантера и Леопард. Царь Лев разрешает всем животным — малым и большим, презираемым и почитаемым, трусам и храбрцам — высказать все свои претензии, хвалить и хулить друг друга. Однако, увы... дружеского разговора и взаимных похвал не получилось. С самого открытия совета вспыхнули распри, бушевали злоба, зависть, взаимные упреки, перемежающиеся самовосхвалением. Диспут начался с перепалки Мыши и Кота, Собаки, Лисицы и Зайца. Они осыпали друг друга бранью и злыми насмешка-

ми. Особую ненависть всех вызывала «софистка» Лиса, душительница кур, козлят и ягнят:

Она негоднейшая одних ест, из других пьет кровь
И причиняет большое зло и еще больший убыток
И бесконечную несправедливость бедным людям.

Нет мира и среди других животных: Олень поносит Зайца, Овца — Козу, враждуют Лошадь, Осел и Верблюд, всем отвратительна Свинья. Страсти накаляются, когда в круг выходят могучие животные Бык и Буйвол и с презрением прогоняют остальных зверей. Бык заносчиво заявляет:

Пусть первым сияет солнце, затем луна,
А маленькие звезды пусть вовсе померкнут,
Ибо я — солнце, Буйвол — луна!

(Пер. В. С. Шандровской)

Заявление Быка вызвало бешеную злобу Буйвола, не желающего признать себя вторым. Враждуют Волк и Медведь, Леопард и Пантера, все поносят друг друга. Все участники «великого сбора зверей» занимаются похвальбой, хвалят свое мясо, шкуру, шерсть, рога, говорят о пользе, приносимой людям. Хищники подчеркивают свою силу, ловкость, бесстрашие. Расхвастался гигант Слон, но был посрамлен язвительными насмешками Обезьяны. Заносчивость и хвастовство зверей задели за живое и самого Льва. Поняв невозможность установления мира, он безрассудно и опрометчиво отменил мир и разрешил войну. Вспыхнула дикая резня, хищники стали терзать мирных животных, всюду лилась кровь, раздавались крики и стоны. Развязав войну, могучий Лев тут же сожрал Буйвола, но сам пал жертвой грозных рогов Быка. Бросившаяся защищать своего повелителя Пантера не избежала той же участи, хотя на помощь ей пришли другие хищники. Мирные животные перед лицом опасности также объединились, стали защищаться, и началась великая битва, окончившаяся лишь с заходом Солнца. Вывод басни, ее мораль печальны:

Царь не спасается великой силой,
И великан не будет спасен полнотой телесной мощи...
С того времени до настоящего вспыхнувшее среди всех
Четвероногих, малых и больших, сражение
Не прекращается и продолжает существовать во все века.

«Повесть о четвероногих» рисует в фольклорных образах вполне реальные социальные конфликты византийского общества. В повести встречается много реалий

быта, грубоватых шуток, народного юмора, сатирических выпадов против латинян и других иноземцев.

К этому же литературному жанру принадлежит и сатирическая повесть XIV в. «Пулолог» («Птицелов»). Здесь читатель переносится в царство пернатых, где на их примере высмеиваются пороки господствующего класса Византии. Царь птиц Орел создает на свадьбу своего сына всех пернатых, и опять во время всеобщего веселья вслывшает ссора, обнажающая всю глубину раздоров, царящих при дворе. Среди бранящих друг друга гостей фигурируют жадные вельможи, хвастуны и невежды, выдающие себя за важных персон, неоплатные должники и другие сатирические персонажи. «Пулолог» изобилует бытовыми деталями, злыми сатирическими намеками на реальных лиц и отражает социальную психологию народных масс, презиравших придворную знать Византийской империи и насмехавшихся над нею.

В народной литературе поздней Византии в нескольких вариантах известна фольклорная поэма об Осле, Волке и Лисе. Этот широко распространенный бродячий сюжет, бытовавший во многих литературах мира, на византийской почве приобрел, однако, свой особый, специфический колорит. Лиса и Волк не просто олицетворяют хитрость и злую силу, здесь они предстают как типичные для византийского общества лживые ханжи и хитрые фискалы, тихо опутывающие свои жертвы тенетами предательства и страха. Они заманивают добродушного и доверчивого Осли на корабль, где учиняют над ним несправедливый суд и готовят расправу, и лишь благодаря природной сметке Осел спасается от своих коварных судей и выходит победителем. Подобный чисто византийский вариант распространенного фольклорного сюжета опять-таки отражает реальную действительность Византии в последние столетия ее истории.

По аналогии со звериным эпосом в Византии существовали произведения народной литературы, построенные на мотивах персонификации мира растений. Это прозаическая сатира «Плодослов», где обличается императорский двор и высшее чиновничество, страсть тщеславных и пустых вельмож к пышным титулам, процветание при дворе доносов и неправого суда. Сюжет сатиры построен на разоблачении ложного доноса, с которым выступает Винная Лоза перед престолом царя Айвы. Обвинение направлено против высоких лиц — протосеваста Перца и его ближайшего окружения. Доносчицу поддерживают

лжесвидетели, нарисованные в остросатирических тонах: настоятельница монастыря Маслина, домоправительница Чечевица, монашенка Изюм и другие персонажи. Истина в конце концов торжествует, и Винная Лоза терпит страшное наказание: она обречена вечно приносить людям великое зло — пьянство. Остроумно и весело, с народным юмором, иронично и метко здесь высмеиваются пороки правящих кругов империи. Народная литература поздней Византии создавалась на живом разговорном языке, который в то время уже сильно отличался от литературного, рафинированного, но во многом искусственного языка византийской элиты.

Жанр басен и коротких новелл был очень популярен в Византии последних столетий. Чаще всего басни и новеллы повторяли традиции античной и ранневизантийской литературы, однако переосмысливая их. Теплым чувством любви к детям проникнута басня «Волк и Старуха», имеющая, видимо, какие-то фольклорные основы:

Волк злой, голодный искал себе добычи,
Рыскал он всюду и, наконец, услышал:
Где-то в домишке малыш кричит и плачет,
А над ним бабка твердит ему, грозитя:
«Уймись, дождешься: выброшу тебя волку!..»

Ждет волк исполнения обещания и опять слышит:

Уж полночь близко, вдруг снова бабкин голос:
Она смеялась, крошку свою лаская,
И говорила: «Детка ты моя, детка,
Что нам до волка? Мы вмиг его зарежем!»

(Пер. М. Л. Гаспарова)

Встречаются и новеллы, близкие к итальянским той же эпохи, с несложными сюжетами: хитроумный вор одурачивает хозяина гостиницы; встреча двух любовников в доме возлюбленной; спор отца и сына о пользе риторики и др.

В поздней Византии серьезные изменения происходили и в сфере искусства. Даже в тяжелой обстановке грозной турецкой опасности и постоянных внутренних междоусобиц византийское искусство в XIII — первой половине XV в. продолжает свое поступательное развитие. Искусство этого периода, получившее по имени правящей династии название палеологовского, переживает временный, но блестящий расцвет. Предренессансные идеи, охватившие передовые умы византийского общества, оказали воздействие и на художественное творчество.

Единый византийский стиль обогащается новыми чертами. Главной тенденцией нового стиля как в архитектуре, так и в живописи был постепенный отход от монументализма предшествующего времени. В зодчестве уменьшаются размеры зданий и архитектурных пропорций, дворцы и храмы приобретают камерность, аристократическую замкнутость. Декоративный ансамбль теряет былую монументальность и торжественность. Фрески вытесняют мозаики, заполняют все пространство храмов в виде фризов или изолированных сцен. Ведущую роль в живописи начинает играть икона. Второй важной особенностью нового стиля было усиление динамизма, эмоций и экспрессии. Все больше появляется многофигурных изображений, связанных четким ритмом. В палеологовском искусстве XIII—XIV вв. вырабатывается более живописный стиль, усиливается динамизм, жестикация фигур становится более порывистой, экспрессивной, одежды развеваются, повороты людей делаются свободнее, ракурсы смелее. Одновременно усложняется иконография, отдельные изображения приближаются к жанровым сценам, носящим интимный, порой сентиментальный характер; человеческие фигуры сливаются с фантастическим пейзажем, мельчают, теряют свою былую монументальность и неподвижность, колористическая гамма делается мягче, светлее. Любимыми цветами художников становятся голубовато-синий и зеленовато-желтый.

Наиболее полное и совершенное воплощение новые черты византийской живописи в XIV в. получили во фресковых росписях и мозаиках церкви монастыря Хора в Константинополе (Кахрие-Джами)¹⁶. В настоящее время они полностью реставрированы и представляют поистине блистательный декоративный ансамбль. Отделка и перестройка храма, длившиеся с 1303 по 1320 г., были осуществлены по инициативе великого логофета Феодора Метохита. Феодор Метохит, занимавший пост первого министра Византийского государства, был, как мы видели, человеком нового склада — эрудит, меценат, поклонник и знаток античной культуры, он был представителем гуманистического течения в византийской духовной жизни. Много сил и таланта Метохит отдал украшению монастыря Хора, где собрал превосходную библиотеку из книг духовного и светского характера. На всем ансамбле Кахрие-Джами, на его мозаиках и фресках лежит отпечаток изысканного вкуса этого удивительного человека. Кахрие-Джами — сравнительно небольшой

храм, отличающийся легкостью архитектурных пропорций, изяществом, интимной нарядностью. Основу декоративного убранства интерьера составляют два цикла, посвященные жизни Христа и Марии. К числу лучших мозаик Кахрие-Джами принадлежит Деисус на главной стене внутреннего нарфика. К сожалению, сохранились лишь фигуры Богоматери и Христа. Мозаики поражают высочайшим мастерством исполнения, исключительной элегантностью и благородством. Тонкие черты лиц, строгие пропорции, мягкая моделировка, нежная красочная палитра из розового, белого и зеленого цветов — все это показывает торжество нового стиля и создает впечатление единого, необычайно гармоничного целого. Значительный интерес представляет ктиторская композиция Кахрие-Джами, где перед восседающим на троне Христом стоит на коленях ктитор Феодор Метохит, поднося ему модель храма. Великий логофет изображен в парадном одеянии с высоким головным убором. В его лице передано, по-видимому, портретное сходство. Многофигурные изображения полны динамики, наблюдается отказ от фронтальности, фигуры даны в сложных ракурсах, часто повернуты друг к другу, широко применяется асимметрия в построении композиций. Эмоциональная насыщенность живописи достигается энергичными жестами, наклоном голов, выделением главных персонажей. Фигуры небольших размеров, стройны и изящны, на лицах лежит печать глубокой одухотворенности, черты лица стали мельче, выражение мягче, приветливее, человечнее. Вместо сухой линейной прорисовки применяется тонкая моделировка. Колорит мягкий, нежный, светлый, краски играют богатейшими переливами тонов. По словам В. Н. Лазарева, рядом с этой утонченной палитрой краски Джотто кажутся пестрыми и примитивными¹⁷. Среди красок преобладают голубовато-синяя, фиолетовая, розовато-красная, светло-зеленая, жемчужно-серая, белая и золотая.

В 50-е годы XX в. была проведена полная реставрация всего интерьера Кахрие-Джами, при этом были открыты неизвестные ранее фрески пристройки к храму — так называемого пареклесия. Долгое время эту полуразрушенную часть храма считали трапезной, и только после реставрации было установлено, что это погребальная часовня. Фрески, покрывающие ее купол и стены, полны взволнованной экспрессии и особой силы. Многие их черты найдут позднее свое художественное завершение

в живописи Феофана Грека. В целом мозаики и фрески Кахрие-Джами, безусловно, новый этап в развитии предренессансного искусства в Византии, ознаменованный свободным, живописным характером изображений, проникнутый духом чистейшего эллинизма, более глубоким проникновением в мир эмоций¹⁸. В самом Константинополе с живописью Кахрие-Джами перекликаются некоторые другие произведения предренессансного искусства XIV в., например превосходные мозаики церкви Марии Паммакарistos (Фетие-Джами).

Важным центром византийской культуры в XIV—первой половине XV в. стал город Мистра, столица Морейского деспотата на Пелопоннесе. Средневековый город, живописно раскинувшийся по склонам высокой горы, недалеко от древней Спарты, ныне стоит в развалинах, представляя собой единственный в своем роде музей под открытым небом. В период расцвета (в XIV—первой половине XV в.) он был украшен богатыми дворцами морейских деспотов и знати, церквями и монастырями, постройками горожан. Среди сохранившихся памятников культовой архитектуры Мистры выделяется митрополичья церковь св. Димитрия, храм монастыря Бронтохион (Афендикю), посвященный Богородице Одигитрии, и две небольшие дворцовые церкви — св. Софии и Богородице Перивлептос (середина XIV в.). В их архитектуре соединяется старый базиликальный тип постройки с крестово-купольным зданием. Наряду с чисто византийской архитектурой в них, правда, уже встречаются западные черты: стрельчатые арки, колокольни, скульптурные украшения. Еще большее воздействие западной готической архитектуры сказалось на внешнем облике церкви монастыря Пантанасса (XV в.), отличающейся значительным эклектизмом.

В живописи Мистры преобладают фресковые росписи, созданные в различное время и отражающие эволюцию византийского искусства XIV—первой половины XV в. Влияние столичного искусства здесь было весьма сильным. В более ранних фресках черты нового, палеологовского стиля соединяются с архаическими элементами. В росписях середины XIV в. окончательно торжествует новый предренессансный стиль, во многом близкий к живописи Кахрие-Джами. Лица персонажей выписаны сочными мазками, преобладает светлый, нежный колорит. Все фрески сложны по композиции и иконографии. В иконографии наблюдается увлечение историческими и

апокрифическими сюжетами. Многофигурные сцены отличаются напряженностью, движения порывисты, подчеркивается многоплановость и пространственность композиций. Необычайно усложняются архитектурные фоны, изобилующие деталями, иногда бытового характера. Выдерживается гармоническое сочетание пропорций фигур и пейзажа, различные масштабы фигур на переднем и заднем планах создают впечатление пространственности. В отдельных росписях легкость фигур, динамизм, полетность рождает иллюзию парения. Особенно это ощущается во фресках церкви Перивлентос и Пантанассы. В этих произведениях XV в. все время нарастает драматизм, напряженность, композиции делаются еще более многофигурными, сюжеты разнообразными, возрастает их эмоциональная насыщенность. В изображении отдельных персонажей наблюдаются портретные черты, построение сцен отличается свободой и непринужденностью. Вместе с тем именно в живописных композициях XV в. появляется некоторая сухость, линейность, лица прорисовываются тонкими графическими линиями, одеяния распадаются на мелкие складки. Все эти черты были характерны для общей эволюции предренессансного стиля в Византии в сторону возврата к классическому искусству предшествующего времени. Мистра — последний очаг неозеллинизма на византийской почве — в то же время была и местом создания последней крупной школы византийской живописи, сохранившей в XIV и даже в XV в. лучшие достижения предренессансного искусства.

Поздневизантийское искусство в целом остается далеким от реализма, оно сохраняет верность спиритуалистическим традициям, человеческие фигуры, оставаясь в ретроспективе, так и не обретают объема и телесности, красочные плоскости так и не сменяются светотеневой моделировкой, а фантастические декорации фона не вытесняются интерьером. Более того, как известно, в последние десятилетия существования Византийской империи в искусстве, как и во всей идеологической жизни, вновь полностью побеждают реакционно-мистические начала, в живописи сухость, линейная графичность берет верх над сочностью и красочностью некоторых лучших творений палеологовского Ренессанса, динамичная экспрессивность вновь сменяется неподвижностью. Блестящий взлет палеологовского Возрождения оказался кратковременным, и расцветший на почве Мистры и в Кахрие-Джами хрупкий цветок предренессансного искусства

быстро увял под холодным дыханием аскетических идей исихазма и канонизированного эстетства господствующей церкви. Византийское искусство накануне гибели империи как бы окончательно застыло в угасающем величии. Скользящее воздействие традиционализма мешало саморазвитию византийского художественного творчества и, может быть, послужило одной из причин, не давших искусству Византии подняться до вершин западноевропейского Ренессанса. Искусство Византии как бы остановилось на пороге, так и не перейдя заветной черты, отделявшей средневековое спиритуалистическое художественное творчество от полнокровного, чувственного реалистического искусства Возрождения.

* * *

Одним из самостоятельных греческих государств, возникших после латинского завоевания на территории Византии, была Трапезундская империя (1204—1461). Во главе этого государства встали внуки последнего византийского императора из династии Комнинов Андроника I — Алексей и Давид, принявшие титул Великих Комнинов.

Культура Трапезундской империи отличалась значительным своеобразием. Известная изолированность от других крупных центров Византии, пестрый этнический состав населения, тесные связи с Грузией, Крымом, мусульманским миром на Востоке и с Италией, особенно с Венецией и Генуей, на Западе — все это определило открытость культуры Трапезунда восточным и западным влияниям, соединявшимся с византийскими традициями. В XIII в. ученые Трапезунда занимаются переводческой деятельностью в широких масштабах — они переводят с персидского и арабского языков на греческий различные трактаты по астрономии, математике, медицине, фармакологии. Им были доступны философские и художественные сочинения армянских, грузинских, персидских мыслителей. Разумеется, знакомство с литературой Востока значительно обогащало и культуру Трапезунда. Однако доминирующая роль в этом синтезе принадлежала все же культуре греков. Литература Трапезунда была преимущественно грекоязычной, хотя со значительными вкраплениями местных диалектов. Византийские традиции, правда подвергшиеся значительной переработке, господствовали почти во всех сферах художественного и науч-

ного творчества. В литературе мы встречаемся с многообразным жанром — историческими сочинениями, житиями местных святых, риторическими произведениями, а в XIV—XV вв. — с философскими трудами полемического характера. XV век для Трапезунда был богат яркими талантами, такими, как ученые и писатели Иоанн Евгеник, Георгий Амирутци, а в определенный период и Виссарион Никейский.

Иоанн Евгеник (около 1400 — около 1455) — церковный деятель и писатель, подобно своему брату Марку Евгенику, епископу Эфеса, был ярким антиуниатом и боролся против латинофилов. Среди его многочисленных сочинений богословские трактаты, церковные гимны, поэтические эпитафии и экфрасисы. Он хорошо знал не только богословскую литературу, но и труды античных философов. За свою антиуниатскую деятельность Иоанн Евгеник был сослан из Константинополя, где он жил, в свой родной город Трапезунд. Его перу принадлежит исполненный поэзии и любви к природе экфрасис в честь этого прекрасного города. Трапезунд — «вершину и око всей Азии» — он сравнивает с пиршественным столом, дающим пропитание многим и собирающим для ученых бесед выдающихся мудрецов. После падения Константинополя под ударами турок Иоанн Евгеник написал «Плач» о гибели столицы Византии, проникнутый глубочайшим горем и наполненный возвышенными патриотическими чувствами. Этот «Плач» был вскоре переведен на славянский язык и пользовался большой популярностью в Русском государстве.

Политик, философ, писатель, государственный деятель XV в. Георгий Амирутци (начало XV в. — 1475 г.) — фигура поистине ренессансная, исполненная глубочайших противоречий: карьерист авантюристического склада, любитель земных наслаждений, ловкий дипломат и беспринципный политик, он не раз менял свою политическую позицию. По поручению византийского императора Иоанна VIII Палеолога Амирутци участвовал в заседаниях Ферраро-Флорентийского собора, где открыто отстаивал идею заключения унии. Вернувшись в Трапезунд, натолкнулся на решительное сопротивление унии со стороны духовенства и двора и тотчас перешел в стан ортодоксов. Он вел переписку и сотрудничал с Марком Эфесским, Иоанном Евгеником и Георгием Схоларием. Во время осады Трапезунда турками в 1461 г. Амирутци занимал двойственную позицию и после окончательной

победы турок, видимо, примкнул к туркофилам. Во всяком случае, он благосклонно был принят при дворе султана и образованностью привлек внимание нового владыки. Султан Мехмед II, рядившийся в тогу мецената и поклонника эллинской мудрости, поручил Амирутци составление карты мира по Птоломею и вел с ним беседы о сущности христианства. Амирутци писал льстивые панегирики в честь султана, сравнивая его с великими героями древности — Ахиллом и Александром Македонским. Как и Критовул, он мечтал, что султан станет мудрым правителем эллинов. Конформизм, близкий к политической беспринципности, приспособленчество, правда объяснимое тяжкой судьбой греческих государств, павших жертвами турецкого завоевания, соединялись у Амирутци с глубокими научными познаниями, оригинальностью мышления, ярким поэтическим дарованием. В философских трактатах Амирутци, подобно итальянским гуманистам, ставил проблему свободы воли и права выбора человеком пути к спасению, скептически относился к идее мученичества за веру, считая, что многие явления природы обусловлены не божественным провидением, а естественными причинами. Как и гуманисты, он склонялся к рационализму в науке, отводил опытному знанию примат в развитии естествознания, много занимался математикой, астрономией, географией и медициной. Элементы религиозного скептицизма у него сочетались с пантеизмом, а индивидуализм в сфере этики окрашивался порою в эгоистические тона. Негативные стороны мировоззрения Амирутци и его беспринципная жизненная позиция позволяют увидеть в нравственном облике трапезундского мыслителя черты, которые А. Ф. Лосев назвал «оборотной стороной титанизма». Амирутци поддерживал тесные связи с итальянскими гуманистами, в частности с Леонардо Бруни и Франческо Филельфо. Энциклопедизм, широта философско-религиозных воззрений, внимание к человеческой личности, рационалистические взгляды на природу, уважение к античной науке сближают Георгия Амирутци с византийскими и итальянскими гуманистами.

Виссарион Никейский, уроженец Трапезунда, на всю жизнь сохранил научные связи с учеными и писателями империи на Понте. Любовь к Трапезунду с особой силой проявилась в его замечательном «Похвальном слове» родному городу. Маленький литературный шедевр в изысканном стиле античных экфрасисов он одновременно проникнут теплым, порою трепетным чувством восхище-

ния красотою города и его архитектурных памятников, величием его прошлого, красочностью настоящего.

А красота Трапезунда, его дворцов и храмов, действительно, заслуживала восхищения и высокой похвалы. В течение всей истории Трапезундской империи в столице нового государства велась широкая строительная деятельность. Стены города отстраивались и укреплялись, город украшался дворцами императоров и знати, домами богатых горожан, множеством церквей. Уже в XIII в. начали складываться специфические черты трапезундской архитектуры. Основным типом церкви стала базилика с одним куполом, чаще всего трехнефная с двумя или тремя апсидами. Купол опирался на четыре свободно стоящие опоры, причем колонны часто имели резные капители ранневизантийского типа. Именно таким был главный храм Трапезунда — св. София (1245—1255). Эта церковь должна была стать символом могущества новой империи и заменить Софию Константинопольскую.

Другим выдающимся памятником трапезундского зодчества был храм св. Евгения, патрона этого города (40-е годы XIV в.) — купольная базилика, украшенная портиками и элегантною внешней отделкой. В художественном творчестве Трапезунда наблюдается синтез греческих архитектурных и живописных форм с чертами, характерными для искусства Грузии и стран Востока. Но греческая основа трапезундской культуры явно преобладала, и поэтому культуру Трапезунда справедливо считают одной из самобытных ветвей византийской цивилизации.

После падения Константинополя в 1453 г. судьба Трапезундской империи была предрешена. Последние годы существования Трапезундского государства прошли в борьбе против турок. Захватив Морею и острова Эгейского моря, султан Мехмед II Фатих стал готовиться к захвату Трапезунда. Богатый город — эмпорий на берегах Понта — был лакомым куском для завоевателя.

В августе 1461 г. Трапезунд был сдан без боя после коротких переговоров турецкого визиря с Георгием Амрутци, фактическим правителем государства. Давид Комнин, все его родные и знатные вельможи Трапезунда были пленниками отправлены в Константинополь к султану. Через два года Давид Комнин был казнен. Трапезундская империя перестала существовать.

Заключение

Каков же вклад византийской цивилизации в культуру средневековья? Византийская культура — это закономерный этап развития европейской и всей мировой культуры, этап, имевший свои специфические, неповторимые типологические особенности. Для их вычленения важным ориентиром могут служить такие факторы: в Византии существовала языковая и конфессиональная общность в рамках единого государственного образования (при всей многоэтничности Византийская империя имела одно главное этническое ядро — греков, в ее культурной жизни преобладал греческий язык); в Византии господствовала христианская религия в ее особой православной форме; в Византийской империи всегда сохранялась устойчивая государственность и централизованное управление; византийскую культуру отличало от культуры стран Западной Европы наличие элементов восточных цивилизаций; как по своему географическому, этническому и экономическому положению Византия была своеобразным «золотым мостом» между Востоком и Западом, так и в культурном развитии Европы она была связующим звеном между западной и восточной культурами.

При этом происходил плодотворный синтез культур Востока и Запада. На различных этапах культурного развития Византии в этом синтезе получали преобладание то восточные, то западные элементы. Так, в ранние периоды вплоть до второй половины XI в. в культуре Византийского государства, как и в его общественной жизни, доминировали восточные влияния, а начиная с правления династии Комнинов в связи с развитием интенсивных экономических и политических связей с Западом новые импульсы получило воздействие западноевропейской культуры. Культурные контакты Византии с Западной Европой, особенно с Италией, достигли своей кульминации в XIII—XV вв. Зарождение и в Византии, и в Италии предренессансных течений в культуре, постоянное ознакомление с их достижениями способствова-

ли взаимному обогащению культур и ускорили развитие гуманизма как общеевропейского явления.

Поэтому первой типологической особенностью византийской культуры является синтез западных и восточных элементов в различных сферах материальной и духовной жизни общества. Однако в этом синтезе всегда сохранялась греко-римская основа. Античные традиции никогда не исчезали в Византии, и хотя бывали периоды их временного затухания, всякий раз они воскресали с новой силой. Средневековая христианская Византия как бы хочет, но не может сбросить с себя одежды античной культуры и все вновь и вновь обращается к этому источнику. Поэтому вторым важным типологическим отличием византийской культуры является, на наш взгляд, сохранение в Византии в значительных масштабах культурного наследия античности. Объективной исторической закономерностью, породившей эту типологическую особенность Византии, были, разумеется, основные тенденции общественного и политического развития империи. Для византийской культуры проблема культурного наследия, в частности наследия античности, как известно, играла первостепенную роль. Сила традиций, стереотипов в византийской культуре и искусстве была очень велика. Однако не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать масштабы сохранения античного наследия в Византии. Степень устойчивости элементов античности в различных сферах культурной жизни была далеко не одинаковой. И почти всюду рождались новые идеи, складывались новые философско-богословские, политические, этические и эстетические воззрения. Не континуитет, а постоянная идейная борьба старого с новым — вот доминанта как общественной, так и культурной жизни Византии. Вместе с тем не следует забывать, что традиции античной цивилизации послужили основой развития в Византии гуманистических идей, а переданные на Запад, они во многом оплодотворили европейскую культуру эпохи Ренессанса.

Некоторые другие особенности византийской культуры были порождены существенными различиями между восточной православной и западной католической церквами. Различия эти сказывались в своеобразии философско-богословских воззрений православных теологов и философов христианского Востока, в догматике, литургике, обрядности православной церкви, в системе христианских этических и эстетических ценностей Византии.

Не меньшее воздействие на культуру Византии оказало и своеобразие государственного строя империи. Сохранение в Византии централизованной империи и сильной императорской власти оказало большое влияние на идеологию и культуру Византии. В отличие от раздробленной средневековой Европы Византийская империя сохранила государственные политические доктрины Рима и культ императора, что нашло отражение в различных сферах культурной жизни общества. Это составляет, на наш взгляд, еще одно важное типологическое отличие византийской культуры по сравнению с западноевропейской.

В Византии при все возрастающем влиянии христианства все же никогда не затухало и светское художественное творчество. Необычайный расцвет Константинополя — этого крупнейшего центра средневекового мира, превосходившего вплоть до XIII в. богатством и блеском своей цивилизации современные ему Лондон, Париж, Венецию и Флоренцию, способствовал сохранению светской городской культуры. Культ империи и императора давал импульс как развитию придворной столичной культуры, так и сближению светской и церковной идеологии. В Византии всегда жила полнокровной жизнью светская культура и образованность, связанная, с одной стороны, с византийской аристократией и городской интеллигенцией, а с другой — черпавшая могучие импульсы из народной культуры.

Мы наметили лишь главные типологические особенности византийской культуры: синтез греко-римской, восточной и западной культур с преобладанием первой, длительное и устойчивое сохранение античных традиций, отличие православной религии от католической, господство государственной доктрины и доминирующая роль столицы, приведшие к централизации византийской культуры, сохранение светской городской культуры и образованности. Это главные, но далеко не единственные особенности культуры Византии.

Византийская цивилизация оказала глубокое и устойчивое воздействие на развитие культур многих стран средневековой Европы. Ареал распространения влияния византийской культуры был весьма обширен: Сицилия, Южная Италия, Далмация, государства Балканского полуострова, Древняя Русь, народы Закавказья, Северного Кавказа и Крыма — все они в той или иной степени соприкасались с византийской образованностью. Наиболее

интенсивно византийское культурное влияние, естественно, сказывалось в странах, где утвердилось православие, связанное прочными нитями с константинопольской церковью. Византийское влияние сказывалось в области религии и философии, общественной мысли и космологии, письменности и образования, политических идей и права, оно проникало во все сферы искусства — в литературу и зодчество, живопись и музыку. Через Византию античное и эллинистическое культурное наследие, духовные ценности, созданные не только в самой Греции, но и в Египте и Сирии, Палестине и Италии, передавались другим народам. Влияние византийской культуры в средние века во многом являлось продолжением распространения тысячелетних культурных традиций греко-римского и восточноэллинистического мира в страны Юго-Восточной и Восточной Европы. Восприятие элементов византийской цивилизации в Болгарии и Сербии, Грузии и Армении, в Древней Руси способствовало дальнейшему прогрессивному развитию их культур. Со стороны правящих классов перечисленных стран это было обращением к самым высоким образцам, наиболее изысканным духовным ценностям, созданным средневековой Европой. Как правило, степень эффективности проникновения византийского влияния зависела не только от активности Византийского государства и православной церкви, но и от уровня развития дохристианской народной культуры. Чем выше был уровень самобытной местной культуры, чем более прочно сохранились в ней локальные традиции и элементы народного творчества, тем ограниченнее было воздействие византийской цивилизации. Еще важнее то, что перенесенные на чужеземную почву иноязычных местных культур духовные ценности, созданные Византией, как правило, подвергались здесь глубокой трансформации, начинали как бы новую жизнь, приобретали совсем иные черты под воздействием национальных творческих начал. Итак, культуре Византии по праву принадлежит видное место в развитии Европы. Культурное влияние Византии, как известно, пережило саму империю. Поэтому византийская цивилизация вызывает живой интерес у людей современной эпохи.

Примечания

Введение

- ¹ *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // *Византийский временник*. 1980. 41. С. 46—47. (Далее: ВВ).
- ² См. например: *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван. 1969; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981; *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- ³ *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. С. 32—33.
- ⁴ *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969; *Арнольдов А. И.* Культура и современность. М., 1973; *Он же.* Основы марксистско-ленинской теории культуры. М., 1976; *Межуев В. М.* Культура и история. М., 1977; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М., 1980; *Он же.* Культурная деятельность. М., 1981; *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972.
- ⁵ *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. С. 35 и сл.; *Он же.* Очерки теории культуры. Ереван. 1969. С. 11 и сл.; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 47—77; *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов. 1979; *Артановский С. Н.* Некоторые проблемы теории культуры. Л., 1977.
- ⁶ *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы... С. 46.
- ⁷ *White L.* The science of culture. N. Y., 1949; *Idem.* Essays in the science of culture. N. Y., 1959; *Idem.* The concept of cultural systems. N. Y., 1975. Ср.: *Krober A. I., Parsons T.* The concept of culture and of social system // *Amer. Sociol. Rev.* 1958. Oct. Vol. 23; *Parsons T.* Culture and social system revisited // *The idea of culture in the social science.* Cambridge, 1973.
- ⁸ *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы... С. 47.
- ⁹ *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970; *Hausig H.-W.* A history of Byzantine civilization. L., 1971; *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974.
- ¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 176.
- ¹¹ *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы... С. 52—53.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ *Жуков Е. М.* Некоторые проблемы методологии истории. М., 1977. С. 8.
- ¹⁴ См.: *Культура Византии IV — первой половины VII в.* М., 1984. Т. 1. С. 8; *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы... С. 53.
- ¹⁵ *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций: (Историко-типологические исследования) / Под ред. акад. Е. М. Жукова. М., 1975. С. 124—157; *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Там же. С. 107—123; *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии // ВВ. 1974. 36. С. 3—30; *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа (типологические наблюдения) // *Византийские очерки*. М., 1977. III. С. 3—65, (Далее:

ВО); *Udalzowa Z.* Einige Besonderheiten des Feudalismus in Byzanz // *Gesellschafts-Wissenschaften*. Moskau, 1978. Bd. 2(12). S. 192—206; *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы... Раздел: К вопросу о типологии византийской культуры. С. 54—67; *Она же.* Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в. // *Культура Византии...* Т. 1. С. 668—684.

¹⁶ *Маркьян Э. С.* Теория культуры... С. 19.

¹⁷ *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы... С. 56.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ *Культура Византии...* Т. 1. С. 11.

Глава 1

¹ *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии // ВО. М., 1974. I. С. 3—25. Библиогр.

² *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* Генезис феодализма в странах Европы // XIII Междунар. конгр. ист. наук (Москва, 16—23 августа 1970 г.): Докл. конгр. М., 1973. Т. 1, ч. 4.

³ *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. С. 124—157.

⁴ *Ostrogorsky G.* Stadt und Gesellschaft der frühbyzantinischen Zeit // *Historia mundi*. Bern, 1956. Bd. 6. S. 556—569.

⁵ *Сюзюмов М. Я.* Дофеодалный период // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1972. Вып. 7. С. 3—41. (Далее: АДСВ); *Он же.* Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. 1974. 35. С. 3—18.

⁶ *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.), Л., 1962; *Он же.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—XII вв. Л., 1971.

⁷ *Чекалова А. А.* Константинополь в VI в.: Восстание Ника. М., 1986.

⁸ *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.

⁹ *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976; *Она же.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981; *Перегерский И. С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956.

¹⁰ *Удальцова З. В.* Дипломатия ранней Византии в изображении современников // *Культура Византии...* Т. 1. С. 371—393; *Кобещанов Ю. М.* Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII в.). М., 1980.

Глава 2

¹ См.: *Аверинцев С. С.* Эволюция философской мысли // *Культура Византии...* Т. 1. С. 42—77. Библиогр.: с. 690—691.

² *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. М., 1979; *Соколов В. В.* Средневековая философия. М., 1979; *Уколова В. И.* Особенности культурной истории Запада (IV — первая половина VII в.) // *Культура Византии...* Т. 1. С. 78—97.

³ *Аверинцев С. С.* Эволюция философской мысли // *Культура Византии...* Т. 1. С. 66—71.

⁴ *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974; *Она же.* Из истории византийской культуры раннего средневековья // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. М., 1972. С. 260—293; *Она же.* Развитие исторической мысли // *Культура Византии...* Т. 1. С. 119—271. Библиогр.: с. 692—695.

- ⁵ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // Вестник древней истории. 1954. № 4. (Далее: ВДИ); *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. С. 7—82.
- ⁶ *Удальцова З. В.* Мирозозрение Прокопия Кесарийского // ВВ. 1974. 31. С. 8—22.
- ⁷ *Левченко М. В.* Византийский историк Агафий Миринейский и его мирозозрение // ВВ. 1950. 3. С. 63 и сл.
- ⁸ *Удальцова З. В.* К вопросу о мирозозрении византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты // Сборник радова византологичког Института. Београд. 1968. Т. 11. С. 29—45. (Далее: ЗРВИ).
- ⁹ *Удальцова З. В.* Церковные историки ранней Византии // ВВ. 1981. 43. С. 3—21; *Она же.* К вопросу о мирозозрении византийского историка Евагрия // ВВ. 1969. 30. С. 63—72.
- ¹⁰ *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908; *Удальцова З. В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии // ВВ. 1983. 44. С. 3—21.
- ¹¹ *Удальцова З. В.* Мирозозрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 1971. 32. С. 3—23.
- ¹² *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв.: (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник). М.; Л., 1945; *Чекалова А. А.* Иешу Стилит или Прокопий? // ВВ. 1981. 42. С. 71—66; *Удальцова З. В.* Из византийских хронографий VII в.: (Иоанн Лаврентий Лид., Пасхальная хроника) // ВВ. 1984. 45. С. 54—65.
- ¹³ *Левченко М. В.* Синезий в Константинополе и его речь «О царстве» // Учен. зап. ЛГУ. 1951. Вып. 18, № 130; *Курбатов Г. Л.* Риторика // Культура Византии... Т. 1. С. 331—357.
- ¹⁴ *Курбатов Г. Л.* Классовая сущность учения Иоанна Златоуста // Ежегодник музея религии и атеизма. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 80—106; *Он же.* Демократизм в политической жизни византийского общества и города // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. С. 173—178.
- ¹⁵ *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; *Он же.* На перекрестке литературных традиций: (Византийская литература: истоки и творческие принципы) // Вопр. лит. 1973. № 2; *Он же.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17—64; см. также: Византийская литература/Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1974.
- ¹⁶ *Самодурова З. Г.* Школа и образование // Культура Византии... Т. 1. С. 478—503. Библиогр.: С. 703—704; *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая школа // Палестинский сборник. 1966. Вып. 15(78). С. 130—140. (Далее: ПС).
- ¹⁷ *Самодурова З. Г.* Естественнонаучные знания // Культура Византии... Т. 1. С. 408—431.
- ¹⁸ *Дитмар А. Б.* География в античное время. М., 1980; *Бордин О. Р.* Развитие географической мысли // Культура Византии... Т. 1. С. 432—466; *Он же.* «Космография» Равеннского Анонима: (К вопросу о ее месте в истории географической науки) // ВВ. 1982. 43. С. 54—63.
- ¹⁹ *Удальцова З. В.* Косьма Индикоплов и его «Христианская топография» // Культура Византии... Т. 1. С. 467—477; *Она же.* Страницка из истории византийской культуры: (Косьма Индикоплов и его «Христианская топография») // ВДИ. 1977. № 1. С. 206—212;

Wolska N. La Topographie chretienne de Cosmas Indicopleustes. P., 1962.

- ²⁰ Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977. *Он же*. Образ как категория византийской эстетики // ВВ. 1973. 34. С. 151—168; *Он же*. Эстетика поздней античности (II—III вв.). М., 1981.
- ²¹ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 9—53; Лухачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв. М., 1981. С. 12—86; Grabar A. La peinture byzantine. Genève, 1953.
- ²² Browning R. Justinian and Theodora. L., 1971; Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // ВВ. 1986. 46. С. 20—51.
- ²³ Удальцова З. В. Своеобразие общественного развития Византийской империи: Место Византии во всемирной истории // История Византии. М., 1971. Т. 3. С. 304—341; *Она же*. Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в. // ВДИ. 1984. № 1. С. 3—26.

Глава 3

- ¹ История Византии. М., 1967. Т. 2, ч. 1. С. 5—102; Ostrogorsky G. The Byzantine empire in the world of the seventh century // Dumbarton Oaks Papers. 1953. Vol. 13. P. 1—21. (Далее: DOP).
- ² Византийский Земледельческий закон/Текст, исслед., коммент. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведева, Е. К. Пиотровской. Л., 1984; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры, VIII — первая половина IX в. М.; Л., 1961; Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону // ВВ. 1956. 10; Удальцова З. В., Осипова К. А. Крестьянство в Византии // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 397—406.
- ³ Ostrogorsky G. Byzantine cities in the Early Middle Ages // DOP. 1959. Vol. 13. P. 18; Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. 1967. 27.
- ⁴ Эклога: Византийский законодательный свод VIII в./Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965; Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981; *Она же*. Византийское право между Эклогой и Прохионом // ВВ. 1974. 36. С. 45—72; Сюзюмов М. Я. Морской закон // АДСВ. Свердловск. Вып. 6.
- ⁵ Ostrogorsky G. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929; *Idem*. Les débuts de la Querelle des Images // Mélanges Ch. Diehl 1. 1930. P. 235—255; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества... С. 170—211; Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии. Свердловск, 1948; *Он же*. Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода // ВВ. 1963. 22. С. 199—226.
- ⁶ Липшиц Е. Э. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. // ВДИ. 1940. № 1(6); *Она же*. Очерки истории византийского общества... С. 212—228; Lemerle P. Thomas le Slave // Travaux et mémoires. 1965. Vol. 1. P. 255—297; Удальцова З. В., Осипова К. А. Крестьянство в Византии. С. 423—425.
- ⁷ Ангелов Д. Богомилството в България. С., 1961; Липшиц Е. Э. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. // ВВ. 1952. 5; Бартикян Р. М. Источники для изучения павликианского движения. Ереван. 1961; Loos M. Le mouvement

- paulicien à Byzance // *Byzantinoslavica*. 1963. Т. 24; 1964. Т. 25. (Далее: BS). *Удальцова Э. В.* Византия и Западная Европа // *ВО*. 1977. III. С. 60—63.
- ⁸ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1, гл. 5. С. 53—61.
- ⁹ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: («Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора). М., 1980.
- ¹⁰ Нижеследующие переводы даны по кн.: *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества... С. 309—337.
- ¹¹ *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества... С. 338—366.

Глава 4

- ¹ *Лигаарин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977; *Он же.* Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. // *ВВ*. 1975. 35.
- ² *Ostrogorsky G.* Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Amsterdam, 1969; *Idem.* La commune rurale byzantine // *Byzantion*. 1962. Vol. 32. P. 132—166.
- ³ *Сюзюмов М. Я.* Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. // *ВВ*. 1951. 4; Византийская книга Эпарха/Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. Библиогр.: с. 268; *Липшиц Е. Э.* К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. // *ВВ*. 1953. 6; *Сюзюмов М. Я.* Роль городов-эмпориев в истории Византии // *ВВ*. 1958. 13; *Он же.* Экономика пригородов византийских крупных городов // *ВВ*. 1956. 11; *Он же.* Трудовые конфликты в Византии // *ВО*. М., 1971.
- ⁴ *Наследова Р. А.* Внутреннее развитие византийского города в XI—XII вв. // XV Congr. intern. d'étud. byzantines: Rapp. et Congr. Athènes, 1976; *Она же.* Ремесло и торговля в Фессалонике конца IX — начала X в. // *ВВ*. 1956. 8; *Лигаарин Г. Г.* Процент законной прибыли и процент налога в византийском городе X—XI вв. // *АДСВ*. 1973. Вып. 10.
- ⁵ *Ostrogorsky G.* Die Pronoia unter den Komnenen // *ЗРВИ*. 1970. Т. 12. С. 41—54; *Idem.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.
- ⁶ *Chalandon F.* Les Comnènes. P., 1900—1912. Т. 1—2; *Hohlweg A.* Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965.
- ⁷ *Сюзюмов М. Я.* Разделение церквей в 1054 г. // *ВДИ*. 1956. № 8.
- ⁸ *Заборов М. А.* Крестовые походы. М., 1956; *Робер де Кларв.* Завоевание Константинополя/Пер. ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1986.

Глава 5

- ¹ История Византии. Т. 2. С. 354—420.
- ² Античность и Византия: Сб. ст./Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975.
- ³ *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978; Византийская литература/Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1974; Памятники византийской литературы IX—XIV вв./Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1969.
- ⁴ Византийский сатирический диалог/Сост. С. В. Полякова, И. В. Феленковская. М., 1986. С. 5—21, 142—147.
- ⁵ *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978; *Он же.* Пселл в

- отношениях с современниками // ПС. 1971. Вып. 23(186); *Он же*. Пселл в отношениях с современниками // ВВ. 1973. 35 и др.
- ⁶ *Кечакмадзе Н. Н.* Из истории общественной мысли в Византии в XI в. // ВВ. 1968. 29. С. 170—176; *Успенский Ф. И.* Богословское и философское движение в Византии в XI—XII вв. // Журн. м-ва нар. просвещения. 1891. Ч. 277. (Далее: ЖМНП); *Stéphano P. Jean Italos, philosophe et humaniste*. Roma, 1949.
- ⁷ *Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в./Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972.*
- ⁸ *Любарский Я. П.* Михаил Пселл: Личность и творчество. С. 130—152.
- ⁹ *Комнина А.* Алексиада/Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965.
- ¹⁰ *Попова Т. В.* Византийская народная литература. М., 1985. С. 17.
- ¹¹ *Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964.* Библиогр.: с. 215—217. (Лит. памятники); *Баргикян Р. М.* Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите // ВВ. 1964. 25; *Попова Т. В.* Византийская народная литература. С. 18—137.
- ¹² *Кузьмина В. В.* Девгениево деяние. М., 1962.
- ¹³ Византийский сатирический диалог. С. 71—128, 171—177; *Соколова Т. М.* Еще одно византийское «подражание» Лукиану // Античность и Византия. С. 195—202.
- ¹⁴ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. 2-е изд. М., 1986. Т. 1—2; *Он же.* Константинополь и национальные школы в свете новых открытий // ВВ. 1960. 17. С. 93—104.
- ¹⁵ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. С. 71—72.
- ¹⁶ *Алпатов М. В.* Проблемы изучения византийской живописи // Этюды по истории русского искусства. М., 1967; *Он же.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. 1956. 12. (Далее: ТОДМ); *Он же.* Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве // Труды секции искусствознания. М., 1928. 2. С. 108—112.
- ¹⁷ *Гранстрем Е. Э.* К вопросу о византийском минускуле // ВВ. 1958. 13.
- ¹⁸ *Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV вв. Л., 1981; *Она же.* Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV вв. в собраниях Советского Союза. М., 1977; *Она же.* Искусство книги: Константинополь, XI в. М., 1976; Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978; *Вагнер Г. К.* Византийское искусство в трудах В. Д. Лихачевой (1937—1981) // ВВ. 1984. 45. С. 121—139.
- ¹⁹ *Банк А. В.* Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960; *Она же.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966; *Она же.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978. А. В. Банк была одним из главных организаторов выставки византийского искусства в Ленинграде и Москве в 1975—1976 гг. См.: Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Вып. 1—3.
- ²⁰ *Даркевич В. П.* Путиями средневековых мастеров. М., 1972; *Он же.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975; *Он же.* Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX—XIII вв.: (По материалам художественного ремесла). М., 1976.

- ²¹ *Джанполоаян Р. М.* Средневековое стекло Двина, X—XIII вв. Ереван, 1974.
- ²² *Лазарев В. Н.* История Византийской живописи. Т. 1. С. 113—122; *La Sicile et ses tresors d'art.* Palermo. 1978.

Глава 6

- ¹ *Карпов С. П.* Латинская Романия // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 86—96. (Далее: ВИ); *Longnon J.* L'empire latin de Constantinople. P., 1949; *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
- ² *Жаворонков П. И.* У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. 38. С. 30—37.
- ³ *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад // ВВ. 1974. 36. С. 100—124; *Он же.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. // ВВ. 1976. 37. С. 48—61; *Он же.* Никейская империя и Восток // ВВ. 1978. 39. С. 93—104; *Он же.* Никейско-болгарские отношения при Иване II Асене (1218—1241) // ВО. III. С. 195—209; *Он же.* Никейско-трапезундские отношения в 1213—1223 гг. // ВО. 1982. С. 183—190; *Он же.* Никейская империя и княжества Древней Руси // ВВ. 1982. 43. С. 81—89; *Он же.* Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита // ВВ. 1986. 47. С. 125—133.
- ⁴ *Литаврин Г. Г.* Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии // XV Congr. intern. d'étud. byzantines: Rapp. et co-rapp. Athènes, 1976. Vol. 1.
- ⁵ *Успенский Ф. И.* Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929; *Успенский Ф. И., Бенешевич В. В.* Вазелонские акты. Л., 1927; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981; *Он же.* Особенности развития поздневизантийского города — эмпория: (Трапезунд в XIII—XV вв.) // ВО. 1977. С. 79—106; *Он же.* Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. 38. С. 38—47; *Он же.* Венецианско-трапезундский конфликт 1374—1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. // ВВ. 1978. 39. С. 102—109.
- ⁶ *Баршинок В. И.* Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911; *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891; История Византии. М., 1967. Т. 3, гл. 2—4, 14, 15, 16.

Глава 7

- ¹ *Осипова К. А.* Восстановленная Византийская империя: Внутренняя и внешняя политика первых Палеологов // История Византии. Т. 3. С. 72—96.
- ² *Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962; *Хвостова К. В.* Аграрно-правовые отношения в Византии XIV—XV вв. // История Византии. Т. 3. С. 97—109; *Она же.* Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М., 1980; *Она же.* Расслоение поздневизантийских крестьян // ВВ. 1980. 41. С. 3—20; *Острогорский Г.* К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. 13.
- ³ *Горянов Б. Т.* Византийский город XIII—XV вв. // ВВ. 1958. 13. Tafrali: Thessalonique au XIV s. P., 1912; *Francés E.* La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et au XIVe s. // BS. 1955. Т. 16, N 1; *Скрябинская Е. Ч.* Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ. 1947. 1; *Она же.* Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. 2. С. 245—266.

- ⁴ Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. 1983. 44. С. 81—87; *Он же*. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV—середина XV в.) // ВВ. 1986. 47. С. 17—23.
- ⁵ Медведев И. П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- ⁶ Сюзюмов М. Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. // ВВ. 1968. 20. С. 15—37; *Он же*. Социальная сущность движения зилотов в Фессалине в 1342—1349 гг. // Учен. зап. ПГУ. Секция «История науки». 1966. № 143. С. 86—92.
- ⁷ Вернер Э. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1324—1349 гг. // ВВ. 1960. 18. С. 179—191; Курбатов Г. Л. Зилоты и чопи // ВВ. 1969. 30. С. 3—37.
- ⁸ Франчес Э. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания // ВВ. 1959. 15. С. 71—100; Смирнов Н. А. Значение «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя // ВВ. 1953. 7. С. 50—71; Удальцова З. В. О внутренних причинах падения Византии в XV в. // ВИ. 1953. № 7. С. 102—120; *Она же*. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. 7. С. 93—121; Schlumberger G. Le siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453. P., 1915.
- ⁹ Армянские хронисты о падении Константинополя/Предисл. А. С. Анасян; Пер. С. С. Аревшатына // ВВ. 1953. 7. С. 444—446; Багешский А. Плач о столице Стимболе/Пер. С. С. Аревшатына // Там же. С. 463; Мещерский Н. А. «Рыдание Иоанна Евгеника» и его древнерусский перевод // ВВ. 1953. 7.

Глава 8

- ¹ Beck H. G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im XIV. Jh. München, 1952.
- ² История Византии. Т. 3, гл. 14, 15; Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959; Захаржевская О. Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 85—95.
- ³ Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е годы XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46—57; *Она же*. Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 45—52; *Она же*. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин: К вопросу о политической концепции середины XIV в. // ВВ. 1980. 41. С. 173—182; *Она же*. Понимание социальных проблем византийскими авторами середины XIV в. // ВВ. 1979. 40. С. 9—21; *Она же*. Общественно-политическая мысль в Византии (40—60-е годы XIV в.). Свердловск, 1981.
- ⁴ Хартман Г. М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма // ВВ. 1959. 15. С. 100—124.
- ⁵ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976; Masai F. Pléthon et le platonisme de Mistra. P., 1956.
- ⁶ Удальцова З. В. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского // Вестн. МГУ. 1947. № 1; *Она же*. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении уний // ВВ. 1950. 3. С. 106—132; *Она же*. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. 36. С. 74—97.

- ⁷ *Удальцова З. В.* Философские труды Виссариона Никеийского и его гуманистическая деятельность в Италии // ВВ. 1963. 35. С. 75—88.
- ⁸ *Поляковская М. А.* Этические проблемы «Слова против ростовщиков» Николая Кавасилы // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 77—84; *Она же.* О памфлете Николая Кавасилы // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 149—158; *Она же.* Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 77—88.
- ⁹ *Красавина С. К.* Дука и Сфрандзы об унии православной и католической церквей // ВВ. 1967. 27; *Джагацян Е. Д.* Мироззрение византийского историка XV в. Георгия Сфрандзы // Кавказ и Византия. Ереван, 1982. Т. 3. С. 45—63.
- ¹⁰ *Красавина С. К.* Мироззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки // ВВ. 1973. 34. С. 97—111; *Она же.* К вопросу о византийской историографии XV в. // Науч. тр. Кубан. ун-та. 1975. Т. 192. С. 111—125.
- ¹¹ *Веселаго Е. Б.* Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. 1957. 12. С. 198—202; *Она же.* Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде // ВВ. 1958. 14. С. 190—199.
- ¹² *Удальцова З. В.* К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критувула // ВВ. 1957. 12. С. 172—197; *Она же.* Борьба партий во время турецкого завоевания по данным византийского историка Критувула // СВ. 1951. Вып. 3. С. 161—179.
- ¹³ Византийский сатирический диалог: Мазарис/Пер. С. В. Поляковой, И. В. Феленковской. Л., 1986. С. 72—128; 158—165. (Лит. памятники); *Соколова Т. М.* Византийская сатира: (Три византийские «Путешествия в загробное царство») // Византийская литература. М., 1974. С. 122—158.
- ¹⁴ Византийская любовная проза. М.; Л., 1965; *Полякова С. В.* Из истории византийского романа. М., 1979; *Алексидзе А. Д.* Мир греческого рыцарского романа XIII—XIV вв. Тбилиси, 1979.
- ¹⁵ *Мелегинский Е. М.* Средневековый роман. М., 1983.
- ¹⁶ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. С. 158—162; *Брунов Н. И.* Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Л.; М., 1966. Т. 3. С. 157 и сл.; *Шмит Ф. И.* Кахрие-Джами // Известия русского археологического института в Константинополе. С., 1906. Т. 11; *Он же.* Мозаики и фрески Кахрие-Джами // Там же. С., 1902. Т. 8.
- ¹⁷ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. С. 160.
- ¹⁸ *Лихачева В. Д.* Искусство Византии... С. 235 и сл.; *Demus O.* Die Entstehung des Paläologenstils. München, 1958; *Айналов Д. В.* Византийская живопись XIV в. Пг., 1914; *Grabar A.* La peinture byzantine. Genève, 1953; *Manso C.* Architettura bizantina. Milano, 1978; Искусство Западной Европы и Византии. С. 245—285; *Underwood P. A.* The Kahriye-Djami. N. Y., 1966. Vol. 3; *Алпатов М. В.* О мозаиках Кахрие-Джами // Этюды по истории русского искусства. С. 56—62.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Образование великой империи. Новый Рим на берегу Босфора	12
Глава 2. Рождение новой идеологии. От язычества к христианству	41
Глава 3. Империя в опасности. Натиск арабов. Реформы Исавров. Иконоборчество	78
Глава 4. Подъем Византийского государства. Феодальная знать у власти. Комнины между Западом и Востоком	105
Глава 5. Расцвет культуры в XI—XII веках. Зарождение рационализма	125
Глава 6. Латинское завоевание. Государства на территории империи и их культура	191
Глава 7. Поздняя Византия. Начало конца	210
Глава 8. Последний взлет византийской культуры. Гуманизм против исихазма	230
Заключение	276
Примечания	280

Из истории мировой культуры

«Наука»

Книга знакомит читателя с важнейшими особенностями и явлениями культуры Византии на всем протяжении существования Византийской империи (IV — середина XV в.).

